N 34/98-2

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЗАМБЕЗИ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ.

ТОМЪ II.

Водопадъ Мамвера, первый или наименѣе высокій изъ Мурчисоновскихъ водопадовъ.

№ 34/98

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ЗАМБЕЗИ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ

И ОТКРЫТІЕ ОЗЕРЪ ШИРВА И НІАССА (1858 — 1864).

ДАВИДА ЛИВИНГСТОНА И ЧАРЛЬСА ЛИВИНГСТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. СТРАХОВА.

Съ политипажами.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, домъ Рудакова.*

1867.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1867 г.

9790-40

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. БОЛЬФА (СПБ., КАРАВАННАЯ, № 24).

2007098253

ПРЕДИСЛОВІЕ *).

Цѣлью моею было дать въ предлагаемомъ сочиненіи сколь возможно болѣе ясное представленіе о неизслѣдованныхъ еще странахъ съ бассейнами ихъ рѣкъ, ихъ естественными произведеніями и удобствами и представить моимъ землякамъ, какъ и всякому другому, интересующемуся дѣломъ гуманности, бѣдствіе, вносимое во внутреннія страны распространеніемъ торга невольниками:—предметъ, судить о которомъ я и мои спутники первые имѣли случай. Восемь лѣтъ, проведенныхъ мною въ Африкѣ, послѣ изданія въ свѣтъ послѣдняго моего сочиненія, не улучшили, чего я и опасался, моей способности писать по-англійски; но я надѣюсь, что то, чего въ моихъ описаніяхъ недостаетъ въ отношеніи ясности и авторскаго искусства, вознаградится нѣкоторымъ образомъ новизною изображенныхъ сценъ и новыми данными объ этомъ проклятіи Африки и позорѣ, который еще теперь, въ девятнадцатомъ столѣтіи, лежитъ на одной изъ европейскихъ націй, — о торгѣ невольниками.

*) Встрѣчающіяся въ этомъ сочиненіи монеты, мѣры и вѣсъ оставлены, какъ не представляющія особаго затрудненія, англійскія. То же въ особенности должно помнить о миляхъ. — Добавленія, о которомъ упоминается въ первомъ томѣ, стр. 130 въ примѣчаніи, не послѣдовало; содержаніе его находится во второмъ томѣ, стр. 91 и слѣд.

Я взялъ «Леди Ніасса» въ Бомбай съ положительною цѣлью продать ее и могъ бы сдѣлать это безъ всякаго затрудненія; но при мысли разстаться съ нею сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь пробудилось чувство отвращенія оставить восточный берегъ Африки португальцамъ и торгу невольниками, и я рѣшился прежде, чѣмъ выпущу изъ своихъ рукъ маленькое судно, поспѣшить домой и посовѣтоваться съ своими друзьями. Поэтому, помѣстивши двухъ мальчиковъ изъ аджавá въ школу къ знаменитому миссіонеру, почтенному д-ру Вильсону, и достаточно озаботившись о туземныхъ судовщикахъ, я отправился съ тремя бѣлыми матросами въ отечество и прибылъ въ Лондонъ 20 іюля 1864 г. Мистеръ и мистриссъ Уэббъ, мои достолюбезнѣйшіе друзья, писали въ Бомбай и приглашали меня, на случай моего прибытія въ Англію, сдѣлать своей главной квартирой Ньюстэдское Аббатство. При моемъ прибытіи они возобновили приглашеніе, и хотя я, принявши его, не имѣлъ намѣренія такъ долго загоститься у моихъ великодушныхъ друзей, однако же, прожилъ у нихъ до апрѣля 1865 г. и подъ ихъ кровлею написалъ по дневникамъ своему собственному и моего брата всю предлагаемую книгу. Я упоминаю объ ихъ неизмѣнной дружбѣ съ самой сердечной благодарностью. Знакомство мое съ мистеромъ Уэббъ началось въ Африкѣ, гдѣ онъ былъ смѣлымъ и счастливымъ охотникомъ; его дружба имѣетъ для меня высокую цѣну, потому что онъ видѣлъ миссіонерскіе труды и не удостоилъ бы меня своимъ вниманіемъ и уваженіемъ, если бы не думалъ, что я и мои братья должны считаться людьми честными, серьезно стремящимися исполнить свою обязанность.

Правительство поддержало предложеніе королевскаго географическаго общества, сдѣланное моимъ другомъ, сэромъ Родерикомъ Мурчисономъ, и соединилось съ этой корпораціей, чтобы помочь мнѣ при второй попыткѣ открыть Африку для цивилизующихъ вліяній, а одинъ высокопочитаемый господинъ далъ съ

этою же цѣлью тысячу фунтовъ стерлинговъ. Я имѣлъ намѣреніе идти внутрь страны на сѣверъ отъ области, на которую португальцы изъявляютъ претензіи въ Европѣ, и постараться положить на восточномъ берегу начало той же системѣ, которая была такъ богата послѣдствіями на западномъ берегу: — системѣ, по которой стѣсняющія торгъ невольниками усилія крейсеровъ ея величества соединяются съ законною торговлей и христіанскими миссіями, приведшими къ столь отраднымъ нравственнымъ и матеріяльнымъ результатамъ. Я надѣюсь подняться по Ровума или по какой-нибудь другой рѣкѣ къ сѣверу отъ мыса Дельгадо и постараюсь, пройдя вдоль сѣвернаго конца озера Ніасса и вокругъ южнаго конца озера Танганіика, сверхъ другихъ работъ изучить водораздѣлъ этой части Африки. Я имѣю при этомъ желаніе не опровергнуть то, что съ такимъ трудомъ и опасностью разузнали Спэкъ и Грантъ, а скорѣе подтвердить ихъ блистательныя открытія.

Съ благодарностью долженъ я упомянуть о предупредительной готовности, съ которой лордъ Россель предоставилъ мнѣ рисунки, снятые художникомъ, прикомандированнымъ въ первый разъ къ экспедиціи. Эти эскизы, вмѣстѣ съ фотографіями Чарльза Ливингстона и д-ра Кирка, послужили существеннымъ матеріяломъ для иллюстрацій. Также и друзьямъ моимъ, профессору Оуэну и мистеру Озуэлю, заявляю я мою искреннюю благодарность за многія драгоцѣнныя замѣчанія и другаго рода помощь при составленіи этого сочиненія.

Ньюстедское аббатство, 16 апрѣля 1865 г.

ПРИПИСКА КЪ ПРЕДИСЛОВІЮ.

Честь, которую я охотно желалъ бы воздать лиссабонскимъ государственнымъ людямъ, за искреннее желаніе положить конецъ торгу невольниками, какъ я извѣдалъ на опытѣ, совершенно и вполнѣ не заслужена. Они поручили монсиньору Лацерда постараться затереть рядомъ статей въ португальскомъ офиціальномъ журналѣ факты, сообщенные мною собранію Британскаго Общества распространенія наукъ въ Батѣ. Ихъ министръ иностранныхъ дѣлъ пожертвовалъ съ того времени частью денегъ своего правительства, чтобы перевести статьи монсиньора Лацерда и пустить въ ходъ въ формѣ англійскаго сочиненія. Въ этомъ офиціальномъ документѣ нѣтъ ничего яснѣе бросающагося въ глаза, кромѣ самаго крайняго невѣжества относительно географіи страны, о которой они утверждаютъ, что не только знаютъ ее, но и владѣютъ ею. Темное мѣсто, приведенное изъ какого-то стариннаго писателя, о двухъ болотахъ ниже Мурчисоновскихъ водопадовъ принимается за положительное доказательство того, что прежніе обитатели Сенна, одного селенія, лежащаго на Замбези, не встрѣчали никакого затрудненія при плаваніи вверхъ по Шире до озера Ніасса, гдѣ новѣйшіе путешественники, на протяженіи 35 миль, нашли подъемъ въ 1,200 футовъ. Широкое, мелкое озеро съ сильнымъ теченіемъ, о кото-

ромъ синьоръ Кандидо говоритъ, что посѣтилъ его на сѣверо-западѣ отъ Тетте, принято было за узкое, глубокое озеро Ніасса, въ которомъ вовсе нѣтъ теченія, и которое лежитъ почти на сѣверо-востокъ отъ того же пункта. Также сдѣлано сильное нападеніе и на то, что открытіе главныхъ источниковъ Нила приписывали Спэку и Гранту, а не Птоломею и Ф. Лобо.

Но главная цѣль португальскаго правительства вовсе не географическая. Она состоитъ въ томъ, чтобы подкрѣпить то притязаніе на власть, которое было единственнымъ препятствіемъ къ учрежденію законной торговли и установленію дружественныхъ отношеній къ туземнымъ обитателямъ восточной Африки. Предстоящее сочиненіе предста́вляетъ богатое подтвержденіе всего того, что было заявлено мною въ собраніи Британскаго Общества въ Батѣ, и я могу здѣсь прибавить, что это-то неоправдываемое притязаніе на власть надъ 1,360 милями береговой линіи,—отъ Англійской рѣки до мыса Дельгадо, гдѣ португальцы на самомъ дѣлѣ мало имѣютъ дѣйствительной власти,—держитъ туземцевъ въ вѣчномъ варварствѣ. Португальцы запретили всякую торговлю иностранцамъ, исключая весьма немногихъ мѣстъ, гдѣ они учредили таможни. Даже тутъ они чрезмѣрнымъ и затруднительнымъ тарифомъ и отдѣльными пошлинами совершенно удалили туземцевъ отъ всякой комерціи, кромѣ торга невольниками.

Обратимся съ юга на сѣверъ и бросимъ взглядъ на огромную береговую линію моря, относительно которой португальцы стараются заставить думать въ Европѣ, что она принадлежитъ имъ. На заливѣ Делагоа стоитъ маленькій фортъ, называемый Лоренцо Марквесъ, но за стѣнами его нѣтъ ничего. Въ Ингамбане они, съ дозволенія туземцевъ, занимаютъ узкую полосу земли. Софала лежитъ въ развалинахъ, а къ сѣверу отъ Квиллимане на 690 миляхъ у нихъ одинъ только маленькій окопъ, защищаемый вооруженнымъ баркасомъ въ устьѣ рѣки Ангокса, чтобы препятствовать иностраннымъ судамъ заводитъ тамъ торговлю. Затѣмъ

на Мозамбикѣ у нихъ маленькій островъ, на которомъ стоитъ фортъ, и пространство около трехъ миль въ длину на материкѣ, на которомъ у нихъ нѣсколько помѣстій, защищаемыхъ отъ враждебныхъ покушеній только тѣмъ, что они уплачиваютъ туземцамъ ежегодную дань, называя это «содержаніемъ черныхъ на жалованьѣ». Поселеніе долго было въ упадкѣ относительно торговли и вліянія. Въ видѣ гарнизона въ немъ было нѣсколько сотенъ больныхъ солдатъ, запертыхъ въ фортѣ, который едва ли можно назвать безопаснымъ, даже вмѣстѣ съ близлежащимъ маленькимъ коралловымъ островомъ. На островъ Ибо или Ибоэ свозится несмѣтное множество невольниковъ, но мало торговли какого-либо другаго рода. Въ заливѣ Помба возведенъ небольшой фортъ, но очень сомнительно, устоитъ ли онъ еще, такъ какъ попытка образовать тамъ поселеніе совершенно не удалась. За поля, воздѣлываемыя португальцами на правомъ берегу Замбези, они платятъ дань зулу. Общее же вліяніе притязанія на власть и затрудненія торговли то, что независимые туземные владѣтели доводятся до торга невольниками, какъ единственной предоставленной имъ торговли.

Англійскому правительству изъ достовѣрныхъ документовъ, лежащихъ въ адмиралтействѣ и въ иностранномъ министерствѣ, хорошо извѣстно, что въ ноябрѣ 1864 г., два мѣсяца спустя послѣ моей рѣчи въ Батѣ, когда судно ея величества «Успѣхъ» потребовало въ Мозамбикѣ наказанія тѣхъ, которые сдѣлали насиліе людямъ на катерѣ съ судна ея величества «Лира» близъ одной рѣки, находящейся въ 45 миляхъ на юго-западъ отъ Мозамбика, — нынѣшній генералъ-губернаторъ объявилъ, что онъ надъ тамошними туземцами не имѣетъ никакой власти. Они никогда не были покорены и, составляя прекрасное и сильное племя, охотно вступили бы въ торговыя сношенія съ иностранцами, если бы португальцы съ молчаливаго согласія европейскихъ правительствъ не удалили ихъ отъ торговли и вся-

кого цивилизующаго вліянія ложнымъ завѣреніемъ о своей власти надъ ними.

Это португальское притязаніе на господство составляетъ проклятіе, тяготѣющее надъ негритянской расой на восточномъ берегу Африки, и скоро было бы уничтожено, если бы не имѣло нравственной поддержки, которую извлекаетъ изъ уваженія, оказываемаго ему нашимъ (англійскимъ) флагомъ. Императоръ Наполеонъ III пренебрегъ имъ въ отношеніи къ «Charles et Georges», между тѣмъ какъ мозамбикское правительство не одинъ разъ спасено было отъ низверженія только помощью англійскихъ матросовъ. Наша (англійская) эскадра на восточномъ берегу стоитъ ежегодно свыше 7,000 фунтовъ стерлинговъ, и мы, приноравливаясь къ мнимой власти португальцевъ, достигаемъ только отчасти подавленія торга невольниками и не получаемъ никакихъ коммерческихъ выгодъ, послѣдовавшихъ отъ прямаго сношенія съ туземцами на западномъ берегу. Король Португаліи предложилъ новый законъ объ уничтоженіи невольничества; но такъ какъ никогда не было принято мѣръ, чтобы привести въ исполненіе подобныя уже прежде дѣланныя установленія, то этотъ законъ не внушаетъ мнѣ никакого довѣрія, и мы можемъ считать его только новымъ заявленіемъ объ еще болѣе широкомъ примѣненіи системы, поддерживающей варварство. Монсиньоръ Іацерда своей ревностной защитой безсознательно показалъ, что настоящія мнѣнія его довѣрителей рѣшительно за невольничество. Скорѣе великій фактъ, что американцы освободили себя отъ кошмара невольничества и, вѣроятно, не потерпятъ въ португальской націи продолженія разбойнической торговли, вызвалъ недавнюю рѣчь короля португальскаго, чѣмъ мнѣнія его министерства.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Синамане. - Плаваніе въ челнахъ. — Моэмба. — Палисады для черпающихъ воду. — Великодушіе батока. — Мы покупаемъ одинъ челнъ. — Муравьиные львы. — Стадо бегемотовъ. — Водопадный докторъ Кариба. — Альбиносы между людьми и бегемотами. — Мы встрѣчаемъ секваша, который не совсѣмъ такъ черенъ, какъ его рисуютъ. — Туземный способъ привѣтствовать. — Карибуа. — Смѣлый поступокъ макололо. — Завтракъ прерывается Мамбо Казан. — Обѣдъ исчезаетъ вслѣдствіе коварной помощи. — Банаи. — Быстрины Кебрабаза. — Д-ръ Киркъ въ опасности. — Прискорбная потеря рукописей и пр. — Смерть одного изъ нашихъ ословъ. — Обѣдъ à la Панзо. — Мы достигаемъ Тетте 23 ноября. — Люди на всѣ руки. — Обманъ, въ который впалъ король Португаліи.

Народъ, подвластный Синаманс, воздѣлываетъ огромныя количества табаку, который они заготовляютъ въ видѣ шаровъ для рынка макололо. Двадцать шаровъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ около трехъ четвертей фунта, продаются за одинъ заступъ. Табакъ засѣвается на низменныхъ влажныхъ мѣстахъ по берегамъ Замбези, и въ то время, какъ мы тамъ были, въ октябрѣ, онъ стоялъ въ цвѣту. Народъ Синамане, повидимому, имѣетъ въ изобиліи пищу; люди всѣ толстые и сильные. Онъ могъ продать намъ только два свои челна, но ссудилъ еще три, чтобы доставить насъ до селенія Моэмба, гдѣ, какъ онъ думалъ, мы могли купить другіе. Челны были снабжены его собственными судовщиками, которые должны были привести ихъ назадъ. Рѣка, шириною около 250 ярдовъ, весело течетъ между высокими берегами на

сѣверовостокъ. Ниже селенія Синамане берега вымыты футовъ на пятьдесятъ въ глубину, и состоятъ изъ кремней и песка вулканическихъ породъ, иногда заключенныхъ въ содержащей желѣзо рудной жилѣ. Дно состоитъ изъ чистаго рѣчнаго песка и кремней; какъ оно образовалось, мы не можемъ себѣ представить; можетъ быть песокъ происходитъ изъ ямъ, находящихся дальше вверхъ въ глубокой трещинѣ. Выше водопадовъ дно, за исключеніемъ немногихъ на немъ стоящихъ скалъ, представляетъ обыкновенно песокъ или рыхлый известнякъ. Каждое влажное мѣсто покрыто маисомъ, тыквами, арбузами, табакомъ и коноплей. По обѣимъ сторонамъ рѣки довольно многочисленное населеніе изъ батока. Когда мы медленно спускались по рѣкѣ, жители привѣтствовали насъ съ береговъ хлопаньемъ въ ладоши. Одинъ старшина тоже пожелалъ намъ счастливаго пути и принесъ богатый подарокъ хлѣбомъ и тыквами.

Моэмба владѣетъ плодороднымъ островомъ, называемымъ Мозанга, который длиною въ одну милю и на которомъ расположено его селеніе. Онъ славится какъ храбрый воинъ и несомнѣнно большой говорунъ; но намъ, чужеземцамъ, онъ далъ нѣчто получше потока словъ. Мы получили великолѣпный подарокъ хлѣбомъ и самыми жирнѣйшими козами, какихъ мы только когда-нибудь видали; коза была съ барана. Его подданные были такъ же щедры, какъ ихъ владѣлецъ. Они принесли двѣ большія корзины хлѣба и партію табаку, въ видѣ общей дани путешествующимъ. Отсюда, постаравшись получить свое вознагражденіе, одинъ изъ судовщиковъ Синамане бѣжалъ, вернулся назадъ до истеченія условленнаго времени и разсказалъ, что англичане будто бы украли челны. На слѣдующее утро, вскорѣ по восходѣ солнца, въ селеніе пришелъ Синамане съ пятью своими „длинными копьями“, очевидно рѣшившись силою взять назадъ свою собственность; въ то же мгновеніе онъ увидѣлъ, что судовщикъ обманулъ его. Моэмба поддразнилъ его, сказавъ, что онъ вышелъ на охоту за утками. „Челноки оставлены вамъ здѣсь у меня;

люди ваши всѣ разсчитаны и англичане только-что просили меня продать имъ мои челны.“ Синамане мало говорилъ съ нами; онъ замѣтилъ только, что слуга обманулъ его. Единственное замѣчаніе ихъ владѣтеля очевидно внезапно повергло глупыхъ людей въ большой страхъ и уныніе. Синамане былъ къ намъ весьма дружелюбенъ, и такъ какъ онъ смотрѣлъ, когда мы давали нашъ подарокъ Моэмба, то мы предложили ему еще нѣсколько бусъ и разстались добрыми друзьями. Моэмба, слышавшій, что мы собирали подданныхъ Синамане, чтобы повѣствовать имъ о явленіи нашего Спасителя и помолиться съ ними, соединилъ съ нашимъ прибытіемъ понятіе о воскресеньи, и, прежде еще чѣмъ было ему предложено что-нибудь такое, пришелъ и просилъ, чтобы ему и его подданнымъ позволили „повоскресничать“, какъ ихъ сосѣдямъ, и чтобы мы дали ему немножко сѣмянъ пшеницы и плодовыхъ деревъ, — просьба, которую, естественно, мы очень охотно исполнили. Мысль, что можно молиться непосредственно Высочайшему Существу, повидимому, хотя она для всѣхъ не совершенно нова, такъ сильно запечатлѣлась въ душахъ ихъ, что они ее никогда не забудутъ. Синамане говорилъ, что онъ молится богу Моруиго и приноситъ ему жертвы изъ питья. Онъ, правда, слышалъ о насъ, но еще никогда не видалъ бѣлыхъ людей.

Когда мы торговали челны у Моэмба, мы съ радостію замѣтили, что онъ хочетъ поступить съ нами честно и правдиво. „Наша цѣна высока; но у него осталось только два челна. Одинъ хорошъ — онъ его намъ продастъ; другой онъ не хочетъ продать намъ, потому что у него скверное свойство опрокидываться и выбрасывать все, что̀ въ немъ находится, въ рѣку. Онъ думаетъ ссудить намъ два свои собственные большіе челна до тѣхъ поръ, пока мы ниже не получимъ возможности купить другіе.“ Лучшіе челны изготовляются изъ одного большаго вида терпистой акаціи. Эти деревья стояли теперь въ сѣменахъ и нѣкоторые туземцы варили стручки въ водѣ и отваръ подмѣшивали къ своему пиву,

чтобы увеличить опьяняющія свойства его. Во времена большой нужды въ хлѣбѣ бобы употребляются и въ пищу, но они очень вяжутъ.

Мы расположились въ селеніи Маконде, чтобы купить челнъ. У нихъ какъ разъ шло веселье: пѣли, плясали и пили свое необыкновенно крѣпкое пиво. Намъ тотчасъ принесли цѣлый большой кувшинъ. Владѣтель говорилъ немного; его ораторъ позаботился за него говорить и торговаться, и, повидимому, ему хотѣлось показать, какъ ловко онъ можетъ дѣлать и то и другое. На краяхъ рѣки стояло много маленькихъ палисадовъ; они были выстроены тамъ для защиты женщинъ отъ крокодиловъ, когда онѣ наполняютъ свои водоносы. Это шагъ впередъ сравнительно съ португальцами; ибо хотя въ Сенна и Тетте ежегодно уносится крокодилами много женщинъ, однако же жизнь этихъ бѣдныхъ водоносицъ такъ мало озабочиваетъ господъ, что они никогда не думаютъ устроить хотя бы только простой заборъ для ихъ охраны. Д-ръ Ливингстонъ попытался возбудить патера въ Тетте напомнить объ этомъ предметѣ и обѣщалъ самъ пожертвовать двадцать долларовъ, если бы послѣ обѣдни учрежденъ былъ сборъ; но патеръ только улыбался, подергивалъ плечами и ничего не сдѣлалъ.

Журавли съ красивыми хохлами, называемые по ихъ пѣнію „тавангъ“, видимы были ежедневно и начинали спариваться. Большія стаи шпорнокрылыхъ гусей, или мачикве, были обыкновенны. Эти гуси, какъ говорятъ, кладутъ свои яица въ мартѣ. Видѣли мы и пару египетскихъ гусей, точно также булавоносыхъ, или, какъ ихъ называютъ въ Индіи, гребенчатыхъ гусей. Когда у египетскихъ гусей, какъ въ настоящее время, есть птенцы, то гусенята всегда такъ плотно держатся сзади своей матери, что, кажется, какъ будто они составляютъ часть ея хвоста, и оба родителя, когда птенцы на берегу, совершенно какъ наши ржанки, чтобы отвлечь преслѣдователя, притворяются хромыми. Также и страусъ слѣдуетъ примѣру чибисовъ, которому не подражаетъ ни одно

изъ четвероногихъ: они являются готовыми на бой, чтобы защитить своихъ птенцовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ обрывистый берегъ былъ покрытъ отверстіями, ведущими въ гнѣзда пчелоѣдовъ. Когда мы проходили мимо, эти птицы сотнями вылетали оттуда. Когда красногрудый видъ опускается на деревья, то придаетъ имъ видъ, какъ будто онѣ покрыты красной листвой.

Къ вечеру 11-го октября насъ догналъ шедшій сухимъ путемъ отрядъ нашъ; значительное число людей были такъ любезны, что несли свои связки на себѣ. Они получили по дорогѣ цѣнные подарки жизненными припасами. Одному подарили козу, другому куръ и маису. Они стали думать, что у этихъ батока „есть сердце“, хотя сначала, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые оказали кому-нибудь несправедливость, были недовѣрчивы къ нимъ и обвиняли ихъ въ ненависти къ макололо и въ готовности убить каждаго, кто имъ попадался. Хищническія толпы макололо и подвластныхъ имъ батока сдѣлали прежде нападеніе именно на эти селенія. Съ нѣкотораго времени Молока былъ въ большой тревогѣ и въ страхѣ; его слуга Раніеу исчезъ за день до того, и онъ былъ увѣренъ, что батока захватили его въ плѣнъ и убили. Нѣсколько минутъ спустя этотъ Раніеу пришелъ съ двумя мужчинами, которые нашли его, когда онъ блуждалъ по заходѣ солнца, дали ему ужинъ и убѣжище и проводили его къ намъ, неся его ношу на себѣ.

Утромъ 12-го октября тянулись мы по дикой холмистой странѣ, съ прекрасными лѣсными ландшафтами по обѣимъ сторонамъ, но съ малымъ населеніемъ. Самыми большими деревьями были обыкновенно терпистыя акаціи огромнаго обхвата и красивыхъ формъ. Такъ какъ мы миновали нѣсколько селеній не останавливаясь, то обитатели были встревожены и бѣжали по берегамъ съ копьями. Мы попросили одного пойти впередъ и сказать Мпанде, что мы идемъ. Это успокоило ихъ; мы вышли на берегъ и завтракали около большаго, съ двумя селеніями, острова, противъ устья

Зунгве, гдѣ мы на нашемъ пути въ Сешеке покинули Замбези. Мпанде сожалѣлъ, что не можетъ продать ни одного изъ своихъ собственныхъ челновъ, но хотѣлъ ссудить намъ два. Онъ далъ намъ вареныхъ тыквъ и арбузъ. У его слуги было боковое искривленіе позвоночнаго столба. Намъ часто случалось видѣть горбатыхъ, но это былъ единственный случай такого рода искривленія, который намъ попался. Мпанде самъ сопровождалъ насъ на своихъ собственныхъ судахъ, пока мы не нашли случая купить красивый большой челнъ. Мы заплатили за него,—что́ было сочтено за высокую цѣну,—двѣнадцать нитей синихъ струйчатыхъ стеклянныхъ шейныхъ бусъ, такое же число большихъ синихъ величиною въ дѣтскіе игральные шарики и два ярда сѣраго коленкора. Если бы бусы были грубѣе, то цѣнились бы выше, потому что такая была мода. Передъ окончаніемъ торга собственникъ говорилъ: „Его сердце сокрушается о челнокѣ его, и мы должны еще что-нибудь прибавить, чтобы утишить его сокрушеніе.“ Этому нельзя было противиться. Торговое общество Секваша, встрѣченное нами, выторговало десять большихъ новыхъ челновъ, давши за каждый по шести нитей дешевыхъ грубыхъ бѣлыхъ бусъ или, что́ все равно по цѣнѣ, по четыре ярда коленкора, и совершенно за безцѣнокъ купило слоновьей кости столько, что нагрузило ихъ всѣ. Они занимались также и торгомъ невольниками, что въ этой странѣ Африки представляло нѣчто новое и, вѣроятно, скоро измѣнитъ характеръ туземцевъ. Эти люди жили какъ зайцы въ клеверѣ и были необыкновенно толсты и жирны. Когда ихъ посылали торговать, то невольники навѣрно не знали мѣры въ употребленіи пива и всего другаго, что́ могли купить за товары своего господина.

Насѣкомыя, называемыя муравьиными львами (Myrmeoleo), попадаются въ весьма большомъ числѣ на песчаныхъ мѣстахъ подъ тѣнистыми деревьями, даже тамъ, гдѣ немного муравьевъ. Эти терпѣливыя созданія лежали тогда въ засадахъ и въ это время года у нихъ много необыкно-

венной работы. Сильные вѣтры засыпаютъ ихъ ямки наноснымъ пескомъ и едва они старательно выбросятъ его, какъ песокъ наносится снова и такимъ образомъ они находятся въ постоянной дѣятельности, пока не уляжется вѣтеръ.

Температура Замбези съ августа возвысилась на 10°, теперь достигла она 80°. Воздухъ по захожденіи солнца накаленъ былъ до 96°, и такъ какъ около воды онъ былъ прохладнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, то мы устроивали наши постели обыкновенно у самаго края рѣки, хотя тамъ угрожала намъ опасность со стороны крокодиловъ. Африка отличается отъ Индіи тѣмъ, что воздухъ всегда становится прохладнымъ и освѣжающимъ задолго до возвращенія солнца, и не могло быть никакого сомнѣнія, что мы могли бы выдержать въ этой странѣ солнечный жаръ, который въ Индіи былъ бы смертеленъ. Что здѣсь такъ рѣдки случаи солнечнаго удара, это вѣроятно зависитъ отъ бо́льшей сухости африканской атмосферы. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ д-ръ Ливингстонъ никогда не видалъ и не слыхалъ ни объ одномъ случаѣ, хотя здѣсь рѣдко видны защищающіе отъ солнца индійскіе головные уборы.

Когда вода находится на своемъ почти самомъ низкомъ уровнѣ, мы встрѣчаемъ по мѣстамъ маленькія быстрины, которыхъ, вѣроятно, не бываетъ въ остальное время года. Переночевавши противъ рѣчки Буме, текущей съ юга, 17-го мы спустились по быстринамъ того же имени и утромъ 19-го пришли къ болѣе значительнымъ быстринамъ Накобеле при входѣ въ Кариба. Мококоло превосходно провели челны сквозь отверстіе, находящееся въ плотинѣ. Когда мы вступили въ проходъ, мы встрѣтили болѣе чѣмъ тридцать бегемотовъ; около входа тянется отмель на двѣ трети поперекъ суженной рѣки и они плавали на спокойномъ мѣстѣ сзади ея. Нѣсколько изъ нихъ были на фарватерѣ и наши судовщики боялись спускаться между ними, потому что, какъ они утверждали, въ стадѣ есть обыкновенно какой-нибудь негодяй, который находитъ злобное удовольствіе въ опрокидываніи челновъ. Два или три мальчика на противолежащей скалѣ

проводили время въ томъ, что бросали каменьями въ ужасныхъ животныхъ и попадали иным въ голову. Не трудно было бы перестрѣлять все стадо. Мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, чтобы отогнать ихъ; пули часто отскакивали отъ черепа и наносили вреда не болѣе, какъ школьнику разбитый носъ. Мы убили одного, который поплылъ внизъ по быстрому потоку и былъ преслѣдуемъ значительнымъ числомъ бѣжавшихъ по берегу людей. Съ лѣваго берега одинъ туземецъ окликнулъ насъ и сказалъ, что одинъ мужчина на его сторонѣ знаетъ какъ должно молиться богамъ Кариба; онъ совѣтовалъ намъ нанять его молиться о нашемъ спасеніи, пока спускаемся по быстринамъ, иначе мы навѣрно всѣ утонемъ. Еще никто не отваживался ввѣрять свою жизнь Кариба иначе, какъ только заплативши водопадному доктору или жрецу за его молитвы. Наши люди спрашивали, нѣтъ ли впереди водопада; но онъ отказался дать какое бы то ни было свѣдѣніе: они не на его сторонѣ рѣки; если они вздумаютъ переѣхать, тогда онъ въ состояніи будетъ сказать имъ объ этомъ. Мы переѣхали, но онъ ушелъ въ селеніе. Тогда мы сошли на берегъ и пошли по холмамъ, чтобы посмотрѣть Кариба, прежде чѣмъ ввѣримъ ей наши челны. Теченіе было сильно и на иныхъ мѣстахъ были водовороты, но фарватеръ былъ почти прямой и не было никакого водопада: поэтому мы рѣшились переѣхать. Пока мы осматривали рѣку, наши люди побывали въ селеніи и ихъ угощали пивомъ и табакомъ. Жрецъ, знавшій какъ должно молиться богамъ, господствующимъ надъ быстриной, послѣдовалъ за нами съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, и они были очень изумлены, увидѣвъ, что мы благополучно спускаемся безъ помощи его заклинаній. Туземцы, преслѣдовавшіе мертваго бегемота, нашли его миляхъ въ двухъ ниже и, закрѣпивъ его у одной скалы, сидѣли возлѣ мертваго животнаго на берегу, поджидая насъ. Такъ какъ тамъ было значительное теченіе, и скалистый берегъ былъ неудобенъ для нашего лагеря, то мы взяли бегемота на буксиръ и сказали обитате-

лямъ селенія, что они могутъ слѣдовать за нами и мы дадимъ имъ бо́льшую часть мяса. Крокодилы такъ сильно тормошили мертвечину, что мы, во избѣжаніе опрокинутія челна, скоро увидѣли себя вынужденными довѣрить его волнамъ и оставить спускаться по теченію. Прежде чѣмъ мы нашли удобное мѣсто, гдѣ могли провести ночь, мы должны были спуститься по рѣкѣ еще на столько, что туземцы порѣшили, что мы не намѣрены подѣлиться съ ними мясомъ и ушли назадъ въ селеніе. Мы спали двѣ ночи на мѣстѣ, гдѣ распластали бегемота *). Крокодилы были прилежно заняты тѣмъ, что въ темнотѣ рыскали вокругъ того, что́ было пущено въ рѣку, и яростно хлестали воду своими мощными хвостами. Холмы, расположенные по обѣимъ сторонамъ Кариба, весьма похожи на холмы Кебрабаза; слои наклонены и сворочены во всевозможныхъ направленіяхъ.

Хотя на разстояніи нѣсколькихъ миль холмы обращаютъ Замбези въ узкій каналъ, однако же на ней совсѣмъ нѣтъ быстринъ, кромѣ тѣхъ, которыя находятся близъ входа. Рѣка гладкая и, очевидно, очень глубокая. Въ ущельѣ видно было всего одно человѣческое существо, такъ какъ страна слишкомъ бугриста для воздѣлыванія. Нѣсколько скалъ, расположенныхъ въ водѣ близъ выхода Кариба, на нѣкоторомъ разстояніи имѣютъ видъ укрѣпленія, и если столь большія массы подняты, изогнуты и даже выворочены, то это тотчасъ указываетъ, что какая-то страшная поднимающая и конвульсивная дѣятельность природы заставила, вѣроятно, Кебрабаза, Кариба и водопады Викторіи принять ихъ настоящій видъ; она дѣйствовала послѣ образованія каменнаго угля, такъ какъ этотъ минералъ поднятъ ею вверхъ. При настоящихъ

*) Это животное было жирная самка; она была длиною въ 10 футовъ и высотою въ 4 фута 1 дюймъ. Молодой самецъ, добытый нами дальше вверхъ по рѣкѣ, былъ у загривка 4 фута 3 дюйма высотою и отъ рыла до мѣста прикрѣпленія хвоста 9 футовъ 7 дюймовъ длиною.

спокойныхъ дѣйствіяхъ природы у насъ, вѣроятно, не бываетъ ничего подобнаго.

Когда мы вышли, то расположились лагеремъ на маленькой рѣкѣ Ненделе, въ нѣсколькихъ миляхъ ниже прохода. На западной сторонѣ нижняго конца тѣснины Кариба стоитъ гора Палаби; горная цѣпь, къ которой принадлежитъ она, идетъ поперекъ рѣки и уходитъ на юговостокъ. Чикумбула, гостепріимный старый старшина, подвластный Нчомокела, главному владѣльцу большаго округа, котораго мы не видали, принесъ намъ на слѣдующее утро большую корзину муки и четырехъ куръ, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ пива и комкомъ соли, „чтобы придать пищѣ хорошій вкусъ.“ Чикумбала говорилъ, что имъ вредятъ слоны, объѣдая хлопокъ; но его люди, повидимому, были въ хорошемъ положеніи.

За нѣсколько дней до нашего прибытія они ночью изловили въ ямѣ трехъ буйволовъ, и, не въ состояніи будучи съѣсть ихъ всѣхъ, одного оставили гнить. Въ теченіе ночи вѣтеръ перемѣнился, и отъ мертваго буйвола понесло на мѣсто нашего ночлега; голодный левъ, который не лакомка въ отношеніи къ пищѣ, рылся въ гніющей массѣ, ворчалъ, сверкалъ глазами во время своего пиршества и тревожилъ нашъ сонъ. Дичь всякаго рода находится въ необыкновенномъ множествѣ, особенно отъ этого мѣста внизъ до Кафуэ и точно такъ же на сторонѣ Мозелекаце, гдѣ нѣтъ обитателей. Засуха сгоняетъ всю дичь къ рѣкѣ для питья. Если пройти часъ утромъ или вечеромъ вдоль по правому берегу, то глазу представляется страна, которая кишитъ дикими животными. Являются огромныя стада паллагъ, множество водяныхъ козловъ, куду, буйволовъ, дикихъ свиней, оленей, зебръ и обезьянъ; въ чащахъ со свѣжими слѣдами слоновъ и носороговъ, которые были у рѣки ночью, привлекаютъ на себя взоры франколины, цесарки и миріады горлицъ. Черезъ каждыя нѣсколько миль мы постоянно натыкались на стадо бегемотовъ, спящихъ на какой-нибудь мелкой отмели; тѣла ихъ, лежащія почти всѣ внѣ воды, казались черными

массами скалъ. Когда за этими животными много охотятся, то они становятся относительно осторожнѣе; но здѣсь охотникъ никогда ихъ не тревожитъ, и они располагаются на покой безъ заботы, всегда однако принимая предосторожность спать какъ разъ надъ глубокимъ фарватеромъ, въ который они могутъ нырнуть, если ихъ обезпокоятъ. Если выстрѣлить въ спящее стадо, всѣ они вскакиваютъ на ноги, глядятъ своеобразнымъ тупымъ взглядомъ бегемотскаго удивленія и ждутъ втораго выстрѣла, прежде чѣмъ бросятся въ глубину воды. Нѣсколько миль ниже селенія Чикумбула мы замѣтили въ одномъ стадѣ бѣлаго бегемота. Наши люди никогда еще не видали подобнаго. Цвѣтъ его былъ блекло-красновато-бѣлый, совершенно какъ у альбиноса. Повидимому, онъ былъ отцомъ значительнаго числа другихъ, потому что много было отмѣченныхъ большими свѣтлыми пятнами. Такъ называемый *бѣлый* слонъ точно такой же блекло-красноватый альбиносъ, какъ этотъ бегемотъ. За нѣсколько миль выше Кариба мы замѣтили, что въ двухъ небольшихъ деревняхъ многіе изъ обитателей имѣли подобное же болѣзненное состояніе кожи. Повидимому, на людей и животныхъ дѣйствовало одно и то же вліяніе. Бегемотъ чернаго цвѣта стоялъ одиноко, какъ будто бы онъ былъ выгнанъ изъ стада, и „грызъ“ воду, потрясая своей головой изъ стороны въ сторону въ высшей степени бѣшенымъ образомъ. Это „грызенье воды“ его чудовищною пастью служитъ у бегемота средствомъ „захлопнуть двери“. Когда самка приноситъ двойни, она, какъ говорятъ, одного убиваетъ.

Мы расположились на прекрасномъ, покрытомъ деревьями островѣ Калаби, насупротивъ того мѣста, гдѣ Туба-Мокоро, когда мы поднимались вверхъ по рѣкѣ, читалъ нравоученія льву. Предки жителей, населяющихъ теперь этотъ островъ, владѣли рогатымъ скотомъ. Съ того времени какъ „быки были угнаны,“ страною завладѣли цеце. Никому не извѣстно, откуда являются эти насѣкомыя; къ извѣстному времени года они всѣ исчезаютъ и точно такъ же внезапно появляются снова не извѣстно

откуда. Туземцы такіе точные наблюдатели природы, что ихъ незнаніе изумило насъ въ этомъ случаѣ. Маленькая бухта, въ которой мы высадились и гдѣ женщины черпали воду, была выбрана одинокимъ бегемотомъ для своего мѣстопребыванія. Между скалами бѣгаютъ хорошенькія маленькія ящерицы съ свѣтлосиними и красными хвостами и ловятъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ. Эти невинныя — хотя для новаго пришельца отвратительныя — созданія оказываютъ иногда добрыя услуги человѣку, пожирая огромныя количества разорительныхъ бѣлыхъ муравьевъ.

Въ полдень 24-го октября мы нашли, въ одномъ селеніи ниже Кафуэ, Секваша съ главной толпой его людей. Онъ сказалъ, что въ продолженіе его похода убито было 210 слоновъ; многіе изъ его людей были отличные охотники. При множествѣ животныхъ, видѣнныхъ нами, это было возможно. Онъ разсказывалъ, что, достигнувъ Кафуэ, онъ проходилъ на сѣверъ въ страну Зулу, предки которыхъ когда-то вышли съ юга и ввели нѣкотораго рода республиканскій образъ правленія. Секваша, знаменитѣйшій изъ португальскихъ путешественниковъ, какихъ мы только знаемъ, и онъ хвалится, что можетъ говорить на дюжинѣ различныхъ нарѣчій; однако, къ сожалѣнію, о странахъ и народахъ, видѣнныхъ имъ, онъ можетъ дать только весьма скудный отчетъ, и нельзя особенно полагаться на его разсказы. Но, принимая въ разсчетъ вліянія, подъ которыми онъ былъ воспитанъ, и господствующій въ Тетте недостатокъ воспитательныхъ средствъ, чудо, что есть добрыя черты, которыя иногда обнаруживаются въ немъ. Между его товарами находилось нѣсколько дешевыхъ американскихъ стѣнныхъ часовъ: довольно безполезная мебель для африканской страны, гдѣ ни одинъ человѣкъ не заботится объ искусственномъ измѣреніи времени. У баніан часы эти поставили его въ затрудненіе. Онъ пустилъ ихъ всѣ въ ходъ въ присутствіи владѣтеля; этотъ ужаснулся страшныхъ звуковъ, производимыхъ ими, и принялъ часы за такое же число колдуновъ, сколько ихъ было, которые имѣли

цѣлью нанести всякаго рода зло ему и его народу. Секваша — это было рѣшено — сдѣлался виновнымъ въ миландо или преступленіи и для освобожденія своего долженъ былъ выплатить тяжкій штрафъ выбойкой и бусами. Онъ намекнулъ на дошедшіе до насъ слухи, что онъ убилъ Мпангве, и говорилъ, что не онъ это сдѣлалъ; но въ его отсутствіе имя его было замѣшано въ это дѣло и именно вслѣдствіе невольниковъ, которые между тѣмъ какъ онъ ночью пилъ пиво съ Намакузуру, мужемъ, наслѣдовавшимъ Мпангве, сказали, что они задумали для него убить владѣтеля. Его товарищъ, когда мы встрѣтили его на пути въ Сешеке, не сомнѣвался въ этомъ, потому что старался извинить убійство, говоря, что они поставили теперь честнаго человѣка на мѣсто владѣтеля.

Отъ селенія Томбаніама ниже Замбези полна островами, и свѣжая молодая трава и тростникъ приманиваютъ много буйволовъ. Въ передполуденное время 27-го октября одного застрѣлили. Во время ночи слышали мы отдаленный громъ и мясо испортилось, какъ обыкновенно бываетъ при такомъ состояніи атмосферы, такъ быстро, что на слѣдующее утро его уже нельзя было ѣсть. Въ этомъ случаѣ, когда выбирать было нечего, голодъ сдѣлалъ горькое сладкимъ. То же самое быстрое разложеніе происходитъ и тогда, если мясо повѣсить на четыре или на пять часовъ на высокое дерево; въ часъ или въ два оно дѣлается только нѣжнымъ.

Когда мы, 28-го, расположились на одномъ островѣ близъ Подеборе, трое изъ людей Ма-мбурума принесли намъ въ подарокъ муки и куръ. Ихъ способъ привѣтствовать, имѣющій цѣлью показать тонкое знаніе жизни и придворный этикетъ, состоялъ въ томъ, что, приближаясь съ подаркомъ въ одной рукѣ, они другою хлопали по ляжкамъ, а усѣвшись передъ нами, хлопали въ ладоши; потомъ, передавъ подарокъ нашимъ людямъ, продолжали хлопанье по ляжкамъ, что дѣлали обѣими руками, когда принимали подарокъ отъ насъ, а также и при своемъ уходѣ. Это церемонное обраще-

ніе выполняется съ серьезнымъ видомъ, и можно наблюдать матерей, которыя точно такъ же обучаютъ своихъ дѣтей настоящему хлопанью руками, какъ у насъ учатъ формамъ вѣжливости.

Когда мы проплыли три часа утромъ 29-го, рѣка опять съужалась горами Мбурума, названными Каривуа, въ одинъ фарватеръ, и снова показалась темная быстрина. Она образовывалась двумя теченіями, которыя направлялись скалами къ среднему пункту. Когда мы спускались по ней, люди, посланные съ нами Секелету, поступили очень благородно. Челны спустились безъ предварительнаго осмотра, и огромныя прибойныя волны средняго теченія стали тотчасъ наполнять ихъ. Съ большимъ присутствіемъ духа и ни минуты не медля, два человѣка облегчили челнъ, выскочивъ за бортъ; потомъ они приказали сдѣлать то же одному батока, „такъ какъ бѣлые люди должны быть спасены.“ — „Я не умѣю плавать,“ сказалъ батока. — „Такъ выскочи вонъ и держись за челнъ.“ Онъ такъ и сдѣлалъ въ ту же минуту. Плывя подлѣ, они вели внизъ по быстрому теченію наполнявшіеся водою челны до конца быстрины и потомъ вытащили ихъ на берегъ, чтобы отлить воду. Шлюпка навѣрно могла бы спуститься, но наши челны не выдавались и на футъ изъ воды.

Только благодаря неустрашимости этихъ добрыхъ людей, не было ничего потеряно, хотя все было совершенно вымочено. Эта быстрина находится близъ западнаго конца горъ Мбурума или Каривуа. Ниже ея вскорѣ начинается другая. Когда вода въ рѣкѣ поднимается, то, говорятъ, онѣ вполнѣ выравниваются. На этой самой худшей быстринѣ челны нужно выгружать и вещи переносятся на разстояніи почти ста ярдовъ. Судя по времени, въ которое проплываетъ 100 футовъ кусокъ дерева, мы нашли, что потокъ пробѣгаетъ шесть узловъ въ часъ, — это, между прочимъ, самая большая скорость, какую мы наблюдали на Замбези. Когда люди только-что пригнали плотно къ берегу послѣдній челнъ, задняя часть его откачнулась и попала въ потокъ, и всѣ, за исключеніемъ

одного человѣка, предоставили челнъ теченію. Несчастный прицѣпился къ носу и былъ увлеченъ на средину теченія. Между тѣмъ, какъ онъ крѣпко держалъ, когда долженъ бы былъ дать плыть, опъ вслѣдъ затѣмъ поставилъ жизнь свою на карту тѣмъ, что далъ плыть, когда нужно было крѣпко держать, и въ нѣсколько секундъ былъ поглощенъ страшнымъ круговоротомъ. Его товарищи спустили другой челнъ нѣсколько ниже, поймали его, когда онъ въ третій разъ выплылъ на поверхность, и спасли его, хотя онъ былъ очень измученъ и совершенно холоденъ.

Ландшафтъ этого прохода напомнилъ намъ Кебрабаза, хотя и уступаетъ ей. Полоса той же самой черной блестящей глазури пробѣгаетъ по скаламъ футахъ въ двухъ отъ края воды. На иныхъ холмахъ не было ни былинки, такъ какъ это былъ конецъ обыкновеннаго сухаго времени года, которое слѣдовало за предшествовавшей суровой засухой; однако, на скатахъ холмовъ по мѣстамъ были красивыя зеленыя деревья. На бугристыхъ склонахъ показалось нѣсколько антилопъ; явились тамъ и двое жителей, которые прилегли и распивали кувшинчикъ пива. Проходы Каршуа почти въ тридцать миль длины. Они оканчиваются у горы Роганора. Двѣ скалы, которыя въ то время, какъ мы тамъ были, стояли отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ надъ водою, могли быть покрыты водой при высокомъ уровнѣ и быть опасны. Главная опасность для насъ была — вѣтеръ, такъ какъ совершенно незначительнаго волненія достаточно было, чтобы наполнить челны водою.

1-го ноября прибыли мы въ Зумбо, на устьѣ Лоангва. Такъ какъ вода едва доходила до колѣнъ, то отправлявшійся сухимъ путемъ отрядъ нашъ безъ затрудненій перешелъ вбродъ эту рѣку. На одномъ островѣ, насупротивъ селенія Пангола, нами былъ застрѣленъ буйволъ; пуля засѣла въ селезенкѣ. Мы нашли, что онъ прежде былъ раненъ въ тотъ же самый органъ, потому что тамъ же сидѣла чугунная пуля и рана вполнѣ зажила. По рѣкѣ мы видѣли плывущими большія

массы растенія Pistia stratiotes. По всей этой странѣ правый берегъ густо населенъ людьми и, однако, дичь весьма многочисленна.

Во время нашего завтрака, утромъ 2-го, Мамбо Казан, о которомъ мы ничего не знали, и люди его пришли со своими мушкетонами и огромными пороховницами, чтобы получить дань и плату за дрова, употребленныя нами для варенья кушанья. Но такъ какъ мы на его требованія возразили, что мы англичане, онъ сказалъ: „А! вы англичане? я думалъ, что вы базунгу (португальцы). Они люди, съ которыхъ я беру плату," и извинился въ своей ошибкѣ. Базунгу или азунгу — названіе, даваемое всѣмъ иностранцамъ свѣтлыхъ цвѣтовъ и арабамъ, а также торгующимъ невольникамъ, когда они одѣты. Оно, по всей вѣроятности, значитъ чужой или гость, — отъ zunga, посѣщать или странствовать; — португальцы были единственными чужеземцами, которыхъ когда-нибудь видали эти люди. Такъ какъ мы никакого желанія не имѣли прослыть за людей этой націи, а напротивъ, то мы обыкновенно проводили рѣзкую границу, говоря, что мы англичане, а англичане не покупаютъ и не продаютъ черныхъ людей и не держатъ ихъ при себѣ въ рабствѣ, но желаютъ навсегда положить конецъ торгу невольниками.

Мимоходомъ мы сдѣлали визитъ нашему другу Мпенде. Онъ позаботился о хижинѣ для насъ съ новыми разостланными по полу циновками. Такъ какъ мы сказали ему, что намъ должно спѣшить дальше, потому что близки дожди, то одинъ старый совѣтникъ съ жадностью спросилъ: „Близки они? а обильные дожди будутъ у насъ въ этомъ году?" Мы могли только сказать, что наступаетъ обыкновенное время, въ которое начинаются дожди, и что видны обыкновенные признаки ихъ — огромное множество тянущихся на западъ облаковъ, но что мы знаемъ не больше ихъ самихъ. Иные люди при случаѣ обращаютъ въ свою пользу мнимую легковѣрность туземцевъ, чтобы получить временную выгоду; но африканцы обыкновенно достаточно лукавы для того, чтобы

найти какое-нибудь противорѣчіе, и никто не бываетъ обманутъ кромѣ самого путешественника. Мпенде былъ обвиненъ въ томъ, что въ прошедшую засуху прогналъ облака, и въ возмездіе за свое преступленіе долженъ былъ выплатить тяжкій штрафъ Пондоро. Въ ночь на 4-е былъ штормъ, послѣ котораго вѣтеръ внезапно измѣнился и дулъ внизъ по рѣкѣ, и у насъ былъ громъ, молнія и дождь. На слѣдующее утро температура, какъ воздуха, такъ и воды, упала; вода стала холоднѣе на 7° или до 78°. Въ теченіе дня вокругъ насъ были грозовыя облака; Замбези поднялась на нѣсколько дюймовъ и въ значительной степени окрасилась.

Бегемоты здѣсь осторожнѣе, чѣмъ были вверху, такъ какъ туземцы охотятся съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мы застрѣлили одного на отмели, и наши люди вздумали вытащить его на лѣвой берегъ, чтобы можно было съ бо́льшимъ удобствомъ распластать. Это было прекрасное жирное животное, и всѣ радовались, въ надеждѣ съѣсть жиръ вмѣсто масла съ нашимъ жесткимъ сухимъ печеньемъ изъ туземной муки. Нашъ поваръ былъ отправленъ, чтобы отрѣзать на обѣдъ отборный кусокъ, но воротился съ повергающимъ въ изумленіе извѣстіемъ, что мертвое животное исчезло. Ихъ обманули, и они стыдились сами себя. Значительное число баніан пришли, чтобы помочь имъ выкатить его на берегъ, и увѣрили, что тамъ совершенное мелководье. Они подкатывали его все ближе и ближе къ берегу, и такъ какъ они нашли, что веревка, которой мы его обвязали, какъ говорили они, служитъ затрудненіемъ, то сбросили ее прочь. Всѣ ликовали и болтали громко, крича какъ только возможно, какъ вдругъ нашъ ожидаемый пиръ, какъ и намѣревались баніан, исчезъ въ глубокой ямѣ. Когда онъ погрузился, всѣ макололо вскочили на него. Одинъ, какъ бѣшеный тормошилъ хвостъ, другой вцѣпился въ лапу, третій тащилъ за бедро; „но, клянусь Себитуане! онъ пошелъ ко дну; не смотря ни какія наши усилія.“ Вмѣсто жирнаго бегемота, у насъ на обѣдъ были тощія куры, и мы были

весьма рады, что было хоть это. Однако, бегемотъ ночью выплылъ и найденъ ниже въ разстояніи около мили. Тамъ собрались на берегу баніаи и стали оспаривать у насъ право на животное. „Онъ могъ быть застрѣленъ и другимъ кѣмъ-нибудь.“ Наши люди взяли немного мяса и предоставили остальное имъ, чтобы не вступать съ ними въ борьбу.

Въ ущельѣ Какололе въ горахъ Маніерере былъ застрѣленъ красивый водяной козелъ. Онъ упалъ возлѣ бухты, около которой пасся. Огромный крокодилъ, подстерегавшій его въ эту минуту, схватилъ его и потащилъ въ воду, которая была не очень глубока. Смертельно раненое животное сдѣлало невѣроятное усиліе и вырвалось изъ чудовищной пасти, тогда какъ крокодилъ протащилъ его уже на нѣсколько ярдовъ. Чтобы избѣжать охотника, водяной козелъ прыгнулъ въ рѣку и поплылъ черезъ нее; тамъ погнался за нимъ другой крокодилъ, но этого пуля тотчасъ послала на дно. Водяной козелъ проплылъ еще немного далѣе, опустилъ красивую голову, обернулся вверхъ ногами, и одинъ изъ челновъ притащилъ его къ берегу. Ниже Какололе и все еще у подножія горы Маніерере мы замѣтили на правомъ берегу Замбези нѣсколько обнаженныхъ слоевъ каменнаго угля, которыхъ мы не видали, поднимаясь вверхъ.

Читора, владѣтель Чикова, угостилъ насъ съ прежнимъ своимъ гостепріимствомъ. Наши люди были всѣ весьма довольны его вѣжливостью и навѣрно не сочли ея доказательствомъ слабости. Они собирались отплатить ему за его любезность, когда пойдутъ этой дорогой на грабежъ, чтобы поѣсть овецъ баніаи за то, что они оскорбили ихъ въ приключеніи съ бегемотомъ; они скажутъ Читора, что ему не для чего бѣжать отъ нихъ, потому что они, будучи друзьями его, не нанесутъ никакого вреда такому добросердечному человѣку.

На пути нашемъ внизъ по теченію, мы въ отношеніи къ самой рѣкѣ собрали слѣдующія свѣдѣнія. Отъ пункта, гдѣ мы, въ селеніи Синамане, сѣли въ челны, до Кансало рѣка

судоходнѣе, чѣмъ между Тетте и Сенна, хотя на большомъ разстояніи она шириною только отъ 250 до 300 ярдовъ или равна Темзѣ у Лондонскаго моста. Нѣсколько ниже Канзало, у Кариба, тянется поперекъ рѣки въ видѣ искусственной запруды базальтовая плотина, называемая Накабеле. съ широкимъ проходомъ, опаснымъ только для челновъ. Глубокая и узкая рѣка течетъ потомъ нѣсколько миль дальше сквозь цѣпь высокихъ горъ. Еще далѣе внизъ и къ востоку отъ Кафуэ она шириною по крайней мѣрѣ въ полмили; теченіе тамъ тихое и много песчаныхъ острововъ. Потомъ идетъ вышеупомянутая быстрина длиною около 100 ярдовъ, Карибуа, со скоростью теченія почти по шести узловъ въ часъ; это, за исключеніемъ настоящихъ водопадовъ, самая яростная часть Замбези. На протяженіи ниже Зумбо и до самой Чикова рѣка опять становится шире и по ней легко идти на судахъ. Чикова, о которой географы говорили то какъ о королевствѣ, то какъ о водопадѣ, представляетъ область съ плодоносной равниной на южномъ берегу, и обѣ стороны рѣки были здѣсь прежде хорошо воздѣланы; но теперь нѣтъ совсѣмъ населенія.

По быстринамъ Кебрабаза, на восточномъ концѣ отъ Чикова, мы плыли въ челнахъ и прошли нѣсколько миль внизъ до того мѣста, гдѣ рѣка суживается въ проходѣ отъ пятидесяти до шестидесяти ярдовъ шириною, о которомъ уже говорили при описаніи русла высокой воды и рѣчнаго русла при низкомъ уровнѣ водѣ. Затѣмъ ходъ въ челнахъ сталъ затруднителенъ и опасенъ. Паденіе воды на пятнадцать футовъ въ наше отсутствіе обнаружило много водопадовъ. Два изъ нашихъ челновъ невредимо спустились по узкому каналу, имѣющему при раздвоеніи его у скалистаго водораздѣла страшный водоворотъ между обоими рукавами, въ которомъ при кручепіи воды то открывается глубокая яма, то снова закрывается. Вслѣдъ за тѣмъ пошелъ челнъ доктора и повидимому, не смотря на самыя напряженныя усилія гребцовъ, долженъ былъ низринуться въ открытый водоворотъ. Прочіе ожидали, что имъ придется подплыть для спасенія; люди говорили: „Смотрите,

куда зашли эти люди! смотрите, смотрите!“ — какъ вдругъ громкій трескъ поразилъ слухъ нашъ: внезапнымъ и таинственнымъ вскипаніемъ рѣки, случающимся въ неопредѣленные промежутки времени, челнъ д-ра Кирка былъ разбитъ объ уступъ отвѣсной скалы. Видно было, какъ д-ръ Киркъ боролся съ тянущей внизъ силой воды, глубина которой должна быть саженъ въ пятнадцать, и повисъ, уцѣпившись руками за уступъ, между тѣмъ какъ его рулевой, держась за ту же скалу, спасалъ челнъ; но почти весь грузъ его былъ унесенъ теченіемъ. Въ этотъ промежутокъ времени, какъ вниманіе людей было отвлечено, челнъ д-ра Ливингстона былъ спасенъ тѣмъ, что когда достигнулъ до страшнаго водоворота, углубленіе въ немъ закрылось. Нѣкоторыя изъ вещей, находившихся въ челнѣ д-ра Кирка, уцѣлѣли въ немъ; но все, что было цѣнно, со включеніемъ хронометра, барометра и, къ величайшему нашему сожалѣнію, его путевыхъ замѣтокъ и ботаническихъ изображеній плодовыхъ деревъ внутреннихъ странъ, было потеряно.

Тутъ мы оставили рѣку и пошли далѣе пѣшкомъ, сожалѣя, что не сдѣлали этого за день прежде. Люди были совершенно поражены ужасомъ: они никогда не видали еще такой опасной поѣздки; они охотнѣе готовы были нести на себѣ всѣ тяжести, чѣмъ подвергнуться еще разъ опасностямъ Кебрабазы. Но тягость однодневнаго похода по горячимъ скаламъ и раскаленному песку измѣнила ихъ настроеніе, прежде чѣмъ настала ночь; они сожалѣли, что покинули челны; они полагали, что въ опасныхъ мѣстахъ члены можно бы перетаскивать и потомъ опять спускать на воду. Одинъ изъ двухъословъ палъ близъ Луіа, вслѣдствіе истощенія. Хотя жители ѣдятъ зебръ и квагг, сродныхъ съ осломъ, однако ихъ взяло раздумье — ѣсть ли осла. „Это было бы тоже, какъ если бы человѣкъ ѣлъ себѣ подобныхъ; потому что осель живетъ съ человѣкомъ и вѣрный его спутникъ.“ Мы встрѣтили два большія торговыя общества тоттеанскихъ невольниковъ на пути ихъ въ Зумбо; они вели для продажи за сло-

новью кость значительное число женщинъ манганджа, у которыхъ были веревки на шеяхъ, привязанныя къ одной длинной бичевѣ.

Панзо, старшина селенія къ востоку отъ Кебрабаза, принялъ насъ съ большимъ гостепріимствомъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, взошелъ онъ на холмъ и громкимъ голосомъ созвалъ съ долины женщинъ изъ нѣсколькихъ деревушекъ, чтобы онѣ изготовили намъ обѣдъ. Около восьми часовъ вечера онъ вернулся, сопровождаемый вереницею женщинъ, несшихъ жизненные припасы. Тутъ было восемь блюдъ изима или суповъ, шесть блюдъ различныхъ сортовъ весьма хорошихъ дикорастущихъ овощей, вмѣстѣ съ блюдами бобовъ и куръ, все какъ нельзя лучше изготовлено и старательно вычищено. Деревянныя блюда были почти такъ же бѣлы, какъ сама мука. Принесены были жизненные припасы и для нашихъ людей. 21-го ноября мы нашли спѣлые плоды манго, обыкновенно показывающіе близость португальцевъ, а 23-го, раннимъ утромъ, достигли Тетте, пробывши въ отсутствіи нѣсколько болѣе шести мѣсяцевъ.

Два англійскіе матроса, оставленные нами для надсмотра за пароходомъ, были довольны собою, вели себя хорошо и во все время нашего отсутствія наслаждались замѣчательнымъ здоровьемъ. Воздѣльваніе земли шло у нихъ неудачно. Мы оставили нѣсколько овецъ, которыхъ они должны были убить, когда стосковуются по свѣжемъ мясѣ, и дюжину куръ. Купивъ еще нѣсколько куръ, они скоро удвоили ихъ число и надѣялись на добрый запасъ яицъ; но они купили также двухъ обезьянъ, которыя и пожрали всѣ яйца. Однажды ночью забрался бегемотъ и опустошилъ ихъ гряды: въ ихъ хлопчатникъ, когда онъ былъ въ цвѣту, затесались овцы, и поѣли все до тла; затѣмъ крокодилы утащили овецъ, а туземцы украли куръ. Не счастливѣе были они и какъ оружейники. Одинъ португальскій торговецъ, имѣвшій весьма высокое понятіе объ умѣ англійскихъ матросовъ, показалъ имъ двуствольное ружье и спросилъ, не могутъ ли они возстановить

коричневый цвѣтъ, съѣденный ржавчиной. „Я думаю, что знаю, какъ это сдѣлать,“ сказалъ одинъ, отецъ котораго былъ кузнецомъ: „Это весьма легко; нужно только положить стволы на огонь.“ На берегу былъ разведенъ сильный огонь, и туда были положены несчастные стволы, отчего они должны были получить красивый ружейный цвѣтъ. Къ великому ужасу Иванушки, стволы распались на части. Чтобы выйти изъ затрудненія онъ съ товарищемъ склеилъ куски смолою и послалъ къ владѣльцу съ извѣщеніемъ, „это все, что́ они могли для него сдѣлать; они ничего не требуютъ за свою работу!“ Они изыскали также особый способъ производить торговлю. Они устанавливали рыночную цѣну жизненнымъ припасамъ и платили ее, но не больше. Когда торговцы отказывались оставить судно, до тѣхъ поръ пока не повысятъ цѣну, изъ каюты выносился хамелеонъ, котораго туземцы боятся какъ смерти: и въ ту же минуту, какъ они видѣли это созданіе, они выпрыгивали за бортъ. Хамелеонъ на мѣстѣ порѣшалъ всякій споръ.

Но вмѣстѣ съ юморомъ своихъ занятій они выказали и достойную англійскихъ матросовъ любовь къ человѣчеству. Однажды ночью пробудились они отъ ужаснаго, отчаяннаго крика; тотчасъ въ шлюпкѣ поспѣшили они на спасеніе. Крокодилъ схватилъ одну женщину и толко-что потащилъ ее по мелкой отмели. Какъ только они подошли къ ней, она издала страшный крикъ: ужасное пресмыкающееся сломило ей ногу въ колѣнѣ. Они взяли ее на бортъ, перевязали ей членъ, какъ сумѣли, дали ей, не придумавши ничего лучшаго, чѣмъ бы могли выказать ей свое состраданіе, стаканъ рому и перенесли ее въ хижину въ селеніи. На слѣдующее утро нашли они, что перевязку развязали и оставили несчастное существо умирать. „Я думаю,“ замѣтилъ Роуэ, одинъ изъ матросовъ, „ея господинъ разсерился на насъ за то, что мы спасли ей жизнь, когда увидѣлъ что она потеряла ногу.“

Такъ какъ мы много наслышались объ одной военной и земледѣльческой колоніи, высланной покойнымъ королемъ

Португаліи, извѣстнымъ за человѣка праводушнаго, дономъ Педро V, то мы приняли большое участіе въ попыткѣ, начавшейся подъ его просвѣщеннымъ вліяніемъ. Непосредственно по прибытіи въ Тетте мы посѣтили новаго губернатора. Его превосходительство хладнокровно сказалъ, что король безсовѣстно обманутъ тѣми, кому поручилъ выборъ людей. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что его правительство высылаетъ въ колоніи военныхъ преступниковъ и сказалъ: „Эти люди неспособны дѣлать что-нибудь въ странѣ; они знаютъ, какъ содержать въ чистотѣ оружіе, а больше ничего. Что́ пользы высылать сельско-хозяйственныя орудія такимъ людямъ, какъ эти? Относительно Африки правительство обманывается.“

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мы спускаемся къ Конгоне. — Послѣднее извѣстіе о „страждущемъ одышкою“. — Кончина старика. — Мы достигаемъ Сенна на челнахъ. — Невыгодная торговля посредствомъ невольниковъ. — Кусака укушенъ, или замученный Секваша. — Каменные угли дорожаютъ при невольничьемъ трудѣ. — Яхта его превосходительства. — Конгоне. — Англійскія газеты. — Мясо, птицы, рыбы и гармоническіе раки въ болотахъ деревьевъ мангле. — Бузунгу. — Пила-рыба.

Такъ какъ вода въ Замбези была необыкновенно низка, то мы оставались въ Тетте, пока она не поднялась нѣсколько, и покинули ее 3-го декабря, отплывъ въ Конгоне. Тяжелая работа была поддерживать судно на водѣ: обыкновенно мы никогда не ожидали, что оно останется надъ водою. Каждый день являлись новыя течи; машинная помпа не дѣйствовала; настилка провалилась; въ ночь наполнялись три палубы; кромѣ каюты и передней палубы все было затоплено, и черезъ нѣсколько дней Роуэ увѣрялъ насъ: „Сэръ, хуже чѣмъ теперь и быть не можетъ.“ Во время нашего отсутствія онъ и Гучинсъ бо́льшую часть своего времени употребили на то, что зачинивали дно, смазывали и штукатурили его глиной, и именно для ихъ удовольствія мы попытались еще разъ употребить его въ дѣло. Мы давно уже были вполнѣ убѣждены, что стальныя пластинки совершенно неудобны. 21-го, безнадежный „страждущій одышкою“ оставленъ сидѣть на мели и наполняться. Его нельзя было ни опорожнить отъ воды, ни заставить держаться на водѣ. Въ ночь рѣка поднялась, и

все, что на слѣдующій день оставалось еще на виду отъ безполезнаго судна, было — футовъ по шести отъ двухъ его мачтъ. Бо́льшая часть собственности, которая была у насъ на немъ, была спасена и мы провели святки 1860 года въ лагерѣ на островѣ Чимба. Мы дождались челноковъ изъ Сенна и 27-го прибыли въ этотъ городъ, гдѣ опять были гостепріимно приняты нашимъ другомъ, сеньоромъ Феррао.

Большое невольничье общество, принадлежавшее коменданту, только что возвратилось изъ предпринятаго въ страну Мозелекаце торговаго путешествія, пробывши въ отсутствіи бо́льшую часть года. Они брали съ собою во внутренія страны тысячу ружей и большое количество пороху, такъ какъ это, по ихъ словамъ, единственный предметъ, охотно покупаемый Мозелекаце. Въ обратный путь шли они со слоновьей костью, страусовыми перьями, тысячью овецъ и тридцатью штуками прекрасныхъ быковъ. Сверхъ того, Мозелекаце, въ знакъ, что торговцы и онъ разстались добрыми друзьями, прислалъ коменданту великолѣпнаго бѣлаго вола. Страусовыя перья упакованы были въ камышѣ; однажды ночью въ лагерѣ вспыхнулъ пожаръ и бо́льшая часть ихъ сгорѣла. Быки на пути должны были пройти черезъ область цеце и вслѣдствіе укушеній всѣ перемерли. Бѣлый волъ погибъ за два дня до пути отъ Сенна; шестьсотъ овецъ и козъ были съѣдены, или потому, что они были истомлены, или потому, что погонщики были голодны. Комендантъ, страдавшій лихорадкой, неспособенъ былъ разсчесть свою потерю, но намѣревался засадить въ тюрьму невольниковъ, которые, какъ обыкновенно, болѣе заботились о своемъ собственномъ спокойствіи, чѣмъ о пользахъ своего господина. Невольничій трудъ несомнѣнно очень дорогъ; англичанинъ, съ двумя повозками и десятью человѣками, могъ бы сдѣлать походъ въ страну Мозелекаце отъ гораздо болѣе удаленныхъ пунктовъ Натала или мыса Доброй Надежды, съ гораздо мéньшими издержками, чѣмъ какія сдѣланы этими сотнями невольниковъ.

Когда мы встрѣтили Секваша, онъ заявилъ, что скопилъ уже 800 аробовъ или 25,600 фунтовъ слоновьей кости и бо́льшую часть ея купилъ просто забезцѣнокъ. У его товарища было почти половина этого или 12,800 фунтовъ. Когда Секваша вернулся въ слѣдующемъ году въ Тетте, онъ былъ заключенъ въ находящуюся въ крѣпости тюрьму. У него было принесено съ собой нѣсколько тонн слоновьей кости, и онъ скоро́ опять сталъ свободнымъ человѣкомъ. Мнимой причиной его арестованія были безпорядки, въ которыхъ онъ провинился во внутреннихъ странахъ; но это было только подобіемъ обыкновенной снаровки, по которой въ рыбоводствѣ лосося побуждаютъ выметать икру прежде чѣмъ онъ поплыветъ опять какъ свободная проворная рыба. Мы не позавидовали положенію поселенца въ этихъ португальскихъ колоніяхъ преступниковъ; но сожалѣли, что, вслѣдствіе неразумной политики, наши собственные земляки на мысѣ Доброй Надежды затруднены въ томъ отношеніи, что не могутъ ввести въ почетъ свою свободу и вѣжливость, въ странѣ, составляющей ихъ собственность по праву открытія. И да позволено будетъ намъ выразить наше искреннее сожалѣніе о томъ, что Робертъ Моффатъ, сынъ знаменитаго миссіонера, такъ скоро погибъ въ половинѣ своей жизни и въ началѣ своихъ благородныхъ стараній ввести во всей внутренней странѣ законную торговлю.

Для нашихъ друзей на мысѣ Доброй Надежды можетъ быть интересно узнать, что, не смотря на ихъ раздающійся по мѣстамъ похвальный ропотъ на непостоянство кафрскихъ рабочихъ, эти рабочіе все же гораздо лучше невольниковъ. Здѣшній каменный уголь, какъ мы уже упоминали, лежитъ совершенно открыто по сторонамъ рѣки въ разрѣзахъ скалъ, и имъ легко можно бы воспользоваться для транспортированія на баржахъ. Дономъ Педро V было послано небольшое судно, совершенно сходное съ Ма-Робертомъ, чтобы ходить по Замбези, и въ Тетте были посланы приказанія держать для него наготовѣ запасъ угля изъ слоя,

которымъ мы пользовались для нашего судна. Этотъ приказъ исполнялся невольниками, и изъ одного отчета, сообщеннаго намъ офицеромъ, надзиравшимъ, за этой легкой горной работой, мы узнали, что тоннъ угля стоитъ 1 фунтъ стерлинговъ или по крайней мѣрѣ вдвое дороже, чѣмъ при свободномъ трудѣ въ шахтовыхъ разработкахъ Англіи. Если бы они стали отправлять его къ устью рѣки, то на самомъ дѣлѣ онъ обошелся бы дороже, чѣмъ уголь, доставляемый въ Индію моремъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Упомянутыя обстоятельства показываютъ, что главныя издержки, которыя тутъ дѣлаются, заключаются въ требуемомъ невольниками питаніи. Вознагражденія, назначенныя надзирателямъ работъ, были ничтожны. При существующей системѣ труда тоннъ угля изъ ямъ у Тетте могъ бы отпускаться на Конгоне не ниже какъ за 10 фунтовъ. Контрастъ становится еще поразительнѣе, если вспомнить о значительной глубинѣ, съ которой добывается каменный уголь въ Англіи. Въ 1864 году мы видѣли вышеупомянутое судно на стоянкѣ въ гавани въ Мозамбикѣ; имъ не воспользовались для той цѣли, для которой оно было выслано, хотя оно находилось тамъ почти три года. Какой вопль прошелъ бы по Капской колоніи, если бы нашъ тамошній губернаторъ удержалъ для собственнаго времяпрепровожденія его превосходительства судно, которое было послано изъ Европы для развитія колоніяльной торговли.

Мы достигли Конгоне 4-го января 1861 г. Во время нашего отсутствія были устроены флаштокъ и таможня; поставлена тамъ также хижина для чернаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ. Съ милостиваго разрѣшенія унтеръ-офицера, который, какъ только натянулъ свои штаны и рубашку, вышелъ посмотрѣть насъ, мы расположились въ таможнѣ, представлявшей, какъ и прочія зданія, маленькую четыреугольную хижину изъ покрытыхъ камышемъ столбовъ дерева мангле и безъ полу. Солдаты жаловались на голодъ; у нихъ нечего было ѣсть, кромѣ небольшаго количества маиса, и они дѣ-

лали пальмовое вино, чтобы утолить свою жажду. Въ ожиданіи судна, мы читали на досугѣ газеты и періодическія изданія, найденныя нами въ чемоданѣ, ожидавшемъ нашего прибытія въ Тетте. Нѣкоторыя изъ нихъ были прошлаго полугодія.

Наши жизненные припасы стали приходить къ исходу, и въ концѣ мѣсяца не оставалось ничего, кромѣ небольшаго количества плохихъ сухарей и нѣсколькихъ лотовъ сахару. Кофе и чай были истреблены; но едва это случилось, какъ наши матросы нашли имъ довольно хорошій суррогатъ въ поджаренной мапира. Свѣжее мясо мы получали въ изобиліи изъ нашихъ изгородей для антилопъ на большомъ островѣ, образуемомъ маленькимъ каналомъ между Конгоне и восточнымъ Луабо.

Большія стада водяныхъ козловъ (Aigocerus ellipsiprymnus) паслись тамъ на богатыхъ травою равнинахъ. Когда они желаютъ попасть на свѣжія пастбища, они выкидаютъ на берегу, пока отливъ не достигнетъ самой низкой точки и потомъ плывутъ съ величайшею легкостію полмили или даже болѣе по каналу. Этихъ животныхъ трудно бить, и иногда кажется, что они такіе живучи, какъ кошки. Выстрѣлъ въ шею обыкновенно смертеленъ; но съ двумя или тремя эпфильдовскими пулями въ легкихъ или въ другихъ частяхъ тѣла они часто уходятъ, точно нераненыя. Въ легкихъ, по-видимому, много волокнистыхъ перегородокъ, проходящихъ въ ихъ веществѣ, такъ что они образуютъ скопленіе маленькихъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ можно повредить безъ большаго вреда для другихъ; но хотя мы старались найти въ этомъ объясненіе того обстоятельства, что рана въ легкія не убиваетъ водяныхъ козловъ, намъ ни разу не представилось ни средствъ, ни времени для старательнаго анатомическаго изслѣдованія. Одинъ красивый самецъ полнымъ бѣгомъ отбѣжалъ далѣе двухъ сотъ ярдовъ, послѣ того какъ якобсовской гранатой отхвачена была у него часть сердца. Полагали, что якобсовскія гранаты тотчасъ лишаютъ жизни животныхъ, но мы нашли, что онѣ,

лопаясь въ какой-нибудь близкой къ кожѣ кости или даже въ самой кожѣ, не соотвѣтствуютъ нашимъ ожиданіямъ. Также и энфильдовская пуля, хотя она загоняется съ огромною быстротою, все же слишкомъ мала для того, чтобы могла быстро умертвить. Большія четырехлотовыя круглыя свинцовыя пули лучше всѣхъ, если онѣ хорошо нацѣлены. Близъ моря мясо водянаго козла всегда нѣжно и вкусно и напоминаетъ намъ говядину; но во внутреннихъ странахъ мясо этого вида антилопъ такъ сухо и вязко, что наконецъ даже наши черные, хотя они далеко не прихотливы, отказывались ѣсть его, и мы совершенно перестали стрѣлять антилопъ. Какъ говорятъ, это положительный фактъ, что мясо овецъ съ острова Гальки весьма цѣнится и имѣетъ прекрасный вкусъ, потому, какъ думаютъ, что эти животныя пьютъ только соленую воду. Здѣшняя растительность обыкновенно покрыта нѣкоторымъ количествомъ мелкой соли въ видѣ налёта, и вода, по бо́льшей, части соленая. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ превосходство мяса можно приписать соли. Только когда мы поѣли его во внутреннихъ странахъ, мы поняли, почему капитанъ Гаррисъ имѣлъ о немъ такое плохое мнѣніе.

Тростниковый козелъ (Redunca eleotragus) во время самаго сильнаго жара дня лежитъ обыкновенно спрятавшись въ длинной травѣ и выжидаетъ, пока охотникъ подойдетъ близко, прежде чѣмъ вскочить и испустить свой тревожный свистъ. Лучшее знакомство съ привычками животныхъ могло бы способствовать раздѣленію ихъ на группы, сообразно тому, какъ являются онѣ въ природѣ — на горахъ, на равнинахъ или въ болотахъ. Куду, палага, черный козелъ или куалата, кололо видны обыкновенно на холмахъ и, будучи преслѣдуемы ищутъ на нихъ безопасности. Кукама, кама, цессебе, гну, эландъ, пути или нырецъ, каменный козелъ, жираффъ, пуни, цепе и оуреби водятся постоянно на равнинахъ; между тѣмъ, водяной козелъ, тростниковый козелъ, лехве, поку, наконгъ и кустарный козелъ обитаютъ въ болотистыхъ мѣстахъ и для безопасности убѣгаютъ въ воду или въ болота.

Утромъ и вечеромъ красиво испещренный кустарный козелъ (Tragelaphus sylvatica) отваживается, хотя и весьма недалеко, выходить изъ лѣса мангле на пастьу. Когда онъ испуганъ, его крикъ ужаса представляетъ громкое тявканье, подражаніе которому у бо́льшей части туземныхъ племенъ служитъ ему именемъ—„мпабала“, „мпеваре“. Водяной козелъ любитъ открытыя равнины и рѣдко ложится въ теченіе дня. Въ свѣтлые вѣтряные дни вся дичь необыкновенно пуглива и осторожна, и величайшаго труда стоитъ ее обмануть, между тѣмъ какъ въ тихую, душную погоду къ ней можно легко подойти.

Подъ деревьями мангле находятъ себѣ пищу и кровъ нѣсколько леопардовъ (Felis leopardus), которыхъ португальцы называютъ „тиграми“, и стада зеленыхъ обезьянъ, носящихъ имя „пузи“. Гривастой кошки (Felis jubata) съ маленькими круглыми черными пятнами мы никогда не видали.

Въ этомъ фокусѣ замирающей растительности нѣтъ ничего страшнѣе бездѣятельности. Поэтому, когда не было нужды охотиться, мы должны были находить себѣ занятіе и времяпрепровожденіе, какое только могли осматривая гніющія болота. Если бы мы пребывали въ беззаботной лѣни, то насъ навѣрно схватила бы лихорадка въ самомъ худшемъ своемъ видѣ, и послѣдствія, вѣроятно, были бы гибельныя.

Въ многочисленныхъ каналахъ, прорѣзывающихъ рощи деревъ мангле, кишитъ много странныхъ маленькихъ слизовъ (вислобровыхъ морскихъ вьюновъ). Когда слиза побезпокоятъ, онъ уходитъ рядомъ прыжковъ по поверхности воды. Его можно разсматривать какъ амфибію, такъ какъ онъ столько же живетъ внѣ воды, сколько въ водѣ, и самое трудовое его время во время низкаго стоянія воды. Тогда онъ появляется на пескѣ или въ грязи около небольшихъ прудовъ, остающихся послѣ сошедшаго прилива. На своихъ брюшныхъ плавникахъ слизъ поднимается нѣкоторымъ образомъ въ стоячемъ положеніи и своими большими выдающимися глазами зорко сторожитъ яркоокрашенныхъ насѣкомыхъ, которыми питается. Говорятъ, если насѣкомое опустилось отъ

него въ разстояніи даже болѣе чѣмъ на два прыжка, то слизъ медленно подвигается къ нему, какъ кошка къ своей добычѣ или какъ прыгающій паукъ, и какъ скоро приблизится къ этому насѣкомому дюйма на два или на три, изловчается внезапнымъ прыжкомъ прищелкнуть прямо несчастную жертву своею нижнею челюстью. Сверхъ того, онъ весьма задоренъ, и можно видѣть довольно долго продолжающіеся бои между нимъ и его собратьями. Одинъ на побѣгѣ отъ показавшейся ему опасности прыгнулъ въ лужу величиною въ квадратный футъ, которую другой очевидно считалъ принадлежащею себѣ по праву болѣе ранняго открытія; въ одно мгновеніе собственникъ съ блестящими яростью глазами и поднятыми вверхъ спинными плавниками кинулся на ворвавшагося врага. Завязался яростный бой; никакая буря въ стаканѣ воды не можетъ сравниться съ бурей этого миніатюрнаго моря. Бойцы то были въ водѣ, то внѣ ея, ибо битва свирѣпствовала и на водѣ, и на сушѣ. Они сильно били, кусали другъ друга, пока, измученные, не схватились пастями, какъ два бульдога; перевели духъ и потомъ опять такъ же свирѣпо напали другъ на друга, какъ прежде, пока битва не окончилась быстрымъ бѣгствомъ ворвавшагося.

Илистая почва подъ деревьями мангле покрыта раками-отшельниками, которые при каждомъ признакѣ опасности быстро прячутся въ свои норы. Когда вода стекаетъ, миріады крошечныхъ раковъ выползаютъ изъ своихъ подземныхъ жилищъ и начинаютъ трудиться какъ будто прилежныя пчелы. Гладкій песокъ скоро на много миль изборождается вслѣдствіе ихъ работъ. Они бьются изъ-за насущнаго хлѣба: шарикъ влажнаго песку появляется во рту маленькаго работника и быстро выхватывается одною изъ клешней; другой шарикъ слѣдуетъ за первымъ, и шарикъ за шамкомъ. слѣдуютъ такъ быстро, какъ только ракъ успѣваетъ отложить въ сторону предъидущій. Когда шарики накопятся, ракъ отступаетъ въ сторону, и работа продолжается. Первое впечатлѣніе,

производимое этимъ, такое, какъ будто маленькое созданіе проглотило много песку и намѣревается отдѣлаться отъ него какъ только возможно скорѣе. Привычка, которой оно предано, — періодически убѣгать въ свою нору, какъ бы за полученіемъ новаго матеріала, — служитъ подтвержденіемъ этой мысли; но величина въ нѣсколько секундъ образованныхъ кучекъ показываетъ, что дѣло не въ томъ, и приводитъ къ мысли, что, хотя этого и совсѣмъ не видно на томъ разстояніи, въ какомъ раку угодно держаться отъ наблюдателя, однако, можетъ быть, онъ береть въ свой ротъ песокъ для того, чтобы высасывать всякое маленькое животное, какое въ немъ попадется, и остатокъ выбрасываетъ описаннымъ способомъ. Иногда большіе виды раковъ даютъ нѣкотораго рода концертъ; изъ каждаго подземнаго жилья выходятъ странные звуки, какъ будто они подражаютъ пѣвцамъ рощи и поютъ отъ сильной радости. Къ этимъ большимъ, издающимъ звуки ракамъ, повидимому, питаютъ особую страсть мускусныя свиньи (Phacochœrus africanus); онѣ ночью вырываютъ ихъ изъ илистыхъ болотъ и проглатываютъ. Вереницы мелкихъ рыбокъ кишатъ въ мелководьѣ между Конгоне и страною Піангалуле, и это любимое мѣсто рыболовства для большой стаи пеликановъ въ теченіе того мѣсяца, когда они остаются на берегу. Эти птицы истребляютъ огромное количество рыбы; онѣ высиживаютъ яйца въ апрѣлѣ на низменныхъ островахъ, лежащихъ на Конгоне, равно какъ и на тѣхъ, которые лежатъ на восточномъ Луабо. Яйца, которыхъ мы получили большой запасъ, сильно отзывались рыбой, такъ что, чтобы сдѣлать ихъ вкусными, нужна была подливка изъ анчоусовъ. На острова Луабо въ опредѣленныя времена являются черепахи, чтобы класть яйца, у которыхъ, взамѣнъ скорлупы, вязкая кожа и пріятный вкусъ.

Самое дерево мангле стоитъ изслѣдованія, и д-ръ Киркъ нашелъ, что оно, какъ и другія деревья и растенія, завезенныя сюда съ нѣкотораго разстоянія и выкинутыя на эти берега, представляетъ интересный предметъ для изученія.

Одинъ видъ дерева мангле во время отлива стоитъ на своихъ фантастическихъ корняхъ, высоко выдающихся надъ почвой, а во время прилива стволъ кажется какъ будто посаженнымъ на поверхности воды. У другаго вида плоскіе, широкіе, извивающіеся какъ змѣи корни, входятъ въ илъ своимъ краемъ, такъ что они самому дереву даютъ въ этомъ мягкомъ веществѣ твердую опору, на которой оно можетъ стоять. Сѣмена одного вида нѣсколько похожи по формѣ на наконечники стрѣлъ; при опаданіи они собственной своей тяжестью загоняются въ мягкую почву и разсаживаются такимъ образомъ сами собою. Плодъ другаго вида, — величиною почти съ дѣтскую голову и, на сколько можно догадываться, не приносящій никакой пользы ни людямъ, ни животнымъ, — когда спадаетъ, разбивается въ куски. Древесина даетъ превосходный горючій матеріалъ и обладаетъ тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что ярко горитъ въ печи, будучи даже зеленой. Она даетъ также и превосходныя стропила, цѣнимыя у португальцевъ по причинѣ ихъ прямизны и длины.

Мы нашли нѣсколько туземцевъ, толокшихъ древесные стебли ядовитаго ползучаго растенія (Dirca palustris), называемаго бузунгу, или ядъ, и во множествѣ ростущаго въ болотахъ. Растолокши значительное количество, они складывали стебли въ пучки. Рѣка и вверху и внизу покрыта кустами, и нѣкотораго рода промывательнымъ движеніемъ ядъ распространяется по водѣ. Во многихъ рыбахъ скоро оказывается его дѣйствіе: однѣ плывутъ къ берегу и умираютъ, другія бываютъ только очумлены. У этого растенія блѣдно-красные, стручковидные цвѣты, гладкіе, заостренные, блестящіе листья и бурая кора, покрытая маленькими бѣлыми точечками. Изученіе его могло бы быть полезнымъ для береговыхъ жителей, которые посредствомъ него могли бы ловить рыбу.

Говорятъ, что этотъ ядъ вреденъ людямъ, если пить воду, но въ свареной рыбѣ не вреденъ. Бузунгу отвратителенъ для нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, и имъ намазываются побѣги

пальмоваго дерева, чтобы не дать муравьямъ забраться въ пальмовое вино, когда оно сочится изъ вершинъ пальмовыхъ деревъ въ маленькіе кувшины, которые подвѣшиваются для его сбора.

Мы имѣли обычай ходить при солнечномъ восходѣ прямо постелей въ соленую воду для купанья, пока на мѣстѣ купанья не появился огромный крокодилъ. Съ того времени мы брали нашу ванну въ полдень на отдаленномъ отъ гавани мѣстѣ въ морѣ. Это говорятъ нездорово; но мы не нашли этого. Навѣрно лучше купаться не утромъ, когда воздухъ холоднѣе воды, потому что тогда при выходѣ на болѣе холодный воздухъ легко получить озноб и лихорадку. Въ устьѣ рѣки находится много пилы-рыбы. Роуэ увидалъ одну во время купанья, схватилъ ее за хвостъ и швырнулъ „рыломъ впередъ“ на берегъ. Пила длиною отъ одного фута до восемнадцати дюймовъ. Мы никогда не слыхали, чтобы кто-нибудь былъ раненъ этой рыбой; также мы не могли узнать ѣдятъ ли ее жители, хотя она при свѣжей водѣ заходитъ на сотни миль въ рѣку. Бегемоты тѣшатся днемъ, собираясь въ мѣстахъ прибоя, и повидимому въ шуткѣ находятъ столько же удовольствія, какъ и мы.

Во время нашего пребыванія на берегу случались сильные штормы и гибло много маленькихъ морскихъ птицъ (Prion Banksii Смита). Берегъ былъ усыпанъ ихъ трупами, а иныя были находимы за сотни ярдовъ внутри страны; многія изъ нихъ были такъ тощи, что высыхали, не предаваясь гніенію. Насъ мучили миріады москитовъ, и было нѣсколько случаевъ лихорадки. Люди, приведенные нами изъ болотистыхъ внутреннихъ странъ, страдали здѣсь отъ нея почти столько же, какъ и мы сами. Это подтверждало мысль, что цивилизованные лучше противостоятъ дурнымъ вліяніемъ чуждаго климата, чѣмъ нецивилизованные. Когда негры изъ здоровыхъ странъ возвращаются въ свое отечество, они страдаютъ такъ сильно, какъ только можетъ страдать какой-нибудь иностранецъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Прибытіе „Піонера“. — Миссіонерство доставляется въ Іоганна. — Епископъ Макензи присоединяется къ экспедиціи на Ровума. — Вода спадаетъ. — Возвращеніе на Каморскіе острова. — Іоганна. — Мы поднимаемся по Шире. — „Піонеръ“ слишкомъ глубоко сидитъ въ водѣ. — Чарльзъ Ливингстонъ старается ускорить воздѣлываніе хлопка. — Недостатокъ агентовъ на восточномъ берегу сравнительно съ западнымъ берегомъ. — Тамошнія стремленія Англіи. — Ихъ цѣль. — Экспедиція необыкновенно успѣшна. — Поворотъ счастья. — Освобождаются невольники. — Епископъ принимаетъ приглашеніе владѣльца въ Магомеро. — Визитъ къ аджава, хорошо задуманный, но плохо принятый. — Вынужденная схватка. — Возвращеніе отъ аджава. — Миссія епископа Макензи въ Магомеро. — Мѣра отвѣтственности д-ра Ливингстона. — Возвращеніе къ судну.

31 января 1861 г. прибыло изъ Англіи наше новое судно, „Піонеръ“, и бросило якорь внѣ бара; но погода была бурная, и оно не отважилось войти въ него до 4 февраля.

Къ этому времени прибыли два крейсера ея величества, привезшіе епископа Макензи, а также оксфордскую и кембриджскую миссію къ племенамъ Шире и озера Піасса. Миссія состояла изъ шести англичанъ и четырехъ цвѣтныхъ съ мыса Доброй Надежды. Мы были въ затрудненіи, что намъ дѣлать съ такимъ количествомъ людей. Достопочтенный епископъ, охотно готовый, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, начать свое дѣло, желалъ, чтобы „Піонеръ“ доставилъ миссію вверхъ по Шире до селенія Чибиза и тамъ ее оставилъ. Но противъ этого были важныя возраженія. Такъ какъ португальское правительство отказалось открыть Замбези для судовъ другихъ

націй, и чиновники его очень усерднымъ образомъ выполняли систему, которая отвлеченіемъ рабочихъ силъ дѣлала страну лишенною значенія какъ для чужеземцевъ, такъ и для нихъ самихъ, то „Піонеръ“ получилъ приказаніе изслѣдовать Ровума. Онъ уже запоздалъ мѣсяца два, и дождливое время на половину прошло. Поэтому, если бы путешествующее общество и было доставлено въ селеніе Чибиза, то даже миссія должна была бы оставаться въ нездоровой странѣ, при началѣ самаго нездороваго времени года, безъ медицинскихъ спутниковъ и безъ средствъ достигнуть здоровой возвышенности или вернуться къ морю. Мы боялись, чтобы, при недостаткѣ врачебныхъ пособій и умѣнья обращаться съ лихорадкой, не повторилась печальная судьба, которая постигла въ Линіанти подобную неудовлетворительную въ медицинскомъ отношеніи миссію. Хорошо, что мы сдѣлали столь сильныя возраженія, такъ какъ мы нашли послѣ, что наши пилюли отъ лихорадки, которыя, епископъ купилъ на мысѣ Доброй Надежды, какъ оказалось, были сдѣланы изъ дерма, вмѣсто снадобья. Епископъ наконецъ согласился отправиться на военномъ суднѣ „Лира“ въ „Іоганна“ и тамъ оставить сочленовъ миссіи у консула ея величества, г. Сёнлэя, между тѣмъ самъ онъ думалъ сопутствовать намъ на Ровума, чтобы узнать не представляетъ ли удобнаго мѣста для поселенія страна въ окрестности ея верхнихъ водъ, о которыхъ разсказывали, что онѣ выходятъ изъ Ніасса.

25 февраля „Піонеръ“ бросилъ якорь въ устьѣ р. Ровума, которая, въ противоположность бо́льшей части африканскихъ рѣкъ, имѣетъ великолѣпный заливъ и не имѣетъ бара. Мы запаслись дровами и ожидали епископа до 9 марта, когда онъ прибылъ на суднѣ „Лира.“ 11-го пошли мы далѣе вверхъ по рѣкѣ и увидѣли, что во время нашей остановки она спа́ла фута на четыре или на пять. Ландшафтъ на нижней части Ровума лучше ландшафта на Замбези, потому что мы могли съ моря видѣть возвышенности. Въ восьми миляхъ отъ устья мы оставили за собою деревья мангле, и по обоимъ

берегамъ потянулась превосходная цѣпь лѣсистыхъ холмовъ. На этомъ хребтѣ горъ растетъ въ изобилiи и достигаетъ значительной величины дерево, схожее съ африканскимъ чернымъ эбеновымъ деревомъ, но имѣющее болѣе тонкія продольныя волокна, чѣмъ эбеновое дерево. Людей было видно мало, а тѣ, которые показывались, были арабскаго происхожденія и, повидимому, находились не въ особенно хорошемъ положеніи. Быстрота теченія Ровума была теперь такъ же сильна, какъ и въ Замбези, но масса воды значительно менѣе. Нѣкоторые броды были столь скудны водою, что наше судно, сидѣвшее въ водѣ на пять футовъ, не могло идти. Когда мы поднялись по рѣкѣ на тридцать миль, вода внезапно въ двадцать четыре часа спа́ла на семь дюймовъ. Такъ какъ мартовское половодье послѣднее въ это время года, и, повидимому, оно оканчивалось, то мы сочли благоразумнымъ отвратить возможность годичнаго промедленія тѣмъ, что безъ дальнѣйшихъ проволочекъ повели судно къ морю. Если бы экспедиція была одна только, то мы пошли бы вверхъ въ лодкахъ или пѣшкомъ и сдѣлали бы что́ можно въ отношеніи къ изслѣдованію рѣки и верхней части озера. Но хотя миссія была частнымъ предпріятіемъ и совершенно отдѣльна отъ нашего государственнаго назначенія, однако мы охотно желали помочь нашимъ землякамъ въ ихъ благородномъ предпріятіи: такъ какъ наши цѣли были сходны, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать нашему собственному намѣренію, рѣшились лучше вернуться на Шире, чтобы видѣть безопасное поселеніе миссіонерскаго общества и потомъ изслѣдовать озеро Ніасса, а также и Ровума, начиная отъ озера Ніасса. Въ устьѣ Ровума на бортъ „Піонера“ забралась лихорадка, какъ мы полагали, вслѣдствіе того, что мы держались на якорѣ какъ разъ возлѣ одного канала, выходившаго изъ-подъ деревъ мангле. Она оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока не отдѣлили вполнѣ помѣщеніе машины отъ остальнаго судна. Гніющая угольная пыль распространяла сильныя испаренія и поддерживала болѣзнь болѣе года.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы отплыли, лихорадка отдала „Піонера“ почти совершенно въ распоряженіе первоначальной экспедиціи по Замбези, и недолго спустя начальникъ ея сталъ управляться на океанѣ также хорошо, какъ и на рѣкѣ. Привычка опредѣлять на землѣ географическія положенія дѣластъ легкой задачей управленіе пароходомъ всего съ тремя или четырьмя парусами на морѣ; тутъ, если не набѣжать на берегъ, никто не пойдетъ наводить на ложную дорогу, а теченіе представляетъ сподручное извиненіе для всякаго промаха.

Когда мы на возвратномъ пути пристали къ Могилла, одному изъ Коморскихъ острововъ, мы нашли на немъ смѣшанное племя изъ арабовъ, африканцевъ и ихъ завоевателей, туземцевъ съ Мадагаскара. Такъ какъ они магометане, то у нихъ есть мечети и школы, въ которыхъ, къ нашему удовольствію, видѣли мы дѣвочекъ обучаютъ читать коранъ такъ же какъ и мальчиковъ. Учитель говорилъ, что онъ разсчитывается по-штучно и получаетъ десять долларовъ за каждаго ребенка, котораго учитъ читать. Смѣтливыхъ дѣтей выучиваетъ онъ въ шесть мѣсяцевъ; но на тупыхъ уходитъ года два. Отсюда мы переправились на Іоганна, чтобы забрать нашихъ друзей, и, пробывъ нѣсколько дней на красивыхъ Коморскихъ островахъ, съ епископомъ Макензи и его обществомъ пошли на парусахъ въ Замбези по устью Конгоне. Въ семь дней достигли мы берега и поднялись по Замбези до Шире.

„Піонеръ“, который строился подъ искуснымъ главнымъ надзоромъ адмирала сэра Бальдвина Уолкера и покойнаго адмирала Вашингтона, преданнаго и высокоцѣнимаго друга этой экспедиціи, былъ дѣйствительно превосходнымъ судномъ и хорошо приспособленъ для нашего дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ глубокаго сидѣнья въ водѣ. Погруженіе въ воду на пять футовъ оказалось слишкомъ большимъ для плаванія по верхней части Шире. Предполагалось что онъ будетъ погружаться только на три фута; но вѣсъ,

который былъ необходимъ, чтобы сообщить ему бо́льшую силу и сдѣлать годнымъ для океана, опускалъ его двумя футами глубже и былъ причиною многихъ большихъ и утомительныхъ усилій при опусканіи якорей и работахъ на носовой части при снятіи его съ мели. Это почти ничего не значило бы для насъ, если бы мы не теряли драгоцѣннаго времени, которое могло бы быть употреблено выгоднѣе и несравненно пріятнѣе на знакомство съ обитателями, на изслѣдованіе новыхъ странъ и на осуществленіе инаго рода цѣлей экспедиціи. Однажды мы просидѣли четырнадцать дней на мели изъ рыхлаго, наноснаго песку, между тѣмъ какъ подъ нами воды было всего на два, на три дюйма менѣе, чѣмъ на сколько сидѣло судно. Это замедленіе произошло оттого, что при вытаскиваніи якорей теченіе повернуло судно широкою стороною противъ потока на мель, которая, какъ только мы коснулись ея, стала постоянно наростать сзади насъ. Намъ не хотѣлось оставить судно ниже селенія Чибиза, чтобы людямъ не пришлось страдать отъ болотнаго воздуха (malaria) окружающей низменности; затруднительно также было и нести вверхъ вещи миссіи. Насъ ежедневно посѣщали толпы туземцевъ, во множествѣ приносившіе намъ жизненные припасы, гораздо болѣе, чѣмъ мы въ состояніи были употребить. Когда мы тащили „Піонера“ по мелкимъ мѣстамъ, епископъ, вмѣстѣ съ Горасомъ Уэллеромъ и г. Скудаморе, всегда были готовы содѣйствовать намъ и работали такъ усердно на бортѣ, какъ никто другой. Сиди въ водѣ наше прекрасное маленькое судно только на три фута, оно въ это время года могло бы съ величайшею легкостью ходить вверхъ и внизъ по рѣкѣ; но въ томъ видѣ, какъ тогда, поднявшись уже черезъ нѣсколько небольшихъ отмелей, мы не могли опять спуститься на немъ до декабрскаго прилива. Оно могло идти вверхъ по отмели, но не могло спускаться по ней, такъ какъ сзади судна тотчасъ образовывалась куча песку, и теченіемъ подмывало песокъ подъ его бока.

Съ того времени, какъ мы вторично появились между племенами по Шире, Чарльзъ Ливингстонъ со всѣмъ рвеніемъ направилъ свои силы на то, чтобы побудить обитателей воздѣлывать хлопокъ для вывоза. „Ма-Робертъ“ былъ съ такою течью, что пока онъ былъ у насъ намъ ничего нельзя было болѣе сдѣлать, какъ только купить небольшое количество очищеннаго хлопка и изготовленной туземцами пряжи для представленія ея на испытаніе нашимъ друзьямъ въ Манчестерѣ, и внушить туземцамъ увѣренность, что наши земляки могутъ прійти, чтобы скупить столько, сколько будетъ воздѣлано. Многое изъ того, что́ мы такимъ образомъ купили, неисправимо испорчено вслѣдствіе течи въ суднѣ; но отосланныя домой пробы были признаны за „тотъ именно видъ хлопка, который болѣе всего употребляется въ Ланкаширѣ“, а пряжа, или, скорѣе, подобіе пряжи, фунтъ которой мы покупали почти за англійскій пенсъ, возбудила удивленіе тамошнихъ практическихъ фабрикантовъ.

Теперь, когда мы лучше устроились, Чарльзъ Ливингстонъ продолжалъ ту же систему попытокъ обратить въ капиталъ промышленыя силы туземцевъ и съ весьма успѣшнымъ результатомъ. Хлопокъ скупался, очищался машиной и хотя мы, вслѣдствіе глубокаго сидѣнья „Піонера“ въ водѣ, были ограничены площадью въ неполныя семь миль, однако же въ три мѣсяца собрали 300 фунтовъ чистаго хлопка, котораго фунтъ не стоилъ намъ и одного англійскаго пенса. Въ сравненіи съ тысячами тюковъ, идущихъ изъ другихъ странъ, это, конечно, было не много, но все же достаточно для доказательства, что хлопокъ превосходнаго качества можетъ быть воздѣлываемъ исключительно однимъ трудомъ туземцевъ, и что если бы не было торга невольниками, который скоро поглотитъ весь этотъ народъ, то, въ высшей степени вѣроятно, въ немного лѣтъ свободный трудъ могъ бы обратиться въ капиталъ на всемірныхъ рынкахъ.

Никогда не имѣлось въ виду, чтобы правительственная экспедиція занялась простымъ собираніемъ хлопка или тор-

говыми спекуляціями. Мы нашли, что страна Африки, въ которой мы работали, въ высшей степени пригодна для лучшихъ разновидностей хлопковыхъ растеній; что туда введены уже два вида превосходнаго хлопка и на столько распространены самими туземцами, что тамъ не нужно иныхъ сѣмянъ, и эти виды вполнѣ вытѣснили изъ страны туземный. Климатъ и почва найдены столь пригодными для воздѣлыванія этого растенія, что нѣтъ нужды бояться уничтоженія жатвы холодами, и по всему тому, что́ мы могли извѣдать, свободный трудъ здѣсь такъ же выгоденъ, какъ во всякой другой странѣ міра. Но оказывается сильный недостатокъ тѣхъ благъ, которыя безспорно разлила Англія на западномъ берегу. Тутъ нѣтъ тѣхъ туземцевъ христіанъ, которыхъ можно считать тысячами въ Сіэра-Леоне и другихъ мѣстахъ и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, обладаютъ свойствомъ быть надежными торговыми агентами у своихъ земляковъ. Старательно изслѣдовавъ и сравнивъ оба берега и взявъ въ разсчетъ то обстоятельство, что, можетъ быть, большинство тѣхъ, на кого обращена была англійская благотворительность, были нисшіе изъ нисшихъ — освобожденные африканскіе невольники, взвѣсивъ также надлежащимъ образомъ и мнѣнія торговцевъ, которые въ сильныхъ словахъ выражали свои чувства, оскорбившись тѣмъ, что имъ препятствуютъ торговать людьми, какъ скотомъ, мы должны сказать, что поведеніе Англіи на западномъ берегу, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, заслуживаетъ удивленія свѣта. Ея благородство явится величественнымъ въ глазахъ потомства. Здѣсь, на восточномъ берегу, — явная противоположность. Нельзя найти ни одного надежнаго агента, не дается никакого воспитанія, и никогда нельзя въ видѣ агентовъ послать на нѣкоторое разстояніе невольниковъ, развѣ дозволивши имъ грабежъ и хищничество. Мы возлагали надежду на миссію, которая была теперь съ нами, мы видѣли въ ней зарю лучшей — какъ для португальцевъ, такъ и для

туземцевъ — системы, чѣмъ та, которая была въ прошедшее время гибелью для всякаго прогресса.

Экспедиція, не смотря на различныя противодѣйствовавшія обстоятельства, была совершенно счастлива до этого времени въ стремленіи къ своей цѣли. Мы открыли, какъ видно будетъ впослѣдствіи, поле для воздѣлыванія хлопка въ 400 миль длиною, такъ какъ оно обнимало Шире и озеро Ніасса. Мы повсюду, куда доходили, пріобрѣтали довѣріе народа, и, если бы миссія университетовъ имѣла только умѣренный успѣхъ, то въ странѣ, имѣющей гораздо бо́льшій объемъ, чѣмъ хлопковыя поля южныхъ штатовъ Америки, настала бы совершенно новая эра, такъ какъ вполнѣ подтверждалось все, что́ мы прежде узнали о любви туземцевъ къ торговлѣ.

Мы были, между тѣмъ, какъ видно будетъ впослѣдствіи, на поворотной точкѣ нашего счастливаго поприща и скоро пришли въ столкновеніе съ португальскимъ торгомъ невольниками. Если кто-нибудь вспомнитъ о невыгодахъ, которыя какая-нибудь страна переноситъ вслѣдствіе законовъ, только сковывающихъ торговлю и свободныя коммерческія сношенія то онъ скоро пойметъ, въ какой сильной степени гибельна, для всякаго преуспѣянія та система, которая не только питаетъ убійственную войну, но дѣлаетъ опаснымъ воздѣлываніе земли даже и въ мирное время.

Когда мы, наконецъ, достигли селенія Чибиза, то услышали, что въ странѣ манганджа идетъ война и торгъ невольниками сильно распространяется. Только, что прошла депутація отъ одного владѣтеля съ горы Зомба, отправляющаяся къ Чибиза, живущему въ отдаленномъ селеніи, умолять его, чтобы онъ пришелъ самъ или прислалъ лекарство для прогнанія ваіао, ваіау или аджава, хищническая шайка которыхъ опустошила страну. За нѣсколько дней до того, какъ мы поднялись на суднѣ, переправилась черезъ рѣку, на пути своемъ въ Тетте, большая толпа только-что обращенныхъ въ неволю манганджа. Намѣстникъ Чибиза былъ привѣтливъ и тотчасъ далъ намъ дозволеніе нанять столько людей для переноски на

холмы вещей епископа, сколько ихъ согласится идти съ нами. Поэтому мы, 15 іюля, съ достаточнымъ числомъ людей отправились на возвышенность, чтобы показать епископу страну, которая по своему высокому и прохладному положенію была въ высшей степени удобна для постройки миссіонерства. Нашъ первый дневной переходъ былъ длиненъ и утомителенъ. Нѣсколько деревень, которыя мы прошли, были бѣдны, и въ нихъ не оказалось жизненныхъ припасовъ для нашихъ людей; поэтому мы были вынуждены идти до 4-хъ часовъ пополудни, когда прибыли въ небольшое селеніе Чипинду. Обитатели жаловались на голодъ и говорили, что у нихъ нѣтъ ни жизненныхъ припасовъ для продажи, ни хижинъ для нашего ночлега; но что если мы вздумаемъ пройти еще немного далѣе, то прійдемъ въ селеніе, гдѣ можемъ поѣсть досыта. Мы, однако, зашли довольно далеко и рѣшили остаться тамъ, гдѣ были. До захожденія солнца принесено было столько жизненныхъ припасовъ, сколько намъ нужно было купить, и такъ какъ угрожалъ дождь, то позаботились о хижинахъ для всего путешествующаго общества.

Въ слѣдующій день передъ полуднемъ мы сдѣлали привалъ въ селеніи нашего стараго друга Мбаме, чтобы взять новыхъ носильщиковъ, потому что люди Чибиза, которые еще никогда не нанимались и не научились довѣрять намъ, не хотѣли идти далѣе. Когда мы нѣсколько отдохнули, Мбаме сказалъ намъ, что сейчасъ пойдетъ черезъ его селеніе толпа невольниковъ на пути въ Тетте. „Не потягаться ли намъ?“ спрашивали мы другъ друга. Мы вспомнили, что все наше цѣнное частное имущество было въ Тетте, что оно, если мы освободимъ невольниковъ, могло быть въ видѣ воздаянія уничтожено вмѣстѣ съ нѣкоторою правительственною собственностью; но мы вспоминали также, что эта система охоты за невольниками преслѣдовала насъ тамъ, куда она прежде не отваживалась проникнуть; что эти люди, подъ предлогомъ, будто бы они „наши дѣти“, возмущали одно племя противъ другаго, чтобы самимъ запастись невольниками, а это неизбѣжно должно

было уничтожить всѣ наши старанія, на которыя мы имѣли дозволеніе португальскаго правительства,—и потому мы рѣшились отважиться на все и, гдѣ можно, положить предѣлъ торгу невольниками, который теперь шелъ по пятамъ за нашими открытіями. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ Мбаме разговаривалъ съ нами, пришла толпа невольниковъ — длинная вереница скованныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей — и направилась вокругъ холмовъ въ долину, въ которой лежало селеніе. Черные погонщики, вооруженные мушкетонами и украшенные различными бездѣлушками, весело шли во главѣ, въ серединѣ и на концѣ вереницы. Иные изъ нихъ на длинныхъ оловянныхъ рожкахъ наигрывали весело звучащія пьески. Они, повидимому, чувствовали, что совершили весьма благородный подвигъ и могутъ гордо выступать съ побѣдными лицами. Но въ ту же минуту, какъ эти парни увидали англичанъ, они какъ сумасшедшіе бросились въ лѣсъ, и даже такъ скоро, что мы видѣли только ихъ красныя шапки и подошвы ногъ. Остался одинъ только начальникъ отряда, и такъ какъ онъ былъ впереди, то одинъ изъ макололо крѣпко схватилъ его за руку. Оказалось, что онъ хорошо извѣстный невольникъ прежняго коменданта въ Тетте и, пока мы тамъ находились, былъ нашимъ собственнымъ слугою. Когда мы спросили его, какъ получилъ онъ этихъ плѣнныхъ, онъ отвѣчалъ, что купилъ ихъ; но когда мы сами освѣдомились у людей, они всѣ, за исключеніемъ четырехъ, сказали, что взяты на войнѣ. Пока происходило это освѣдомленіе, убѣжалъ и онъ. Плѣнники упали ни колѣни и, выражая благодарность, хлопали, по своему обычаю, изо всей силы въ ладоши. Они такимъ образомъ совершенно были оставлены въ нашихъ рукахъ и скоро шибко заходили ножи, чтобы освободить женщинъ и дѣтей. Труднѣе было освободить мужчинъ, такъ какъ у каждаго шея была въ развилкѣ крѣпкой палки отъ шести до семи футовъ длиною, которая держалась лежащею поперекъ горла желѣзною полосою, заклепанною съ обоихъ концовъ. Пилою, по счастью, найденною въ багажѣ

епископа, мужчины одинъ за другимъ выпущены на свободу. Когда женщинамъ сказано было, что онѣ должны взять муку, которую несли, и приготовить завтракъ себѣ и дѣтямъ, онѣ, казалось, сочли эту новость за слишкомъ хорошую для того, чтобы дѣйствительно могло такъ быть. Но когда ихъ нѣсколько обласкали, онѣ бодро принялись за дѣло и разложили большой огонь, въ которомъ ихъ кувшины должны были кипѣть на невольничьихъ дубинахъ и колодкахъ, ихъ старыхъ знакомцахъ въ продолженіе многихъ печальныхъ ночей и многихъ томительныхъ дней. Нѣкоторымъ изъ дѣтей было всего около пяти лѣтъ, а другимъ и того менѣе. Одинъ маленькій мальчикъ съ дѣтскою наивностью говорилъ нашимъ людямъ: „Другіе насъ связали и оставили голодными, вы — разрѣзали веревки и зовете насъ ѣсть; что вы за люди? Откуда это вы явились?“ Двѣ женщины были за день до того пристрѣлены, потому что онѣ пытались развязать ремни. Это для того, сказано было прочимъ, чтобы воспрепятствовать ихъ попыткѣ бѣжать. Одна женщина разбила черепъ своему ребенку, потому что не могла нести своей ноши и ребенка. Одинъ мужчина былъ убитъ топоромъ, потому что онъ падалъ отъ усталости. Своекорыстіе охотнѣе установляетъ надъ всѣмъ надзоръ, нежели прибѣгаетъ къ убійству; но при этой торговлѣ мы неизмѣнно находили, что своекорыстіе пересиливается презрѣніемъ къ человѣческой жизни и кровожадностью.

Епископа не было при этой сценѣ: онъ уходилъ купаться въ небольшой рѣчкѣ ниже селенія; но по возвращеніи своемъ онъ самымъ живѣйшимъ образомъ одобрилъ то, что было сдѣлано. Сначала брало его раздумье, но теперь онъ чувствовалъ, что если бы былъ на лицо, то присоединился бы къ намъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Когда у честнаго человѣка дѣло идетъ о томъ, слѣдуетъ ли спасти своего собрата по человѣчеству или нѣтъ, то логика тутъ не у мѣста. Восемьдесятъ четыре человѣка, преимущественно женщины и дѣти, были освобождены, и когда имъ сказали, что они теперь свободны

и могутъ идти куда имъ угодно, или же могутъ остаться съ нами,—всѣ избрали послѣднее. Епископъ благоразумно присоединилъ ихъ къ своей миссіи, чтобы они воспитались какъ члены христіанской семьи. Такимъ образомъ исчезло огромное затрудненіе при началѣ миссіонерства. Обыкновенно нужны годы, прежде чѣмъ внушено будетъ умамъ туземцевъ на столько довѣрія, что ихъ, будь они молодые или старые, можно побудить подчиниться руководству чужеземцевъ, которые предъявляютъ, что они будутъ руководиться побужденіями, противоположными мірской мудрости, и внушать привычки, чуждыя и неизвѣстныя имъ и отцамъ ихъ.

На слѣдующее утро мы пошли съ нашимъ освобожденнымъ обществомъ далѣе въ селеніе Соче, при чемъ мужчины съ радостью несли вещи епископа. Такъ какъ мы разъ уже начали, то безполезно было бы дѣлать дѣло только вполовину; поэтому дорогой въ одной деревнѣ мы освободили еще восемь невольниковъ. Но толпа торговцевъ съ сотней почти невольниковъ бѣжала изъ селенія Соче, когда услышала о нашемъ поступкѣ. Д-ръ Киркъ и четверо макололо преслѣдовали ихъ весьма энергически, но они счастливо ушли въ Тетте. Въ селеніи Монгази освобождены были еще шесть плѣнниковъ и два торговца невольниками продержаны всю ночь въ плѣну, чтобы не дать имъ увѣдомить большую, еще впереди насъ находившуюся, толпу. Они по собственной волѣ извѣстили насъ, что надъ ближайшей толпой надзоръ имѣютъ служители губернатора; они даже предлагали намъ привести насъ къ собственнымъ агентамъ его превосходительства, но мы не желали взять ихъ проводниками. Двое изъ черныхъ людей епископа съ мыса Доброй Надежды, бывшіе когда-то невольниками, были теперь ревностными эмансипаторами и по собственному желанію приняли на себя обязанность стеречь плѣнныхъ торговцевъ въ теченіе ночи. Наши герои такъ были озабочены тѣмъ, чтобы держать ихъ подъ вѣрнымъ надзоромъ, что, вмѣсто того, чтобы смѣнять другъ друга и дежурить одному за другимъ, они содержали караулъ оба ра-

зомъ до четырехъ часовъ утра, когда сонъ мало-по-малу одолѣлъ обоихъ, и сторожимые плѣнники воспользовались случаемъ и убѣжали. Одинъ изъ сторожей, замѣтивъ пропажу, бросился изъ хижины и закричалъ: „Ушли, плѣнниковъ нѣтъ, и мое ружье, да и женщинъ захватили! Огня! Всѣ огня!“ Ружья и женщины, однако, были не тронуты; торговцы невольниками были слишкомъ рады и тому, что могли сами уйти. На слѣдующій день въ другомъ селеніи было освобождено еще пятьдесятъ невольниковъ; вся толпа была совершенно голая, но оставалось еще достаточно выбойки, чтобы одѣть ихъ и, вѣроятно, лучше, чѣмъ они когда-нибудь прежде одѣвались. Начальникъ этой вереницы, котораго мы знали какъ агента одного изъ первыхъ купцовъ въ Тетте, сказалъ, что на все, что́ они дѣлали, у нихъ было разрѣшеніе губернатора. Въ этомъ мы вполнѣ были убѣждены и безъ его словъ. Совершенно невозможно предпринять тамъ что-нибудь безъ вѣдѣнія и разрѣшенія губернатора.

Часть возвышенности, которую желалъ осмотрѣть епископъ, прежде чѣмъ избрать мѣсто поселенія, принадлежала Чивава или Чибаба, самому мужественному и самому великодушному изъ владѣльцевъ манганджа, какихъ мы встрѣчали во время нашего перваго путешествія. Когда мы достигли селенія Изамбо на горѣ Чирадзуру, то услышали, что Чибаба умеръ и вмѣсто него владѣтелемъ сталъ Чигунда. Чигунда просилъ епископа, — очевидно по собственному побужденію, хотя, можетъ быть, и узнавши, что тотъ намѣревается поселиться гдѣ-нибудь въ странѣ, — придти и расположиться на житье у него въ Магомеро, причемъ онъ прибавилъ, что тамъ довольно мѣста для нихъ обоихъ. Это искреннее и свободное приглашеніе произвело значительное впечатлѣніе на душу епископа и, повидимому, рѣшило вопросъ. Если бы онъ могъ ожидать, что запасы его будутъ доставляться вверхъ по рѣкѣ, то онъ выбралъ бы мѣсто, расположенное ближе къ Шире; но португальцы, претендовавшіе на Шире, хотя они никогда

не бывали даже и въ устьѣ ея, закрыли ее точно такъ же какъ и Замбези.

Наши надежды обращены были на Ровума, какъ на свободный путь къ озеру Ніасса и въ обширныя внутреннія страны. Пароходъ для озера былъ уже заказанъ, и епископъ, замѣтившій выгодную особенность возвышенности, простиравшейся безконечно далеко на сѣверъ, лучше желалъ быть ближе къ озеру и Ровума, чѣмъ къ Шире. Такъ какъ онъ рѣшился поселиться въ Магомеро, то, чтобы воспрепятствовать истребленію жителей въ странѣ, сочтено было желательнымъ посѣтить владѣтеля аджава и убѣдить его, чтобы онъ прекратилъ свои набѣги за невольниками и кражу людей и направилъ силы своего народа къ мирнымъ занятіямъ.

Утромъ 22-го насъ извѣстили, что аджава были близко и сожгли селеніе въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ. Мы оставили освобожденныхъ невольниковъ и пошли искать встрѣчи съ этими бичами страны. По дорогѣ встрѣтили мы толпы манганджа, бѣжавшія отъ лица яростной войны. Эти бѣдные, изгоняемые охотой за невольниками бѣглецы, какъ водится, должны были покинуть всѣ жизненные припасы, которыми они обладали, за исключеніемъ небольшаго количества, какое могли унести на своихъ головахъ. Мы проходили одно маисовое или бобовое поле за другимъ; они стояли созрѣвшія для жатвы, но собственниковъ не было. Селенія были всѣ покинуты; одно, въ которомъ мы за два года передъ тѣмъ завтракали и видѣли значительное число мужчинъ, мирно ткавшихъ выбойку, и которое мы между собою назвали „красой холмовъ“, было выжжено; зерновые запасы были наложены въ повозки и разсыпаны по всей равнинѣ и по всѣмъ дорогамъ; ни побѣдители, ни побѣжденные не въ состояніи были увезти ихъ. Около двухъ часовъ увидѣли мы дымъ горящихъ селеній и услышали побѣдные клики, смѣшанные съ воплемъ женщинъ изъ манганджа, которыя оплакивали своихъ убитыхъ. Тогда епископъ призвалъ насъ къ усердной молитвѣ, а когда мы поднялись съ колѣнъ, то увидѣли длинную вереницу

воиновъ аджава, идущихъ съ своими плѣнными по склону холма. Первые изъ возвращавшихся побѣдителей только что вошли въ свое собственное ниже лежащее селеніе, и мы слышали какъ женщины привѣтствовали ихъ криками: „лил-лилоо.“ Увидя насъ, старшина аджава покинулъ дорогу и, чтобы вполнѣ разсмотрѣть наше общество, помѣстился на муравьиной кучѣ. Мы кричали, что пришли поговорить съ ними, но нѣкоторые мангандка, слѣдовавшіе за нами, заорали: „Нашъ Чибиза пришелъ!“ Чибиза былъ извѣстенъ за великаго колдуна и полководца. Аджава побѣжали оттуда съ воплемъ и криками: „икондо! икондо!“ (война! война!). Мы слышали слова мангандка, но въ ту минуту намъ не казалось, чтобы они могли уничтожить всѣ наши увѣренія о мирѣ. Плѣнные бросили свои ноши на дорогѣ и бѣжали на холмы. Изъ селенія самымъ поспѣшнымъ образомъ вышла большая толпа вооруженныхъ и черезъ нѣсколько секундъ всѣ они были вокругъ насъ, хотя, по бо́льшей части, спрятавшись за выдающіеся камни и въ длинной травѣ. Мы тщетно завѣряли, что пришли не сражаться, а поговорить съ ними. Они не хотѣли слушать и имѣли для того, какъ мы послѣ догадались, достаточное основаніе въ крикѣ: „нашъ Чибиза!“ Гордые только что одержанною побѣдою надъ тремя селеніями и вполнѣ увѣренные въ легкости ея надъ простою горстью людей, они начали пускать свои отравленныя стрѣлы и пускали ихъ съ большою силою на сто ярдовъ и ранили въ руку одного изъ нашихъ спутниковъ. То, что мы медленно отступали на подымавшуюся отъ селенія высоту, заставило ихъ только ревностнѣе стараться помѣшать намъ уйти. Въ увѣренности, что это отступленіе есть свидѣтельство страха, они накинулись на насъ съ кровожадной яростью. Нѣкоторые въ отвратительной пляскѣ приблизились ярдовъ на пятьдесятъ; одни, совершенно окружая насъ и пользуясь густо расположенными камнями и длинною травою, старались отрѣзать намъ отступленіе, между тѣмъ какъ другіе уходили съ своими женами и большою толпою невольниковъ. Четверо

были вооружены мушкетонами. и мы нашлись вынужденными для самосохраненія отвѣчать на ихъ огонь и прогнать ихъ. Когда они увидѣли рядъ ружей, то весьма скоро отстали и пустились бѣжать; но иные прокричали намъ съ холмовъ утѣшительное извѣстіе, что будутъ преслѣдовать насъ и перебьютъ, когда мы заснемъ. Къ намъ перебѣжали только двое плѣнныхъ, но вѣроятно при замѣшательствѣ разбѣжалась бо́льшая часть захваченыхъ въ этотъ день. Послѣ голоднаго, утомительнаго и въ высшей степени непріятнаго дня, мы вернулись въ селеніе, покинутое нами утромъ.

Хотя мы и не могли сдѣлать себѣ никакого упрека за наше поведеніе, однако, мы чувствовали себя взволнованными тѣмъ, что́ случилось. Это былъ первый случай нападенія на насъ туземцевъ или нашего столкновенія съ ними. Хотя мы постоянно сознавали, что можемъ быть вынуждены къ самозащищенію, однако, при этомъ случаѣ были менѣе подготовлены, чѣмъ обыкновенно. Такъ какъ здѣсь вовсе не ожидали дичи, то людей было только по одному заряду, у предводителя ихъ не было револьвера, а ружье, изъ котораго онъ обыкновенно стрѣлялъ, оставлено было на суднѣ, для предохраненія его отъ сырости въ это время года. Если бы мы лучше знали, какое вліяніе оказываетъ невольничество и убійство на характеръ этихъ кровожадныхъ хищниковъ, то прежде, чѣмъ идти къ нимъ, мы постарались бы послать вѣстниковъ и подарки.

На слѣдующій день пришелъ посѣтить насъ старый владѣтель Чинсунсе. Онъ побуждалъ епископа идти съ нимъ и расположиться у него на житье. „Чигунда,“ говорилъ онъ, „только дитя, а епископу скорѣе слѣдуетъ жить у отца, чѣмъ у дитяти.“ Но цѣль старика — имѣть въ миссіи защиту противъ аджава — была такъ очевидна, что его приглашеніе было отклонено. Прося же насъ прогнать хищниковъ, чтобы ему можно было жить въ мирѣ, онъ употребилъ хитрость, заставивъ значительное число своихъ людей запыхавшись ворваться въ селеніе съ извѣстіемъ, будто аджава

недалеко отъ насъ. Когда же ему было внушено, что мы никогда не сражаемся, развѣ только когда на насъ нападутъ, какъ это случилось день тому назадъ, и что мы пришли къ нимъ споспѣшествовать миру—научить ихъ покланяться Высочайшему Существу, прекратить продажу своихъ дѣтей и вести торговлю между собою другими предметами, а не самими собою; онъ поднялся и отрывисто отвѣчалъ: „такъ я мертвъ уже!“

Епископъ, видя, что ввѣрившійся ему теперь народъ уводится въ неволю шайками человѣкокрадовъ, почувствовалъ состраданіе, какъ почувствовала бы бо́льшая часть англичанъ, и предложилъ тотчасъ отправиться для освобожденія захваченныхъ въ плѣнъ мангандка и изгнать изъ страны хищниковъ-аджава. На это предложеніе всѣ отвѣчали самымъ живымъ сочувствіемъ, за исключеніемъ д-ра Ливингстона, который возсталъ противъ него на томъ основаніи, что для епископа лучше будетъ выжидать и посмотрѣть, какъ подѣйствуетъ урокъ, только что полученный охотниками на невольниковъ. Очевидно, аджава были подстрекнуты португальскими агентами изъ Тетте, а между мангандка нѣтъ никакаго единства, на которое можно было бы дѣйствовать. Могло случиться, что аджава дадутъ уговорить себя къ чему-нибудь лучшему, хотя это и не представлялось весьма вѣроятнымъ, такъ какъ они уже давно привыкли поставлять невольниковъ на квиллиманскій рынокъ. Но мангандка порознь легко могли быть побѣждены всякимъ врагомъ; по старой враждѣ они съ радостью смотрѣли, когда съ ихъ ближайшими сосѣдями случались несчастія. Мы совѣтовали имъ соединиться противъ общаго врага ихъ страны и прямо пробавили, что мы англичане совсѣмъ не будемъ вступаться въ ихъ споры. Когда епископъ спросилъ, будетъ ли онъ, въ случаѣ, если мангандка опять попросятъ помощи противъ аджава, обязанъ удовлетворить ихъ просьбу, — д-ръ Ливингстонъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, они будутъ надоѣдать вамъ своей навязчивостью, но вы не вмѣшивайтесь въ раздоры туземцевъ.“

Объ этомъ совѣтѣ честный человѣкъ съ почтеніемъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ. Мы были довольно обстоятельны въ разсказѣ о томъ, что произошло на холмахъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней нашего соединенія съ миссіей университетовъ, такъ какъ изъ-за того, что упомянутый совѣтъ былъ пренебреженъ, вина была взвалена на плечи д-ра Ливингстона, какъ будто миссіонеры не подлежали личной отвѣтственности за свою позднѣйшую дѣятельность. Честный епископъ Макензи, безспорно, обладалъ слишкомъ большою правдивостью, чтобы не признать этого. Участіе членовъ экспедиціи на Замбези въ дѣятельности миссіи епископа теперь прекратилось, потому что мы вернулись къ судну и готовились къ нашему путешествію на озеро Ніасса. До сего времени мы, если это нужно, съ радостью беремъ на себя всю отвѣтственность. Если же впослѣдствіи епископъ сдѣлалъ ошибку при извѣстныхъ столкновеніяхъ съ обращавшими въ неволю,—за это имѣлъ онъ голосъ всего при немъ находившагося общества. Такимъ образомъ тѣ, которые лучше всего знаютъ особенныя обстоятельства и любвеобильное направленіе этого добраго сердцемъ человѣка, менѣе всего могутъ порицать его. Мы покинули нашихъ друзей въ миссіонерствѣ въ слѣдующемъ положеніи и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Покамѣстъ епископъ рѣшился помѣстить свое миссіонерство на небольшомъ мысѣ, образуемомъ извивами маленькой свѣтлой рѣки Магомеро, такой холодной, что члены совершенно коченѣли, при купаньѣ въ ней утромъ въ іолѣ. Выбранное мѣсто было пріятнымъ для глазъ мѣстоположеніемъ и вполнѣ было окружено стройными тѣнистыми деревьями. Полагали, что оно будетъ служить резиденціей до тѣхъ поръ, пока епископъ не пріобрѣтетъ точныхъ свѣдѣній о прилежащей странѣ и политическихъ отношеніяхъ народа и не выберетъ здороваго и удобнаго положенія для постояннаго центра христіанской цивилизаціи. Все возбуждало прекрасныя надежды. Погода была превосходная: она

походила на самую пріятную часть англійскаго лѣта; жизненные припасы добывались весьма дешево и въ большомъ изобиліи. Епископъ съ особеннымъ жаромъ сталъ изучать языкъ, г. Уэллеръ началъ строить, а г. Скудаморе импровизировалъ родъ маленькой школы для дѣтей, — самое лучшее изъ всѣхъ существующихъ средствъ къ изученію языка, не имѣющаго письменъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Новая поѣздка на озеро Ніасса. — Транспортъ лодки мимо водопадовъ. — Горбатый ораторъ. — Маленькое озеро Памаломбе. — Признаки болотнаго воздуха (malaria). — Озеро Ніасса. — Глубина. — Величина. — Фигура. — Заливы. — Горы и бури. — Толпы народа. — Печенье изъ комаровъ. — Рыба, санджика и т. д. — Кажущаяся лѣность народа. — Нечувствительность кожи. — Сѣти изъ буазе. — Ткань изъ коры деревьевъ. — Красота à la „пелеле". — Великодушіе Маренга. — Ужасы внутренняго торга невольниками. — Воры; первая покража, которой мы подверглись въ Африкѣ. — Могилы туземцевъ. — Мазитту или Зулу. — Четырехдневное раздѣленіе. — Бугристыя дороги. — Человѣкъ — врагъ человѣка. — Нашъ гадатель на зерни исчезаетъ, но появляется снова. — Слоны. — Арабы изъ Катанга. — Арабская географія Танганіика и Ніасса. — Торгъ невольниками. — Хижины изъ камыша въ папирусѣ. — Молодыхъ женщинъ уводятъ на продажу. — Смѣтливая старуха. — Въ селеніи Микена мы встрѣчаемъ хищническихъ аджава. — Атлетическія забавы слона.

6 августа 1861 г., нѣсколько дней спустя по возвращеніи изъ Магомеро, д-ръ Ливингстонъ и д-ръ Киркъ, вмѣстѣ съ Чарльзомъ Ливингстономъ, отправились на озеро Ніасса въ легкой четырехвесельной лодкѣ съ однимъ бѣлымъ матросомъ и двадцатью человѣками свиты. По дорогѣ мы нанимали людей нести лодку на разстояніи сорока миль вдоль Мурчисоновскихъ водопадовъ, за аршинъ выбойки въ день. Такъ какъ это сочтено было высокой платой, то людей, охотно предложившихъ свои услуги, явилось вдвое болѣе, чѣмъ сколько было нужно. Главное затрудненіе представлялось въ ограниченіи ихъ числа. Цѣлыя толпы слѣдовали за

нами; и если мы утромъ не записывали имена нанятыхъ носильщиковъ, то вечеромъ заявляли притязанія и тѣ, которые помогали путешествію всего только послѣднія десять минутъ. Мужчины одного селенія доставляли лодку до другаго ближайшаго, и все наше дѣло ограничивалось тѣмъ, чтобы сказать старшинѣ новаго селенія, что утромъ мы возьмемъ свѣжихъ людей. Онъ видѣлъ расплату нашу съ первой партіей и его люди были готовы къ опредѣленному времени, такъ что мы не теряли нисколько времени въ ожиданіи носильщиковъ. Когда транспортъ становился тяжелъ, они часто производили громкій шумъ, но болтанье и крики не захватывали у нихъ дыханія. Страна была бугриста и не отличалась богатствами земли, но была покрыта травою и рѣдкимъ лѣсомъ. Чтобы очистить дорогу нашимъ ликующимъ спутникамъ, которые были довольно добры, чтобы считать лодку свидѣтельствомъ мирныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, было свалено нѣсколько маленькихъ деревъ. Переходили черезъ нѣсколько незначительныхъ потоковъ, самыми большими изъ которыхъ были Мукуру-Мадее и Лезунгве. Обитатели по обоимъ берегамъ были теперь привѣтливы и услужливы. То, что у насъ была лодка и, слѣдовательно, возможность переправляться, не завися отъ челновъ, породило въ нихъ вѣжливость, которой не было замѣтно при прежнемъ нашемъ посѣщеніи.

Часто бываетъ изумительная противоположность между сосѣдними селеніями. Одно находится въ состояніи счастія и преуспѣянія; въ немъ хорошія хижины, обильная пища и туземныя ткани; населеніе его прямодушно, довѣрчиво и охотно продастъ жизненные припасы; между тѣмъ въ ближайшемъ отъ него жители владѣютъ плохими хижинами, недружелюбны, недовѣрчивы, дурно кормятся, бѣдно одѣваются и ничего не имѣютъ для продажи, хотя окрестная страна также плодородна, какъ и окрестность ихъ достаточныхъ сосѣдей Мы, большею частью, держались рѣки, чтобы пользоваться спокойными мѣстами для хода на парусахъ; но далѣе внутрь

страны лежитъ относительно ровная мѣстность, по которой бы могла быть проведена хорошая дорога. Нѣкоторые изъ пяти главныхъ водопадовъ очень велики, такъ какъ рѣка на протяженіи 40 миль падаетъ на 1,200 футовъ. Миновавши послѣдній водопадъ, мы навсегда спустили нашу лодку на широкія и глубокія воды верхней Шире и въ сущности были на озерѣ, потому что слабое теченіе указываетъ только на незначительную разницу уровня. Русло широко и глубоко, но теченіе въ началѣ довольно извилистое и дѣлаетъ длинный изгибъ къ востоку, до мѣста въ пяти или шести миляхъ у подошвы горы Зомба. Туземцы считаютъ Верхнюю Шире продолженіемъ озера; ибо о водѣ, названой нами рѣкою и приближающейся къ озеру Ширва, нѣсколько къ сѣверу отъ горъ, они говорили, что бегемоты, „которые любятъ бродить по ночамъ,“ *изъ одного озера* переходятъ *въ другое*. Тамъ страна плоская и нужно только немного пройти по сушѣ. Быстрота теченія здѣсь рѣдко превышаетъ одинъ узелъ въ часъ, между тѣмъ какъ на Нижнемъ Шире достигаетъ полутора и двухъ узловъ. Нашъ шедшій берегомъ отрядъ макололо сопровождалъ насъ вдоль праваго берега и прошелъ мимо тысячъ бѣглецовъ изъ манганджа, которые незадолго были вытѣснены аджава изъ своихъ селеній, расположенныхъ на противоположныхъ холмахъ, и теперь живутъ на этой сторонѣ во временныхъ хижинахъ.

Почва была сухая, жесткая и покрыта деревьями монане; но нѣкоторые манганджа заняты были вскапываніемъ земли и посѣвомъ небольшаго количества зеренъ, захваченныхъ съ собою. На тѣхъ манганджа, жизненные припасы которыхъ были унесены или сожжены аджава съ участіемъ португальскихъ торговцевъ невольниками, уже замѣтно было дѣйствіе голода. Ораторъ, или первый министръ одного владѣтеля, по имени Калонджере, былъ горбатый карликъ, плавный говорунъ, сильно старавшійся довести насъ до того, чтобы мы переправились и прогнали аджава; но онъ не могъ отрицать, что самъ же Калонжере продажею людей привлекъ

въ страну этихъ охотниковъ за невольниками. Это — уже другой горбатый карликъ, котораго мы нашли на такомъ важномъ постѣ; первый былъ министромъ одного владѣтеля батонга на Замбези.

Идя далѣе на парусахъ, мы потревожили много бѣлогрудыхъ корморановъ; этотъ видъ мы видѣли ловившимъ рыбу между водопадами. Со многими другими дикими птицами, они находили здѣсь себѣ пристанище ночью на тихо катящейся водѣ, а днемъ сидѣли сонные на деревьяхъ и въ тростникѣ. Въ рѣкѣ видно было много бегемотовъ, и одинъ изъ нихъ вытянулъ свою широкую пасть такъ близко къ спинѣ д-ра Кирка, точно хотѣлъ проглотить всю заднюю часть лодки; животное было такъ не далеко, что, раскрывая ротъ, наплескало воды на скамьи въ лодку, но не сдѣлало ей вреда. Избѣгая большой хищнической шайки аджава, бродившей по лѣвому берегу Шире, мы постоянно держались праваго берега, или западной стороны, вмѣстѣ съ нашимъ идущимъ по берегу отрядомъ вдоль небольшаго озера Памаломбе. Это небольшое озеро длиною отъ десяти до двѣнадцати миль и шириною отъ пяти до шести. Оно почти со всѣхъ сторонъ окружено широкимъ поясомъ папируса, который такъ густъ, что мы едва могли найти открытое мѣсто къ берегу. Растенія вышиною отъ десяти до двѣнадцати футовъ ростутъ такъ близко другъ къ другу, что между ними нѣтъ свободнаго прохода воздуху, и оттого развивается такъ много сѣрнистоводороднаго газа, что низъ лодки въ одну ночь сдѣлался чернымъ. Миріады москитосовъ, какъ вѣроятно они всегда дѣлаютъ, возвѣщали о присутствіи болотнаго воздуха (malaria)

Мы поспѣшили прочь отъ этихъ нездоровыхъ мѣстъ, принимая внимательность москитосовъ за намекъ, что мы должны поискать болѣе пріятныхъ квартиръ на здоровыхъ берегахъ озера Ніасса. Когда же мы на парусахъ вошли въ него 2 сентября, то почувствовали себя освѣженными бо́льшею прохладой воздуха, происходившей отъ этой обширной массы воды. Первый вопросъ, который занималъ насъ, была глу-

бина. Она обозначалась цвѣтомъ воды, которая въ идущемъ вдоль берега поясѣ, шириною отъ четверти до половины мили, яркозеленаго цвѣта, а потомъ поражаетъ темносинею или индиговою окраскою индійскаго океана, составляющею цвѣтъ главной массы Ніасса. Въ Верхнемъ Шире нашли мы глубину отъ девяти до пятнадцати футовъ; но когда проходили по западной сторонѣ озера, почти въ милѣ отъ берега, вода была глубиною отъ девяти до пятнадцати саженъ; потомъ, когда мы обходили вокругъ большаго мыса, который, въ честь нашего превосходнаго друга, королевскаго астронома на мысѣ Доброй Надежды, назвали мысомъ Мэклера, нашъ лотъ съ бичевою въ тридцать пять саженъ совсѣмъ не доставалъ дна. Мы направились вдоль западнаго берега, состоявшаго изъ ряда бухтъ, и нашли, что, гдѣ дно близъ берега и на милю около было песчано, глубина измѣнялась отъ шести до четырнадцати саженъ. Въ одной скалистой бухтѣ, приблизительно подъ $11^{0}\,40'$ широты, нашли мы дно на ста саженяхъ, хотя внѣ этой бухты не могли найти дна съ бичевой въ 116 саженъ; но это бросанье лота было неудовлетворительно, такъ какъ шнуръ оборвался при вытаскиваніи. По нашимъ теперешнимъ свѣдѣніямъ судно могло бы держаться на якорѣ только около береговъ.

Когда мы оглянулись на южный конецъ озера Ніасса, то нашли, что рукавъ его, изъ котораго вытекаетъ Шире, длиною около тридцати миль и шириною отъ десяти до двѣнадцати миль. Когда же обогнули Мэклеръ и взглянули на юговостокъ, то увидѣли другой рукавъ, тянувшійся миль на восемнадцать къ югу и шириною отъ шести до двѣнадцати миль. Эти рукава придаютъ южному концу видъ вилки, и если призвать на помощь немного фантазіи, то можно сравнить его съ „сапогомъ“ Италіи. Самая узкая часть, отъ восемнадцати до двадцати миль, около лодыжки. Отъ этого мѣста озеро на сѣверъ расширяется и въ верхней трети, или четверти имѣетъ ширину отъ пятидесяти

до шестидесяти миль. Длина его достигаетъ выше 200 миль. Оно имѣетъ направленіе почти вполнѣ прямо съ сѣвера на югъ. Большаго изгиба на западъ, который отмѣченъ на всѣхъ прежнихъ картахъ, нельзя было открыть ни посредствомъ компаса, ни съ помощью хронометра, а часы, которыми мы пользовались, были превосходные. Время года было весьма неблагопріятное. „Дымъ“ наполнялъ воздухъ непроглядным туманомъ, а равноденственныя бури дѣлали для насъ невозможною переправу на восточный берегъ. Когда мы замѣчали тѣнь отъ солнца, восходящаго изъ-за лежащихъ на востокѣ горъ, мы дѣлали эскизы и измѣренія этихъ горъ въ различныхъ широтахъ, дававшіе намъ возможность опредѣлить приблизительные размѣры ширины озера. Эти размѣры согласовались съ временами, которыя туземцы употребляютъ на переходъ озера вбродъ въ различныхъ мѣстахъ, напр. у Ценга и Моламба. Почти у начала верхней трети озеромъ можно проходить, пользуясь островомъ Чизумара, — названіе, означающее на языкѣ туземцевъ „окончаніе“; однако на это уходитъ еще нѣсколько дней.

Кажется, какъ будто озеро со всѣхъ сторонъ окружено горами, но впослѣдствіи обнаружилось, что эти красивыя, покрытыя деревьями, выси на западѣ были только краями большихъ возвышенностей. Какъ всѣ узкія, окруженныя возвышенностями озера, Ніасса посѣщается внезапными и ужасными штормами. Мы были на немъ въ сентябрѣ и октябрѣ, можетъ быть въ самое бурное время года, и не разъ были захвачены штормомъ. Иногда, въ то время, какъ мы, при тихомъ вѣтрѣ, пріятно шли на парусахъ по голубой влагѣ, внезапно и безъ предостереженія раздавался звукъ идущаго шторма, бушевавшаго на своемъ пути съ толпами ужасающихъ волнъ. Однажды утромъ были мы захвачены клокотавшимъ вокругъ насъ озеромъ и, не будучи въ состояніи ни идти впередъ, ни вернуться, бросили якорь на семи саженяхъ глубины въ разстояніи мили отъ берега. Яростный прибой къ берегу разбилъ бы въ щепки нашу слабую ладью,

если бы мы вздумали пристать къ берегу. Волны, которыхъ мы больше всего боялись, катились тройками, обращая свои гребни въ пѣну, стремившуюся сзади ихъ. За каждымъ тройнымъ зарядомъ слѣдовала короткая пауза. Еслибы какая-нибудь изъ этихъ сѣдогривыхъ волнъ ударила въ нашу утлую ладью, то ничто не могло бы спасти насъ, потому что онѣ шли съ непреодолимой силой; къ озеру, къ берегу и во всѣ стороны отъ насъ онѣ разбивались въ пѣну, но мы ускользнули. Шесть тяжкихъ часовъ боролись мы съ этими ужасными тріо, изъ которыхъ каждое могло заключать въ своей сѣдой головѣ конецъ нашей экспедиціи. Низкое, темное, одинокое, странной формы облако медленно спускалось съ горъ и долго провисѣло прямо надъ нашими головами. Стая козодоевъ (Cometornis vexillarius), ни когда не показывающихся днемъ, въ бурю парила надъ нами, какъ птицы злаго предзнаменованія. Наши черные судовщики заболѣли морскою болѣзнью и были неспособны бодрствовать или держать переднюю часть лодки носомъ къ озеру. Туземцы и нашъ, шедшій по берегу, отрядъ стояли на высокихъ скалахъ, смотрѣли на насъ и, когда волны, казалось, поглощали лодку, вскрикивали: „они погибли! они всѣ мертвы!“ Когда, наконецъ, буря укротилась и мы невредимо достигли берега, они отъ души привѣтствовали насъ, какъ послѣ долгаго отсутствія. Съ этого времени мы безусловно полагались на мнѣнія нашего морехода, Джона Нейля, который, такъ какъ онъ былъ рыбакомъ на берегахъ Ирландіи, умѣлъ плавать на лодкѣ у бурнаго берега. По его совѣту мы часто цѣлый день просиживали на берегу озера и поджидали пока уляжется волненіе. Онъ еще никогда не видывалъ такихъ волнъ. Мы должны были каждую ночь вытаскивать лодку на берегъ, чтобы она не утонула, сорванная съ якоря. Такимъ образомъ, еслибы мы не думали, что штормы свойственны особому времени года, то назвали бы Ніасса „озеромъ бурь“.

Съ запада озеро Ніасса не имѣетъ большихъ притоковъ воды. Пять рѣкъ, замѣченныхъ нами на походѣ, повидимому, въ это время не такъ много приносили воды, какъ уно-

сила Шире. Опѣ были отъ пятнадцати до тридцати ярдовъ шириною, и нѣкоторыя слишкомъ глубоки для перехода въ бродъ; но испареніе должно быть весьма значительнымъ. Если эти рѣки вмѣстѣ съ другими почти той же величины, притекающими съ горъ на востокѣ и сѣверѣ, наполняются дождями, то можно ограничиться ими для объясненія повышенія воды въ озерѣ безъ какой-нибудь большой рѣки. Туземцы, обитающіе у сѣвернаго конца, утверждали, что тамъ нѣтъ никакой большой рѣки, хотя это казалось бы почти необходимымъ, чтобы объяснить постоянное теченіе Шире. Явственныя бѣлыя помѣтки на скалахъ показываютъ, что во время дождей вода озера долго стоитъ на три фута выше пункта, до котораго она спадаетъ къ концу сухаго времени года. Дожди начинаются здѣсь въ ноябрѣ, а постоянное возвышеніе воды въ Шире наступаетъ только къ январю. Западная сторона озера Ніасса, за исключеніемъ большой гавани къ западу отъ мыса Мэклера, состоитъ, какъ выше было сказано, изъ ряда небольшихъ бухтъ почти одинаковой формы; такъ, въ каждой есть отлогая песчаная отмель и кремнистый берегъ и каждая отъ своей сосѣдки отдѣляется скалистымъ мысомъ и отдѣльными скалами, лежащими въ озерѣ на нѣкоторомъ разстояніи. Упомянутая большая югозападная бухта составила бы великолѣпную гавань, единственно удобную изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами на западной сторонѣ.

Страна, непосредственно лежащая у озера, низменна и плодородна, хотя по мѣстамъ болотиста и обитается большими стаями утокъ, гусей, цаплей, хохлатыхъ журавлей и другихъ птицъ. Въ южной части намъ иногда попадались богатыя равнины длиною отъ десяти до двѣнадцати миль, ограниченныя кажущеюся высокою цѣпью лѣсистыхъ холмовъ, идущихъ почти параллельно съ озеромъ. На сѣверѣ горы становятся выше и представляютъ много великолѣпныхъ видовъ, въ которыхъ горныя цѣпи громоздятся одна на другую до блѣдныхъ, высокихъ абрисовъ, рисующихся на небѣ, огра-

ничивающемъ горизонтъ. Еще далѣе къ сѣверу равнина становится уже и, наконецъ, вблизи мѣста, гдѣ мы повернули, она совсѣмъ исчезаетъ, и горы подымаются прямо изъ озера, образуя сѣверовосточныя границы мѣстности, которая была намъ описана какъ обширная возвышенность, удобная для скотоводства и земледѣлія и теперь только отчасти занятая однимъ племенемъ зулу, вышедшимъ за нѣсколько лѣтъ съ юга. Эти жители владѣютъ большими стадами скота и постоянно возрастаютъ въ числѣ, присоединяя къ себѣ другія племена.

Еще никогда мы не видали въ Африкѣ такого густаго населенія, какъ на берегахъ озера Ніасса. Въ южной части почти непрерывная цѣпь селеній. На берегу почти каждой маленькой песчаной бухты стояли черныя толпы народа и смотрѣли на новое среди нихъ явленіе — лодку подъ парусомъ. Гдѣ мы только ни выходили на берегъ, насъ въ нѣсколько секундъ окружали сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей, спѣшившихъ вытаращить глаза на „чиромбо“ (дикихъ животныхъ). Видѣть этихъ животныхъ во время кормленія было величайшимъ удовольствіемъ. Львы и обезьяны зоологическаго общества никогда не привлекали бо́льшей толпы любопытныхъ, чѣмъ мы въ это время. Мы въ сущности подобны были бегемоту, при первомъ его появленіи между цивилизованными на берегахъ Темзы. Дивящаяся толпа тѣснилась вокругъ насъ въ обѣденное время и образовывала чащу черныхъ тѣлъ, которые, повидимому, всѣ смотрѣли на насъ съ глубочайшимъ интересомъ; но они добродушно оставались за чертою, проводимою нами на пескѣ, и оставляли намъ мѣсто для ѣды. Вообще они были вѣжливы. Дважды зашли они на столько, что подняли края нашего паруса, который замѣнялъ намъ палатку, въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ у насъ мальчики со странствующими звѣринцами. Они называли насъ дѣйствительно „чиромбо“, что́ означаетъ только дикихъ животныхъ, которыхъ можно ѣсть, но они не имѣли никакого понятія о томъ, что мы поняли ихъ мысль. Съ насъ не взы-

скивалось никакого штрафа и не требовалось никакой подати. Только въ *одномъ* селеніи жители были наглы, но это потому, что были „благодушны“ отъ пива. Они обработываютъ почву въ обширныхъ размѣрахъ и воздѣлываютъ значительныя количества риса и бататовъ, также какъ и маиса, маниока и проса. На сѣверѣ, однако, главное произведеніе маніокъ, который, также какъ и рыба, сохраняется до тѣхъ поръ, пока не получитъ остраго вкуса; онъ составляетъ главное средство для поддержанія жизни жителей. Одну часть года жители по сѣверной сторонѣ озера имѣютъ жатву, доставляющую пищу особаго рода. Когда мы въ этомъ направленіи подходили къ нашему предѣлу, мы замѣтили облака, какъ будто дыма отъ травы, горѣвшей за мили разстоянія. Они шли въ юго-восточномъ направленіи, и мы думали, что невидимая намъ земля противоположной стороны недалеко, и что мы близки къ концу озера. Но на слѣдующее утро мы прошли сквозь одно изъ облаковъ на нашей собственной сторонѣ и открыли, что это не дымъ и не туманъ, а безчисленные милліоны чрезвычайно маленькихъ мошекъ, называемыхъ „кунго“ (облако или густой туманъ). Онѣ наполняли воздухъ до неизмѣримой высоты и кишѣли на водѣ, такъ какъ были слишкомъ легки, чтобы погрузиться. Пока шли сквозь это живое облако, мы должны были закрыть глаза и ротъ; они стукались въ лицо какъ мелкій навѣваемый снѣгъ. Тысячи мошекъ ложились въ лодку, выдѣляясь изъ облака. Ночью люди собирали этихъ мелкихъ насѣкомыхъ и заваривали ихъ толстыми лепешками, составляющими лакомство. Въ одной лепешкѣ милліоны мошекъ. Намъ предложили лепешку изъ кунго въ дюймъ толщиною и величиною съ синій колпакъ шотландскаго крестьянина; она была весьма темнаго цвѣта и вкусомъ напоминала икру, или посоленную саранчу.

Въ озерѣ нашли мы множество превосходныхъ рыбъ, и почти всѣ были новыя для насъ. Мпаза или санджика, которую д-ръ Киркъ призналъ за видъ карпа, шла въ рѣки ме-

тать икру, какъ дѣлаетъ у насъ лосось; самая большая изъ видѣнныхъ нами была длиною больше двухъ футовъ; это превосходная рыба и самая лучшая изъ всѣхъ, какія мы когда-нибудь ѣдали въ Африкѣ. Въ августѣ и сентябрѣ она выходитъ изъ рѣкъ и доставляетъ живое и выгодное занятіе многимъ рыбакамъ, которые въ другое время и не думаютъ о ея существованіи. Устраиваются запруды и въ каждой изъ нихъ устанавливается большая корзина въ видѣ западни, сквозь единственное, извилистое отверстіе которой рыба, разъ туда попавши, не имѣетъ достаточно сноровки выйти назадъ. Въ небольшомъ разстояніи ниже запруды поперекъ отъ берега къ берегу протянута сѣть, такъ что кажется чудомъ, какъ вообще самая умная санджика можетъ пройти, не попавшись въ плѣнъ. Можетъ быть, ночью она находитъ дорогу вверхъ по рѣкѣ; но воскресенья или „запретнаго времени“ нѣтъ въ этой странѣ ни для людей, ни для рыбъ. Озерная рыба ловится преимущественно сѣтями, хотя иногда можно видѣть удящихъ со скалъ мужчинъ и даже женщинъ съ маленькими дѣтьми на спинахъ.

Сѣть съ мелкими петлями употребляется для лова молодаго выводка серебристой породы, похожей на щучку, когда она бываетъ длиною дюйма въ два; за одинъ разъ часто попадаютъ тысячи. Мы однажды получили къ обѣду въ подарокъ полное большое ведро; вкусъ рыбы былъ такой, какъ будто она варилась съ примѣсью хинина, это вѣроятно потому, что въ ней оставили желчные пузыри. Въ глубокихъ мѣстахъ нѣкоторые виды ловятъ, опуская въ воду рыбьи корзины, прикрѣпляемыя длинной бичевой къ плоту вокругъ котораго часто обвязывается значительное количество кормовой, или сорной травы для произведенія тѣни, завлекающей живущую въ глубинѣ рыбу. Рыбною ловлею занятъ цѣлый флотъ прекрасныхъ челновъ. Люди на нихъ съ длинными веслами и дѣйствуютъ ими стоя. Они иногда отваживаются выѣзжать даже и при значительномъ волненіи. Нашъ макалоло призналъ, что озерные жители превзошли

ихъ въ управленіи челнами; они неохотно шли и по Замбези, когда дулъ сильный вѣтеръ. Первое впечатлѣніе, производимое обитателями озера Ніасса, то, что они далеки отъ трудолюбія или, выражаясь яснѣе, находятся подъ игомъ очевидной лѣности. Въ теченіе дня подъ тѣнистыми деревьями вдоль берега можно видѣть цѣлыя группы, лежащія въ глубокомъ снѣ и, повидимому, проводящія весьма покойную жизнь. Но, при нѣсколько лучшемъ знакомствѣ, первое впечатлѣніе измѣняется, и оказывается, что эти денные сонливцы проводятъ бо́льшую часть ночи въ прилежномъ трудѣ. Послѣ полудня они начинаютъ двигаться, отыскиваютъ и чинятъ свои сѣти, работаютъ около челновъ и вьютъ свои бичевки. Вечеромъ они отплываютъ на лучшія рыбныя станціи, и бо́льшую часть ночи бѣдные парни мучатся въ водѣ, возясь со своими сѣтями. Къ тому же они страдаютъ отъ лихорадки. Мы видѣли лишаеподобныя сыпи на ихъ ртахъ, выражающія выздоровленіе, и находили, что на нихъ дѣйствуетъ холодъ, хотя ихъ кожа нечувствительнѣе и въ отправленіяхъ гораздо лѣнивѣе нашей. Поэтому усвоеніе туземныхъ обычаевъ, которое многіе совѣтуютъ, потребовало бы измѣненія нашей весьма чувствительной кожи. Наши бороды за недѣлю отростаютъ на столько, на сколько у туземцевъ въ мѣсяцъ.

Хотя въ озерѣ много крокодиловъ и нѣкоторые необыкновенной величины, однако рыбаки говорили, что рѣдко случается, чтобы эти пресмыкающіяся утащили кого-нибудь. Когда крокодилы могутъ находить въ изобиліи рыбъ, ихъ естественную пищу, они рѣдко нападаютъ на людей; но при приливѣ, когда они не въ состояніи видѣть въ мутной водѣ своей добычи, весьма опасны.

Мужчины и мальчики занимаются собираніемъ буазе, приготовленіемъ нитей и дѣланіемъ длинныхъ сѣтей. Узлы сѣти отличаются отъ нашихъ, потому что туземцы постоянно дѣлаютъ то, что́ матросы называютъ рифовыми узлами, но вяжутъ иглой, похожей на употребляемую нами. По одеждѣ

изъ туземной выбойки, носимой въ нѣкоторыхъ южныхъ селеніяхъ, видно, что непремѣнно значительное число рабочихъ рукъ и терпѣливыхъ душъ занято воздѣлываніемъ хлопка и многоразличными медленными процессами, которые долженъ онъ пройти прежде, чѣмъ изготовится ткань на ткацкомъ станкѣ туземца. Кромѣ этой отрасли промышленности повсюду, съ одного конца озера до другаго, распространена мануфактура ткани изъ внутренней коры одного еще неописаннаго дерева, принадлежащаго къ растительной группѣ цизальпиніевыхъ. Нужно столько же терпѣнія, сколько и времени, чтобы снять эту кору, потомъ битьемъ и разминаніемъ сдѣлать ее мягкою и гибкою. Страшное количество одежды изъ коры указываетъ на каждогодное истребленіе неизмѣримаго числа деревъ, и, однако, прилежащія высоты все еще покрыты полезнымъ лѣсомъ.

Жители по озеру вовсе не красивы; женщины, — употребляя въ отношеніи къ прекрасному полу самое нѣжное изъ нашихъ выраженій, — *весьма* противны. Обыкновенно онѣ дѣлаютъ себя даже отвратительными вслѣдствіе средствъ, употребляемыхъ ими для приданія своимъ особамъ красоты и привлекательности. *Пелеле*, или украшеніе верхней губы носятъ всѣ дамы; самое цѣнное изъ нихъ — изъ чистаго олова, выкованное въ видѣ маленькаго блюдца; иное сдѣлано изъ бѣлаго кварца и придастъ носящей его видъ, какъ будто она проткнула себѣ сквозь губу дюймъ или еще болѣе прайсовской патентованной свѣчи, которая и торчитъ у кончика носа. Иныя дамы, не довольствуясь пелеле въ верхней губѣ, доходятъ до крайности, какъ это часто дѣлаютъ дамы, и вдѣваютъ еще одно въ нижнюю губу сквозь отверстіе, находящееся почти противъ нижнихъ десенъ. Нѣкоторыя пелеле дѣлаются изъ кровавокраснаго сорта трубочной глины; они весьма въ модѣ. Если смотрѣть на нихъ, какъ на губныя кольца, это „миленькія вещицы,“ но на видъ такъ противны, что ни время, ни привычка не могли довести нашихъ глазъ до того, чтобы они останавливались на нихъ безъ отвращенія.

Всѣ туземцы татуированы съ ногъ до головы; фигуры представляютъ характеристическіе признаки племенъ и измѣняются вмѣстѣ съ ними. Матумбока или атимбока выдавливаютъ на кожѣ своихъ лицъ маленькіе бугорки, такъ что съ виду кажется, будто они совершенно усыпаны бородавками или угрями. Молодыя дѣвушки красивы, пока это противное украшеніе не сдѣлаетъ чертъ ихъ лица жесткими и не придастъ имъ видъ старости. Невозможно описать ихъ платья по причинѣ необыкновенной скудости матеріяла, на него употребляемаго, а ихъ прекрасные зубы выщербливаются или заостряются на подобіе кошачьихъ.

По характеру племена, обитающія на озерѣ, довольно сходны съ другими жителями; между ними есть порядочные люди, но значительное число могло бы быть лучше. Они довольно щедры; когда кто-нибудь изъ насъ, какъ это часто бывало, подходилъ посмотрѣть на вытаскиваемую сѣть, то ему всегда предлагали рыбу. Когда мы однажды шли на парусахъ мимо значительнаго числа мужчинъ близъ одной изъ прекрасныхъ тоней у Памаломбе въ минуту, когда они вытаскивали на берегъ свои сѣти, насъ привѣтствовали и просили пріостановиться, и мы получили богатый подарокъ изъ прекрасной рыбы. Разъ послѣ полудня мы поздно зашли въ маленькое, расположенное на озерѣ, селеніе; тамъ нѣсколько жителей сѣли въ два челна, закинули свою сѣть, вытащили ее и весь уловъ подарили намъ. Сѣверный владѣлецъ, Маренга, статный, красивый мужчина, съ прекраснымъ орлинымъ носомъ, жившій въ палисадѣ, лежащемъ въ лѣсу, почти на двадцать миль къ сѣверу отъ горы Ковирве, поступилъ съ нами, какъ честный человѣкъ. Страна его простиралась отъ Дамбо до мѣстности къ сѣверу отъ холмовъ Макуза. Онъ былъ особенно великодушенъ и далъ богатый подарокъ пищею и пивомъ. „Носятъ въ вашей странѣ тякія вещи?“ спросилъ онъ, указывая на свой желѣзный браслетъ, украшенный мѣдными проволоками и стоившій дорого. Докторъ отвѣчалъ, что въ своемъ отечествѣ

никогда еще не видывалъ ничего такого. Вслѣдъ затѣмъ Маренга тотчасъ снялъ браслетъ и подарилъ ему, что́ сдѣлала такъ же и его супруга. На возвратномъ пути нашемъ на югъ съ горъ, поднимающихся около сѣвернаго конца озера, мы достигли резиденціи Маренга 7 октября. Такъ какъ онъ не могъ склонить насъ „весь день провести съ нимъ, чтобы попить его пива, которое“ какъ онъ говорилъ „совсѣмъ готово,“ и упустить благопріятный вѣтеръ, то снабдилъ насъ съѣстными припасами, которые были принесены прежде, чѣмъ мы ему дали какой-нибудь подарокъ. Намекая на лодочный парусъ, его люди говорили, что нѣтъ у нихъ „базимо“ или цѣннаго имущества, потому что они не выдумали ничего ему подобнаго. Владѣлецъ, Манкамбира, точно такъ же обошелся съ нами дружелюбно. Но повсюду, гдѣ производится торгъ невольниками, обитатели нечестны и невѣжливы; онъ непремѣнно оставляетъ на пути своемъ злобу и проклятіе. Первый вопросъ, съ которымъ обращались къ намъ въ мѣстахъ переходовъ черезъ озеро, былъ: „Вы пришли покупать невольниковъ?“ Когда имъ отвѣчали, что мы англичане и никогда не покупаемъ невольниковъ, спрашивающіе принимали гордую осанку и иногда отказывались продавать намъ съѣстные припасы. Этотъ недостатокъ въ уваженіи къ намъ могъ быть порожденъ вліяніемъ, какое на нихъ оказываютъ арабы, суда которыхъ иногда захватывались англійскими крейсерами, хотя служили для дозволенной законами торговли. Эти переводчики черезъ бродъ носятъ много иностранной выбойки, бусъ и мѣдной проволоки, и у иныхъ есть мушкетоны.

Близъ Читанда, недалеко отъ одного изъ невольничьихъ бродовъ, насъ въ первый разъ въ Африкѣ ограбили. Тутъ мы по опыту узнали, что эти люди, подобно цивилизованнымъ націямъ, имѣютъ въ своей средѣ ловкихъ мошенниковъ. Это могло быть простою случайностью, но мы никогда не страдали отъ безстыдства, потери собственности и никогда не подвергались опасности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ,

когда бывали между обитателями, знакомыми съ невольничествомъ. Мы такъ полагались на безопасность, что никогда ночью не ставили стражи, развѣ когда боялись предательства. Въ этомъ случаѣ наши туземные спутники справляли попойку пивомъ и отдѣлились съ небольшимъ ярдовъ на тридцать, чтобы мы не слыхали ихъ свободныхъ и непринужденныхъ хмѣльныхъ рѣчей, а двое изъ насъ были въ довольно сильной лихорадкѣ. Между тремя и четырьмя часами утра, пока мы, — съ ружьями и револьверами въ полной готовности, — безславно спали, нѣсколько длиннорукихъ господъ пришли и освободили насъ отъ бо́льшей части нашихъ вещей. Парусъ, подъ которымъ мы спали, не былъ прикрѣпленъ вокругъ, поэтому дѣло было легкое. Одинъ изъ насъ чувствовалъ, что его изголовье двигается, но въ сладкой дремотѣ, въ которую былъ погруженъ, подумалъ, что это кто-нибудь изъ служителей приводитъ въ порядокъ его одѣяло, и оставилъ его распорядиться, какъ онъ хочетъ.

Когда мы, какъ дѣлаютъ честные люди, проснулись въ обычный часъ, одинъ изъ насъ объявилъ о своей потерѣ съ возгласомъ: „моего саквояжа нѣтъ, со всѣмъ моимъ платьемъ, и сапоговъ моихъ также!“ „И моего,“ отвѣчалъ другой. „И моего также,“ подтвердилъ третій, „вмѣстѣ съ мѣшкомъ бусъ и рисомъ.“ — „И выбойка стащена?“ былъ любопытный вопросъ, такъ какъ это все равно было бы, какъ еслибъ украли всѣ наши деньги. Она была на эту ночь употреблена взамѣнъ изголовья и такимъ образомъ спасена. Мошенники бросили на берегу, какъ разъ у нашихъ постелей, барометръ и пару сапогъ, такъ какъ они, можетъ быть, думали, что мы въ этомъ имѣемъ нужду, или, по крайней мѣрѣ, что для нихъ это совершенно безполезно. Нѣсколько находившихся въ одномъ мѣшкѣ высушенныхъ растеній и рыбъ они выбросили намъ, но унесли много другихъ образчиковъ, собранныхъ нами; также нѣкоторыя наши записныя книжки и почти всю нашу одежду забрали съ собою. Одинъ изъ нашего общества всталъ вполнѣ безъ всего, что̀ ему принадлежало, въ томъ только,

что́ случайно было на немъ въ эту ночь; другой женскому любопытству обязанъ спасеніемъ лучшей своей одежды; ибо наканунѣ, въ воскресенье, отойдя отъ толпы, чтобы выкупаться и перемѣнить въ камышѣ одежду, онъ прежде, чѣмъ раздѣлся совсѣмъ, осмотрѣлся и замѣтилъ, что на него смотритъ множество дамъ. Онъ опять одѣлся, не выкупавшись и не перемѣнивъ платья. Бѣлой кожи стыдятся; она кажется неестественной, какъ безцвѣтный сельдерей или бѣлая мышь. Воротясь въ лагерь, постоянно окруженный шумомъ и толпами посѣтителей, онъ перемѣнилъ свое платье по наступленіи темноты; онъ надѣлъ лучшую свою одежду и спалъ въ ней, такъ какъ было слишкомъ поздно опять скидать ее, и такимъ образомъ украдена была только худшая.

Мы не могли заподозрить обитателей селенія, близъ котораго ночевали. Воры, вѣроятно, весь день слѣдили за нами и выжидали удобнаго случая. Наше подозрѣніе пало на нѣсколькихъ лицъ, которыя приходили съ восточнаго берега; но такъ какъ мы съ точностью не знали и надѣялись услышать, не будутъ ли наши вещи выставлены въ сосѣдствѣ на продажу, то не стали шумѣть изъ-за этого и принялись заготовлять себѣ новое платье. Къ нашей выгодѣ ружья и револьверы оставлены неприкосновенными; при всемъ томъ мы чувствовали, что въ высшей степени унизительно для вооруженныхъ людей быть такъ на-чисто ограбленными нѣсколькими черными плутами.

Нѣкоторыя изъ лучшихъ рыбныхъ ловлей, повидимому, составляютъ частную собственность. Однажды утромъ мы укрылись отъ бури въ пространной лагунѣ, соединявшейся съ озеромъ посредствомъ узкаго прохода. Поперекъ этого узкаго пути были вбиты сваи, между которыми оставались только промежутки для рыбныхъ корзинъ. Двадцать мужчинъ прилежно занимались выниманіемъ рыбы. Мы попробовали купить нѣсколько, но они отказались продать. Рыба принадлежала не имъ: они должны были отослать ее къ

собственнику этого мѣста. Собственникъ вскорѣ пришелъ и охотно продалъ, что́ мы просили.

Изъ кладбищъ иныя весьма хорошо расположены и старательно содержатся. Это замѣчено въ Читанда и особенно въ одномъ селеніи на южномъ берегу прекрасной гавани у мыса Мэклера. На восточной и южной сторонѣ были на кладбищѣ сдѣланы широкія и хорошія дорожки. Въ сѣверо-восточномъ углу стояла большая старая смоковница, и ея широко раскидывающіяся вѣтви бросали свою нѣжную тѣнь на послѣднія мѣста упокоенія мертвыхъ. Вокругъ священнаго мѣста росли еще разныя другія великолѣпныя деревья. Могилы были насыпаны, какъ въ нашемъ отечествѣ, но всѣ онѣ расположены отъ сѣвера къ югу, головами, повидимому, на сѣверъ. Могилы мужчинъ и женщинъ отличаются различной утварью, которую погребенные мертвецы употребляли при своихъ занятіяхъ во время жизни; но все это было переломано, какъ бы въ показаніе, что никогда уже не будетъ употребляться. Кусокъ рыболовной сѣти и сломанное весло указывали, что подъ этимъ дерномъ спитъ рыбакъ. На могилахъ женщинъ были деревянныя ступки и тяжелые песты, употребляемые для размелченія зеренъ, вмѣстѣ съ корзиной, въ которой сѣютъ муку, между тѣмъ какъ многочисленныя тыквенныя бутылки и разбитые горшки были расположены вокругъ. Повидимому, пѣтъ мысли, что будущая жизнь схожа съ настоящей; однако, въ головахъ многихъ могилъ заботливо выращивается банановое дерево. Если оно стоитъ тамъ не для одного только украшенія, то плодъ его можно почитать жертвой для тѣхъ, у кого все еще сохраняется человѣческій вкусъ. Обитатели сосѣднихъ селеній были дружелюбны, гостепріимны и охотно вынесли для продажи жизненные припасы.

Продолжая наше изслѣдованіе, мы нашли, что сѣверная часть озера была жилищемъ беззаконія и кровопролитія. Мазите, или мазиту, живутъ на возвышенностяхъ и дѣлаютъ

внезапные хищническіе набѣги на жителей равнинъ. Они изъ зулу, вышедшихъ первоначально съ юга, внутренней страны Софалла и Нигамбане, и принадлежатъ къ той же семьѣ, какъ и тѣ, которые берутъ ежегодную дань съ португальцевъ на Замбези. Незадолго всѣ селенія къ сѣверу отъ резиденціи Манкамбира (11° 44′ южн. шир.) были разрушены этими страшными хищниками, но при нападеніи своемъ на названнаго владѣльца и Маренга потерпѣли пораженіе. Чащи и палисады вокругъ селеній дали стрѣлкамъ изъ луковъ возможность безопасно стрѣлять въ мазиту, между тѣмъ какъ тѣ боялись близко подойти къ мѣсту, гдѣ не могли воспользоваться своими щитами. По другую сторону резиденціи Манкамбира мы видѣли сожженныя селенія и гніющія тѣла многихъ, павшихъ подъ копьями мазиту только за нѣсколько дней. Наше сухопутное отдѣленіе боялось идти далѣе и безъ кого-нибудь изъ европейцевъ въ средѣ своей страшилось повстрѣчаться съ исполнителями страшной мести, свидѣтельство которой видѣли на каждомъ шагу. Этотъ отказъ шедшаго по берегу туземнаго отряда идти далѣе безъ сопровожденія бѣлаго человѣка былъ весьма естественъ, ибо предполагалось, что шайки врага, опустошившаго эту страну, были все еще гдѣ-нибудь около. Еслибы эти хищники увидѣли людей только одного съ ними цвѣта, то могли бы тотчасъ напасть на это общество. Исполненіе просьбы вело къ исходу, который могъ бы сопровождаться весьма важными послѣдствіями. Д-ръ Ливингстонъ въ продолженіе четырехъ дней былъ разлученъ съ отрядомъ, находившимся въ лодкѣ. Послѣ того какъ онъ сдѣлалъ съ сухопутнымъ отрядомъ переходъ въ первое утро и приказалъ лодкѣ окликнуть себя въ какой-нибудь находящейся въ виду бухтѣ, оба отряда двинулись впередъ на сѣверъ. Черезъ часъ д-ръ Ливингстонъ и его отрядъ вдались внутрь страны, такъ какъ они достигли подошвы горы, круто подымавшейся изъ озера. Полагая, что они прослышали о какой-нибудь дорогѣ, идущей позади высокой горной цѣпи, образующей тамъ берегъ, отрядъ, нахо-

дившійся въ лодкѣ, продолжалъ свой путь; но вѣтеръ скоро сталъ дуть такъ сильно, что для спасенія себя должно было поспѣшить къ берегу. Пока они часа два держались тамъ, были посланы два человѣка на холмы посмотрѣть шедшій сухимъ путемъ отрядъ, но тѣ вовсе не видали его. Отрядъ въ лодкѣ, какъ только миновала опасность, пошелъ на парусахъ въ озеро, въ увѣренности, что потерявшіеся опять найдутся дальше на лежащемъ передъ ними озерѣ.

Скоро миновали небольшой островъ, или группу скалъ, на которой было значительное число вооруженныхъ мазиту съ нѣсколькими молодыми женщинами, повидимому, ихъ женами. Начальникъ сказалъ, что онъ раненъ Манкамбира въ ногу и думаетъ остаться тутъ, пока въ состояніи будетъ идти къ своему владѣльцу, живущему на горахъ. У нихъ нѣсколько большихъ челновъ, и видимо было, что это гнѣздо пиратовъ, выѣзжавшихъ ночью для убійства и грабежа. Они говорили, что сзади холмовъ есть дорога, и, когда экипажъ снова успокоился, лодка пошла дальше. Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда наткнулись на другую, еще бо́льшую шайку пиратовъ, и сотни вороновъ и коршуновъ парили надъ скалами и около скалъ, на которыхъ они жили. Д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ, хотя и получили въ повелительномъ тонѣ приказаніе пристать къ берегу, продолжали свой путь. Тогда значительное число челновъ отдѣлилось отъ скалъ и погналось за ними. Одинъ съ девятью сильными гребцами все еще продолжалъ погоню, когда всѣ другіе прекратили ее. Благопріятный вѣтеръ, однако, далъ лодкѣ возможность легко уйти. Когда лодка отплыла отъ двѣнадцати до пятнадцати миль на сѣверъ отъ пункта, гдѣ покинули д-ра Ливингстона, стало очевиднымъ, что онъ долженъ былъ отстать; но едва повернули носъ лодки на югъ, какъ опять буря вынудила искать защиты въ бухтѣ. Здѣсь находилось значительное число несчастныхъ бѣглецевъ, которые спасались отъ торга не-

вольниками на противоположномъ берегу озера; первоначальные обитатели этого мѣста, годъ назадъ, всѣ были истреблены мазиту. Въ покинутыхъ садахъ мы видѣли превосходный хлопокъ: на нѣкоторыхъ экземплярахъ его стапель былъ въ полтора дюйма длиною и превосходнаго качества; другіе были необыкновенно велики и заслуживали быть причисленными къ деревьямъ.

Когда отрядъ попробовалъ купить жизненныхъ припасовъ, у туземцевъ нечего было продать, кромѣ небольшаго количества сухихъ корней маніока и нѣсколькихъ рыбъ; за одну большую рыбу требовали два ярда каленкору. Когда буря не препятствовала возвращенію, прежніе преслѣдователи пытались заманить экипажъ лодки на берегъ, утверждая, что у нихъ есть много слоновьей кости для продажи. Вслѣдствіе ряда бурь лодка только на четвертый день послѣ разлуки найдена была д-ромъ Ливингстономъ, который пришелъ отыскивать ее только съ двумя изъ своихъ спутниковъ.

Прошедши короткое разстояніе по дорогѣ, на которой потерялись изъ виду, они увидѣли, что понадобится нѣсколько дней, чтобы обойти горы и опять выйти къ озеру; поэтому снова спустились къ бухтѣ, ожидая найти лодку, но увидѣли ее уже отплывающею на сѣверъ. Отрядъ д-ра Ливингстона какъ можно скорѣе пустился впередъ; но горный отрогъ, образующій берегъ, оказался необыкновенно скучнымъ и утомительнымъ. Хотя они шли весь день, однако же, пройденное разстояніе по прямой линіи не превышало пяти миль. Какъ скоро показался новый день, походъ былъ продолженъ. Услыхавъ на первыхъ обитаемыхъ скалахъ, что ихъ спутники за день проходили мимо этихъ мѣстъ, они убили одну изъ бывшихъ съ ними четырехъ козъ; какъ вдругъ къ явному смущенію отряда явились семь мазиту, вооруженныхъ копьями и щитами, съ головами фантастически украшенными перьями. Чтобы войти въ переговоры, къ нимъ приблизились безъ оружія д-ръ Ливингстонъ и Молока, одинъ изъ макалоло, говорившій по-зулу. Когда д-ръ Ливингстонъ подо-

шелъ къ мазиту, они приказали ему остановиться и сѣсть на солнечномъ свѣтѣ, между тѣмъ сами сидѣли въ тѣни. „Нѣтъ, нѣтъ“, было отвѣтомъ: „если вы въ тѣни сидите, то и мы хотимъ того же“. Тогда они забили своими дубинами въ щиты,—пріемъ, обыкновенно внушающій ужасъ; но Молока замѣтилъ: „Не въ первый разъ намъ слышать, какъ бьютъ въ щиты“. И всѣ сѣли вмѣстѣ. Мазиту просили подарка для показанія своему владѣльцу, что они дѣйствительно встрѣтили чужеземцевъ, — въ доказательство, что они видѣли людей, которые вовсе не были арабы. А ихъ попросили отвести этихъ чужеземцевъ къ лодкѣ или къ ихъ владѣльцу. Всѣ вещи были въ лодкѣ. Чтобы показать, что у него нѣтъ въ карманахъ такого подарка, какого они просятъ, д-ръ Ливингстонъ опорожнилъ ихъ и, между прочимъ, выложилъ записную книжку; полагая, что это пистолетъ, они вскочили и сказали: „Спрячь это назадъ“. Болѣе молодые стали тогда буйны и требовали козы. Этого нельзя было уступить, такъ какъ козы были единственнымъ жизненнымъ припасомъ. Когда мазиту настаивали на этомъ, ихъ спросили, сколькихъ изъ общества они убили, что начинаютъ такимъ образомъ дѣлить добычу. Это ихъ очевидно пристыдило. Пожилые были благоразумнѣе; они боялись измѣны и столько же трусили д-ра Ливингстона и его общества, сколько его люди трусили ихъ; ибо когда разстались, то побѣжали на холмы, какъ вспугнутая дичь. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно начальникъ, былъ женатъ, судя по тому, что часть его волосъ была сшита въ кольце. По зубамъ ихъ замѣтили, что всѣ они принадлежали странѣ, населенной племенемъ зулу.

Дорога шла все еще по крутымъ хребтамъ горъ съ ущельями отъ 500 до 1,000 футовъ глубины. На нѣкоторыя стѣны приходилось взбираться на четверенькахъ, и, едва достигали вершины, снова начиналось спусканье внизъ; въ каждомъ ущельѣ протекалъ потокъ. Вся страна, такая неровная, была, однако, воздѣлана и густо населена. Много банановыхъ

деревъ, покинутыхъ зерновыхъ растеній и бобоваго кустарника конго свидѣтельствовали о прежнемъ воздѣлываніи. Все народонаселеніе было уничтожено; разрушенныя селенія, изломанная утварь и человѣческіе остовы, на которые натыкались на каждомъ шагу, повѣствовали печальную сагу „о человѣческомъ нечеловѣколюбіи къ человѣку“. Убитыхъ было такъ много, что думали: вѣроятно, обитатели были избиты за враждебное нападеніе, сдѣланное ими на зулу для похищенія скота.

Мы догадались, что такова была причина поголовной рѣзни, потому что зулу обыкновенно не убиваютъ никого, кромѣ взрослыхъ и сильныхъ мужчинъ. Цѣль ихъ нападеній, вообще, похищеніе женъ и дѣтей, которыя могли бы быть присоединены къ племени и сдѣлаться зулу. Владѣльцы плѣнныхъ дружелюбны къ нимъ, и дѣти ставятся въ тоже положеніе, какъ и дѣти кого-нибудь изъ ихъ среды. Въ этомъ обычномъ планѣ мы, повидимому, могли бы видѣть отношенія, такъ выхваляемыя нѣкоторыми защитниками невольничества. Члены маленькихъ враждебныхъ общинъ подчиняются сильному правительству, получаютъ дружелюбныхъ господъ, которымъ не дозволяется ихъ промѣнивать иначе, какъ только своимъ же соплеменникамъ, а дѣти ихъ становятся свободными. Тѣмъ не менѣе, это печальная система, какъ то часто находили наши глаза и ноздри по гніющимъ трупамъ убитыхъ, но во всякомъ случаѣ все же не такъ дурна, какъ та, которая, распространяя все бо́льшее презрѣніе къ человѣческой жизни, осуждаетъ на вѣчное рабство оставшіяся въ живыхъ жертвы. Зулу, какъ говорятъ, никогда не продаютъ своихъ плѣнныхъ.

При отрядѣ, шедшемъ сухимъ путемъ, было нѣсколько сеннаанцевъ. Одинъ изъ нихъ, гадатель на зерни, смерть боявшійся мазиту, удралъ въ ту минуту, какъ увидалъ нашихъ посѣтителей. Передъ уходомъ товарищи кликали и призывали его выстрѣлами изъ своихъ мушкетоновъ; но онъ не далъ выманить себя изъ своего убѣжища.

Такъ какъ отрядъ д-ра Ливингстона продолжалъ путешествіе въ эту ночь до тѣхъ поръ, пока ничего нельзя было видѣть, то всѣ заснули, сами того не зная, на краю глубокой пропасти; огня не разводили, чтобы не замѣтили мазиту. На слѣдующее утро бо́льшая часть людей были совершенно измучены; вѣроятно, страхъ предшествовавшаго дня послужилъ къ увеличенію изнуренія, на которое они жаловались. Однако же, когда было заявлено, что, за исключеніемъ двухъ, Молока и Чарои, всѣ могутъ вернуться въ селеніе Манкамбира, они не хотѣли этого, пока ихъ не увѣрили, что это не будетъ сочтено за бѣгство. Имъ дана была въ видѣ провіанта одна изъ козъ, а другая убита для остальнаго общества, которое, нашедши на скалахъ челнъ, принадлежавшій одному изъ покинутыхъ селеній, рѣшилось идти опять въ озеро. Но челнъ былъ очень малъ; а остававшаяся еще коза, не смотря на неоднократную угрозу перерѣзать ей горло, прыгала и каталась такъ, что почти опрокинула его. Д-ръ Ливингстонъ поэтому снова вышелъ на берегъ и, проведя еще одну ночь безъ огня, т. е. разводя только такой, какой нуженъ былъ для приготовленія пищи, съ великою радостью увидѣлъ возвращающуюся лодку.

Мы прошли въ этотъ день до селенія Манкамбира, разстояніе, которое при переходѣ по берегу потребовало бы трехъ дней самыхъ изнурительныхъ усилій. Это была самая крайняя широта, какой мы достигли, 11° 44′ ю. ш. Лодка заходила почти на 24′ далѣе на сѣверъ; отрядъ, шедшій сухимъ путемъ достигъ, вѣроятно, до половины этого разстоянія, но лихорадка препятствовала употребленію инструментовъ. По этому д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ заходили на озерѣ дальше всего и видѣли дальше точки своего поворота почти на 20′, т. е. мѣста въ десятомъ градусѣ южной широты. Съ высотъ, достигающихъ, по крайней мѣрѣ, тысячи футовъ, на которыхъ мучился отрядъ, шедшій сухимъ путемъ, видно, что темныя массы горъ примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ къ озеру. Съ этихъ высотъ видъ раскидывается, по крайней мѣрѣ,

такъ же далеко, какъ представляющійся изъ лодки, и мы полагаемъ, что конецъ озера лежитъ на южныхъ предѣлахъ 10° или сѣверныхъ границахъ 11° юж. шир.

Манкамбира думалъ, что нашъ вѣщунъ умретъ съ голоду въ горахъ, но обѣщалъ въ случаѣ, если онъ останется живъ и придетъ къ нему, дать ему жизненныхъ припасовъ и послать его къ намъ. Недѣлю спустя бѣдный парень вернулся къ намъ, къ великому удовольствію своихъ товарищей, побѣжавшихъ встрѣтить его и привѣтствовать: они плясали и ликовали отъ радости и стрѣляли изъ своихъ мушкетоновъ. Изъ своего убѣжища онъ слышалъ, какъ товарищи звали его и стрѣляли, но не отвѣчалъ, ибо думалъ, что они сражаются съ мазиту. Наконецъ, голодъ согналъ его съ горъ. Манкамбира принялъ его дружелюбно, далъ ему жизненныхъ припасовъ и послалъ дальше, какъ обѣщалъ. Между селеніями Манкамбира и Маренга напала на него шайка суровыхъ молодцевъ, ограбила его и наложила ему на шею невольничью колодку, съ намѣреніемъ продать, какъ невольника; но нѣкоторые пожилые люди сказали, что если они украдутъ его, то англичане вернутся и отомстятъ за это, и отпустили его. Маренга такъ же далъ ему припасовъ и кусокъ ткани изъ древесной коры для одежды.

Слоновъ довольно много по берегамъ озера, и они изумительно ручны, такъ что часто находятъ ихъ у самыхъ селеній. Бегемоты въ весьма большомъ числѣ спокойно толпятся въ бухтахъ и лагунахъ, а на самомъ озерѣ иногда видны ихъ стада. Безбоязненность ихъ основывается на томъ, что отравленныя стрѣлы не дѣйствуютъ ни на тѣхъ, ни на другихъ. Во время нашего путешествія ихъ было застрѣлено по пяти, для пополненія жизненныхъ припасовъ. Изъ слоновъ были двѣ матки, и у обоихъ только по одному бивню; каждая была убита съ одного выстрѣла. Когда въ отношеніи къ пищѣ находишься въ зависимости отъ ружья, то всегда бываетъ или голодное время, или пресыщеніе, —

или мяса вволю, или его совсѣмъ нѣтъ. Чаще всего́ чувствуется недостатокъ въ пищѣ, за исключеніемъ изобилія дичи, какъ это бываетъ далеко вверхъ по Замбези. Въ одно утро у насъ было два бегемота и слонъ, въ цѣломъ, можетъ быть, слишкомъ восемь тоннъ мяса, а два дня спустя къ обѣду имѣли только остатки отъ нѣсколькихъ анчоусовъ.

Однажды утромъ, плывя на парусахъ около довольно густо населенной мѣстности, мы были изумлены, увидя около берега девять большихъ слоновъ-самцевъ, которые спокойно стояли повѣсивъ свои колоссальныя уши. Обрадованные благопріятнымъ случаемъ добыть немного свѣжаго мяса, мы высадились и выстрѣлили въ одного. Они всѣ потянулись въ болотистое мѣсто между двумя селеніями. Наши люди преслѣдовали ихъ и стрѣляли въ стадо. Стоя на песчаномъ холмѣ, мы могли видѣть, какъ раненыя животныя накачивали хоботами потоки воды на свои спины. Стадо скоро обратилось на насъ, и одинъ изъ раненыхъ бѣжалъ къ бухтѣ. Однако, ни онъ, ни другіе не пытались напасть. Когда ружейной пулей повредили ему ногу, мы стали стрѣлять въ него въ сорока ярдахъ такъ быстро, какъ только могли заряжать ружья и спускать курки. Онъ только встряхивалъ головою при каждомъ выстрѣлѣ и принялъ, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ энфильдовскихъ пуль прежде, чѣмъ свалился. Нашъ превосходный матросъ съ сѣвера Ирландіи случайно сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ и, какъ только увидѣлъ, что животное упало, обернувшись съ торжествующимъ видомъ къ доктору, вскричалъ: „Это сдѣлалъ *мой* выстрѣлъ, сэръ!“

Въ нѣсколько минутъ болѣе тысячи туземцевъ окружили растянувшагося царя животныхъ. Когда наши люди выбрали все, что́ хотѣли, жители селенія получили приглашеніе взять остальное. Они бросились на это, какъ голодные гіены, и въ невѣроятно короткое время исчезло все до порошинки. Мы почувствовали себя оправданными въ убійствѣ этого благороднаго созданія только тогда, какъ узнали, что все мясо пошло въ прокъ. Бивни вѣсили каждый по 62 фунта. Отъ обитающихъ на

Ніасса можно получать слоновью кость въ большомъ количествѣ. Намъ часто говорили, что она есть у нихъ въ хижинахъ.

Пока буря 17 октября держала насъ въ устьѣ Каомбе, насъ посѣтило нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ одному арабу, проживавшему уже четырнадцать лѣтъ во внутренней странѣ, въ селеніи Катанга, къ югу отъ резиденціи Казембе. У нихъ была слоновья кость, малахитъ, мѣдныя кольца и невольники для обмѣна всего этого на озерѣ на выбойку. Малахитъ, какъ говорятъ, добывается изъ богатой жилы на склонахъ горы, лежащей близъ селенія Катанга. Они знали озеро Танганіика, но о Замбези ничего и не слыхивали. Они совершенно положительно утверждали, что вода озера Танганіика истекаетъ съ конца противоположнаго концу Ніасса. Такъ какъ они не видали ни одной изъ двухъ рѣкъ, то мы сочли это просто отрывкомъ изъ арабской географіи. На слѣдующій день мы проходили мимо ихъ поселенія, состоящаго изъ длинныхъ сараевъ, и убѣдились, что арабы, должно быть, ведутъ хорошую торговлю. Трудно узнать опредѣленные факты относительно лежащей передъ нами страны или добыть отъ туземцевъ какое-нибудь положительное свѣденіе. Нѣкоторые такъ недовѣрчивы къ чужеземцамъ, что выказываютъ въ своихъ отвѣтахъ самую крайнюю осторожность и неохотно поддаются какому бы то ни было выспрашиванію, между тѣмъ какъ другіе даютъ большую волю своей фантазіи и разсказываютъ чудеса, напоминающія самыя романическія сказки прежнихъ путешественниковъ, или говорятъ только то, о чемъ думаютъ, что оно понравится.

„Далеко ли до конца озера?“ спросили мы одного умноглядящаго туземца въ южной части. „Другой конецъ озера!“ вскричалъ онъ съ дѣйствительнымъ или хорошо поддѣльнымъ изумленіемъ, „кто слыхалъ о чемъ-нибудь подобномъ? Если кто-нибудь будучи младенцемъ отправится странствовать на другой конецъ озера, то прежде, чѣмъ дойдетъ туда, сдѣлается сѣдымъ старикомъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы

пробовали что-нибудь подобное.“ На Ровума сказали намъ, что это рѣка вытекаетъ изъ озера Ніасса, а на нижней половинѣ озера каждый увѣрялъ, что можетъ провести челнъ изъ Ніасса въ Ровума; но выше этихъ мѣстъ свидѣтельство жителей было различно: одни говорили, что она течетъ около озера, но не выходитъ изъ него, а другіе съ такою же положительностью утверждали, что она на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ озера Ніасса. Манкамбира никогда ничего не слыхалъ о большой рѣкѣ на сѣверѣ и даже совершенно отрицалъ ея существованіе, причемъ онъ въ то же время сообщилъ намъ имена различныхъ станцій вокругъ верхняго конца озера и число дней, сколько понадобится, чтобы достигнуть берега, противоположнаго его селенію; это число, на сколько мы могли судить, соотвѣтствовало разстоянію, въ которомъ мы предполагали конецъ озера.

Торговля невольниками на озерѣ идетъ въ ужасномъ размѣрѣ. Два предпріимчивые араба построили судно, и оно, наполненное невольниками, дѣлаетъ правильные рейсы по озеру. Намъ говорили, что они отправились въ путь за день до того, какъ мы достигли ихъ главной квартиры. Это заведеніе лежитъ на широтѣ португальскаго невольничьяго порта Ибо и отчасти снабжаетъ этотъ безчестный рынокъ; но бо́льшая часть невольниковъ идетъ въ Кильва *). Мы не

*) При одномъ случаѣ нашъ крейсеръ, „Уэспъ“, когда онъ зашелъ въ Ибо, былъ принятъ за большое невольничье судно, котораго какъ разъ тогда ожидали. Находившіеся вблизи невольники всѣ поспѣшно были согнаны въ городъ, и, когда капитанъ Стирлингъ присталъ къ берегу, его судно было полно ими. Нашъ другъ, маіоръ Сикардъ, былъ тогда дѣйствительнымъ губернаторомъ Ибо, хотя совершенно противъ собственнаго желанія. Сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣдній умершій губернаторъ въ нѣкоторыхъ ящикахъ оставилъ огромныя суммы денегъ, накопленныя посредствомъ торга невольниками, и генералъ-губернаторъ, какъ говорятъ, былъ весьма смущенъ тѣмъ, что его довѣренный велъ себя такъ постыдно. Маіоръ Сикардъ только что получилъ благодарность нашего правительства за свое въ высшей степени безкорыстное дружелюбіе къ экспедиціи (и теперь, когда онъ, какъ мы думаемъ, вступилъ

замѣтили большаго требованія на мѣну. Было предложено на продажу нѣсколько слоновьей кости; но главный торгъ былъ человѣчьимъ скотомъ. О! если бы мы могли дать полное представленіе объ ужасѣ торга невольниками, хотя бы съ приблизительнымъ опредѣленіемъ числа человѣческихъ жизней, которыя онъ ежегодно пресѣкаетъ! ибо мы убѣждены, что еслибы описать вполовину то, что́ дѣйствительно происходитъ, то чувства людей были бы такъ возбуждены, что эта дьявольская торговля человѣчьимъ мясомъ была бы подавляема при всякомъ случаѣ; но ни у насъ, ни у кого-нибудь другаго нѣтъ необходимыхъ для подобнаго труда статистическихъ свѣдѣній. Мы хотимъ сообщить то, что́ знаемъ объ одной части Африки; каждый читатель, довѣряющій нашему разсказу, можетъ, сравнительно съ этими извѣстными страданіями, опредѣлить неизвѣстныя. Полковникъ Ригби, ея величества политическій агентъ и консулъ въ Занзибарѣ недавно умершій, сообщилъ намъ, что изъ одной только этой страны Нiасса ежегодно проходятъ черезъ

въ лучшій міръ, мы должны сказать, что благодарность государства никогда не сопровождалась болѣе искренней личной благодарностью), и генералъ-губернаторъ выбралъ его для занятія вакантнаго мѣста губернатора въ Нбо до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ и не забудется тогда еще новый скандалъ. Маіоръ Сикардъ протестовалъ противъ того, что его такимъ образомъ ставятъ надъ гнѣздомъ торговцевъ невольниками, изъ котораго едвали возможно какому-нибудь португальцу выйти съ незапятнанной честью и естественно боялся, что положеніе, въ какое онъ былъ поставленъ полученіемъ благодарности англійскаго правительства, отъ такого двусмысленнаго назначенія понесетъ значительный ущербъ. Всѣ его противорѣчія были тщетны, ибо генералъ-губернаторъ настоялъ на томъ, и нашему другу, какъ солдату, ничего не оставалось болѣе, какъ повиноваться. Когда капитанъ Стирлингъ высадился, маіоръ Сикардъ своимъ собственнымъ ложнымъ положеніемъ и криками готовыхъ къ вывозу невольниковъ поставленъ былъ въ столь большое замѣшательство, что едва могъ говорить и, забывши свою обычную постоянную вѣжливость, даже ни разу не пригласилъ садиться своего посѣтителя. Едва можно вообразить себѣ какъ сильно искушеніе, которому должны подвергаться офицеры въ такомъ мѣстѣ, какъ Нбо, существующемъ только своей обширной торговлей невольниками и гдѣ каждый сколько-нибудь совѣстливый относительно прибыли вообще считается за глупца.

таможню острова 19,000 невольниковъ. Сюда, естественно, не входятъ еще тѣ, которые отсылаются въ португальскія невольничьи гавани. Примемъ, однако, что этимъ числомъ. 19,000, ограничиваются всѣ жертвы. Тѣ, которые выведены изъ страны, составляютъ только весьма небольшую часть страждущихъ. Мы никогда не имѣли понятія объ отвратительной сущности этой торговли, пока не увидѣли ея въ источникѣ. Тамъ на самомъ дѣлѣ „дьяволъ предсѣдитъ". Кромѣ тѣхъ, которые дѣйствительно взяты въ плѣнъ, тысячи убиваются или умираютъ отъ ранъ и отъ голода, когда ихъ только просто выгонятъ изъ ихъ селеній, и отъ мысли о предстоящемъ невольничествѣ. Тысячи гибнутъ въ кровопролитной войнѣ, какую они, чтобы достать невольниковъ, ведутъ со своими собственными соплеменниками и сосѣдями, которыхъ убиваютъ изъ корыстныхъ видовъ, занесенныхъ сюда — объ этомъ постоянно нужно помнить — съ Кубы и изъ другихъ мѣстъ торговцами невольниками. Множество остововъ, видѣнныхъ нами на скалахъ и въ лѣсахъ, на небольшихъ прудахъ и вдоль тропинокъ дичи, свидѣтельствовали о страшной тратѣ человѣческой жизни, которая прямо или косвеннымъ образомъ должна быть приписана этой адской торговлѣ. Мы можемъ просить нашихъ земляковъ вѣрить намъ, когда мы утверждаемъ, какъ это мы можемъ сдѣлать съ полнымъ сознаніемъ, что, по нашему мнѣнію, хорошо обдуманному и вытекающему изъ того, что мы узнали и видѣли, менѣе пятой части жертвъ торга невольниками становится невольниками. Если бы долину Шяре принять средней кормой, то мы могли бы сказать, что никогда и десятая часть не достигаетъ мѣста своего назначенія. Такъ какъ эта система заключаетъ въ себѣ такое страшное расточеніе человѣческой жизни,—не должны ли мы сказать, человѣческой рабочей силы? — и сверхъ того непосредственно служитъ къ постоянному удерживанію въ варварскомъ состояніи тѣхъ, которые остаются въ странѣ, то доводъ, выставляемый для поддержанія этого опустошительнаго хода

дѣлъ, именно, что все же частица обращенныхъ въ рабство находитъ хорошихъ господъ, вовсе не имѣетъ большаго значенія. Это разсужденіе, если оно не произведеніе невѣжества, во всякомъ случаѣ, разультатъ нетрезвой любви къ человѣчеству. Маленькій вооруженный пароходъ на озерѣ Ніасса могъ бы въ этой странѣ легко положить конецъ безчестной торговлѣ тѣмъ, что ввелъ бы контроль и открылъ бы обмѣнъ товаровъ на слоновью кость и другіе продукты; ибо почти всѣ они должны идти черезъ озеро или черезъ верхнюю Шире.

Наше изслѣдованіе озера продолжалось со 2-го сентября по 27-е октября 1861 г., и такъ какъ мы бо́льшую часть вещей, взятыхъ съ собою, истратили или потеряли, то по необходимости должны были вернуться къ судну. Когда на обратномъ пути мы были около южнаго конца, намъ сказали, что большая толпа невольниковъ только-что переправлена на восточную сторону. Вечеромъ мы слышали три выстрѣла изъ пушекъ и по звуку заключили, что это должны быть по крайней мѣрѣ шестифунтовыя орудія. Говорятъ, они принадлежали одному владѣльцу аджава, по имени Муката.

Когда мы спускались по Шире, то въ широкомъ папирусовомъ поясѣ вокругъ маленькаго озера Памаломбе, въ которое расширяется эта рѣка, мы нашли скрывающимся значительное число семействъ манганджа, изгнанныхъ изъ мѣстъ своего обитанія вторженіемъ аджава. Папирусъ росъ такъ густо, что когда его уминали, онъ выдерживалъ небольшія временныя хижины, хотя при переходѣ изъ одной хижины въ другую подымался и опускался подъ ногами, какъ тонкій ледъ у насъ.

Между собою и берегомъ они оставили нетронутымъ густой и непроницаемый лѣсъ папируса, и проходя съ этой стороны никогда никто не догадался бы, что тутъ живутъ человѣческія существа. Съ юга они пришли въ эти мѣста на своихъ челнахъ, дававшихъ имъ возможность доставлять себѣ продовольствіе прекрасною рыбою, которой огромное

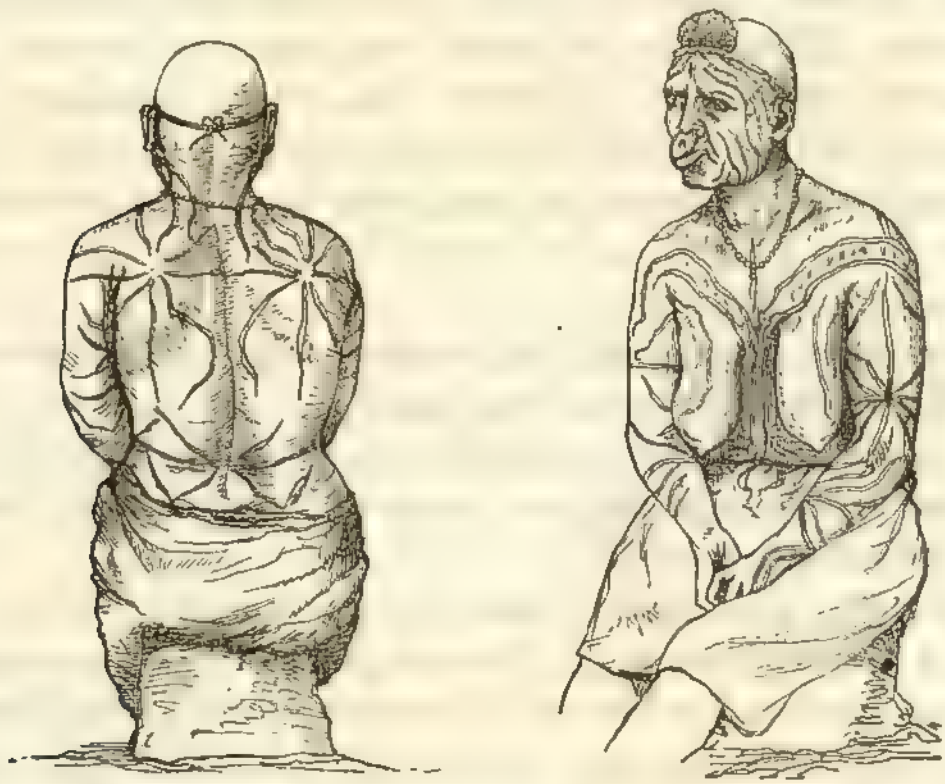
множество въ маленькомъ озерѣ. У нихъ было большое количество превосходной соли, зашитой въ древесную кору, и мы купили ея немного, такъ какъ наша подходила къ концу. Мы всю ночь простояли на якорѣ противъ ихъ плавающаго лагеря, и насъ мучили своимъ присутствіемъ миріады москитосовъ. Нѣкоторые туземцы выказываютъ вполнѣ изумительную любовь къ отечеству. На горахъ, лежащихъ на сѣверѣ озера, мы видѣли бѣглецовъ, которые, не смотря на голоданье и на постоянную опасность быть убитыми мазиту, упорно были привязаны къ мѣсту, гдѣ прошли ихъ дѣтство и юность.

Нѣсколько миль ниже небольшаго озера — послѣднее изъ большихъ мѣстъ перехода невольниковъ. Со времени вторженія аджава, селенія на лѣвомъ берегу покинуты, и обитатели живутъ на правомъ или западномъ берегу, какъ мы видѣли, идя вверхъ по рѣкѣ.

Когда мы на нѣсколько минутъ остановились у значительныхъ рыбныхъ ловлей въ Мовунгути, пришелъ посмотрѣть насъ на взглядъ изнѣженный молодой человѣкъ изъ какого-то приморскаго племени, съ большою свитою. Онъ шелъ подъ большимъ зонтикомъ, и его сопровождали пять красивыхъ женщинъ, великолѣпно одѣтыхъ и украшенныхъ съ намѣреніемъ привлечь купцовъ. Одна несла его трубку, служащую для куренія конопли, называемой здѣсь „chamba“, другая его лукъ и стрѣлы, третья боевой топоръ, четвертая платье, между тѣмъ какъ послѣдняя готова была взять его зонтикъ, если онъ почувствуетъ себя утомленнымъ. Эта выставка товара имѣла цѣлью возбудить желаніе какого-нибудь владѣтеля, имѣющаго слоновью кость, и могла быть названа законнымъ видомъ торговли невольниками. Въ какомъ отношеніи этотъ видъ находится къ прочимъ способамъ торга, которыми на нашихъ глазахъ производилась эта торговля, объ этомъ мы никогда не въ состояніи были составить себѣ понятіе. Онъ усѣлся и нѣсколько минутъ разсматривалъ насъ, между тѣмъ какъ молодыя дамы стали сзади

его на колѣни; вѣроятно, убѣдившись, что мы вовсе не покупатели, онъ ушелъ опять.

Когда мы, при первомъ нашемъ походѣ, высадились около этого мѣста, то встрѣтили женщину среднихъ лѣтъ, имѣв-



Старая женщина изъ манганджа; у нея пелеле или губное кольце и татуировка лица, рукъ и тѣла, состоящая изъ перекрещивающихся линій.

щую значительныя умственныя способности и обладавшую лучшимъ знаніемъ страны, чѣмъ кто-либо изъ мужчинъ. Отъ нея мы получили первое опредѣленное свѣденіе объ озерѣ Ніасса. Когда она увидѣла, что мы дѣлаемъ отмѣтки, то замѣтила, что была у моря и видѣла тамъ, какъ пишутъ бѣлые люди. Она видѣла и верблюдовъ, вѣроятно, у арабовъ. Она была изъ племени манганджа, единственная женщина, которая стыдилась носить пелеле или губное кольце. Она вернулась въ свою хижину, вынула кольце и, разговаривая съ нами, закрывала ротъ рукою, чтобы скрыть отвратительное отверстіе въ губѣ. Всѣ обитатели селенія уважали ее, и даже старшины въ ея присутствіи занимали второе мѣсто.

Когда мы теперь спрашивали о ней, то узнали, что она умерла. Для опредѣленія относительной смертности на возвышенности и въ низменностяхъ, у насъ никогда не было достаточнаго матеріяла: но, по многимъ весьма старымъ, сѣдовласымъ чернымъ, которыхъ мы видѣли на возвышенности, мы сочли вѣроятнымъ, что сами туземцы живутъ тѣмъ долѣе, чѣмъ выше расположены ихъ жилища.

Далѣе внизу мы высадились въ селеніи Микена и дѣлали наблюденія долготъ для провѣрки справедливости тѣхъ, которыя мы сдѣлали за два года прежде. Селеніе было покинуто; Микена и его люди бѣжали на ту сторону рѣки. Нѣсколько человѣкъ переправились сюда въ это утро для работъ въ своихъ прежнихъ садахъ. Сдѣлавши наблюденія, мы позавтракали, и, когда послѣднія вещи отнесены были въ лодку, пришелъ одинъ манганджа, спѣшившій къ своему челну и кричавшій: „Аджава сейчасъ убили моихъ товарищей!“ Мы отчалили и черезъ двѣ минуты на мѣстѣ, гдѣ завтракали, стоялъ съ своими мушкетонами авангардъ большой хищнической шайки. Они были очевидно изумлены, увидѣвъ насъ тамъ, и остановились; то же сдѣлалъ и главный корпусъ, человѣкъ, можетъ быть, въ тысячу. „Бейте ихъ,“ кричалъ манганджа: „они сейчасъ хотѣли идти на холмы, чтобы убить англичанъ,“ подъ которыми онъ разумѣлъ миссіонеровъ, оставленныхъ нами въ Магомеро. Но такъ какъ мы не имѣли никакой надежды на дружественный переговоръ съ ними и никакого довѣрія къ свидѣтельству манганджа, то и предоставили аджава сидѣть подъ большимъ баобабомъ; манганджа изо всѣхъ силъ сталъ убѣгать черезъ рѣку, а сами мы поплыли дальше внизъ по рѣкѣ.

Когда мы шли вверхъ, то видѣли, что люди Зимика искали убѣжища на длинномъ, лежащемъ на Шире, островѣ и туда снесли зерновые запасы, чтобы они не попали въ руки аджава. Предполагая, что вторженіе и война миновали, они послѣ опять переправились на твердую землю, на восточный беретъ, и жили въ мнимой безопасности. Когда мы

приблизились къ селенію владѣльца, построенному въ прекрасной рощѣ дикихъ смоковницъ и пальмъ, до нашихъ ушей донеслись звуки шумнаго веселья. Эти люди веселились, барабанили, плясали и пили пиво, между тѣмъ какъ за плечами былъ могучій врагъ, который несъ каждому въ селеніи смерть или рабство. Одинъ изъ нашихъ людей крикнулъ нѣсколькимъ, пришедшимъ къ берегу посмотрѣть на насъ, что идутъ аджава и только что были въ селеніи Микена; но они были ослѣплены хмѣлемъ и не заботились о предостереженіи.

Проходя мимо временнаго селенія бѣглецовъ манганджа, мы видѣли одного бѣднаго парня съ невольничьей колодкой на шеѣ и высадились нѣсколько сотъ футовъ далѣе внизъ; когда мы поднялись къ мѣсту, на которомъ видѣли его, онъ уже исчезъ и никто не признался, что видѣлъ такого человѣка. Хотя эти манганджа сами такъ страшно страдаютъ отъ торговли невольниками, однако, все-таки покровительствуютъ ей. Одинъ мужчина, около временной хижины котораго мы ночевали среди толпы бѣглецовъ, поднялся съ восходомъ солнца, чтобы продать одного мальчика нѣсколькимъ чернымъ португальцамъ, торговавшимъ невольниками въ сосѣднемъ селеніи. Судьба войны предала этого бѣднаго мальчика во власть мошенника, и безсердечность грубаго плута, который самъ потерялъ все изъ-за охоты за невольниками, привела насъ къ мысли, что онъ и его раса не имѣютъ никакого естественнаго чувства. Въ то время, какъ имъ грозила смерть отъ голода, — продавать другъ друга не за зерно, а за выбойку, въ которой вовсе не было большаго недостатка, было такъ противоестественно, что намъ сначала казалось, что никто изъ смертныхъ, кромѣ негровъ, не можетъ быть повиненъ въ такой жестокости; мы задавали себѣ вопросъ, какъ могла явиться мысль о правѣ собственности на человѣческій родъ въ существѣ, обладающемъ такимъ же разумнымъ духомъ, какъ и нашъ. Мы припомнили, однако, что видѣли, какъ мужчина, прославляемый

за человѣколюбіе и не имѣвшій въ жилахъ своихъ ни капли *черной* крови, за двадцать долларовъ, или около четырехъ фунтовъ стерлинговъ, сбылъ красивую дѣвушку, состоявшую въ болѣе близкомъ родствѣ съ нимъ, чѣмъ этотъ мальчикъ съ человѣкомъ, возбудившимъ нашъ гнѣвъ; а такъ какъ она сверхъ того была нянькой его сына, то оба, сынъ и нянька, подняли на цѣлый день такой возбуждающій состраданіе плачъ, что даже гальбкастъ, купившій ее, смягчился и предлагалъ возвратить ее бѣлому человѣку, но тщетно. Участіе въ страданіи не всегда возбуждаетъ состраданіе, хотя по природѣ мы и должны бы ожидать этого. Это было доказано при кораблекрушеніи французскаго транспортнаго судна „Медуза“ на западномъ берегу, и такимъ образомъ не можетъ быть особенностью чернаго человѣка.

Теттеанскіе торговцы невольниками впослѣдствіи зерно (маиира) и купили на него много невольниковъ. Это въ *одномъ* смыслѣ могло считаться человѣколюбивымъ поступкомъ, такъ какъ этимъ дѣйствительно спасено отъ голодной смерти много бѣдныхъ созданій; но это все равно то же, что и предположеніе: „они могутъ попасть къ добрымъ господамъ“; спасители жизни въ дѣйствительности разрушители всякой жизни, когда они лишаются свободы.

Около того мѣста, гдѣ мы оставили лодку, стояло значительное число слоновъ, и одинъ изъ стада доставлялъ себѣ слоновье удовольствіе — мялъ деревья; онъ не объѣдалъ съ нихъ ни листка, а только рвалъ просто ради шутки и услаждался своею силой. Три энфильдовскія и нѣсколько другихъ ружейныхъ пуль были посланы ему въ голову такъ быстро и, повидимому, съ такою легкостью сквозь густой кустарникъ, какъ будто это была просто трава. Этими сильными животными истребляется неисчислимое количество деревъ. Они часто жуютъ вѣтви только ради коры и сока.

Когда мы оставили рѣку, толпы носильщиковъ предложили свои услуги. Многія кучки ихъ выказали намъ столько

довѣрія, что въ концѣ перваго дня отказались получить вознагражденіе; они желали работать еще день и получить плату за оба дня въ одномъ кускѣ. Молодой старшина одного новаго селенія примкнулъ и самъ къ своимъ людямъ. Переходъ былъ довольно длинень и одинъ изъ людей предложилъ, сложить поши возлѣ одной хижины за милю или и дальше отъ ближайшаго селенія. Старшина пожурилъ парня за его простоту, что онъ наши вещи хочетъ оставить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы не можемъ достать ни одного носильщика и велѣлъ ему нести ихъ дальше. Селеніе у подошвы водопадовъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы проходили на нашемъ пути вверхъ, значительно возросло по величинѣ и благосостоянію. Было выстроено значительное число большихъ новыхъ хижинъ, и у обитателей былъ добрый запасъ выбойки и бусъ. Мы не могли себѣ объяснить этого внезапнаго преуспѣянія, пока вмѣсто двухъ старыхъ съ течью остововъ, лежавшихъ тамъ прежде, не увидѣли нѣсколькихъ красивыхъ большихъ челновъ. Тутъ образовалось мѣсто переправы невольниковъ, которыхъ португальскіе агенты транспортриовали въ Тетте, потому что они боялись проводить ихъ ближе къ мѣсту, гдѣ стояло судно, миляхъ въ семи оттуда. Не было ничего печальнѣе этого поведенія манганджа — наживаться совершенной гибелью своей націи. Это было почти такъ же скверно, какъ поведеніе нашихъ собственныхъ земляковъ, скупающихъ винтовки и посылающихъ ихъ китайцамъ, сражающимся съ нашими солдатами, или тѣхъ, которые при подобныхъ же обстоятельствахъ доставляли военные запасы каффрамъ на мысѣ Доброй Надежды и были такъ безсовѣстны, что эту торговлю приписали миссіонерамъ.

Извлеченіе изъ одной депеши полковника-лейтенанта Ч. П. Ригби, ея величества консула и британскаго агента въ Занзибарѣ, къ Г. Л. Андерсону, эсквайру, правительственному секретарю въ Бомбаѣ.

Британское посольство въ Занзибарѣ,
15 іюля 1860.

„Сэръ!

„Я имѣлъ честь извѣстить къ свѣдѣнію его высокоблагородія губернатора, что д-ръ Альбрехтъ Рошѐръ, господинъ, который предпринялъ научное путешествіе въ Восточную Африку, по порученію его величества короля Баварскаго, былъ убитъ 19 марта сего года въ селеніи Кизунгуни, въ трехъ дняхъ пути на сѣверо-востокъ отъ озера Ніасса.“

Послѣ свѣдѣній, относящихся къ переходамъ д-ра Рошера въ другія мѣста, депеша продолжаетъ:

„4. Въ іюнѣ 1859 г. онъ снова покинулъ Занзибаръ, чтобы изслѣдовать большое озеро Ніасса, и, присоединившись въ Кильва къ одному каравану, 24 августа сего года выбылъ изъ этой страны и достигнулъ озера 19 ноября. Онъ былъ первый бѣлый человѣкъ, достигшій береговъ его.“

(Причина ошибки полковника Ригби заключается въ томъ, что не было еще достаточно времени, чтобы извѣстіе о нашемъ открытіи озера Ніасса могло достигнуть въ Занзибаръ; и тогда еще не знали, что озеро, посѣщенное Рошеромъ и нами, одно и то же. Что другіе прежде его сдѣлали открытіе, это не дѣлаетъ ни малѣйшаго ущерба чести, которой заслуживаетъ д-ръ Рошеръ тѣмъ, что достигъ его путемъ совершенно различнымъ отъ нашего; но ради точности необходимо привести основанія, на которыхъ англичане заявляютъ притязаніе на первенство открытія.)

„Когда онъ покинулъ Занзибаръ, то былъ въ весьма болѣзненномъ состояніи и во время путешествія былъ такъ слабъ, что все послѣднее время несли его на походной постели.

„Онъ почти четыре мѣсяца оставался въ *Пуссева* на берегахъ озера. 16 марта этого года онъ оставилъ *Пуссева*, отправившись на рѣку Ровума, до которой около двѣнадцати дневныхъ переходовъ отъ озера Ніасса по дорогѣ въ Кильва. Очевидно, онъ намѣревался съ Ровума вернуться на озеро, такъ какъ почти весь свой багажъ оставилъ на сохраненіе султану *Пуссева*, и его сопровождали только два негра-служителя и два носильщика его походныхъ вещей, именно одинъ мужчина и одна женщина.“

Депеша длинная и содержитъ много частныхъ обстоятельствъ и показанія свидѣтелей. Другъ д-ра Рошера, Кингомангa, султанъ *Пуссева*, живетъ въ трехъ дняхъ пути отъ озера, вѣроятно противъ залива *Катакота*, или даже еще далѣе къ югу, и принадлежитъ къ племени baïao.

Свидѣтельскія показанія туземцевъ весьма интересны, такъ какъ они неопровержимо доказываютъ, что Рошеръ слышалъ о насъ. Полковникъ Ригби полагаетъ, что д-ру Рошеру разсказывали о нашей поѣздкѣ на Ширва,

или, какъ онъ пишетъ, Кирва, „гдѣ“, какъ онъ замѣчаетъ, „туземцы изъ Нуссева запасаются солью“. Но вѣроятнѣе, что онъ слышалъ о нашемъ прибытіи на южный конецъ Ніасса, гдѣ изъ него вытекаетъ Шире, гдѣ находятся огромные запасы соли и гдѣ мы пришли въ столкновеніе съ обществомъ береговыхъ арабовъ, которые ночью бѣжали и хотѣли напрачить путь черезъ страну аджава, куда, спустя два мѣсяца, прибылъ Рошеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ободряющія надежды. — Епископъ Макензи. — Наша поѣздка внизъ по рѣкѣ задержана. — Прибыль воды въ рѣкѣ въ январѣ 1862 г. — Маріано снова выступаетъ на поприще охоты за невольниками. — Губернаторъ играетъ съ нимъ въ прятки. — Капитанъ Альвезъ. — Мы достигаемъ Замбези. — Понятія одного рабовладѣльца о его невольникахъ. — Мудрость и человѣколюбіе Наполеона III. — На Луабо. — Приходитъ судно ея величества „Горгонъ". — „Піонеръ" обветшалъ. — Капитанъ Вильсонъ идетъ вверхъ по Шире. — Продолженіе исторіи миссіи епископа. — Онъ спускается въ маленькомъ челнѣ по Шире. — Потерянная одежда, лекарство и т. д. — Лихорадка. — Смерть и преданіе землѣ. — Его характеръ. — Дружелюбіе макололо. — Смерть господина Буррупа. — Капитанъ Вильсонъ возвращается въ Шупанга. — Достопочтенный Джемсъ Стьюартъ сначала изслѣдуетъ страну, прежде чѣмъ предпринять миссію свободной шотландской церкви. — Португальская политика и торговля невольниками — главныя затрудненія для всякой миссіи. — Личная отвѣтственность налагается заднимъ числомъ и вина сваливается на другихъ. — Болѣзнь жены Ливингстона и смерть ея, 27 апрѣля 1862 г.

Мы прибыли къ судну 8 ноября 1861 г. въ весьма слабомъ состояніи, такъ какъ болѣе пострадали отъ голода, чѣмъ при какомъ-нибудь изъ прежнихъ походовъ. 9-го начались сильные дожди и продолжались нѣсколько дней; рѣка быстро поднялась и обезцвѣтилась въ сильной степени. 14-го прибылъ епископъ Макензи съ нѣсколькими людьми „Піонера", бывшими въ Магомеро для поправленія своего здоровья, а также чтобы содѣйствовать миссіи. Епископъ, казалось, былъ въ превосходномъ настроеніи и думалъ, что будущее сулитъ миръ и пользу. Аджава, которые, пока мы находи-

лись на озерѣ, были побиты и прогнаны, заявили, желаніе жить на мирной ногѣ съ англичанами. Вокругъ Магомеро поселилось много манганджа, чтобы быть подъ покровительствомъ епископа; надѣялись, что на возвышенности скоро прекратится торговля невольниками, и обитателямъ предоставится безопасное пользованіе ихъ промышленымъ трудомъ. Миссія скоро могла, какъ предчувствовали, достигнуть значительной степени самостоятельности и воздѣлывать нѣкотораго рода жизненные припасы, подобно португальцамъ въ Сена и Квилимане. Господинъ Буррунъ, энергическій молодой человѣкъ, поднялся въ челнѣ по Шире и за день до епископа достигъ селенія Чибиза. Хирургъ и служка послѣдовали за нимъ въ другомъ челнѣ. Такъ какъ „Піонеръ“ слишкомъ глубоко сидѣлъ въ водѣ для верхней части Шире, то сочли неблагоразумнымъ заводить его при слѣдующемъ походѣ вверхъ далѣе, чѣмъ до Руо; поэтому епископъ рѣшился изслѣдовать страну отъ Магомеро до устья этой рѣки и встрѣтить въ январѣ судно съ своими сестрами и женою Бурруна. Это было рѣшено прежде, чѣмъ мы разстались; затѣмъ честный епископъ и Буррунъ оставили насъ, и мы болѣе ихъ не встрѣчали. Сошедши на берегъ, они получили и возвратили намъ три сердечныя англійскія ура! и мы отплыли.

14-го дожди прекратились, и вода Шире упала даже еще быстрѣе, чѣмъ поднялась. Въ двадцати миляхъ ниже селенія Чибиза мелководье затруднило дальнѣйшее слѣдованіе, и мы простояли тамъ пять томительныхъ недѣль, пока не наступило постоянное возвышеніе воды въ рѣкѣ. Во время этой остановки, когда у насъ съ каждой стороны было по большому болоту, въ экспедиціи, находившейся въ странѣ три съ половиною года, произошелъ первый смертный случай. Помощникъ плотника, красивый здоровый молодой человѣкъ, заболѣлъ лихорадкой. Обыкновенныя лекарства не дѣйствовали; онъ умеръ внезапно въ то время, какъ мы совершали вечернюю молитву, и былъ погребенъ на берегу. Онъ пришелъ на „Піонерѣ“ изъ дома и, за исключеніемъ незначи-

тельнаго случая лихорадки на устьѣ Ровума. наслаждался полнымъ здоровьемъ все время, пока былъ у насъ. Португальцы того мнѣнія, что европеецъ, котораго, по въѣздѣ въ эту страну, долго щадитъ лихорадка, если заболѣетъ ею, то умираетъ съ бо́льшею вѣроятностью, чѣмъ тѣ, которые сначала нѣсколько разъ заболѣваютъ ею.

Къ концу декабря дожди стали довольно обыкновенны, и въ началѣ января 1862 г. вода въ Ширѣ поднялась. У того мѣста, гдѣ мы брали дрова, на милю выше Руо, вода была тремя футами выше, чѣмъ въ іюнѣ, когда мы были на томъ же мѣстѣ, и въ ночи на 6-е поднялась еще на восемнадцать дюймовъ и несла огромное количество прутьевъ и обломковъ, которые кишѣли жуками и двухъ видовъ раковинами, повсюду встрѣчающимися на всемъ африканскомъ континентѣ. Туземцы въ челнахъ были заняты вытаскиваніемъ копьями рыбъ на лугахъ и во рвахъ и, повидимому, ловили ихъ въ большомъ числѣ. Шпорнокрылые гуси и другіе изъ булавоносой породы обращали въ свою пользу низко расположенные сады, которые были затоплены, и пробирались воровать бобы. Когда мы 7-го миновали Руо и совсѣмъ не видали епископа, то рѣшили, что онъ слышалъ отъ хирурга о нашей задержкѣ и отложилъ поѣздку. Онъ прибылъ пять дней спустя, къ 12-му.

Въ селеніи Мбома мы услыхали, что всѣмъ извѣстному мѣстному грабителю и убійцѣ Маріано дозволено было возвратиться изъ Мозамбика и что онъ опять принялся за свое старое ремесло—воровать манганджа и продавать ихъ обитателямъ Квиллимане въ видѣ невольниковъ. Онъ опустошилъ уже большую часть праваго берега, и обитатели этого селенія жили въ постоянномъ страхѣ, ожидая визита со стороны его вооруженныхъ хищниковъ. Когда мы пришли къ Замбези, то нашли, что португальцы незадолго установили станцію на островѣ противъ устья Шире. Капитанъ Альвезъ,—Мозинга или Толстая Пушка, какъ назвали его туземцы, — былъ командующимъ офицеромъ и пришелъ на борть, когда мы

бросили якорь. Губернаторъ желалъ, чтобы Альвезъ увѣрилъ насъ, что островъ занятъ только на время и только вслѣдствіе бѣгства и возстанія Маріано.

Повидимому, этотъ мятежный гальбкасть, не смотря на всѣ его открытые грабежи и убійства, дѣятельное возстаніе и войну, былъ преданъ суду въ Мозамбикѣ и былъ отпущенъ съ кроткимъ приговоромъ трехлѣтняго ареста и денежнаго штрафа. Такъ какъ у него не было при себѣ достаточно денегъ, чтобы уплатить штрафъ, то мозамбикскими чиновниками это принято было во вниманіе, и ему дозволено возвратиться въ Квиллимане, чтобы потребовать нѣсколько денегъ, которыя, какъ онъ утверждалъ, были имъ розданы въ долгъ; но когда онъ прибылъ туда, оказалось, что должники его гдѣ-то внутри страны. Его квиллиманскіе довѣрители между тѣмъ были такъ сострадательны, что просили у правительства дозволенія для Маріано идти туда за полученіемъ слоновьей кости, чтобы заплатить и долги и штрафы. Дозволеніе было милостивѣйше дано и сверхъ того ему дозволено взять съ собою нѣсколько сотъ матросовъ и военныхъ припасовъ; но вмѣсто собиранія слоновьей кости, онъ вернулся вверхъ по Шире къ своему собственному народу, снова принялся за прежнее занятіе грабительствомъ, убійствомъ и человѣкокрадствомъ и издѣвался надъ португальскими чиновниками. Тогда губернаторъ Квиллимане объявилъ войну своему старому врагу и поплылъ вверхъ по Шире со всѣми своими годными солдатами и невольниками на флотиліи изъ лодокъ и челновъ, чтобы захватить бунтовщика въ плѣнъ, но не могъ его найти и поэтому спустился опять внизъ. Все дѣло, — для немилосердаго, знающаго, что безъ вѣдѣнія губернатора ничто не можетъ сдѣлаться ни въ какой области, — все дѣло имѣло видъ, какъ будто Маріано дозволено было бѣжать съ огромнымъ запасомъ оружія и боевыхъ снарядовъ изъ маленькой деревушки, въ которой черезъ невольниковъ каждый знаетъ, что́ предпринимаетъ всякій другой. Губернаторъ даже побѣжалъ за нимъ, но такимъ ша-

гомъ, какимъ, играя, догоняютъ ребенка, — и естественно не могъ его настигнуть. Впослѣдствіи одинъ капитанъ былъ посланъ черезъ эту страну съ военнымъ отрядомъ и былъ счастливѣе губернатора, потому что дошелъ до Маріано. Однако, вмѣсто того, чтобы захватить бунтовщика, по несчастію онъ былъ, какъ говорятъ, захваченъ бунтовщикомъ при ночномъ нападеніи, вмѣстѣ со всѣми своими запасами и значительнымъ числомъ людей. Капитану, по разсказу его сотоварища-офицера, дозволено было уѣхать по полученіи подарка изъ слоновьей кости. Для *насъ* это было невѣроятно; но мы упоминаемъ объ этомъ, чтобы показать, какъ люди, ставши преступниками, говорятъ другъ о другѣ.

Капитанъ Альвезъ былъ въ лихорадкѣ и постоянно страдалъ ею съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ въ это низко лежащее болотистое мѣсто. Когда уровень воды подымется еще на два фута, что́, по всей вѣроятности, случится, говорилъ онъ, то островъ покроется водою. Жизнь одинокаго офицера, живущаго съ значительнымъ числомъ безпутныхъ черныхъ солдатъ въ такомъ мѣстѣ, какъ это, должна быть чѣмъ-то ужаснымъ. Она была для него чѣмъ-то похожимъ на заключеніе, только не одиночное; и таковъ жребій храбраго артиллерійскаго офицера, который былъ сосланъ сюда за какой-то политическій проступокъ и много лѣтъ участвовалъ въ жестокой войнѣ съ мятежниками. Въ то время какъ онъ, подавлявшій возстаніе, жилъ такимъ образомъ, разсказывали, что Маріано, мятежникъ, въ послѣдніе три года проводилъ блестящую жизнь въ столицѣ провинціи и даже обѣдалъ за столомъ высшаго начальства страны. Такъ какъ приговоръ объ арестѣ въ Мозамбикѣ исполнялся такъ нѣжно, что тутъ даже не было ничего похожаго на арестъ, то не слѣдуетъ удивляться, что языки обитателей жестко выражались на счетъ генералъ-губернатора, и открыто проповѣдовали, хотя, естественно, не могли настоящимъ образомъ знать этого, что тутъ былъ подкупъ. Мы не знаемъ ничего болѣе, кромѣ вѣроятности и общей молвы, которая могла

быть и ложной. Мозинга мы никогда уже болѣе не встрѣчали; онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ отъ лихорадки.

Такъ какъ наши сеннаанцы желали вернуться домой, то мы разсчитались съ ними и высадили ихъ здѣсь на берегъ. Всѣ они были ревностные торговцы и въ изобиліи запаслись туземными желѣзными заступами, топорами и галантерейными вещицами. Множество заступовъ и копій было отнято отъ захватывавшихъ въ неволю шаекъ, плѣнниковъ которыхъ мы освободили; ибо при этихъ случаяхъ наши сеннаанскіе друзья постоянно были необыкновенно ревностны и дѣятельны. Остальное было куплено за старыя одежды, данныя нами, и за ихъ запасъ бегемотоваго мяса. Они нисколько не боялись потерять вещи или подпасть штрафу, за то, что помогали намъ. Система, въ которой они были воспитаны, искоренила въ сердцахъ ихъ мысль о личной отвѣтственности. Португальскіе рабовладѣльцы, говорили они, обвиняютъ однихъ только англичанъ; а мы были только ихъ слугами. Ни одинъ бѣлый человѣкъ на бортѣ не умѣлъ такъ дешево купить, какъ эти люди. Ихъ говорливость не разъ убѣждала какого-нибудь туземнаго торговца заплатить за кусокъ грязной, истасканной части одежды вдвое болѣе, чѣмъ за чистый новый коленкоръ, отъ котораго тотъ только что отказался. Такъ какъ „Сциссора“ (ножницы) ночью мучилъ кашель, то онъ получилъ въ подарокъ стеганное, сильно подержанное одѣяло. Нѣсколько дней спустя, представился добрый случай скупить заступы; тогда онъ отдѣлилъ верхъ отъ подкладки, разорвалъ ихъ на двѣнадцать кусковъ и за это купилъ около дюжины заступовъ.

11 января мы вошли въ Замбези и спустились на парахъ къ морскому берегу, держась той стороны, которою поднялись вверхъ; но русло пролива, какъ это иногда случается, въ теченіе лѣта повернуло на другую сторону, и мы скоро сѣли на дно. Знатный португалецъ, бывшій прежде лейтенантомъ въ арміи, а теперь жившій на Сангвиза, однимъ изъ

острововъ Замбези, пришелъ съ своими невольниками, чтобы пособить намъ спустить судно на фарватеръ. Онъ откровенно сказалъ, что всѣ его люди большіе воры, и что мы должны наблюдать сами, чтобы ничего плохо не лежало. Затѣмъ онъ держалъ краткую рѣчь къ своимъ людямъ, заявляя, что онъ знаетъ ихъ воровскія наклонности, но настоятельнѣйше проситъ не обкрадывать насъ, такъ какъ мы одаримъ ихъ выбойкой, если они сдѣлаютъ работу. „Туземцы этой страны“ замѣтилъ онъ намъ, „думаютъ только о трехъ вещахъ: что́ имъ придется съѣсть и выпить, сколько женъ могутъ они имѣть и что́ бы украсть у своихъ господъ, если не о томъ, ка́къ бы убить ихъ“. Когда онъ спалъ, у него съ боку обыкновенно было заряженное ружье. Этотъ взглядъ могъ быть вѣренъ въ отношеніи къ невольникамъ, но по нашему опыту, онъ рѣшительно́ не годится въ отношеніи къ свободнымъ людямъ. Мы платили своимъ людямъ за помощь, которую они намъ оказывали, и полагаемъ, что они, получая плату, ничего у насъ не украли. Нашъ другъ на большомъ островѣ, который носитъ названіе Сангвиза и отданъ ему безденежно сеньоромъ Феррао,— занимается въ довольно значительномъ размѣрѣ сельскимъ хозяйствомъ и воздѣлываетъ большое количество маиира и бобовъ, также какъ и прекраснаго бѣлаго риса изъ сѣмянъ, вывезенныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ южной Каролины. Онъ далъ намъ немного, что́ намъ было весьма кстати; ибо, если мы и не страдали отъ безусловнаго недостатка, то все же должны были проживать на бобахъ, соленой свининѣ и дичи, такъ какъ сухари и пшеничная мука, бывшія на суднѣ, вышли.

Мы вполнѣ надѣялись, что собственники плѣнныхъ, освобожденныхъ нами, по крайней мѣрѣ, проговорятся о своей неудачѣ, но они, повидимому, стыдились; только одинъ отважился на замѣчаніе, и среди обыкновеннаго разговора улыбаясь сказалъ: „Вы освободили губернаторскихъ невольниковъ, не правда ли?“—„Да, мы освободили нѣсколько бандъ,

встрѣченныхъ нами въ странѣ манганджа.“ Португальцы изъ Тетте, начиная съ губернатора, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ занимались обращеніемъ въ неволю. Торговля идетъ отчасти внутренняя, отчасти внѣшняя. Нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ и купленныхъ, они посылаютъ по Замбези вверхъ во внутрь страны; иныхъ мы дѣйствительно встрѣтили на пути вверхъ по рѣкѣ. Молодыя женщины продаются тамъ за слоновью кость. Женщина съ обыкновенной наружностью цѣнится въ два арраба или шестьдесятъ четыре фунта, а необыкновенной красоты стоитъ вдвое дороже. Мужчины и мальчики удерживаются въ качествѣ носильщиковъ для перепоса слоновьей кости изъ внутри страны въ Тетте или оставляются въ помѣстьяхъ на Замбези и, готовые для вывоза, ожидаютъ случая отплыть на невольничьемъ суднѣ. Мы были свидѣтелями и этого послѣдняго вида торговли невольниками. Невольники заковываются и въ большихъ челнахъ посылаются внизъ по рѣкѣ. Въ Тетте это дѣлалось свободно и открыто, и особенно въ большихъ размѣрахъ, пока была въ полномъ ходу французская система „свободнаго выселенія“. Этотъ двойственный способъ распоряжаться плѣнными вознаграждаетъ лучше, чѣмъ простая система отсылать для вывоза на берега. Одинъ купецъ въ Тетте, съ которымъ мы хорошо были знакомы, послалъ триста женщинъ манганджа внутрь страны для продажи ихъ за слоновью кость, а другой послалъ ихъ полтораста. Способъ, которымъ снабжается невольниками островъ Бурбонъ, отличался еще бо́льшею наглостью, чѣмъ даже нападенія на манганджа. Комендантъ въ Тетте, узнавши, что одна женщина дурнаго характера спускается по рѣкѣ съ судномъ, нагруженнымъ невольниками, послалъ за ней ради формы, офицера. Онъ преслѣдовалъ ее, догналъ, но вернулся безъ нея. Когда мы говорили объ этомъ съ комендантомъ, онъ съ торжествующимъ лицомъ сказалъ: „Теперь, когда насъ прикрываетъ французскій флагъ, англичане къ намъ не могутъ придраться.“ И этотъ флагъ покро-

вительствовалъ торгу невольниками до мая 1864 года. Изъ всѣхъ благодѣяній, которыя правительство Наполеона III оказало своему народу, его мудрости и человѣколюбію ни одно не приноситъ бо́льшей чести, какъ то, что онъ уничтожилъ эту недостойную систему. Онъ сдѣлалъ для регулированія системы, по которой Африка лишается своихъ рабочихъ силъ, столько, сколько было въ его власти, назначивъ офицеровъ, которые должны препятствовать злоупотребленіямъ при выполненіи ея; но, не смотря на всѣ предупредительныя мѣры, „система вербованья“ стала ни болѣе, ни менѣе, какъ отвратительнымъ торгомъ невольниками со всѣми его ужасами, не столько при посредствѣ французовъ, сколько при посредствѣ португальцевъ и гальбкастовъ. Пока народъ не просвѣщенъ, всякая подобная попытка должна способствовать торгу невольниками.

Мы бросили якорь на Большомъ Луабо въ устьѣ Замбези, потому что тамъ гораздо легче добыть дровъ, чѣмъ на Конгоне. 30-го прибыло судно ея величества „Горгонъ“ и привело бригъ, на которомъ были жена Ливингстона, нѣсколько дамъ, желавшихъ присоединиться къ своимъ родственникамъ при университетской миссіи, и двадцать четыре части новаго желѣзнаго парохода, предназначеннаго для рейсовъ по озеру Ніасса. „Піонеръ“ развелъ пары и повелъ бригъ въ гавань Конгоне. Новый пароходъ былъ названъ „Дама озера“ или „Леди Ніасса“, а чтобы мы могли съ нимъ продолжать путь, онъ съ помощью офицеровъ и экипажа „Горгона“ былъ взятъ на бортъ „Піонера“ и двухъ большихъ колесныхъ лодокъ съ судна ея величества. 10 февраля мы отправились къ Руо, имѣя на бортѣ капитана Вильсона съ значительнымъ числомъ его офицеровъ и экипажа для пособія намъ при выгрузкѣ. Наша поѣздка вверхъ по рѣкѣ подвигалась слишкомъ медленно. Въ рѣкѣ была прибыль воды, и противъ насъ во многихъ мѣстахъ было теченіе со скоростью трехъ узловъ въ часъ. Машины „Піонера“ были лучшаго качества, но совершенно запущены машинистами: чистка

не производилась въ теченіе двадцати мѣсяцевъ. Эти причины задержали насъ въ дельтѣ шесть мѣсяцевъ, вмѣсто предполагавшихся нами шести дней; ибо такъ какъ мы нашли, что невозможно было доставить части порохода къ Руо безъ большой проволочки времени, то сочли за лучшее выгрузить ихъ на берегъ въ Шупанга, составить тамъ корпусъ „Лэди Ніасса“ и буксировать его до подошвы Мурчисоновскихъ водопадовъ.

За нѣсколько дней до того, какъ „Піонеръ“ достигъ Шупанга, капитанъ Вильсонъ, видя безнадежное состояніе нашихъ машинъ, принялъ великодушное рѣшеніе поспѣшить съ миссіонерскими дамами къ тѣмъ, которые, какъ мы думали, сердечно ждали ихъ прибытія; поэтому онъ отправился въ своей лодкѣ къ Руо и взялъ съ собою дѣвицу Макэнзи, жену Бурруша и своего хирурга, д-ра Рамзая. Д-ръ Киркъ и г. Сьюэль, казначей „Горгона“, сопровождали ихъ въ китоловной лодкѣ „Леди Ніасса“. Такъ какъ нашъ медленнымъ шагомъ подвигающійся „Ма-Робертъ“ когда-то доходилъ въ девять дней до подошвы водопадовъ, то предполагалось, что лодки спокойно могутъ достигнуть предположеннаго сборнаго пункта на Руо въ одну недѣлю; но на Шире было теперь половодье, и она была въ самомъ разъяренномъ состояніи; на совершеніе неполной половины пути Вильсонъ употребилъ болѣе времени, чѣмъ сколько думали употребить на проѣздъ всей судоходной части рѣки. Отъ владѣльца острова, Мало, на устьѣ Руо Вилсонъ и его спутники ничего не могли узнать объ епископѣ. „Въ его селеніе никогда не заходилъ бѣлый человѣкъ,“ сказалъ онъ. Они пошли дальше до селенія Чибиза, причемъ ночью жестоко страдали отъ москитосовъ. Ихъ усиліе идти противъ разъяреннаго потока заставило ихъ, вслѣдствіе лавированья, счесть разстояніе скорѣе за 300, чѣмъ за 200 миль. Макололо, остававшіеся въ селеніи Чибиза, сообщили имъ печальное извѣстіе о смерти почтеннаго епископа и г. Бурруша. Другое извѣстіе, полученное ими тамъ, возбудило новыя заботы о тѣхъ, которые остались въ жи-

выхъ; по этому, въ надеждѣ оказать имъ помощь капитанъ Вильсонъ и д-ръ Киркъ оставили дамъ съ д-ромъ Рамзаемъ и макололо и пошли на холмы. По дорогѣ встрѣтили они нѣкоторыхъ членовъ миссіонерства въ селеніи Соче. Необыкновенныя затрудненія, вышесенныя нашими друзьями на пути къ селенію Чибиза, нисколько не заставили ихъ ужаснуться передъ этой далекой попыткой для блага ихъ земляковъ, но новые труды при уменьшившемъ продовольствіи превышали ихъ силы. Они продовольствовались туземными бобами и время отъ времени ограничивались курицей. Оба были въ сильной лихорадкѣ, капитанъ Вильсонъ былъ боленъ такъ опасно, что товарищъ его страданія потерялъ всякую надежду на его выздоровленіе. Дюжій здоровый рулевой со шлюпки оказалъ важную услугу тѣмъ, что съ радостью несъ своего многолюбимаго начальника; они нашли возможнымъ снова идти къ лодкѣ и привезли на „Піонеръ“ обѣихъ осиротѣвшихъ и подавленныхъ печалью дамъ.

Мы узнали, что епископъ, желая найти болѣе короткій путь внизъ къ Шире, послалъ двухъ человѣкъ, чтобы изслѣдовать страну между Могамеро и устьемъ Руо, и въ декабрѣ г. Прокторъ и Скудаморе съ значительнымъ числомъ носильщиковъ изъ манганджа покинули съ этой цѣлью Магомеро. Они должны были идти у самой горы Чоро и потомъ, оставивъ слѣва гору Кларендонъ, обойти Слоновье Болото. Проводники, повидимому, постоянно заводили ихъ вмѣсто юга на востокъ, вмѣсто устья Руо къ его верхнимъ водамъ въ долинѣ Ширва. При вступленіи въ одно селеніе ангуро, занимавшееся торгомъ невольниками, они вскорѣ стали догадываться, что жители задумываютъ недоброе, а именно: передъ захожденіемъ солнца одна женщина сказала нѣкоторымъ изъ ихъ людей, что если они заснутъ тамъ, то будутъ всѣ убиты. Когда они приготовились уйти, ангуро преслѣдовали ихъ и пускали свои стрѣлы въ удаляющееся общество. Два носильщика были захвачены, и всѣ вещи забраны этими хищниками. Одна изъ стрѣлъ глубоко про-

била ложе ружья Проктора. Оба миссіонера, спасшіе только жизнь, ночью переплыли глубокую рѣку и, голодные и измученные, вернулись въ Магомеро.

Жены захваченныхъ носильщиковъ приходили ежедневно къ епископу, плакали и умоляли освободить ихъ мужей изъ неволи. Эти люди были захвачены, бывши у него въ услуженіи; другаго некого просить объ этомъ: не было никакого общественнаго права и никакой власти, которыя стояли бы выше его и къ которымъ онѣ могли бы обратиться; ибо при разстроенномъ состояніи дѣлъ, въ немъ въ сущности соединялись церковь и государство страны. Казалось несомнѣнною обязанностью его было переправиться и освободить этихъ украденныхъ членовъ миссіонерской семьи. Сообразно съ этимъ онъ пригласилъ испытанныхъ макололо совершить съ нимъ нѣсколько опасный походъ. Ничего нельзя было имъ предложить, что̀ понравилось бы лучше этого; они съ радостью пошли съ нимъ, чтобы поѣсть овецъ ангуро, и только сожалѣли, что у врага нѣтъ быковъ. Если бы дѣло вполнѣ было предоставлено имъ, то они очистили бы эту часть страны; но епископъ удержалъ ихъ и пошелъ открытымъ образомъ, рекомендуя подобный образъ дѣйствія туземцамъ. Однако это рѣшеніе дало преступникамъ возможность уйдти *).

Миссіонерамъ посчастливилось: селеніе преступниковъ было выжжено и нѣсколько овецъ и козъ захвачено; это могло быть сочтено только весьма умѣреннымъ штрафомъ за совершенное преступленіе. Старшина Муана-Сомба, побоявшійся долѣе удерживать плѣнныхъ, тотчасъ освободилъ ихъ, и они вернулись въ свое отечество. Это происходило въ то

*) Говорятъ, епископъ по дорогѣ имѣлъ благопріятный случай исправить одну незначительную географическую ошибку, сдѣланную д-ромъ Ливингстономъ, при открытіи озера Ширва. Бѣлый паръ, стоявшій тогда на плодородной долинѣ у южнаго конца озера, привелъ къ заключенію, что озеро простирается на югъ нѣсколько далѣе, чѣмъ это дѣйствительно есть.

время, какъ мы были у Руо и когда шли дожди, что́ весьма отозвалось на здоровьи миссіонеровъ. Они часто промокали; изъ жизненныхъ припасовъ у нихъ почти ничего не было, кромѣ поджареннаго маиса. Г. Скудаморе впослѣдствіи никогда не былъ здоровъ. Тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Магомеро, епископъ и г. Буррупъ, у которыхъ вслѣдствіе сырости, голода и вліяній погоды сдѣлалась діарея, отправились въ селеніе Чибиза, чтобы по Шире спуститься къ Руо. Епископъ съ такой увѣренностью ожидалъ возобновленія пронизывающей дождливой погоды, отъ которой только что ушелъ, то, какъ только покинулъ Магомеро, тотчасъ отправился по рѣкѣ. Ручьи вздулись такъ, что потребовалось пять дней на совершеніе пути, которымъ въ другое время проходятъ въ два съ половиною дня.

Такъ какъ во время половодья никто изъ манганджа не хотѣлъ спускаться по рѣкѣ, то идти съ ними изъявили готовность три судовщика изъ макололо. Пройдя на веслахъ почти до заката солнца, они рѣшили остановиться и переночевать на берегу; но тамъ было такъ много москитосовъ, что макололо настаивали плыть дальше. Епископъ, на недѣлю запоздавшій по времени, въ которое онъ обѣщалъ быть на Руо, согласился, хотя и неохотно; въ темнотѣ челнъ былъ опрокинутъ въ одномъ изъ сильныхъ прибоевъ или водоворотовъ, внезапно образующихся во время половодья у устьевъ рукавовъ рѣки. Одежда, лекарство, чай, кофе и сахаръ,—все было потеряно. Мокрые, изнуренные и измученные москитосами, лежали они въ челнѣ до разсвѣта и затѣмъ поплыли дальше на Мало, островъ въ устьѣ Руо, гдѣ епископъ тотчасъ заболѣлъ лихорадкой.

Если бы они были въ обыкновенномъ состояніи здоровья то, безъ сомнѣнія, отправились бы въ Шупанга или къ судну; но лихорадка быстро убиваетъ силы и производитъ сонливое отупѣніе, изъ котораго паціентъ, если не возбуждается лекарствами, переходитъ мало-по-малу къ смерти. Однако, все еще памятуя о своемъ призваніи, епископъ утѣшалъ

себя мыслію, что, быть можетъ, пріобрѣтетъ себѣ дружбу владѣльца, который окажется существенно полезнымъ ему, при его будущихъ трудахъ. Между тѣмъ этотъ безсердечный человѣкъ, который, вѣроятно вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ отъ бѣлыхъ торговцевъ невольниками, былъ недовѣрчивъ ко всѣмъ иностранцамъ, вздумалъ было гнать изъ хижины лежащаго при смерти епископа, такъ какъ онъ складывалъ въ ней свои зерновые хлѣба, но уступилъ возраженіямъ макололо. Въ теченіе трехъ недѣль эти вѣрные спутники изо дня въ день оставались возлѣ его разложенной на полу цыновки, пока онъ не умеръ безъ лекарствъ и даже безъ надлежащаго продовольствія. Они вырыли ему могилу въ углу темнаго лѣса, гдѣ туземцы погребаютъ своихъ мертвецевъ. Г. Буррупъ, хотя и страдалъ сильной діареей, черезъ силу вышелъ изъ хижины и произносилъ когда они въ сумерки положили въ могилу трупъ епископа, отрывки изъ нашей прекрасной молитвы объ упокоеніи мертвыхъ. „Земля— землѣ, зола — золѣ, прахъ — праху, въ вѣрной и несомнѣнной надеждѣ на возстаніе изъ мертвыхъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа“. Такимъ печальнымъ образомъ окончилось земное поприще человѣка, о которомъ положительно можно сказать, что относительно безкорыстной доброты сердца и серьезности, съ какою онъ посвятилъ себя благородному дѣлу, имъ предпринятому, никакая похвала его друзей не можетъ превзойти дѣйствительности. Могила, въ которой покоится прахъ его, лежитъ на разстояніи почти ста ярдовъ отъ впаденія Руо, на лѣвомъ берегу Шире и противъ острова Мало. Макололо провезли тогда, какъ могли дальше, вверхъ г. Буррупа въ челнѣ и, дѣлая носилки изъ древесныхъ вѣтвей, пронесли его всю дорогу до его земляковъ въ Магомеро, или сами, или нанимая другихъ. Они спѣшили съ нимъ, чтобы онъ не умеръ на ихъ рукахъ и чтобы имъ не поставили этого въ вину. Вскорѣ по возвращеніи своемъ онъ умеръ отъ болѣзни, постигшейся его въ то время, когда онъ собрался идти встрѣчать свою супругу.

11 марта капитанъ Вильсонъ прибылъ въ Шупанга, пробывши на Шире три недѣли. 15-го „Піонеръ“ спустился въ Конгоне, „Горгонъ“ бурей былъ загнанъ въ море и отправился къ Іоганна за полученіемъ провіанта. 2 апрѣля онъ еще не прибылъ назадъ. Такъ какъ наши жизненные припасы истощились и мы должны были купить нѣсколько съ брига, то счастье для насъ было, что на немъ былъ запасъ. 4-го „Горгонъ“ ушелъ къ мысу Доброй Надежды и взялъ всѣхъ до послѣдняго членовъ миссіонерства, прибывшихъ въ январѣ. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу сердечную благодарность храброму капитану Вильсону и его офицерамъ за безчисленныя доказательства расположенія и ревностнаго содѣйствія. Также и капитанъ Р. Б. Ольдфильдъ и прочіе офицеры, начиная съ адмирала, заслуживаютъ самой искренней нашей благодарности; мы просили увѣрить ихъ, что при нашихъ бѣдствіяхъ и испытаніяхъ ничего не могло быть для насъ ободрительнѣе, какъ сознаніе, что, при нашихъ трудахъ, мы обладаемъ ихъ дружбой и симпатіей.

На „Горгонѣ“ прибылъ достопочтенный Джемсъ Стьюартъ, принадлежавшій къ свободной церкви Шотландіи. Онъ былъ такъ уменъ, что прибылъ лично посмотрѣть страну прежде, чѣмъ рѣшиться на установленіе миссіи внутри ея. Этой цѣли онъ посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ серьезной работы. Въ миссіи долженъ былъ присутствовать какъ религіозный, такъ и промышленый элементъ. Такъ какъ путь по Замбези и Шире, простирающійся въ неизвѣстную даль на континентѣ, былъ въ настоящее время единственно извѣстнымъ, съ однимъ, требующимъ только двухъ дней сухопутнымъ переходомъ по возвышенности, и такъ какъ невѣроятно было, чтобы въ душѣ человѣка съ широкими взглядами епископа Макензи пробудилась зависть, — мѣста тамъ достаточно для сотни миссій,—то мы охотно оказали посланному отъ вышеупомянутаго дѣятельнаго и въ высшей сте-

пени почтеннаго учрежденія всю зависящую отъ насъ ничтожную помощь, но рекомендовали ему обозрѣть поле дѣйствія собственными глазами.

Когда мы послѣ того стояли въ Шупанга, онъ поднялся по Шире до верхнихъ водопадовъ и увидѣлъ только остатки того густаго населенія, которое мы въ началѣ нашли живущимъ въ мирѣ и изобиліи, но которое теперь было разстроено и уничтожено голодомъ и охотой за невольниками. Страна, которую мы какъ прежде, такъ и послѣ находили столь прекрасною и плодородною, была выжжена жесткою засухой; она была дѣйствительно въ своемъ самомъ худшемъ состояніи. Съ достохвальною въ высшей степени энергіею, не смотря на приключившуюся лихорадку, онъ пошелъ тогда вверхъ по Замбези до Кебрабаза и мѣстами сравнивалъ ее съ Дунаемъ, что́, можетъ быть, кого-нибудь заинтересуетъ. Его оцѣнка возвышенности естественно была ниже нашей. Главными недостатками, однако, по его мнѣнію, были торгъ невольниками и власть, дозволяющая непорченнымъ португальцамъ запирать страну для всѣхъ, исключая нѣсколькихъ преступниковъ ихъ собственной націи. Онъ прибылъ не во время. Несчастіе, испытанное университетской миссіей, на многихъ произвело въ отечествѣ подавляющее вліяніе и отвращало отъ новой попытки. Однако, если бы былъ данъ ходъ шотландской настойчивости и энергіи, то очень вѣроятно, что это въ высшей степени благодѣтельно подѣйствовало бы на ревность нашихъ англійскихъ собратій, и мы никогда не услышали бы о побѣгахъ. По изслѣдованіи страны г. Стьюартъ спустился въ началѣ слѣдующаго года по Замбези и черезъ Мозамбикъ и мысъ Доброй Надежды поѣхалъ со своимъ отчетомъ домой.

7 апрѣля у насъ былъ одинъ только человѣкъ годный къ службѣ; всѣ прочіе лежали въ лихорадкѣ или отъ негодной водки, которую, не смотря на наши серьезныя просьбы прекратить эту гибельную торговлю, тайно продавали имъ португальскіе таможенные.

11-го мы отправились въ Шупанга съ остальнымъ грузомъ „Леди Ніасса“. Поднимаясь къ дельтѣ, мы замѣтили, что много туземцевъ носятъ ленты пальмовой зелени, знаки болѣзни и печали; ибо и они тоже страдали отъ лихорадки. Это нездоровое время года; дожди прошли и горячее солнце вызываетъ изъ обмершей растительности болотный воздухъ (malaria); въ этомъ году, повидимому, болѣзнь была особенно сильна. По дорогѣ встрѣтили мы г. Уэллера, который шелъ изъ Магомеро запастись съѣстными припасами: миссіонеры сильно страдали отъ недостатка въ продовольствіи; освобожденный народъ голодалъ и умиралъ отъ діареи и отъ злокачественныхъ нарывовъ. Аджава, поощряемые въ своихъ хищническихъ набѣгахъ португальцами, доставлявшими имъ боевые залпы и выбойку, уничтожили богатыя жатвы прошлаго года; послѣдовала засуха, и въ продажѣ оставалось мало или вовсе не было съѣстныхъ припасовъ. Съ обычной своей энергіей г. Уэллеръ нанялъ челны, нагрузилъ ихъ жизненными припасами и пустился въ долгій, утомительный путь вверхъ къ селенію Чибиза. Прежде, чѣмъ онъ прибылъ, его извѣстили, что университетская миссія, лишенная теперь своего мужественнаго предводителя, бѣжала съ возвышенности въ долину Нижней Шире. Это показалось намъ, знавшимъ, какъ опасно проводить недѣятельную жизнь, величайшей ошибкой, какую только могли они сдѣлать; этого имъ никто не совѣтовалъ, и ни одинъ человѣкъ не подлежалъ отвѣтственности за это, кромѣ ихъ самихъ. Уэллеръ хотѣлъ тотчасъ подняться опять на наибольшую высоту, но на пути представились многоразличныя препятствія. Кончина бѣдныхъ Скудаморе и Дикинсона въ этой низко расположенной странѣ только еще болѣе увеличила сожалѣніе о томъ, что они не попробовали остаться на возвышенности.

Когда извѣстіе о несчастномъ столкновеніи епископа съ туземцами и о его преждевременной кончинѣ дошло до Англіи, его сильно обвиняли. Такъ какъ политика, которой онъ

слѣдовалъ съ формальнаго одобренія всѣхъ своихъ спутниковъ, была прямо противоположна совѣту, данному миссіи, и увѣреніямъ о мирномъ свойствѣ миссіи, которыя докторъ внушалъ туземцамъ, то, встрѣтивъ епископа въ ноябрѣ въ селеніи Чибиза, мы осмѣлились на дружественное неодобреніе того, что онъ втянулся въ войну. Но, узнавъ, съ какой желчью осуждается его поведеніе въ Англіи, мы, — по естественной ли наклонности „помочь падающему“, или потому, что обладали точнымъ знаніемъ особенныхъ обстоятельствъ страны, въ которой онъ былъ, или вслѣдствіе полнаго довѣрія, побуждавшаго совершенно насъ полагаться на его истинное благочестіе и пламенную преданность Богу, — почувствовали себя склонными думать о его поступкахъ гораздо мягче, чѣмъ тѣ которые на него нападали. Повидимому, онъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что исполнялъ долгъ свой, и его во всемъ подкрѣпляли его сотоварищи. Одинъ изъ нихъ впослѣдствіи, въ минуту слабости, не сознавая личной отвѣтственности, взвалилъ всю вину на д-ра Ливингстона. Господинъ же, назначенный въ преемники епископу, въ публичныхъ собраніяхъ въ Кембриджѣ и въ другихъ мѣстахъ, не смотря на свидѣтельство въ собственномъ дневникѣ епископа Макензи, проповѣдовалъ, будто бы „военныя мѣры миссіи были результатомъ того, что она слѣдовала совѣту д-ра Ливингстона“. Вопросъ, — смѣетъ ли епископъ, въ случаѣ, если паства отрывается отъ его нѣдръ, вести войну для освобожденія ея, — требуетъ серьезнаго обсужденія. Онъ повидимому ограничивается тѣмъ, извинительно ли вообще христіанину пользоваться гражданской властью или мечемъ въ защитительной войнѣ, въ видѣ полиціи или инымъ образомъ. Мы дѣлали почти все, чтобы избѣжать столкновенія съ безчестными туземцами; но въ случаѣ нападенія,—наша кровь закипаетъ уже при одной мысли, что честь нашихъ женъ, дочерей или сестеръ будетъ оскорблена, — мы бились бы на жизнь и смерть со всей возмож-

ною для насъ яростью, какъ люди съ человѣческими чувствами.

Честный епископъ до встрѣчи съ охотниками за невольниками былъ столько же не расположенъ къ употребленію оружія, какъ всякій другой англичанинъ. На пути, которымъ слѣдовалъ, онъ могъ впасть въ ошибку, но это такая ошибка, въ которую только весьма немногіе изъ англичанъ не впали бы, если бы увидѣли толпы безпомощныхъ плѣнныхъ или членовъ своихъ семействъ въ оковахъ.

Въ теченіе нездороваго апрѣля лихорадка въ Шупанга и Мазаро была сильнѣе, чѣмъ обыкновенно. На суднѣ у насъ было нѣсколько случаевъ заболѣванія, — она быстро излечивалась, но столь же быстро возобновлялась, когда мы были въ дельтѣ. Около средины мѣсяца захворала этою болѣзнью жена д-ра Ливингстона, и болѣзнь сопровождалась упорною рвотой. До сихъ поръ еще неизвѣстно средство, которое могло бы прекратить этотъ мучительный симптомъ, естественно дѣлающій лекарства безполезными, такъ какъ они тотчасъ извергаются. Докторомъ Киркомъ ей были оказаны всѣ медицинскія пособія, какія только возможно было оказать, но она потеряла сознаніе, и, когда зашло солнце вечеромъ на Христовъ день, 27 апрѣля 1862, глаза ея смѣжились вѣчнымъ сномъ. Ночью сдѣланъ гробъ, на слѣдующій день вырыта могила подъ вѣтвями огромнаго баобаба, и по сочувствію сердецъ, небольшая толпа земляковъ помогала осиротѣвшему супругу при погребеніи его мертвеца. По просьбѣ его достопочтенный Джемсъ Стьюартъ прочелъ заупокойныя молитвы, а моряки были такъ любезны, что на мѣстѣ упокоенія ея тѣла, по собственной волѣ, содержали нѣсколько ночей стражу. Тѣ, кто не имѣетъ никакого понятія, что за драгоцѣнный пріютъ создала эта благородная, добрая англичанка въ Колобенгѣ, на тысячу миль внутрь страны отъ мыса Доброй-Надежды, и какое въ высшей степени благодѣтельное вліяніе оказывала она на грубыя племена внутреннихъ странъ, какъ дочь Моффата и какъ христіанка, — тѣ, можетъ быть, поди-

вятся, что она смѣло шла на опасности и бѣдствія этой попранной страны. Она знала ихъ всѣ и, при безкорыстной и вѣрной долгу попыткѣ возобновить свои усилія, была призвана къ покою. „Fiat, Domine, voluntas tua!“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ плывутъ въ Тетте. — Война Бельчіора. — Достойное уваженія запрещеніе губернатора Альмейда. — Генералъ-губернаторъ терпитъ торговлю невольниками. — Господа и рабы. — Любовь потеряна. — „Леди Ніасса“ спускается на воду. — Разсужденія туземцевъ о пловучести желѣза. — Свобода слова о нѣкоторыхъ предметахъ. — Играющія птицы. — Нашъ новый боцманъ. — Отъѣздъ „Леди Ніасса“ отложенъ. — Португальское „запретительное“ дозволеніе на торговлю. — Мы въ лодкахъ поднимаемся по Ровума. — Обитатели. — Цыновки. — Зигзаками идущій фарватеръ. — Удивительная рыба. — Гонка челновъ. — Англичане въ Африкѣ. — Старая дама открываетъ рынокъ. — Мужчины съ пелеле. — Мабига. — Макоа. — Невольничья дорога въ Кильва. — Жизнь на песчаной мели. — Враждебность безъ вызова. — Пчелиные ульи и медъ. — Мы находимъ каменный уголь. — Бойкая молодая перевощица. — Наше слѣдованіе затруднено скалистымъ ущельемъ. — Источники Ровума. — Крокодилы. — Ихъ яйца. — Охота на сензе. — Опять къ „Піонеру“.

5-го мая д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ отправились на лодкѣ въ Тетте, чтобы отправить внизъ въ челнахъ собственность экспедиціи. Они взяли съ собою четырехъ судовщиковъ изъ Мазаро, чтобы вести лодку, и одного бѣлаго матроса, для приготовленія имъ пищи; но, къ несчастію, этотъ бѣлый, покинувъ судно, въ тотъ же день, заболѣлъ лихорадкой и былъ боленъ бо́льшую часть поѣздки; они должны были сами для себя стрянать и сверхъ того ходить еще за нимъ. Туземцы вели себя очень опрятно, купаясь каждый день по захожденіи солнца, хотя погода была довольно холодная. Если одному давалось что-нибудь съѣсть, то, почти по общепринятому обычаю, онъ дѣлился этимъ со всѣми, хотя часто

каждый получалъ только по доброму глотку. Ходъ на шестахъ они предпочитали плаванію на веслахъ и, идя вверхъ по рѣкѣ, выбирали мѣста глубиною отъ двухъ до четырехъ футовъ, вмѣсто глубокаго фарватера, гдѣ теченіе было быстро. Они обращались со своими шестами съ удивительнымъ тактомъ: въ одно и то же мгновеніе всѣ они поднимали ихъ, опускали, втыкали и, наконецъ, давали имъ послѣдній толчекъ. Къ рулю почти не нужно было прикасаться, такъ хорошо удерживали они лодку въ своемъ направленіи. Изъ ихъ рѣчныхъ пѣсенъ многія очень хороши, иныя очень печально звучатъ какъ пѣсня, повидимому, изображающая плачъ объ умирающемъ владѣльцѣ. Парусомъ не могли воспользоваться въ первый день, такъ какъ вѣтеръ былъ слабъ; но къ вечеру поднялся пріятный вѣтерокъ, и былъ поставленъ парусъ. Судовщики естественно весьма обрадовались, когда увидѣли, что лодка идетъ безъ ихъ усилій. Макололо въ нашу первую поѣздку всегда утверждали, что парусная лодка — совершенство судоходства, она стоитъ безконечно выше парохода, потому что для нея не нужно рубить дрова,—остается только спокойно усѣсться и предоставить вѣтру уносить себя. По наступленіи темноты, вѣтеръ усилился, лодка быстро неслась по водѣ: судовщики, бывшіе весьма раздражительнаго темперамента, почувствовали вліяніе этого и тотчасъ начали весьма громко пѣть. Когда вѣтеръ крѣпчалъ и лодка неслась по волнамъ — эти люди вскочили въ дикомъ вдохновеніи на ноги и запѣли еще громче, жестикулируя изо всѣхъ силъ. Вдругъ ходъ и пѣніе прервались, пѣвцы лежали опрокинувшись на своихъ спинахъ, — лодка сѣла на мель.

На островѣ противъ Ширамба путешествующее общество нашло огромное число бѣглыхъ манганджа, бѣжавшихъ отъ свирѣпствующей на материкѣ войны. Нѣкто, сосланный изъ Португаліи, по имени Бельціоръ, женившійся на сестрѣ гальбкастскаго владѣльца ниже Тетте и поселившійся на Лупата, сталъ лагеремъ на островѣ въ Шагого. Подходя къ нему въ темнотѣ, мы окликнули. Свистки и барабаны звали

къ оружію. „Англичане! Англичане!“ отвѣчали наши люди, и безпокойство прекратилось. Чибиза, сказалъ онъ, прислалъ къ нему оскорбительное посольство; поэтому онъ напалъ на него и съ семидесятью человѣками, вооруженными мушкетами, прогналъ его изъ его главнаго селенія въ окрестности Замбези и селеніе сжегъ. Сами частные люди подражаютъ военнымъ обычаямъ и дѣлаютъ, какъ они выражаются, войну и миръ, какъ будто нѣтъ никакого инаго начальства. Впослѣдствіи этотъ искатель приключеній принудилъ Чибиза бѣжать на новую миссіонерскую станцію, расположенную противъ острова Даканамойо, и грозилъ преслѣдовать его и тамъ. Чтобы воспрепятствовать этому, д-ръ Ливингстонъ обратился къ губернатору въ Тетте, Антонію Таваресъ д'Альмейда. Къ величайшему нашему удовольствію, мы можемъ сообщить, что его превосходительство уже внушилъ Бельчіору не заходить далѣе съ его предпамѣреннымъ хищничествомъ. Это весьма достаточное приказаніе сдѣлано прежде просьбы доктора Ливингстона.

17-го д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ прибыли въ Тетте и нашли его обычное скучное однообразіе пріятно прерваннымъ свадьбой дочери губернатора съ однимъ изъ офицеровъ. Невольники праздновали радостное событіе, какъ обыкновенно, питьемъ, барабаннымъ боемъ, танцами, пѣніемъ и стрѣляніемъ изъ мушкетовъ. Наши спутники были гостепріимно приняты губернаторомъ. Онъ былъ дружелюбнѣе, чѣмъ можно бы ожидать послѣ того, какъ они недавно въ странѣ манганджа освободили его невольниковъ. Его превосходительство однажды вечеромъ намекнулъ на этотъ предметъ, замѣтивъ д-ру Кирку, что онъ отъ своего брата, генералъ-губернатора, получилъ депешу, въ которой тотъ говоритъ, что такъ какъ торгъ невольниками дозволяется по португальскому праву, то должно противопоставлять силѣ силу, если кто нападетъ на невольничій караванъ внѣ португальской области; говоря яснѣе, — въ слѣдующій разъ, когда мы попытаемся освободить краденыхъ манганджа, они должны

вступить въ бой. Мы упомянули объ этомъ не для того, чтобы поставить на видъ португальскому правительству, что оно терпитъ охоту за невольниками, а потому, что генералъ-губернаторъ Альмейда, говоря по-англійски и проповѣдуя объ искреннемъ своемъ желаніи подавить торгъ невольниками, пріобрѣлъ между офицерами крейсерства ея величества славу искренности, которой никогда не приписывали ни одному изъ его земляковъ. Узнавъ же впослѣдствіи, что его менѣе властный братъ въ Тетте неразумно выдалъ намъ дѣйствительное настроеніе старшаго брата въ Мазамбикѣ, его превосходительство не могъ скрыть небольшой, можетъ быть, весьма понятной печали, хотя онъ долженъ былъ знать, что мы, стоя за кулисами, никогда не позволили бы провести себя его англійской болтовней и были бы рады имѣть къ нему болѣе высокое уваженіе. Нѣкоторые изъ невольниковъ, захваченные агентами его брата, посылаются внутрь страны за слоновьей костью, а другіе оставляются въ помѣстьяхъ, откуда они, какъ ему и всякому другому извѣстно, если представится случай, отвозятся на суда въ большихъ челнахъ. Эта внутренняя торговля невольниками поддерживаетъ внѣшнюю, и если португальское законодательство имѣетъ какое-нибудь значеніе, то все это запрещено. Если они, какъ гласятъ законы, желаютъ уничтожить невольничество, то не могутъ уже впредь обращать въ невольниковъ, какъ скоро законы будутъ даваться не для того только, чтобы сдѣлать удовольствіе англичанамъ и удовлетворить самолюбію законодателя.

Португальское правительство дѣйствительно славится тѣмъ, что въ Лиссабонѣ проходятъ хорошіе законы, и столько же тѣмъ, что законы, изданные въ отношеніи къ невольничеству, остаются мертвой буквой. Сдѣлано распоряженіе о томъ, что къ 1878 г. въ провинціяхъ рабство должно быть прекращено, а правительственные невольники будутъ освобождены въ 1864 г. Одинъ офицеръ говорилъ намъ, что послѣдніе страшно обременены работой строя дороги и дѣлая кир-

пичи, и это для того, чтобы всѣ работы, какія можно выполнить ихъ силами, покинуть ко времени ихъ освобожденія.

Съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній губернаторъ вступилъ въ должность, Тетте значительно улучшилось. Проведены двѣ хорошія дороги или улицы, что́ для этой страны представляетъ нѣчто новое. Самъ губернаторъ почти отбилъ себѣ ноги, любуясь ими. Въ городѣ есть нѣсколько сотъ черныхъ солдатъ, одѣтыхъ значительно лучше, чѣмъ десятая часть изъ числа бывшихъ тамъ обыкновенно въ прежніе годы. Намъ указали, на основаніи свидѣтельства, которое можно считать достовѣрнымъ, что Тетте стоитъ теперь португальскому правительству ежегодно 3,000 фунтовъ стерлинговъ и даетъ ежегоднаго дохода 300 фунтовъ стерлинговъ. Торговля слоновьей костью весьма существенно уменьшилась, такъ какъ слоны почти всѣ перебиты или изгнаны изъ той части страны, гдѣ прежде на нихъ охотились.

Нанятые въ Мазаро для обратной поѣздки челны, когда мы прибыли, находились уже въ Тетте. Они доставили вверхъ запасы для португальскаго правительства и были сопровождаемы однимъ офицеромъ, который значительное число этихъ людей, хотя они были свободные, высѣкъ за то, что они, какъ онъ говорилъ, лѣнились и теряли время при поѣздкѣ вверхъ. Спины бѣдныхъ людей были зло исхлестаны. Официальный законъ существуетъ въ теоріи; на практикѣ взысканіе опредѣляется по личной прихоти. Однажды въ Шупанга мы послали двухъ воровъ, захваченныхъ съ поличнымъ, къ живущему по близости чиновнику. На слѣдующій день получено было отношеніе съ запросомъ, какъ ихъ наказать. Вмѣсто назначенія приговора, мы предпочли выпустить преступниковъ на свободу. Между людьми равнаго состоянія, часто именемъ „министра юстиціи“, дѣлается угроза ружьемъ. Судовщики получили свое вознагражденіе и свои жизненные припасы на дорогу прежде, чѣмъ отправляться. Когда челны тяжело нагружены и уровень воды низокъ

они часто съѣдаютъ всѣ свои запасы прежде, чѣмъ достигнуть Тетте, и на обратный путь не остается у нихъ ничего, если они не купятъ чего-нибудь на свое вознагражденіе. Такъ было съ нашими людьми. Жизненные припасы были дешевы, и такъ какъ мы хотѣли укрѣпить своихъ людей для работы, то и дали имъ значительно болѣе, чѣмъ они обыкновенно получаютъ, и еще, сверхъ того, свинью и козу. Они работали необыкновенно хорошо. Отправляясь по собственному побужденію съ первымъ проблескомъ дня и плывя до темноты, они рѣшительно шли вмѣстѣ съ лодкой и достигли Шупанга въ четыре и три четверти дня. Купцы очень сѣтуютъ на нечестность судовщиковъ; дѣйствительно, они иногда уходятъ со всѣмъ грузомъ выбойки, и никакое взысканіе не можетъ достигнуть до нихъ. Одно несомнѣнно: любовь не потеряна въ средѣ этихъ людей.

Мы стали теперь готовиться къ спуску на воду „Леди Ніаса“. На берегу въ Шупанга было выровнено мѣсто, чтобы привести въ порядокъ ея части. Она была установлена на пальмовыхъ деревьяхъ, которыя доставлены для подмостковъ съ мѣста, лежащаго далѣе внизъ по рѣкѣ, и тотчасъ машинистъ съ своими помощниками прилежно занялись дѣломъ. Спустя дней четырнадцать послѣ того, какъ онѣ всѣ привезены были съ Конгоне, части ея были свинчены. Гдѣ существуетъ невольничество, тамъ черные болѣе преданы кражѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Мы были обезпокоены ворами, стащившими желѣзныя винтовыя гайки, но, къ удовольствію нашему, открыли, что стрихнинъ столько же хорошо обезпечиваетъ отъ крадущихъ людей, какъ отъ крадущихъ гіенъ. Гіена была убита имъ, и когда туземцы увидѣли мертвое животное и узнали, какъ мы его убили, то рѣшили, что опасно обкрадывать людей, владѣющихъ такими сильными лекарствами. Гальбкасть, жившій въ домѣ въ Шупанга, выразилъ желаніе имѣть его немножко, чтобы дать зулу, которыхъ смертельно боялся и которымъ долженъ былъ платить вынужденную дань.

„Піонеръ“ сдѣлалъ нѣсколько рейсовъ въ Конгоне и 12 іюня вернулся съ послѣднимъ грузомъ. 23-го „Леди Піасса“ благополучно спущена на воду, послѣ чего какъ работы по составленію ея были прерваны лихорадкой и діареей, равно какъ и многими другими причинами, перечисленіе которыхъ было бы только утомительнымъ для читателя. Туземцы пришли изо всѣхъ мѣстъ страны, чтобы видѣть спускъ ея на воду; бо́льшая часть изъ нихъ была вполнѣ убѣждена, что она, будучи изъ желѣза, какъ только попадетъ въ воду, тотчасъ пойдетъ на дно. Между ними шли серьезныя разсужденія по вопросу, сообразно ли примѣнять желѣзо къ судостроенію? Большинство утверждало, что это никогда не будетъ соотвѣтствовать цѣли. Они говорили: „Когда мы заступъ или самый малѣйшій кусочекъ желѣза кладемъ въ воду, онъ мгновенно падаетъ на дно. Слѣдовательно, какъ же можетъ такая масса желѣза плавать по́верху? Она должна пойти на дно.“ Меньшинство отвѣчало, что это можетъ быть истиной для нихъ, но у бѣлыхъ людей на все есть лекарство. „Они могутъ даже сдѣлать женщину, которая только-что не говоритъ Вотъ смотрите тамъ статую на суднѣ“. Невѣрующіе были изумлены и едва могли повѣрить глазамъ своимъ, когда увидали судно, легко и граціозно плавающимъ по рѣкѣ, вмѣсто того, чтобы пойти ко дну, какъ они такъ настойчиво предсказывали. „Истинно,“ сказали они, „у этихъ людей сильныя лекарства.“

Нашъ знаменитый землякъ, профессоръ Оуэнъ, рекомендовалъ намъ обратить наше вниманіе на произрожденіе цеце, чтобы найти средство для истребленія этого бича. Мы часто освѣдомлялись у разныхъ племенъ, не могутъ ли они помочь намъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Одинъ изъ макололо помнилъ о томъ, что этотъ именно вопросъ однажды публично объявленъ былъ въ Линіанти и, какъ обыкновенно, побились объ закладъ, что никто объ этомъ ничего не знаетъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, одинъ старый человѣкъ потребовалъ приза, утверждая, что цеце кладутъ свои красныя

яйца на листьяхъ дерева монане. Вѣроятно, это были яйца одного насѣкомаго, которое описано въ „Миссіонерской поѣздкѣ“ и о которомъ говорятъ, что оно покрываетъ свои яйца сладкою смолою, собираемой и съѣдобной. Нѣкоторые оспаривали то, что онъ ихъ видѣлъ; другіе утверждали, что красныя яйца кладутся на вѣтвяхъ деревъ, а не на листьяхъ, а иные настаивали, что эти яйца кладутся въ буйволовый, пометъ, и послѣдніе, вѣроятно, были правы. Истребленіе всей дичи при успѣхахъ цивилизаціи представляетъ единственную возможность уничтожить цеце.

Помнится, мы слышали, какъ между туземцами шли яростныя пренія по вопросу: какими пальцами замѣняются у человѣка два пальца страуса, — большимъ и указательнымъ, или мизинцемъ и перстневымъ? При этомъ забавно наблюдать свободу и серьезность, съ какими люди низшаго класса нападаютъ на мнѣнія своихъ начальниковъ. Не часто случается, чтобъ они взяли верхъ, но за то, сколько возможно, стараются воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. „Мы маленькія дѣти; мы все еще жмемся къ груди нашихъ матерей; мы не умѣемъ ходить сами; мы совсѣмъ таки ничего не знаемъ; но мы знаемъ, что объ этомъ ничтожномъ предметѣ пожилые господа болтаютъ какъ всѣ тѣ, которые говорятъ о томъ, чего вовсе не знаютъ. Мы никогда не слыхивали подобной безсмыслицы“ и т. д. Или же спорщики могутъ быть люди одного возраста. Тотъ, у котораго языкъ поразвязнѣе, ставитъ своего противника въ замѣшательство; этимъ между тѣмъ споръ не кончается. Почему же такъ? Ощущеніе давленія въ горлѣ, приливъ крови къ сердцу заставляютъ побѣжденнаго, когда онъ уже не можетъ спорить, воскликнуть: „А можешь ты меня перегнать?“ Они вскакиваютъ, мчатся на милю, приносятъ вѣтвь съ дерева, стоящаго на концѣ обычнаго поприща и, когда этимъ духовное и тѣлесное возбужденіе уравновѣсятся, мирно сходятся. Если бы наши редакторы газетъ, послѣ того, какъ бойцы освирѣпѣютъ въ бумажной войнѣ до обморочнаго состоянія обоихъ „поч-

тенныхъ корреспондентовъ", когда кровь яряся клокочетъ въ сердцѣ и въ мозгу, вмѣсто обычнаго ужаснаго „Продолженіе оплачивается", что́ должно считать признакомъ появленія новаго писанья въ качествѣ объявленій, сообщали бы только рѣшеніе, что соперники должны „бѣжать въ перегонку", то въ этой священной области гораздо менѣе было бы случаевъ болѣзни сердца и мозговыхъ ударовъ.

Въ области Шупанга птицы многочисленны. Нѣкоторые роды остаются круглый годъ, между тѣмъ какъ многіе другіе проводятъ тамъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Стаи зеленыхъ голубей прилетаютъ въ апрѣлѣ питаться молодыми плодами дикихъ смоковницъ, которыми по вечерамъ услаждается также и одинъ большой видъ летучей мыши. Изящный маленькій черный ткачикъ съ желтыми плечиками, надѣвши свой брачный нарядъ, повидимому, искренно веселится жизнью. Утромъ бываетъ усердный завтракъ; затѣмъ идутъ часы забавы. Избранное общество изъ трехъ или четырехъ особей садится на кустахъ, покрывающихъ маленькую, обильную травою площадку и забавляется концертомъ собственнаго своего нѣжнаго и самодовольнаго пѣнія. Затѣмъ слѣдуетъ игра на лету. Распуская свое мягкое бархатистое опереніе, ткачикъ на дрожащихъ крыльяхъ скользитъ внутрь свободнаго пространства, поетъ на лету, потомъ оборачивается съ свистящимъ шелестомъ крыльевъ, — звукъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ походитъ на звукъ дѣтской трещотки, — и снова возвращается на свое мѣсто. Прочіе одинъ за другимъ продѣлываютъ ту же штуку и продолжаютъ игру по цѣлымъ часамъ, состязаясь, кто при поворотѣ можетъ произвесть самый громкій звукъ. Эти игры происходятъ только во время спариванія и въ блестящемъ опереніи; пока эта птица носитъ свой зимній нарядъ скромнаго бураго цвѣта, она, повидимому, не думаетъ о забавѣ.

Съ мыса Доброй Надежды мы получили двухъ муловъ для перевозки частей „Леди Ніасса" мимо водопадовъ и высадили ихъ въ Шупанга на берегъ; но они не долго жили.

Послѣ того, какъ оба мула пали, одинъ португальскій господинъ весьма любезно, увѣдомилъ насъ, что онъ напередъ зналъ объ этомъ; въ странѣ было много попытокъ въ такомъ родѣ, но на ней ничто не оставалось въ живыхъ, — ниже свинья. Онъ сказалъ, что не сообщилъ намъ этого прежде, потому что не хотѣлъ показаться навязчивымъ!

Съ Горгона мы получили помощника въ образѣ стараго боцмана: превосходный матросъ, чрезвычайно полезный человѣкъ, когда онъ бывалъ трезвъ; но когда ему выдавался случай, напивался съ необыкновенной охотой. Онъ оказалъ бы хорошія услуги, если бы мы, какъ намѣревались, въ состояніи были тотчасъ же идти дальше вверхъ по рѣкѣ; ибо тамъ онъ долженъ бы скоро сдѣлаться совершенно воздержнымъ человѣкомъ; но, пока мы были вблизи португальцевъ, онъ былъ безполезенъ — потребность, побуждавшая его, была неодолима. Онъ ни слова не понималъ на мѣстномъ языкѣ, а туземцы были столь же несвѣдущи въ англійскомъ; однако ему удалось уговорить одного туземца—сходить за семь миль, чтобы достать немного можжевеловой водки и тайкомъ пронесть ее на судно въ туземномъ пивѣ. Въ трезвомъ видѣ онъ былъ спокоенъ, честенъ, привѣтливъ, скоро смѣкалъ, что́ можно дѣлать, былъ настойчивъ въ работѣ и вполнѣ внимателенъ ко всему. Намъ было жаль бѣднаго парня, но такъ какъ мы не могли подняться по рѣкѣ, то и должны были передать его на бортъ перваго военнаго судна, какъ только представилась возможность. Кто никогда не имѣлъ сильнаго аппетита къ раздражающимъ средствамъ, какой чувствуютъ эти люди, тотъ едва ли въ состояніи представить себѣ силу искушенія, съ которымъ имъ приходится бороться. Въ словахъ шотландскаго бражника это значитъ: „Мы кое-что смыслимъ въ питьѣ, но въ жаждѣ ровно ничего."

До тѣхъ поръ, пока все снесено было на бортъ „Леди Ніасса", воды Замбези и Шире упали такъ низко, что попытка подняться съ ней къ водопадамъ до наступленія дождей,

предстоявшихъ въ декабрѣ, была бы безполезна. Потребны были къ тому же быки и провіантъ, а этого нельзя было получить ближе острова Іоанна. Португальцы, не отказывая положительно въ допущеніи торговли по Замбези, поставляли на этомъ пути затрудненія; они домогались только маленькой пошлины! Они намѣревались учредить рѣчную полицію и снова укрѣпить коронныя владѣнія, давно уже сдѣлавшіяся владѣніями зулу. Въ то же время торгомъ невольниками они сдѣлали то, что Замбези потеряла значеніе для кого бы то ни было.

Такъ какъ Ровума, о которой говорили, что она выходитъ изъ озера Ніасса, находилась внѣ ихъ притязаній и была рѣкой свободною, то мы и рѣшились изслѣдовать ее въ своихъ шлюпкахъ тотчасъ послѣ возвращенія съ Іоанна, куда мы, 6-го августа, ушли на парусахъ, послѣ нѣкотораго пребыванія на Конгоне, обусловленнаго починкою машины, рулеваго колеса и руля. На стоящемъ у этого острова, въ заливѣ Помоне, остовѣ корабля былъ учрежденъ для нуждъ крейсеровъ, складъ корабельнаго провіанта и состоялъ подъ смотрѣніемъ г. Сенлэя, консула, который постоянно оказывалъ намъ самое дружественное вниманіе и поддержку. Теперь онъ обязалъ насъ тѣмъ, что уступилъ намъ шесть быковъ, которыхъ вывезъ для собственнаго употребленія при обработкѣ сахара. Хотя онъ со своимъ дѣломъ былъ въ непріятномъ положеніи, видя себя вынужденнымъ пользоваться невольничьимъ трудомъ, однако, неутомимой энергіей поборолъ затрудненія, предъ которыми преклонилась бы бо́льшая часть людей. Онъ сдѣлалъ все, что́ при окружающихъ обстоятельствахъ можно было сдѣлать, чтобы акуратною платою за трудъ внушить тоску по свободѣ. Онъ основалъ огромную фабрику и 300 акровъ плодородной почвы воздѣлалъ подъ сахарный тростникъ. Мы полагаемъ, что онъ получитъ вполнѣ заслуженныя выгоды. Сдѣлай г. Сёнлэй подобную попытку на материкѣ, гдѣ за плату, какую онъ теперь дастъ, жители стеклись бы къ нему толпами, онъ навѣрно открылъ бы по-

вую эру на восточномъ берегу Африки. На маленькомъ островѣ, гдѣ рабовладѣльцы имѣютъ полную власть надъ невольниками и гдѣ вовсе нѣтъ свободной земли и почвы, какая всюду попадается въ Африкѣ, эта попытка не должна повторяться. Начни еще разъ г. Сенлэй, онъ долженъ сдѣлать это не въ Занзибарѣ, не на Іоанна, а на африканской почвѣ, гдѣ невольникъ, если съ нимъ дурно обращаются, все же легко можетъ освободиться побѣгомъ. На какомъ-нибудь островѣ во владѣніи туземнаго правительства, фабрика, принадлежащая обществу арабовъ и англичанъ, могла имѣть только то значеніе, что послѣдніе избѣжали ненависти, возбуждаемой сѣченіемъ невольниковъ.

Мы покинули на нѣкоторое время Іоанна и нашихъ быковъ, и судно ея величества „Орестъ“ повело насъ оттуда на буксирѣ къ устью Ровума. Командиръ его, капитанъ Гэрднеръ и нѣсколько его офицеровъ сопровождали насъ въ продолженіе двухъ дней по рѣкѣ въ принадлежащихъ судну шлюпкѣ и катерѣ. Состояніе воды было необыкновенно низкое, и утромъ нѣсколько часовъ было довольно пасмурно; но когда начался вѣтеръ, зрѣлище стало яснѣе и живѣе. Наши четыре шлюпки полетѣли подъ полными парусами; люди на вахтѣ въ шлюпкѣ и катерѣ съ судна выкрикивали: „Бакбортъ, сэръ!“ „Штирбортъ, сэръ!“ „Какъ вы держите, сэръ!“ а черные на носахъ другихъ шлюпокъ кричали: „Пагомбе, пагомбе!“ „Енда кэте!“ „Беране, беране!“ что̀ въ переводѣ значило то же самое. Вслѣдъ затѣмъ лодка, шедшая впереди, садилась на мель; развѣвающійся парусъ снимался; экипажъ выскакивалъ, чтобы столкнуть ее, а другія лодки, избѣгнувъ задержки, мчались и въ хвостъ и въ гриву дальше, каждая въ свой чередъ натыкаясь на мель, которую по ошибкѣ сочла за фарватеръ, часто имѣвшій только весьма незначительную глубину.

Стадо дремлющихъ бегемотовъ внезапно приводится въ ужасъ слишкомъ двадцатью ружейными выстрѣлами и съ изумленіемъ смотритъ на странные предметы, ворвавшіеся

въ ихъ мирныя владѣнія; нѣсколько посыпавшихся пуль вынудили ихъ искать спасенія на днѣ глубокой лужи, близъ которой они безмятежно отдыхали. Когда мы возвращались, одинъ изъ бегемотовъ задумалъ отмстить. Онъ преслѣдовалъ шлюпку, спустился подъ нее и дважды пытался проломить днище, но, къ счастью, оно было слишкомъ плóско, чтобы онъ могъ хорошо захватить его своей пастью; поэтому онъ повредилъ своими клыками только одну изъ планокъ, хотя и поднималъ всю шлюпку съ десятью людьми и тонною эбенового дерева.

Одну изъ двухъ ночей, которыя капитанъ Гэрднеръ пробылъ съ нами, мы провели противъ маленькаго озера Чидіа, находящагося во время высокой воды въ связи съ рѣкою и почти плотно окруженнаго холмами, изъ которыхъ иные высотой отъ 500 до 600 футовъ и покрыты деревьями. На скатахъ холмовъ стояло нѣсколько небольшихъ группъ хижинъ съ садами, въ которыхъ была уже снята жатва обыкновенныхъ туземныхъ произведеній. Жители, повидимому, не очень были обезпокоены присутствіемъ большаго общества, остановившагося на отмеляхъ ниже ихъ жилищъ. Въ сосѣдствѣ много крѣпкаго эбенового лѣса. Красивая маленькая антилопа (Cephalophus cœruleus), величиною почти съ зайца, повидимому, многочисленна здѣсь, такъ какъ много ея шкурокъ было предложено на продажу. Здѣсь ткутся по изящнымъ образцамъ цыновки разныхъ цвѣтовъ изъ финиковыхъ листьевъ; различныя краски добываются изъ древесной коры. Рогатый скотъ не можетъ жить по берегамъ Ровума изъ-за цеце, встрѣчающихся отъ окрестностей устья вверхъ до того мѣста, до котораго мы могли провесть шлюпки. Пока мы поднимались вверхъ, поѣздка не становилась лучше: снесенные высокой водою древесные стволы встрѣчались часто и при внезапномъ спаденіи воды оставались въ руслѣ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлится на два и на три фарватера, ни въ одномъ изъ нихъ не было воды на столько, чтобы держать лодку, сидящую на три фута. Поэтому мы должны

были перетаскивать свои лодки по мелководью: но мы видѣли рѣку при ея самомъ низкомъ уровнѣ воды, и могутъ пройти годы прежде, чѣмъ она снова такъ усохнетъ.

Долина Ровума, граничащая съ каждой стороны съ цѣпью возвышенностей,—шириною отъ двухъ до четырехъ миль и идетъ въ довольно прямомъ направленіи отъ запада-юго-запада; но фарватеръ рѣки теперь, при ея самомъ низкомъ уровнѣ, вьется и проходитъ такимъ страннымъ зигзакомъ, что лодка часто должна сдѣлать три мили, чтобы по прямой линіи пройти всего одну. При половодьѣ поѣздка естественно должна быть гораздо легче. Въ теченіе первой недѣли мы видѣли мало туземцевъ. Селенія ихъ отъ хищническихъ невольничьихъ шаекъ скрыты въ густыхъ джонгляхъ на скатахъ холмовъ. На этой части тихой и мелкой рѣки замѣчено немного интереснаго. Хотя мы были убѣждены, что, за исключеніемъ восьми мѣсяцевъ въ году, она неудобна для судоходства, однако, все же шли далѣе, рѣшившись посмотрѣть, окажутся ли дальше внутри страны справедливыми извѣстія о ея большихъ размѣрахъ, полученныя нами отъ разныхъ морскихъ офицеровъ, или, при связи ея съ озеромъ Ніасса, нельзя ли воспользоваться хотя только верхней ея частью. Наше изслѣдованіе показало намъ, что величайшая осмотрительность нужна тѣмъ, кто посѣщаетъ новыя страны.

Извѣстія, полученныя нами отъ людей, ходившихъ по рѣкѣ и имѣвшихъ возможность составить вѣрное сужденіе, состояли въ томъ, что Ровума, по неимѣнію никакого бара въ ея устьѣ, по бо́льшей массѣ воды и по красотѣ прилегающей къ ней страны, стоитъ безконечно выше Замбези. Мы прибыли не въ то время года, въ какое посѣщали ее *они*, и нашъ отчетъ долженъ быть добавленъ къ ихъ извѣстіямъ, чтобы получить истину. Какъ торговый путь, это рѣка могла бы быть удобной, можетъ быть, въ теченіе трехъ четвертей года; но случайнымъ посѣтителямъ, какъ мы или другіе, трудно составить объ этомъ заключительное мнѣніе. Недостатокъ птицъ или какой бы то ни было живности былъ

поразителенъ. Лишь изрѣдка видѣли мы пару статныхъ ябирусовъ или смотрящихъ адъютантами марабу, гулявшихъ по отмелямъ, равно какъ шпорнокрылыхъ гусей и другихъ плавающихъ птицъ, но рѣдко попадались крокодилы или бегемоты.

Въ концѣ первой недѣли зашелъ въ нашъ лагерь одинъ старикъ и сказалъ, что хочетъ принесть подарокъ изъ своего селенія, лежащаго вверху между холмами. На слѣдующее утро явился онъ съ значительнымъ числомъ своихъ людей и принесъ муки, маньоковыхъ и ямсовыхъ корней. Здѣшнее нарѣчіе значительно разнится отъ нарѣчій по Замбези, но принадлежитъ къ той же семьѣ языковъ. Жители называются маконде и состоятъ на мирной ногѣ съ мабига и макоа, живущими къ югу отъ Ровума. Когда мы дѣлали прогулки на склонъ сѣвернаго берега, то нашли большое разнообразіе деревъ, никогда не видѣнныхъ нами въ другихъ мѣстахъ. Тѣ, которыя обыкновенно попадаются далеко внутри страны, повидимому, здѣсь приближаются къ берегу. Африканское эбеновое дерево, въ народѣ называемое *мпингу*, въ большомъ множествѣ находится въ восьми миляхъ отъ моря; оно достигаетъ болѣе значительной величины и имѣетъ больше внутренней черной сердцевины, чѣмъ обыкновенно. Здѣсь есть также и хорошее, удобное для строительныхъ матеріаловъ дерево, называемое *мозоко*, и мы видѣли полурабовъ близъ берега, распиливающихъ большія колоды его на доски. Прежде, чѣмъ достигли вершины возвышенія, мы очутились въ бамбуковомъ лѣсу. На лежащей выше него площадкѣ были расчищены и воздѣланы большія пространства. Одинъ мужчина пригласилъ насъ распить кувшинчикъ пива; когда мы исполнили его просьбу, страхъ, выказанный передъ тѣмъ окружающими, исчезъ. Наши мазаровскіе спутники едва могли понимать, что они говорили. Нѣкоторые изъ нихъ бродили въ рѣкѣ и въ лужахъ, находившихся на глинистомъ берегу, и ловили странную рыбу. У ней оригинальный брюшной плавникъ; онъ необыкновенной величины и круглой формы, по-

хожей на дѣтскую игрушку, называемую „брызгалкой“. Намъ сказали, что рыба эта попадается и въ Замбези и называется чирире. Хотя всѣ плавники у ней большіе, однако, говорятъ, что она рѣдко отваживается уходить въ рѣку, а остается близъ своей норы, гдѣ ее легко поймать рукою.

Люди съ Замбези точно узнавали характеристическіе признаки глубины или мелководья и выказали большое искусство находить настоящій фарватеръ. Молимо — кормчій у румпеля, мокадамо — главный судовщикъ; онъ стоитъ прямо на носу съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, указываетъ кормчему куда нужно держать и, если нужно, подкрѣпляетъ рулевое весло своимъ шестомъ. Другіе предпочитаютъ стоять и гнать впередъ нашу лодку шестами, чѣмъ нашими длинными веслами, такъ какъ первымъ способомъ они скорѣе могли подвигаться впередъ, чѣмъ послѣднимъ. Они привыкли къ короткимъ весламъ. Нашъ мокадамо страдалъ лунной слѣпотой и ночью совсѣмъ не могъ видѣть. Его товарищи тогда водили его и давали ему въ руки пищу. Мы думаемъ, что днемъ онъ потому такъ хорошо могъ видѣть фарватеръ, что глаза его отдыхали всю ночь. Въ иныхъ мѣстахъ мокадамо дѣлалъ, однако, ошибки и сажалъ насъ на мель. Прочіе, очевидно проникнутые духомъ противорѣчія относительно установленной власти и руководимые Хоаньо, соискателемъ этой должности, накидывались на него за его глупость. „Спитъ онъ, что́ ли? Зачѣмъ онъ далъ лодкѣ зайти туда? Не могъ онъ видѣть, что фарватеръ въ другой сторонѣ?“ Наконецъ, мокадамо съ досады бросилъ шестъ и сказалъ Хоаньо, что онъ самъ можетъ быть мокадамо. Должность была принята съ радостью; но чрезъ нѣсколько минутъ и онъ поставилъ насъ въ еще худшее затрудненіе, чѣмъ его предшественникъ, и, при насмѣшкахъ своихъ товарищей, былъ лишенъ своей должности.

При путешествіяхъ лучше всего радоваться маленькимъ простымъ приключеніямъ этого рода, которыя какъ нельзя болѣе доказываютъ наклонности, присущія всему человѣче-

скому роду. Каждый пожалѣетъ, когда услышитъ, что иные изъ нашихъ земляковъ грубымъ образомъ вмѣшиваются въ дѣло, въ дѣйствительности не причиняющее никакого вреда. Допускаются даже побои, подъ вліяніемъ нелѣпой мысли, что негръ — то или другое, а не странная смѣсь добра и зла, мудрости и глупости, ловкости и неуклюжести, какъ другіе люди. Одинъ англичанинъ, у котораго было ружье, имѣвшее отвратительную привычку разряжаться само собою, ѣхалъ вверхъ по Замбези въ челнѣ, управляемомъ туземцами. Онъ не зналъ на ихъ языкѣ почти никакого другаго слова, кромѣ глагола „*убить*“. Ружье, по своему обычаю, выстрѣлило само собою случайно какъ разъ около головы одного изъ членовъ общества, и тотъ, ложась спать, выразилъ товарищамъ свое опасеніе, что это несчастное ружье могло бы „*убить*“ кого-нибудь изъ нихъ. Нашъ герой подцѣпилъ слово и провелъ всю ночь съ пистолетомъ въ рукѣ, готовый наказать измѣну, существующую только въ собственномъ его разгоряченномъ мозгу. Это приключеніе впослѣдствіи онъ напечаталъ въ одной газетѣ въ качествѣ ужаснаго положенія— на волоскѣ висѣвшей гибели отъ рукъ кровожадныхъ дикихъ. Другой британскій левъ, который долженъ былъ проѣхать около двухъ сотъ миль въ челнѣ и не въ состояніи былъ выговорить ни единаго слова на туземномъ языкѣ, счелъ благоразумнымъ стрѣлять изо всѣхъ стволовъ своего револьвера, каждый разъ когда его судовщики предлагали высадиться. Палящее солнце стояло надъ головою какъ разъ въ самой жаркой своей точкѣ. Бѣдные парни показывали знаками, что они желали бы купить немножко пива. Револьверъ выстрѣливалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: вы должны грести.“ Это безуміе, такъ какъ онъ самъ описалъ намъ его, считалъ онъ очевидно чѣмъ-то умнымъ. Еще господинъ, считавшій самого себя чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, нежели посѣщенное имъ племя, жаловался въ одномъ общественномъ собраніи на лживость прежняго путешественника, приписывавшаго этому самому племени особенное гостепріимство и почтительность, и за-

тѣмъ, когда мы указали на свидѣтельство бывшаго при-этомъ, духовнаго разсказалъ, что онъ, прежде чѣмъ пошелъ къ племени, о которомъ идетъ рѣчь, связалъ одного изъ людей этого племени „и задалъ ему здоровую порцію палокъ". Мы представляемъ себѣ дѣйствіе, какое произвело бы на англійское селеніе то обстоятельство, если бы пришелъ въ него черный человѣкъ, и бѣлый слуга пожаловался бы, что онъ съ нимъ по дорогѣ такъ дурно обошелся. Мы иногда краснѣли до конца ногтей со стыда, когда замѣчали, что разгнѣвались безъ всякой причины. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что туземцы иногда столь же упрямо тупы, какъ бываетъ это у насъ съ прислугой, когда ей такъ вздумается; но и наше поведеніе должно часто казаться туземцамъ смѣсью глупости и тщеславія.

16-го сентября мы прибыли къ обитаемому острову Кичокомане. Обычный способъ сближенія съ неизвѣстнымъ народомъ состоитъ въ томъ, чтобы кричать веселымъ тономъ „малонда" — вещей на продажу, или: нѣтъ ли у васъ чего-нибудь продать? Если мы можемъ вызвать кого-нибудь изъ послѣдняго селенія, то употребляемъ его въ дѣло; однако онъ полезенъ лишь на столько, чтобы объяснить жителямъ ближайшаго селенія, что мы идемъ мирнымъ образомъ. Здѣшніе жители были сначала робки въ отношеніи къ намъ и не могли рѣшиться на продажу намъ жизненныхъ припасовъ, пока одна женщина, смѣлѣе прочихъ, не продала намъ курицы. Этимъ открылся рынокъ, и тогда пришли толпы съ курами и мукою въ количествѣ, далеко превосходившемъ наши потребности. Женщины столько же отвратительны, какъ на озерѣ Ніасса, ибо какъ можетъ быть красива женщина, носящая пелеле, или большихъ размѣровъ кольце въ верхней губѣ? Мы были изумлены, увидѣвши однажды, что молодые мужчины носятъ пелеле; намъ сказали, что въ племени мабига на южномъ берегу мужчины такъ же носятъ его, какъ и женщины.

Выше Кичокомане, по лѣвому берегу тянется чрезвы-

чайно плодородная равнина, шириною почти въ двѣ мили и покрытая значительнымъ числомъ покинутыхъ селеній. Жители живутъ во временныхъ хижинахъ, на низменныхъ обнаженныхъ песчаныхъ берегахъ, и такъ было повсюду, куда мы заходили. Они оставили бо́льшую часть своей собственности и жизненныхъ припасовъ, потому что не боялись за нихъ и опасались только, чтобы не украли самихъ владѣльцевъ. Большая невольничья дорога отъ Піасса къ Кильва идетъ съ югозапада на сѣверовостокъ какъ разъ по ту сторону мимо ихъ, и опасно оставаться въ селеніяхъ въ это время года, когда человѣкокрады не за горами. Въ одномъ изъ временныхъ селеній мы видѣли мимоходомъ двѣ человѣческія головы на землѣ. Мы переночевали въ двухъ миляхъ выше этого селенія.

На слѣдующее утро передъ солнечнымъ восходомъ къ нашему лагерю пришелъ большой отрядъ дикихъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами и ружьями; двое или трое изъ нихъ несли каждый по курицѣ, отъ покупки которыхъ мы отказались, такъ какъ за день прежде купили достаточное количество. Они слѣдовали за нами все утро, а послѣ завтрака переправились на лѣвой берегъ рѣки и присоединились къ тянувшемуся по той сторонѣ главному корпусу. У нихъ очевидно было намѣреніе напасть на насъ въ какомъ-нибудь избранномъ мѣстѣ, гдѣ мы должны были тянуться вилоть у высокаго берега, но планъ ихъ былъ разрушенъ сильнымъ вѣтромъ, угнавшимъ наши лодки прежде, чѣмъ большая часть ихъ успѣла достигнуть мѣста. Тогда они исчезли, но, быстро обойдя изгибъ, по которому мы должны были плыть, шли уже намъ навстрѣчу. Въ самую передовую лодку пущена была стрѣла: такъ какъ въ изгибѣ мы видѣли вооруженную силу, то, на сколько позволяло мелководье, оттолкнулись отъ берега и пытались завести переговоры съ ними, объясняя, что мы пришли не воевать, а осмотрѣть рѣку. „А зачѣмъ вы недавно выстрѣлили изъ ружья?“ спросили они. — „Мы застрѣлили большаго пуффаддера, чтобы не дать

ему убить человѣка; вы можете видѣть трупъ его на берегу." Съ большимъ мужествомъ нашъ мокадамо подошелъ въ бродъ на тридцать ярдовъ къ берегу и говорилъ весьма серьезно, увѣряя, что мы мирное общество и пришли не войну вести, а осмотрѣть рѣку. Мы друзья, и наши земляки покупаютъ хлопокъ и слоновью кость и желаютъ приходить и торговать съ ними. Все, чего мы хотѣли, было — спокойно подняться вверхъ для осмотра рѣки и потомъ опять вернуться къ морю. Пока онъ говорилъ со стоявшими на берегу, старый плутъ, бывшій, повидимому, коноводомъ дѣла, прокрался берегомъ вверхъ, перешелъ въ бродъ съ дюжиною другихъ на островъ, близъ котораго стояли лодки, и зашелъ намъ въ тылъ. Въ дикомъ восторгѣ бросились они въ воду и танцовали у насъ за спиною, прицѣливаясь натянутыми луками и дѣлая разнаго рода дикія гримасы. Предводитель заставилъ ихъ зайти за нѣсколько древесныхъ стволовъ, лежавшихъ въ рѣкѣ, и затѣмъ стрѣлять въ насъ. Въ отрядѣ, стоявшемъ передъ нами на берегу, было много ружей, а тѣ, у которыхъ были луки, держали ихъ наготовѣ съ положенными на тетивы стрѣлами. За ними была чаща густаго кустарника и деревъ, въ которую они могли мгновенно убѣжать, пустивши пули и стрѣлы, и тамъ совершенно укрыться отъ нашихъ глазъ: обстоятельство, придающее обыкновенно величайшую дерзость людямъ, употребляющимъ лукъ и стрѣлы. Не смотря на эти демонстраціи, мы вовсе не были расположены схватиться съ ними. Мы провели цѣлыхъ полчаса въ опасности каждую минуту попасть подъ пулю или подъ отравленную стрѣлу. Мы растолковали имъ, что вооружены лучше ихъ, и военныхъ запасовъ, предполагаемый недостатокъ которыхъ часто внушаетъ имъ мужество, у насъ вволю; но мы не хотимъ проливать крови дѣтей того же Великаго Отца, которому принадлежимъ и мы, и, если принуждены будемъ сражаться, то вся вина падетъ на нихъ.

Это обыкновенный способъ серьезнаго представленія у нихъ самихъ, и мы такъ успѣшно воспользовались имъ, что

послѣ большаго разговора предводители и другіе сложили свое оружіе и съ берега пошли въ бродъ къ лодкамъ для переговоровъ о дѣлѣ. „Рѣка эта принадлежитъ имъ; они не дозволяютъ бѣлымъ людямъ пользоваться ею. Чтобы они насъ пропустили, мы должны внести пошлину“. Было нѣчто унизительное въ подобной сдѣлкѣ; но это значило — платить или сражаться, и чѣмъ сражаться, мы лучше подверглись униженію купить ихъ дружбу и дали имъ тридцать ярдовъ выбойки. Они обязались навсегда быть нашими друзьями и сказали, что на возвратномъ пути приготовятъ намъ кушанья. Затѣмъ мы поставили парусъ и пошли дальше, радуясь, что дѣло окончилось дружелюбнымъ образомъ. Тѣ, которые стояли на берегу, пошли далѣе къ находящемуся выше изгибу, чтобы, какъ мы предположили, посмотрѣть на лодку; но въ ту минуту, какъ мы поравнялись съ ними, не говоря ни слова въ предостереженіе, дали по насъ залпъ пуль и отравленныхъ стрѣлъ. Къ счастію, мы были такъ близко, что всѣ стрѣлы перелетѣли черезъ насъ, но четыре ружейныя пули какъ разъ надъ нашими головами пробили парусъ. Въ ту же минуту, какъ выстрѣлили, всѣ они бросились въ кусты и высокую траву, за исключеніемъ двухъ, изъ которыхъ одинъ только что намѣревался пустить пулю, а другой стрѣлу, когда огонь второй лодки не дозволилъ имъ этого. Ни одинъ изъ нихъ не показался снова, пока мы не отплыли на тысячу ярдовъ. Тогда, чтобы дать имъ понятіе о дальности нашихъ выстрѣловъ, мы пустили нѣсколько пуль у нихъ надъ головами, и всѣ они убѣжали въ лѣсъ. Тѣ же, которые были на отмели, бросились прочь съ величайшею поспѣшностью; но такъ какъ они не стрѣляли въ насъ, то мы не тронули ихъ, и они безопасно ушли со своей выбойкой. Вѣроятно, они надѣялись убить кого-нибудь изъ насъ и въ замѣшательствѣ ограбить лодки. Только тамъ, гдѣ жители занимаются обращеніемъ въ неволю, туземцы этой части Африки кровожадны.

Объ этихъ людяхъ въ странѣ лежащей впереди шла

дурная слава даже въ средѣ ихъ. собственнаго племени. Одинъ арабъ, занимающійся торгомъ невольниковъ, встрѣченный нами далѣе вверху и полагавшій, что мы тогда находились на пути внизъ по рѣкѣ, совѣтовалъ намъ не высаживаться на берегъ въ селеніяхъ, а оставаться въ лодкахъ, такъ какъ жители вѣроломны и нападаютъ безъ всякаго предостереженія или вызова. Нашъ опытъ вполнѣ подтверждалъ истину его словъ объ ихъ поведеніи. Гдѣ живутъ они, тамъ по рѣкѣ нѣтъ никакой торговли, но по другую сторону ихъ земли была оживленная торговля рисомъ и солью, производившаяся въ челнахъ: обитатели внутренней страны воздѣлывали рисъ и сплавляли его внизъ по рѣкѣ для обмѣна на соль, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ извлекается изъ земли. Нападавшіе на насъ сочли отпоръ немаловажнымъ и говорили сосѣднему владѣльцу, что если бы они знали, кто мы такіе, то не напали бы на англичанъ, которые „здóрово кусаются“. На нашемъ пути внизъ по рѣкѣ, они уже не трогали насъ, хотя мы употребили цѣлый часъ, чтобы пройти мимо ихъ селенія. Наши судовщики оцѣнили наше мужество, когда увидѣли, что мы идемъ оттуда невредимы. Одинъ изъ нихъ, по имени Чику, находившійся, какъ они увѣрялъ, въ страшномъ ужасѣ, говорилъ, „что страхъ его былъ не тотъ, который побуждаетъ человѣка прыгнуть за бортъ и бѣжать прочь, а тотъ, который сердце поднимаетъ къ устамъ и дѣлаетъ мужчину безсильнымъ и способнымъ къ битвѣ не болѣе женщины“.

Въ странѣ Чонга Мичи, въ 80 до 90 миляхъ вверхъ по рѣкѣ, нашли мы скромныхъ жителей, вѣжливо обходящихся съ чужеземцами, хотя они и принадлежатъ къ тому же самому племени. Множество макоа вышли изъ своихъ собственныхъ южнѣе расположенныхъ земель и поселились здѣсь. Макоа можно узнать по рубцамъ на лбу, имѣющимъ видъ полумѣсяца съ опущенными рожками. Это племя владѣетъ всею страною къ западу отъ Мозамбика и не дозволяетъ португальцамъ проникать въ нее далѣе двухъ часовъ пути отъ

форта. Находящійся миляхъ въ десяти или двѣнадцати отъ форта холмъ, называющійся Пау, былъ при нынѣшнемъ поколѣніи посѣщенъ только однимъ португальцемъ и однимъ англійскимъ офицеромъ, и этотъ визитъ былъ возможенъ только подъ вліяніемъ особенной дружбы владѣльца къ этому знатному португальцу. Наши союзники вотъ уже триста лѣтъ имѣютъ фортъ въ Мозамбикѣ, но въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, власть ихъ не могла проникнуть дальше окрестности, видимой съ лафета.

Владѣлецъ макоа Матингула былъ гостепріименъ и разговорчивъ; онъ сказалъ намъ все, что̀ зналъ о лежащей далѣе рѣкѣ и странѣ. Онъ былъ однажды съ невольниками въ Ибо и разъ въ Мозамбикѣ. Наши люди легко понимали его языкъ. Негодный къ употребленію мушкетонъ, купленный имъ въ одномъ изъ названныхъ мѣстъ, былъ предложенъ намъ за небольшое количество выбойки. Такъ какъ мы получили отъ него подарокъ жизненными припасами, то отдарили его шерстянымъ плэдомъ. Онъ осмотрѣлъ его, — никогда еще не видывалъ такого тканья, какъ это, — но не нашелъ въ немъ никакой красоты и лучше пожелалъ выбойки. „Вамъ въ этомъ ночью теплѣе будетъ“. — „О! ночью мнѣ не надо тепла“. Мы дали ему кусочекъ выбойки, который не стоилъ и третьей части того, что стоилъ плэдъ, но онъ цѣнилъ его дороже. Его люди отказались продать намъ своихъ куръ за нашъ блестящій тисненый коленкоръ и толстые платки. Вѣроятно ихъ прежде провели на пестро раскрашенномъ, не настоящемъ печатномъ коленкорѣ. Они предпочли весьма дешевую, неузорчатую синюю матерію, которую уже знали. По всей рѣкѣ, при помощи корзинчатыхъ ульевъ изъ древесной коры, поставленныхъ для пчелъ на высокихъ деревьяхъ по обоимъ берегамъ, добываютъ огромное количество превосходнаго меду. Большіе кувшины весьма хорошаго и чистаго меду были предложены намъ за очень малое количество выбойки. Воскъ не былъ вынесенъ на продажу: такъ

какъ товаръ этотъ не идетъ въ торговлю, то его, вѣроятно, бросаютъ, какъ никуда негодный.

Въ Мичи мы потеряли возвышенность, которая до этого мѣста ограничивала ландшафтъ по обѣимъ сторонамъ рѣки какъ бы цѣпью плосковершинныхъ холмовъ отъ 600 до 800 футовъ высоты; за этой возвышенностью слѣдовала горизонтальная плодородная равнина, на которой стояли отдѣльныя гранитныя скалы. Часть возвышенности, расположенная на правомъ берегу, повидимому, склоняется къ югу, все еще удерживая видъ цѣпи холмовъ. Противолежащія высоты тянутся нѣсколько миль далѣе на западъ и потомъ даютъ отростки въ сѣверномъ направленіи. На песчаныхъ отмеляхъ было найдено нами нѣсколько небольшихъ кусковъ каменнаго угля, показывавшихъ, что этотъ полезный минералъ есть на Ровума или на какомъ-нибудь изъ его притоковъ. Туземцы знаютъ, что онъ горючъ. На маленькомъ озерѣ Чидіа мы замѣтили тѣ же песчаниковыя скалы съ ископаемымъ въ нихъ деревомъ, какія видѣли на Замбези, и знали, что это вѣрный признакъ лежащаго подъ нимъ каменнаго угля. Мы упоминали объ этомъ въ свое время капитану Гэрднеру, а что мы теперь нашли каменный уголь, это, казалось, подтверждало сказанное нами тогда; слой угля, вѣроятно, простирается отъ Замбези до Ровума, если еще не далѣе. Нѣкоторыя изъ глубже лежащихъ скалъ имѣютъ постоянную линію высоты воды въ трехъ футахъ надъ настоящей высотой воды.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ мыса Матингула мы перешли къ маконде; но о нихъ шла хорошая слава. Война и рабство вынудили ихъ искать убѣжища на отмеляхъ. Почтеннаго вида старикъ привѣтствовалъ насъ, когда мы проходили мимо, и спросилъ: ужъ не хотимъ ли мы пройти, не поговоривши. Мы высадились; онъ сложилъ свое оружіе и пришелъ къ намъ. Его сопровождалъ братъ, подавшій руку каждому въ лодкѣ, какъ, онъ видалъ, дѣлаютъ люди въ Кильва. „Вы, слѣдовательно, видали уже бѣлыхъ людей?“ спросили мы.—„Да“, отвѣчалъ хитрый африканецъ, „но еще

никогда не видалъ такихъ, какъ вы". Они были весьма черны и носили мало одежды. Молодая женщина, одѣтая въ самомъ изящномъ вкусѣ по модѣ маконде и умѣвшая вести лодку такъ же ловко, какъ мужчина, привела цѣлый челнъ дѣвушекъ посмотрѣть на насъ. На ней былъ головной уборъ изъ красныхъ бусъ, подвязанныхъ съ одной стороны головы къ ея волосамъ, ожерелье изъ бусъ разныхъ красокъ, на лѣвой рукѣ два блестящихъ изукрашенныхъ бронзовыхъ браслета и едва на одинъ чарсингъ выбойки, хотя она была самаго дешеваго сорта.

Пробираясь далѣе на западъ, мы нашли, что рѣка поворачиваетъ немного на югъ, и иныя мѣста были глубже, чѣмъ около моря; но когда мы по теченію рѣки поднялись вверхъ миль на 140 отъ моря, стали попадаться мягкія скалы известковаго туфа; еще въ десяти миляхъ далѣе рѣка сдѣлалась узка и скалиста; а когда мы, по нашему разсчету, проплыли 156 миль, поѣздка была задержана. По прямой линіи мы находились менѣе чѣмъ въ двухъ градусахъ разстоянія отъ берега. Замѣчательныхъ приключеній было мало: нѣсколько дней сопровождалъ насъ караванъ изъ семи челновъ, нагруженыхъ солью и рисомъ, и чѣмъ дальше вдавались мы внутрь страны, тѣмъ привѣтливѣе были обитатели.

Когда мы остановились какъ разъ у самаго острова Ніаматоло, 38° 36′ вост. долг. и 11° 53′ южн. шир., рѣка была узка и полна скалъ. Около острова есть скалистая быстрина съ узкими проходами, годными только для туземныхъ челновъ. Водопадъ незначителенъ, и берега совершенно низменны; но эти скалы представляли дѣйствительную границу для всякаго дальнѣйшаго слѣдованія въ лодкахъ. Предварительныя извѣстія такъ изображали судоходную часть этой рѣки, какъ будто бы поѣздка по ней отъ устья простирается на мѣсяцъ пути; мы нашли, что при обыкновенной высотѣ воды лодка могла бы въ шесть, восемь дней пройти препятствія, свойственныя, повидимому, всѣмъ африканскимъ рѣкамъ. Ровума замѣчательна по возвышенности, сопровождаю-

щей ее по сторонамъ отъ океана слишкомъ на протяженіи восьмидесяти миль. Водопады другихъ рѣкъ находятся въ горахъ; водопады Ровума находятся на ровной мѣстности, только вдали представляющей холмы. Далеко на западъ и сѣверъ могли мы видѣть высокія синія вершины, подымающіяся съ равнины и, судя по ихъ формамъ, вулканическаго происхожденія.

Разстояніе отъ Нгомано, мѣста лежащаго въ тридцати миляхъ далѣе вверхъ по рѣкѣ, до арабскаго переходнаго пункта черезъ озеро Ніасса, Цепга или Котакота, говорятъ, двѣнадцать дней пути. Дорога, открытая нами къ озеру Ніасса черезъ Мурчисоновскіе водопады, представляла на столько меньше сухопутныхъ транспортовъ, что мы сочли за лучшее доставить туда нашъ пароходъ по дорогѣ, которую хорошо знали, вмѣсто того, чтобы трудиться здѣсь, гдѣ мы были совсѣмъ чужіе; поэтому мы рѣшили вернуться.

Туземцы сообщали свѣдѣнія о еще болѣе худомъ мѣстѣ выше точки нашего поворота, — гдѣ проходъ еще уже предстоящаго. Одинъ арабъ, говорили они, построилъ однажды лодку выше быстринъ и послалъ ее внизъ, наполненную невольниками; но она была въ куски разбита въ этихъ верхнихъ тѣсninахъ. Многіе все еще утверждали, что Ровума выходитъ изъ Ніасса и при выходѣ изъ озера весьма узка. Одинъ мужчина объяснялъ, что видѣлъ ее своими глазами, какъ она выходитъ изъ озера, и, повидимому, сердился, что мы распрашиваемъ его такъ подробно, какъ будто сомнѣваемся въ его показаніяхъ.

Болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія, какъ намъ казалось, получили мы отъ другихъ. Въ двухъ дняхъ пути или въ тридцати миляхъ за тѣмъ мѣстомъ, съ котораго мы вернулись, Ровума принимаетъ Линде, которая, идучи съ югозапада, беретъ начало въ горахъ на восточной сторонѣ Ніасса. Большая невольничья дорога въ Кильва идетъ по берегамъ этой рѣки, которая въ сухое время года глубиной по щиколку. Сама Ровума идетъ съ западо-сѣверозапада, и путешествен-

никъ, пройдя мѣсто соединенія Линде въ Нгомано или на „Сборномъ мѣстѣ“, — владѣтеля этой страны зовутъ Ндонде, — находитъ рѣку узкой, а обитатели тамъ аджава.

Жители Ніаматоло весьма богаты съѣстными припасами и занимаются земледѣліемъ въ значительныхъ размѣрахъ. Островъ представляетъ только лѣтнее ихъ мѣстопребываніе; постоянныя ихъ селенія расположены въ лѣсахъ. Охотясь мы зашли въ нѣкоторыя изъ этихъ селеній и видѣли тѣ огромныя количества хлѣба въ зернахъ, которыя они оставили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса, отдаленныхъ отъ селеній, нашли большіе сосуды съ сѣменемъ, дающимъ масло (Sesamum). Сезамъ былъ предлагаемъ намъ подъ именемъ *мафута*, или жира какъ на продажу, такъ и въ видѣ подарка. Намъ принесли и небольшое количество гуми-копала, что́ навело насъ на мысль, что этотъ предметъ торговли, можетъ быть, скупается арабами. Табакъ, въ видѣ комковъ, былъ въ изобиліи и дешевъ. Хлопокъ мы видѣли, но не видѣли никого, кто бы прялъ или ткалъ бумагу для чего-нибудь, кромѣ рыбачьихъ сѣтей. Самый значительный предметъ торговли — красильная древесина одного изъ вьющихся растеній, достигающаго толщины человѣческой лядвеи, относительно котораго д-ръ Киркъ на опытѣ убѣдился, что оно представляетъ прочную желтую краску довольно хорошаго достоинства. Баобабы на Ровума, хотя по величинѣ не такъ колоссальны, какъ на Замбези, приносятъ плоды болѣе чѣмъ вдвое крупнѣе тамошнихъ. Большіе бѣлые цвѣты только-что показались, и многіе изъ плодовъ послѣдняго года висѣли еще на вѣтвяхъ.

Крокодиламъ плохо въ Ровума. Мы еще не видали, чтобы этихъ пресмыкающихся такъ преслѣдовали и истребляли. За ними охотятся съ копьями и ставятъ на нихъ западни. Если какой-нибудь изъ нихъ зайдетъ въ заманчивый прудъ за рыбою, тотчасъ кругомъ является изгородь, и на единственномъ выходѣ изъ тюрьмы ставится западня. Мясо крокодила ѣдятъ и находятъ вкуснымъ. Берегъ, на которомъ самка ночью кладетъ свои яйца, старательно обыскивается днемъ, и всѣ яйца

собираются и съѣдаются. Среди немногихъ дѣтенышей, избѣжавшихъ отъ врага, производитъ опустошенія и грабежъ рѣчная скопа. Наши люди постоянно высматривали гнѣзда крокодиловъ. Они нашли одно, содержавшее тридцать пять только-что положенныхъ яицъ, и увѣряли, что въ слѣдующую ночь крокодилъ положитъ еще столько же гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Яйца лежали на глубинѣ одного фута, въ пескѣ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ высокаго (до десяти футовъ) берега. Животное вырываетъ своей лапой яму, прикрываетъ яйца и оставляетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока, спустя мѣсяца три, рѣка поднимется; тогда оно возвращается и живетъ съ вылупившимися дѣтенышами. Мы видѣли однажды въ декабрѣ противъ Тетте молодыхъ крокодиловъ въ обществѣ одного стараго, плывшихъ мимо острова. Желтокъ яйца почти такъ же бѣлъ, какъ настоящій бѣлокъ. По вкусу яйца крокодила похожи на куриныя, можетъ быть, съ отзывомъ молочной яичницы, и не будь они противны людямъ по причинѣ своего отвратительнаго происхожденія, бѣлые ѣли бы ихъ съ тѣмъ же наслажденіемъ, какъ и черные.

Когда мы, проходили мимо покрытыхъ камышемъ береговъ и низменныхъ острововъ, главнымъ занятіемъ мужчинъ и мальчиковъ была охота за сензе (Aulacodus Swindernianus), животнымъ величиною съ большую кошку, но по виду скорѣе похожимъ на свинью. Они зажигали камышъ и, вооружась палками, копьями, луками и стрѣлами, стояли тамъ группами, сторожа выходы, которыми испуганное сензе можетъ бѣжать отъ приближающагося пламени. Темныя густыя массы непроницаемаго дыма клубились по всей подвѣтряной сторонѣ маленькаго острова и скрывали охотниковъ. Иногда вырывалось страшное море черножелтаго пламени и съ ревомъ, шумомъ и трескомъ вскидывалось далеко надъ высокимъ камышемъ. Испуганныя животныя кидались въ сторону, и въ дыму видны были разгоряченные охотники, которые плясали съ ненстовыми ужимками и палкой, копьемъ и стрѣлой убивали своихъ выгнанныхъ огнемъ жертвъ. Надъ дымомъ носи-

лись коршуны, готовые накинуться на саранчу (Mantis и Locusta), какъ скоро она покажется изъ огня. Маленькія воробьи и сотни ласточекъ ревностно ныряютъ въ дымъ и назадъ за убѣгающими отъ пожара насѣкомыми. Множество насѣкомыхъ, спѣша уйти отъ огня, прыгаетъ въ воду, и бойкія рыбы услаждаются рѣдкимъ пиршествомъ.

9 октября мы вернулись къ „Піонеру“, пробывши мѣсяцъ въ отсутствіи. Экипажъ судна пользовался дистиллированной водой, такъ какъ изъ Англіи была выслана сгустительная машина, и съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули корабль, на немъ не произошло ни одного случая болѣзни; тогда какъ въ нѣсколько дней, которые простоялъ онъ въ предшествовавшемъ году на этомъ же самомъ мѣстѣ, на немъ было весьма много лихорадочныхъ случаевъ. Наши лодочники пили прямо рѣчную воду, и трое бѣлыхъ матросовъ, которые еще никогда не бывали на африканскихъ рѣкахъ, нѣсколько разъ заболѣвали незначительною лихорадкою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Квиллимане. — Полковникъ Нуньезъ. — Губернаторство препятствуетъ сельскому хозяйству. — Паспортная система. — Квалламанскіе лѣнтяи. — Возвращеніе на Замбези. — Шупанга, 19 декабря 1862 г. — Наши мазаровскіе люди и ихъ родичи. Голодъ въ Тетте. — Раздѣленіе невольниковъ. — „Португальцы не занимаются ни земледѣліемъ, ни охотой". — 10 января „Леди Ніасса" находится на буксирѣ. — Ужасные подвиги Маріано. — Могила епископа. — Обоняніе и слухъ животныхъ. — Мы удимъ крокодиловъ. — Ужасное зрѣлище. — Крокодилъ противъ макололо. — Воздухъ проникаетъ всѣ части тѣла птицы. — Возвращеніе мистера Торнтона. — Кнлиманджаро. — Великодушное дружелюбіе мистера Торнтона къ миссіи. — Поѣздка въ Тетте была слишкомъ не подъ силу ему. — Его смерть и могила — Далеко простирающееся опустошеніе — Торгъ невольниками и голодъ. — Земледѣліе въ болотахъ. — Спячка оставшагося населенія. — Остовы. — Уничтоженіе торга невольниками — неизбѣжное условіе. — Вліяніе англійскаго парохода на озерѣ Ніасса. — Построеніе дорогъ. — Свѣжая зелень холмовъ. — Нельзя купить жизненныхъ припасовъ. — Нѣтъ рабочихъ. — Скудная пища и упадокъ духа — предшественники болѣзни. — Д-ръ Киркъ и Ч. Ливингстонъ откомандировываются домой. — Д-ръ Ливингстонъ боленъ. — Д-ръ Киркъ остается ходить за нимъ. — 19 мая д-ръ Киркъ и Ч. Ливингстонъ уѣзжаютъ. — Представленіе лиссабонскому правительству. — Пустые результаты. — Поведеніе португальскихъ сановниковъ въ отношеніи къ Африкѣ. — Ливингстонъ и г. Рэй отправляются для осмотра нашей старой лодки. — Занятія оставленныхъ. — Женщина, пораненная стрѣлою — Живучесть. — Д-ръ Меллеръ.

18 октября отправились мы къ морю. Мы опять высадились на островѣ Іоанна, приняли съ него толпу мужчинъ и нѣсколько быковъ и отправились на парусахъ къ Замбези. Но такъ какъ прежде, чѣмъ мы достигли ея, нашъ горючій матеріялъ пришелъ къ концу, и вѣтеръ былъ противъ насъ, то мы пошли въ Квиллимане запастись дровами.

Къ сожалѣнію, Квиллимане, должно быть, построено для производства торга невольниками, ибо никогда даже и во снѣ не приснилось бы никому расположить селеніе въ мѣстѣ столь низко лежащемъ, грязномъ, посѣщаемомъ лихорадкою, кишащемъ москитами, если бы не было выгоды, которую представляетъ оно торгу невольниками. По бару, при большомъ приливѣ и высокой водѣ, легко можно пройти на парусномъ суднѣ, но для лодокъ онъ всегда опасенъ, такъ какъ лежитъ далеко отъ берега. Невольники, подъ именемъ „свободныхъ переселенцевъ“, въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ тысячами отправлялись изъ Квиллимане въ недалеко на югъ лежащія гавани, особенно въ Массангано. Однако, здѣсь есть нѣсколько превосходныхъ, кирпичныхъ домовъ, и ихъ владѣльцы велико-

Видъ Квиллимане и „Піонера“.

душны и гостепріимны; въ числѣ ихъ нашъ добрый другъ, полковникъ Нуньезъ. Его безкорыстная дружба къ намъ и ко всѣмъ нашимъ землякамъ незабвенна. Онъ подаетъ благородный примѣръ того, какъ много даже здѣсь можно успѣть

дѣятельностью и честностью. Онъ отправился изъ отечества въ качествѣ корабельнаго юнги и, не имѣя ни единаго друга, который могъ бы помочь ему, занимался честной торговлей, пока не сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ на восточномъ берегу. Когда д-ръ Ливингстонъ въ 1856 г. явился на Замбези, полковникъ Пуньезъ былъ первымъ изъ числа четырехъ честныхъ, надежныхъ людей страны. Но когда онъ поднимался по рѣкѣ, цѣлая толпа попалась ему навстрѣчу и сквозь облака сигарнаго дыма приносила громкія жалобы на лѣность негровъ; они могли бы прибавить громкія жалобы и на свою собственную лѣность.

Всякое сельско-хозяйственное предпріятіе обезкураживается квиллиманскимъ управленіемъ. Если кто-нибудь хочетъ посѣтить свое помѣстье, то долженъ купить у губернатора позволеніе, и эта подать въ странѣ, гдѣ трудъ ненародевъ, служитъ основаніемъ того, что помѣстья почти совсѣмъ предоставлены главнымъ невольникамъ, которые дѣлаютъ своимъ господамъ доклады, какіе внушатъ имъ интересъ или честность. Также, если кто-нибудь хочетъ подняться по рѣкѣ въ Мозаро, Сенна или Тетте, или же мѣсяцъ прожить въ Квиллимане, то онъ долженъ купить паспортъ. При почвѣ и климатѣ, благопріятныхъ для роста сахарнаго тростника, при избыткѣ невольничьяго труда и при водяномъ сообщеніи съ любымъ рынкомъ міра, тамъ никогда не производилось собственнаго сахара. Весь сахаръ, потребляемый здѣсь, привозится изъ Бомбая. „У жителей Квиллимане нѣтъ духа предпріимчивости,“ говорилъ молодой португалецъ: „они ничего не дѣлаютъ и убиваютъ свое время въ томъ, что заболѣваютъ лихорадкой или вылечиваются отъ нея.“

Къ концу ноября мы вошли въ Замбези и нашли ее необыкновенно мелководной; поэтому мы только 19-го декабря поднялись къ Шупанга. Друзья нашихъ мазаровскихъ людей, ставшихъ теперь хорошими матросами и внимательными слугами, вышли и отъ души поздравляли ихъ съ возвращеніемъ отъ опасностей моря: они уже начинали опасаться,

что никогда болѣе ихъ не увидятъ. Мы условились съ ними въ платѣ по куску выбойки въ шестнадцать ярдовъ въ мѣсяцъ, — около десяти шиллинговъ по цѣнѣ, такъ какъ португальская рыночная цѣна выбойкѣ доходитъ до семи съ половиной англійскихъ пенсовъ за ярдъ, — и заплатили каждому въ продолженіе четырехъ съ половиной мѣсяцевъ по пяти кусковъ. Одинъ купецъ далъ въ то же время другимъ мазаровцамъ по три штуки за семь мѣсяцевъ, а они были съ нимъ внутри страны. Если купцы не подвигаются впередъ, то причина этого не въ томъ, что трудъ дорогъ, а въ томъ, что нѣтъ рабочихъ силъ, и что они ревностно пользуются каждымъ случаемъ продать работниковъ изъ страны. Наши люди получили также отъ матросовъ „Піонера“ и „Ореста“ много хорошаго платья, и теперь сосѣди на нихъ и сами они на себя смотрѣли, какъ на людей значительныхъ. Они никогда еще не владѣли такимъ большимъ богатствомъ и думали, что могли бы обзавестись домкомъ, такъ какъ теперь находились въ удовлетворительномъ состояніи, чтобы оправдать вступленіе свое въ бракъ. Такимъ образомъ жена и хижина были въ числѣ первыхъ предметовъ, на которые они употребили свое имущество. Шестнадцать ярдовъ отсчитывалось родителямъ жены, а хижина стоила четыре ядра. Мы охотно удержали бы ихъ на суднѣ, потому что они вели себя хорошо и научились бо́льшей части нужныхъ работъ, но они сами не хотѣли съ нами идти опять и навербовали намъ другихъ, нагнавъ вдвое больше того, сколько мы могли принять, своихъ братьевъ и родственниковъ, жаждавшихъ пристать къ кораблю и подняться съ нами по Шире или вообще куда нужно идти. Всѣ они согласились служить за полцѣны, пока не научатся работать, и мы вовсе не имѣли недостатка въ рабочихъ силахъ, хотя всѣ тѣ, кого можно было вывезти, были теперь внѣ страны.

Въ теченіе прошедшаго времени года въ странѣ между Лупата и Кебрабаза была необыкновенно жестокая засуха и простиралась къ сѣверовостоку до возвышенности Манганджа.

Всѣ теттеанскіе невольники, за исключеніемъ весьма немногихъ, принадлежащихъ къ домохозяйству, были разогнаны голодомъ и находились теперь далеко въ лѣсахъ, они искали тамъ, гдѣ только могли, какихъ-нибудь дикихъ плодовъ, надѣясь достать что-нибудь, что́ могло бы поддержать въ нихъ искру жизни. Ихъ господа, какъ разсказывали, ожидали, что уже никогда ихъ не увидятъ. Пока мы были въ странѣ, въ Тетте два года былъ большой голодъ; такой же голодъ, какъ въ настоящемъ году, господствовалъ въ 1854 году, когда тысячи умерли голодной смертью. Если бы этой землей владѣли люди въ родѣ сельскихъ хозяевъ на Мысѣ Доброй Надежды, то ихъ энергія и духъ предпріимчивости скоро сдѣлали бы жатвы независимыми отъ дождя. Такъ какъ тамъ склонъ достаточный, то страна легко можетъ быть орошаема изъ Замбези и ея притоковъ. Португальская колонія никогда не можетъ преуспѣвать: ею пользуются, какъ колоніею ссыльныхъ, и все должно вестись тамъ на военный образецъ. „Что мнѣ кручиниться объ этой странѣ“, говорилъ самый предпріимчивый изъ теттеанскихъ купцовъ: „все, чего я желаю, это — какъ можно скорѣе нажить денегъ, а потомъ уѣхать въ Бомбай и тамъ наслаждаться.“ Теперь всѣ дѣла въ Тетте прекратились. Нельзя было найти ни одного носильщика для отправки товаровъ внутрь страны, и купцы съ трудомъ могли доставать жизненные припасы для своихъ собственныхъ семействъ. Въ Мазаро выпало болѣе дождя, и тамъ получена сносная жатва. Жители Шупанга собирали и сушили разные дикорастущіе плоды, которые почти всѣ были далеко не по вкусу европейцамъ. Вырывали и ѣли корни одного маленькаго ползучаго растенія, называемаго „бизе“. По внѣшнему виду они слегка напоминаютъ маленькіе бѣлые бататы, и по вкусу немного походятъ на нашъ картофель. Они были бы весьма хороши, если бы только были немножко побольше. Изъ другихъ корневыхъ шишекъ, называемыхъ „уланга“, можно приготовлять хорошій крахмалъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шупанга есть весьма много

красной дичи; но здѣшніе жители, хотя и любятъ мясо, вовсе не охотятся и рѣдко убиваютъ какое-нибудь животное.

Достигнувъ Шире, мы 10 января 1863 г. пошли на парахъ, съ „Леди Ніасса“ на буксирѣ. Немного прошло времени, какъ мы наткнулись на опустошенія знаменитаго Маріано. Жители, оставшіеся въ живыхъ въ маленькой деревушкѣ у подошвы Морамбала, находились въ состояніи отощанія, такъ какъ одинъ изъ его хищническихъ отрядовъ лишилъ ихъ жизненныхъ припасовъ. Женщины были на поляхъ и собирали насѣкомыхъ, корни, дикорастущіе плоды и все что́ только находили съѣдобнымъ, чтобы, по возможности, проволочить жизнь, пока поспѣетъ слѣдующая жатва. Мимо насъ прошли два челна, весь грузъ которыхъ былъ ограбленъ шайкою Маріано: собственники ихъ собирали пальмовые орѣхи для поддержанія своей жизни. Они носили передники изъ пальмовыхъ листьевъ, такъ какъ грабители стащили съ нихъ одежду и забрали украшенія. Мимо насъ ежедневно плыли мертвыя тѣла, и по утрамъ нужно было очищать колеса отъ труповъ, которые ночью подтягивались лопатками. На многихъ миляхъ все населеніе долины угнано Маріано, этимъ бичемъ страны, который сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, — большимъ португальскимъ невольничьимъ агентомъ. У всякаго сердце обольется кровью, при взглядѣ на далеко простирающееся опустошеніе. Берега рѣки, нѣкогда такіе многолюдные, были теперь совершенно безмолвны, селенія были выжжены, и гнетущій покой царилъ тамъ, гдѣ прежде являлись толпы ревностныхъ продавцевъ съ разнообразными произведеніями своей промышлености. То тамъ, то здѣсь по берегамъ можно было видѣть маленькій, печальный, покинутый навѣсъ, подъ которымъ изо дня въ день сидѣлъ голодающій рыбакъ, пока поднявшаяся вода еще не угнала рыбу отъ мѣстъ ея обыкновеннаго пребыванія и не оставила его умирать. Тингане былъ убитъ, народъ его перерѣзанъ, ограбленъ и принужденъ бѣжать изъ своихъ селеній. Въ одномъ селеніи выше Руо было нѣсколько несчастныхъ, оставшихся

въ живыхъ; но бо́льшая часть населенія вымерла. Повсюду были видны трупы и слышенъ запахъ. Много остововъ лежало возлѣ дороги, гдѣ люди падали отъ слабости и испускали духъ. Мальчики и дѣвочки, съ тусклыми, безжизненными глазами, какъ призраки, ползали возлѣ нѣкоторыхъ хижинъ. Еще нѣсколько несчастныхъ дней голода, и они должны умереть.

Возмущенные поразительными сценами вокругъ насъ, мы посѣтили могилу епископа, и хотя совершенно все равно, гдѣ бы ни покоился прахъ добраго христіанина, однако, мы съ сожалѣніемъ подумали, что всѣ надежды, тѣснившіяся вкругъ него, когда онъ покидалъ классическую почву Кэмбриджа, сложены теперь въ этомъ дикомъ мѣстѣ. Какъ разрывалось бы его нѣжное сердце, если бы онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ фактовъ, которые мы теперь видѣли!

Выражая естественное чувство сожалѣнія, что такъ скоро опочилъ такой талантливый и ученый человѣкъ, какъ епископъ Макензи, нѣкоторые высказали мнѣніе, что было совершенно превратно пользоваться такимъ безцѣннымъ орудіемъ *только* для обращенія язычниковъ. Какъ скоро должна быть сдѣлана попытка въ такомъ родѣ, въ такомъ случаѣ значило бы „беречь копѣйки и сорить рубли“, если бы мы не стали употреблять для того лучшихъ людей и тѣхъ особенно, которые спеціально готовились для этого дѣла. Обыкновенный духовный, какъ бы онъ ни былъ способенъ къ пасторству, безъ особеннаго воспитанія не можетъ быть миссіонеромъ; что́ же касается относительной его полезности, то она равна полезности человѣка, строящаго госпиталь, въ сравненіи съ полезностью врача, въ послѣдующіе годы только временно распоряжающагося лекарствами, о которыхъ основатель позаботился на вѣчныя времена. Если бы епископу удалось ввести христіанство, то, можетъ быть, его обращенныхъ было бы немного, но они на всѣ будущія времена образовали бы непрерывный рядъ послѣдователей.

Прежде, чѣмъ мы достигли мелкихъ переходныхъ пунктовъ, гдѣ были прежде въ такомъ затрудненіи, Шире упала

на два фута; между тѣмъ мы должны были провести вверхъ два судна. Въ двухъ миляхъ выше одной мели, на которой судно простояло четырнадцать дней, былъ застрѣленъ бегемотъ; черезъ три часа онъ всплылъ. Когда лодка подтащила его, крокодилы были привлечены мертвечиной, и понадобилось нѣсколько выстрѣловъ, чтобы отвязаться отъ нихъ. Пуля не прошла въ мозгъ животнаго, но вогнала осколокъ кости. Изъ раны вышло нѣсколько влаги вмѣстѣ съ газомъ: вотъ все, что̀ могло показать крокодиламъ ниже по теченію, что есть мертвый бегемотъ, и, однако, они появились изъ-за нѣсколькихъ миль снизу. Ихъ обоняніе такъ же остро, какъ и слухъ: оба чувства совершенно необыкновенны. На оставленное нами мясо накинулись дюжины. Нашъ крумэнъ, Джумбо, утверждалъ обыкновенно, что крокодилъ не жретъ сыраго мяса, но оставляетъ его, пока оно не сдѣлается острымъ и нѣжнымъ, — и чѣмъ оно пахучѣе, тѣмъ охотнѣе онъ его ѣстъ. Въ этомъ, повидимому, есть доля правды. Крокодилы могутъ глотать только небольшими кусками заразъ, и имъ трудно разрывать свѣжее мясо. При глотаньѣ, какъ это бываетъ у собакъ, голова подымается изъ воды. Мы пытались поймать нѣсколькихъ и одного скоро выудили; потребовалось полдюжины рукъ, чтобы вытащить его изъ воды: уда для акулъ не выдержала, и онъ ушелъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ большой желѣзный крюкъ для уды; но такъ какъ эти созданія не могли проглотить его, то скоро и выкидывали его изъ пасти такимъ образомъ; наше уженье крокодиловъ не удалось. Крокодилъ тащитъ страшно сильно, какъ этого и можно ожидать, судя, напримѣръ, по силѣ лосося.

Мимо корабля плылъ трупъ мальчика; чудовищный крокодилъ бросился на него съ быстротою гончей собаки, схватилъ его и встряхивалъ, какъ барсучья собака крысу. Къ добычѣ бросились еще другіе, и каждый, яростно оторвавъ кусокъ, колыхалъ и пѣнилъ воду своимъ мощнымъ хвостомъ. Въ нѣсколько секундъ трупъ былъ сожранъ. Зрѣлище было ужасное! Шире кишила крокодилами: на одной изъ отмелей

насчитали мы шестьдесятъ семь этихъ отвратительныхъ гадовъ; но они не такъ свирѣпы, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ рѣкахъ. „Крокодилы,“ говоритъ капитанъ Тёккей, „водятся въ Конго около быстринъ въ такомъ множествѣ и такъ часто уносятъ женщинъ, спускающихся среди бѣла дня къ рѣкѣ за водою, что, пока онѣ наполняютъ свои тыквенныя бутылки, обыкновенно одна изъ общества должна бросать большіе камни въ воду.“ Здѣсь съ предохранительною цѣлью для черпанья воды употребляютъ тыквенныя бутыли, привѣшенныя къ длинному шесту, или же для безопасности отъ крокодиловъ устраиваютъ заборъ. Туземцы ѣдятъ крокодила, но въ насъ мысль покушать мяса, пахнущаго чѣмъ-то въ родѣ мускуса и рыбоподобнаго на взглядъ, возбуждало мысль о каннибальствѣ. Гумбольдъ замѣчаетъ, что въ Южной Америкѣ аллигаторы нѣкоторыхъ рѣкъ опаснѣе, чѣмъ въ другихъ. Аллигаторы отличаются отъ крокодиловъ тѣмъ, что у нихъ четвертый зубъ или клыкъ входитъ въ ямку или пустоту въ верхней челюсти, а у крокодила — въ зарубку. На передней лапѣ у крокодила пять несоединенныхъ плавательною перепонкою пальцевъ, на задней четыре соединенные плавательною перепонкою; у аллигатора плавательной перепонки совсѣмъ нѣтъ. Они такъ похожи одинъ на другаго, что, безъ сомнѣнія, могли бы скрещиваться.

Одинъ изъ крокодиловъ, въ котораго мы выстрѣлили, отъѣлъ кусокъ конца своего хвоста; другой потерялъ въ борьбѣ переднюю лапу. Между зубами мы видѣли настоящихъ піявокъ, о чемъ упоминаетъ Геродотъ, но никогда не были свидѣтелями, чтобы дождевыя птицы вытаскивали ихъ оттуда. Что свирѣпость крокодиловъ въ одной части страны сильнѣе, чѣмъ въ другой, это, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ недостатка въ рыбѣ. Капитанъ Тёккей говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, о вышеупомянутой части Конго: „кромѣ каракатицъ нѣтъ здѣсь никакой рыбы,“ а мы нашли, что озерные крокодилы, живущіе въ чистой водѣ и при изобиліи рыбы, едва ли когда-нибудь нападаютъ на человѣка. Шире кишитъ рыбами многихъ различныхъ породъ. Единственное время, когда особенно нужно опасаться

тамъ крокодиловъ, какъ уже замѣчено, это время половодья. Тогда рыба угоняется изъ обыкновенныхъ мѣстъ ея пребыванія, а дичь не спускается къ рѣкѣ для питья, такъ что голодъ вынуждаетъ крокодила подкарауливать женщинъ, приходящихъ къ рѣкѣ за водой; такимъ образомъ по Замбези уносится каждогодно много женщинъ. Въ другія времена года опасность не такъ велика; однако, никогда нельзя безпечно купаться или наклоняться для питья въ мѣстахъ, гдѣ не видно дна, особенно вечеромъ. Одинъ изъ макололо въ сумерки побѣжалъ къ рѣкѣ и, какъ только занялся, по свойственному туземцамъ обычаю, поднесеніемъ воды пригоршнями ко рту, со дна внезапно поднялся крокодилъ и схватилъ его за руку. Къ счастью, можно было дотянуться до вѣтви дерева, и онъ на столько сохранилъ присутствіе духа, что схватился за нее. Оба дергали и рвали, — крокодилъ ради обѣда, а человѣкъ ради своей дорогой жизни. Долго оставалось подъ сомнѣніемъ, что принесется въ жертву — обѣдъ или жизнь; но человѣкъ держался крѣпко, и чудовище выпустило руку, оставивъ, однако, на ней глубокіе слѣды своихъ ужасныхъ зубовъ.

Въ продолженіе нашего замедленія въ ожиданіи постояннаго повышенія воды въ рѣкѣ въ мартѣ, д-ръ Киркъ и Ч. Ливингстонъ убили много голенастыхъ птицъ въ болотахъ и умножили наши соленые припасы достаточнымъ количествомъ гусей, утокъ и бегемотоваго мяса. Одинъ изъ гребенчатыхъ или булавокловыхъ гусей былъ задавленъ, чтобы не повредить его шкурки, но продолжалъ все еще явственно дышать при помощи сломленной плечевой кости; потомъ нужно было употребить другія средства, чтобы избавить его отъ боли. Это было все равно, какъ если бы человѣкъ продолжалъ еще дышать на висѣлицѣ, когда у него сломлена плечевая кость, и объяснило намъ тотъ фактъ, что у птицъ живительный воздухъ проникаетъ въ каждую часть внутри ихъ тѣла. Дыханіе проходитъ черезъ легкія и вокругъ нихъ, охватываетъ поверхности внутренностей и вступаетъ въ пустоты костей; у иныхъ оно внѣдряется даже въ пространства, на-

ходящіяся между мускулами шеи; такимъ образомъ не только обезпечивается самое полное окисленіе крови, но еще, такъ какъ температура весьма высока, то воздухъ въ каждой части разрѣжается, и чрезъ то достигается бо́льшая легкость и живучесть, потребныя для птицы по образу жизни. Д-ръ Киркъ нашелъ, что у многихъ птицъ въ костяхъ голени есть мозгъ, хотя эти кости обыкновенно считались пустыми.

Въ то время, какъ мы въ мартѣ задержаны были на мелкой части рѣки, къ намъ изъ Шупанга прибылъ г. Торнтонъ. Онъ, какъ уже прежде было сказано, покинулъ въ 1859 г. экспедицію и присоединился къ барону Фанъ-деръ-Деккену, отправлявшемуся въ Килиманджаро, гдѣ восхожденіемъ на гору до высоты 8,000 фут., въ первый разъ доказано было, что она покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, и подтверждены прежнія извѣстія о ней, сообщенныя миссіонерами англиканской церкви, Крэпфомъ и Рибмэномъ. Теперь извѣстно, такъ баронъ впослѣдствіи достигъ на Килиманджаро высоты 1,400 футовъ и узналъ, что высочайшая вершина ея находится, по крайней мѣрѣ, на высотѣ 20,000 фут. надъ моремъ. Г. Торнтонъ составилъ въ Шупанга карту перваго путешествія по матеріяламъ, которые собралъ, находясь при баронѣ, и, окончивъ это дѣло, пошелъ съ нами. Ему тогда предложено было изслѣдовать область водопадовъ въ геологическомъ отношеніи, но, не подвергаясь никакимъ столкновеніямъ съ аджава, пока не развѣдаетъ настроенія этого племени.

Члены, составлявшіе общество епископа Макензи, лишась своего главы, бѣжали изъ Магомеро на возвышенности въ селеніе Чибиза на нижней долинѣ Шире. Торнтонъ, нашедши, что они страдаютъ отъ недостатка животной пищи, былъ такъ любезенъ, что отправился оттуда въ Тетте доставить имъ козъ и овецъ. Мы узнали объ этомъ поступкѣ, къ которому побудилъ его благородный характеръ, только два дня спустя по его отправленіи. Сверхъ запасовъ для университетской миссіи онъ привезъ нѣсколько для экспедиціи и сдѣлалъ измѣренія, которыми впослѣдствіи надѣялся привести въ связь

изслѣдованія своего прежняго сочиненія изготовленнаго въ Тетте съ изученіемъ горъ, расположенныхъ въ области Шире. Трудъ этого путешествія былъ свыше его силъ, точно такъ же, только съ прибавленіемъ большаго недостатка въ водѣ, какъ теперь и для д-ра Кирка и Рэя; такимъ образомъ Торнтонъ вернулся въ жалкомъ, истощенномъ и измученномъ состояніи. Къ этому присоединилась діарея, перешедшая въ дизентерію и лихорадку, которыя, 21-го апрѣля 1863 года, окончились смертью. Въ четырнадцать дней его болѣзни д-ръ Киркъ и д-ръ Моллеръ, хирургъ „Піонера“, посвящали ему неутомимое вниманіе; такъ какъ онъ мало страдалъ въ Африкѣ лихорадкой или какой-нибудь другой болѣзнью, то мы питали сильныя надежды, что его молодость и еще неослабѣвшая натура переспятъ болѣзнь. Въ теченіе ночи 20-го онъ бредилъ такъ сильно, что мы не могли узнать его послѣднихъ желаній; утромъ 21-го онъ умеръ къ величайшей нашей скорби. 22-го похоронили мы его около большаго дерева на правомъ берегу Шире, ярдахъ во ста отъ самаго нижняго Мурчисоновскаго водопада и какъ разъ у рѣчки, на которой стояли „Леди Ніасса“ и „Піонеръ“.

О зрѣлищѣ обширнаго опустошенія, которое представляла теперь когда-то столь пріятная долина Шире, нельзя словами дать соотвѣтственнаго понятія. Вмѣсто дружелюбныхъ селеній и кучекъ народа, выходящихъ съ продающимися вещами, не видно было почти ни души, и если случайно попадался какой-нибудь туземецъ, то видъ его носилъ отпечатокъ голода, а его лицо выражало униженное, подавленное душевное настроеніе. Послѣ того, какъ прошелъ по странѣ ужасъ охоты за невольниками, ее посѣтила засуха. Если бы мы могли имѣть понятіе о совершенномъ безлюдьѣ, до котораго доведена страна, мы уклонились бы отъ поѣздки вверхъ по рѣкѣ. Огромныя массы народа бѣжали за Шире, думая только о томъ, чтобы имѣть рѣку между собою и своими врагами. Бо́льшая часть жизненныхъ припасовъ были покинуты; голодъ и голодная смерть похитили столько, что остав-

шихся было слишкомъ мало, чтобы погребать мертвецовъ. Трупы, которые мы видѣли плывущими внизъ по рѣкѣ, были только остатками погибшихъ, которыхъ не могли ни друзья похоронить, ни пресыщенные крокодилы проглотить. Правда, бо́льшею частью смертность эту произвелъ голодъ; но торгъ невольниками долженъ считаться главной причиной гибели, потому что, какъ сообщали намъ, при прежнихъ засухахъ всѣ жители съ холмовъ спускались въ болота, которыя во всякое время года способны произвести жатву маиса менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, а теперь они боялись это сдѣлать. Немногіе, возбужденные миссіей къ попыткѣ воздѣлывать землю, лишились своихъ маленькихъ полей, когда бѣглецы толпа за толпою прошли съ холмовъ. Кто можетъ осудить этихъ изгнанныхъ изъ дома и двора людей за то, что они воровали для спасенія своей плачевной жизни, или удивляться, что собственники дубьемъ и копьемъ защищали маленькое имущество, отъ котораго зависѣла ихъ собственная жизнь? Г. Уэллеръ сообщалъ намъ о страшномъ бѣдствіи, поразившемъ когда-то благополучную долину Шире. Слова его были, правда, сильны, но не на столько, чтобы дать намъ понятіе о томъ состояніи, въ какомъ была она въ дѣйствительности. Его слова были приняты нами такъ, какъ, можетъ быть, иные примутъ наши собственныя, т. е. какъ нѣсколько преувеличивающія фактъ; но когда мы собственными глазами увидали лишь послѣдніе подонки этой чаши страданія, тогда только мы узнали, что чудовищная несправедливость, которую торговля невольниками причиняетъ нашимъ собратьямъ-людямъ, вовсе не можетъ быть преувеличена.

Предпринятый на этой возвышенности манганджа опытъ воздѣлывать хлѣбъ на рыхлой черной грязи болотъ не могъ бы, пожалуй, придти въ голову сельскимъ хозяевамъ другихъ странъ. На плодородную темную грязь набрасываются, футахъ въ двухъ одна отъ другой, полныя лопаты крупнаго рѣчнаго песку, и тутъ сѣется маисъ. При ростѣ корни могутъ брать, что́ имъ нужно, изъ слишкомъ жирной поч-

вы, находящейся подъ ними, и извлекать себѣ сквозь песокъ также и составныя части атмосферы. Почти то же дѣлается, когда почва тверже, но слишкомъ влажна. Вырывается яма глубиною около фута, бросается въ нее сѣмя и прикрывается полной лопатой песку; слѣдствіемъ бываетъ цвѣтущая жатва тамъ, гдѣ безъ песку богатый, но слишкомъ влажный илъ не далъ бы ничего. Этимъ способомъ жители спасали себѣ жизнь при прежнихъ засухахъ, но теперь ужасъ охоты на невольниковъ совершенно лишилъ ихъ присутствія духа. Немногіе несчастливцы, которые жили еще до нашего прибытія, были охвачены какою-то безчувственною спячкою. Они почти не пытались воздѣлывать чего-нибудь, и это было весьма поразительно въ людяхъ, столь преданныхъ сельскому хозяйству, какъ они. Каждый день видно было, какъ они поѣдали всходы, которые показывались на старыхъ нивахъ, и если бы оставили ихъ въ покоѣ въ одинъ мѣсяцъ дали бы хлѣбъ. Ихъ нельзя было пробудить отъ спячки. Голодъ убилъ въ нихъ всѣ силы. Мы сдѣлали попытку довести нѣкоторыхъ до того, чтобы они напрягли свои силы для обезпеченія себѣ пищи, — но это было напрасно. Они потеряли весь свой прежній духъ, и на всякое предложеніе, клонившееся къ ихъ благу, отвѣчали съ мутными глазами, почти не встрѣчавшимися съ нашими, и плачевнымъ тономъ: „нѣтъ, нѣтъ!“ (Au, Au!).

Куда бы мы ни пошли, повсюду видѣли человѣческіе остовы по всѣмъ направленіямъ, и было мучительно-интересно наблюдать различныя положенія, въ которыхъ бѣдные люди испустили свое послѣднее дыханіе. Цѣлая куча труповъ была набросана по скату сзади одного селенія, гдѣ бѣглецы часто переѣзжали съ востока черезъ рѣку, и въ одной хижинѣ этого селенія было собрано не менѣе двадцати барабановъ, вѣроятно — плата перевозчику. Многіе покончили свои страданія подъ тѣнистыми деревьями, другіе подъ выдающимися камнями на холмахъ, иные лежали въ своихъ хижинахъ за запертыми дверями, которыя, когда ихъ отпирали, обнаруживали гніющій трупъ съ висящими на бед-

рахъ жалкими лохмотьями,— черепъ, отпавшій отъ позвоночника, — маленькій остовъ дитяти, погибшаго прежде, завернутый въ цыновку и лежавшій между двумя большими остовами. Взглядъ на эту пустыню, которая всего восемнадцать мѣсяцевъ назадъ была богато населенною долиною, а теперь буквально усыпана была человѣческими костями, вызвалъ въ насъ убѣжденіе, что расточеніе человѣческой жизни на путяхъ самой торговли, если и велико, все же составляетъ только малую часть опустошенія. Это привело насъ къ сознанію, что если не будетъ подавлена торговля невольниками, этотъ чудовищный грѣхъ, который все еще гнѣздится въ Африкѣ, то не можетъ быть основана законная торговля.

Мы видѣли, что если бы возможно было провести на озеро пароходъ, то мы поставили бы преграду обращателямъ въ неволю, идущимъ съ восточнаго берега; а введеніемъ законной торговли слоновьей костью по Ровума еще болѣе могли бы способствовать подавленію торга невольниками. Мы поэтому развинтили „Леди Ніасса“ въ одной рѣчкѣ ярдахъ во ста ниже перваго водопада и на разстояніи отъ тридцати пяти до сорока миль, по какому ее нужно было доставить сухимъ путемъ, начали устроивать дорогу, по которой можно было бы переправить ее по частямъ. По зрѣломъ обсужденіи мы не могли придумать болѣе благороднаго дѣла милосердія, какъ этимъ способомъ внести свѣтъ и свободу въ страну этой прекрасной земли, обращенную человѣческою прихотью въ возможно точный образъ того, что мы представляемъ себѣ адомъ — для вспомоществованія столь доброму дѣлу мы пожертвовали многимъ изъ нашихъ частныхъ средствъ.

Главная часть работы по устройству дороги состояла въ порубкѣ деревъ и снесеніи камней. Такъ какъ страна была покрыта рѣдкимъ лѣсомъ, то нужно было почти на каждыхъ пятидесяти, шестидесяти ярдахъ срубать по небольшому дереву. Около рѣчки страна была такъ перерѣзана оврагами, что болѣе ровной почвы нужно было искать за милю отъ

ся береговъ. Опытные готтентотскіе извощики проѣхали бы съ капскими повозками безъ всякаго особаго затрудненія, только вырубивши кое-гдѣ по дереву. Въ этой полосѣ цеце не было, и взятые съ острова Іоанна волы тучнѣли на богатомъ пастбищѣ. Первая полумиля дороги шла по правильному склону до высоты въ двѣсти футовъ надъ судномъ, и уже тутъ найдено замѣтное различіе въ климатѣ. Остальное протяженіе шло все выше и выше, пока у самаго верхняго водопада мы очутились на высотѣ болѣе 1,200 футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣшняя страна, оправившаяся уже отъ слѣдствій засухи, отличалась зеленымъ лѣсомъ и горами того же пріятнаго цвѣта. Но отсутствіе кучекъ народа, какія сопровождали насъ, когда мы шли вверхъ на лодкѣ, тамъ, гдѣ женщины цѣлыя мили шли за нами съ продающеюся прекрасною мукою, овощами и жирными курами, и мальчики были всегда готовы для мелочныхъ работъ, равно какъ и гнетущая тишина тяжко ложилась на наши души. Португальцы изъ Тетте вполнѣ истребили нашихъ рабочихъ. Нельзя было получить ни лота свѣжихъ жизненныхъ припасовъ, за исключеніемъ того, что́ можно было настрѣлять, и даже пища для нашего туземнаго экипажа должна была доставляться за сто пятьдесятъ миль съ Замбези.

Продовольствіе, состоящее изъ соленыхъ припасовъ и добытаго на охотѣ мяса безъ овощей, вмѣстѣ съ упадкомъ духа, причиненнымъ тѣмъ, что мы видѣли, какъ нѣсколько жалкихъ преступниковъ, подкрѣпляемые согласіемъ чиновниковъ, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать чего-нибудь лучшаго, дѣйствительно могли уничтожить наши лучшія стремленія и задуманное благо обратить въ вѣрное зло, — произвели случаи діареи, отъ которой перестрадали всѣ въ экспедиціи, — а такъ какъ д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ страдали значительнѣе всѣхъ, то сочтено было благоразумнымъ, чтобы они отправились домой. Эта мѣра была необходима, хотя и возбуждала во всѣхъ глубокое сожалѣніе, ибо они, сдѣлавши такъ много, естественно охотно присут-

ствовали бы при томъ, какъ всѣ наши усилія должны были увѣнчаться успѣхомъ при поселеніи нашемъ на озерѣ. Послѣ того какъ рѣшено было, что оба они и всѣ бѣлые, безъ которыхъ можно было обойтись, отошлются на море, чтобы отправиться въ Англію, въ маѣ сдѣлалась съ д-ромъ Ливингстономъ діарея, продолжавшаяся цѣлый мѣсяцъ и обратившая его въ тѣнь. Д-ръ Киркъ былъ такъ любезенъ, что остался при своей обязанности, пока не миновало самое худшее. 19-го мая они уѣхали.

Мы все еще питали надежду, что, вслѣдствіе сильнаго представленія, сдѣланнаго въ Лиссабонъ противъ португальскихъ чиновниковъ въ Тетте, участвовавшихъ въ хищническихъ набѣгахъ за невольниками, будутъ предписаны мѣры, которыя затруднили бы обращателей въ неволю на будущее время слѣдовать за нами по пятамъ и уничтожать наши старанія. Жалоба вызвала, однако, какъ мы послѣ узнали, только кучу обѣщаній со стороны португальскаго министерства. Къ чиновникамъ должны были быть отправлены новыя приказанія оказывать намъ всякую помощь, и о географическихъ открытіяхъ д-ра Ливингстона потребованъ былъ отчетъ для особыхъ соображеній министра морскихъ дѣлъ и колоній, хотя было общеизвѣстно, что его превосходительство воспользовался нашимъ прежнимъ отчетомъ при составленіи карты, на которой перемѣною орѳографіи онъ стремился доказать, что д-ръ Ливингстонъ не сдѣлалъ совсѣмъ никакихъ открытій. Въ самомъ дѣлѣ, нашей цѣлью были не столько открытія, сколько желаніе довести до состоянія свободы и цивилизаціи ту націю, которую земляки его превосходительства такъ усердно обращаютъ въ рабство и уничтожаютъ. Мы сожалѣемъ, что должны сдѣлать это замѣчаніе, — но было страшной ошибкой вѣрить въ честность португальскаго правительства или въ то, что въ немъ былъ хоть слѣдъ желанія споспѣшествовать благу Африки. Отъ всякаго слѣдуетъ ожидать лучшаго и вѣрить, сколько возможно, въ его добрыя намѣренія; но, хотя мы чувствуемъ себя глубоко обязанными

отдѣльнымъ личностямъ этой націи и охотно снова выказываемъ уже прежде заявленное высокое почтеніе къ нимъ, все же поведеніе португальскихъ государственныхъ людей въ отношеніи къ Африкѣ мы должны назвать просто безчестнымъ.

Устроивши нѣсколько миль дороги и пріучивши быковъ къ упряжкѣ, мы рѣшились сдѣлать попытку и поставить себя въ независимость отъ подвоза свѣжихъ припасовъ съ юга тѣмъ, что пойдемъ въ лодкѣ вверхъ по Шире выше водопадовъ къ племенамъ на нижнемъ концѣ озера Ніасса, которыя пока еще избѣжали нападенія аджава. Для выполненія этого плана д-ръ Ливингстонъ и г. Рэй рѣшились подняться вверхъ, чтобы осмотрѣть лодку, которая два года назадъ была оставлена повѣшенной на вѣтви дерева, и въ случаѣ нужды починить ее прежде, чѣмъ попытаемся перевезти мимо водопадовъ другую лодку. „Піонеръ“, который долженъ былъ статься подъ присмотромъ нашего дѣятельнаго и въ высшей степени благонадежнаго констэбля, Эдуарда Юнга, съ королевскаго флота, былъ совершенно вполнѣ прикрытъ вѣтвями эвфорбій и травою, такъ что его палубы были положительно защищены отъ солнца; потому что военное судно каждый день терли какъ слѣдуетъ швабрами и мыли, а кромѣ того, что мы все содержали по корабельному порядку, его выставляли каждый вечеръ на средину рѣки для провѣтриванія. Сверхъ ежедневныхъ текущихъ занятій на суднѣ, три кочегара, одинъ матросъ и одинъ плотникъ, составлявшіе теперь нашъ комплектъ, были увѣщеваемы охотиться за цесарками, которыя въ іюнѣ, когда вода на разливахъ высохла, большими стаями сбираются на берегахъ рѣки и ночью садятся на деревьяхъ. Все, что́ можно было сдѣлать, чтобы поддержать дѣятельность духа и тѣла, служило къ предотвращенію лихорадки.

Во время выздоровленія была предпринята починка машинъ „Піонера“. Двумя плотниками изъ Сенна деревья распиливались на доски, чтобы сдѣлать изъ нихъ колесные плавники, — и для овощей устроенъ былъ огородъ, орошавшійся

насосомъ изъ рѣки; нашъ участокъ былъ унавоженъ. — способъ земледѣлія, представлявшій нѣчто новое обитателямъ этой страны; — пшеница сѣялась въ маѣ, когда погода стояла холодная и влажная, и росла прекрасно; это было интересно, такъ какъ показывало, что легко можно бы снабжать миссію хлѣбомъ, если бы отведенъ былъ какой-нибудь изъ многочисленныхъ источниковъ, текущихъ между холмами. Добрый епископъ Макензи вполнѣ былъ убѣжденъ въ этомъ, но, къ сожалѣнію, сѣялъ свои хлѣба не въ надлежащее время года. Если бы мы могли продолжать уходъ за нашимъ посѣвомъ, то въ промежуткѣ времени около четырехъ мѣсяцевъ имѣли бы жатву; но долгъ вскорѣ отозвалъ насъ въ иное мѣсто.

Пока мы были заняты этими работами, нѣкоторые изъ бѣдныхъ голодавшихъ жителей переѣзжали обыкновенно черезъ рѣку и на старыхъ нивахъ своихъ земляковъ пожинали маиира, вышедшую изъ оставшихся на полѣ корней. Пополудни 9-го спускался внизъ пустой челнъ, и вскорѣ затѣмъ мы увидѣли на другой сторонѣ, почти въ двухъ стахъ ярдахъ отъ насъ, плывущую женщину. Наши туземные судовщики сѣли въ лодку и спасли ее. Когда привезли ее на бортъ, мы нашли, что у ней въ спинѣ ниже реберъ была головка стрѣлы длиною отъ восьми до десяти дюймовъ, прошедшей вверхъ чрезъ грудобрюшную преграду и лѣвое легкое къ сердцу,— она была прострѣлена сзади, въ то время какъ нагнулась. Изъ раны шелъ воздухъ, и такъ какъ снабженная крючкомъ головка стрѣлы была видна только на дюймъ, то мы, изъ опасенія, чтобы она не умерла отъ операціи, необходимой для удаленія стрѣлы, сочли за лучшее отправить ее въ хижину. Одинъ изъ ея родичей былъ не такъ раздумчивъ, — онъ вырѣзалъ стрѣлу и кусокъ легкаго. Юнгъ посылалъ ей по временамъ порціи туземнаго хлѣба и,—странно сказать, — находилъ, что она стала не только здорова, но и крѣпка. Натура этихъ людей, повидимому, обладаетъ чудесной силой самовозстановленія, и не какая-нибудь незначитель-

ныя лишенія сгубили многія тысячи лежащихъ вокругъ насъ мертвецевъ.

Намъ жаль было, что при задуманномъ нами походѣ мы не могли воспользоваться обществомъ д-ра Меллера, потому что теперь онъ былъ единственнымъ врачемъ; но онъ нашелъ себѣ занятіе ботаникой и естественной исторіей, когда миновало нездоровое время года: мартъ, апрѣль и май, и его постоянное присутствіе на суднѣ стало не столь необходимымъ. Позже, когда совсѣмъ можно было обойтись безъ него, онъ спустился по рѣкѣ для занятія предложеннаго ему мѣста въ Мадагаскарѣ; но пока жилъ на берегу, къ несчастью, такъ сильно страдалъ отъ болѣзни, что почти два года не въ состояніи былъ употребить своихъ способностей натуралиста при изслѣдованіи этого острова. Мы нисколько не сомнѣваемся, что онъ, однако, отличится на этомъ еще невоздѣланномъ поприщѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

16 іюня 1863 г. отъѣздъ къ верхнимъ водопадамъ. — Воздѣлываніе хлѣбовъ. — Хлопокъ. — Хижины, пустыя или наполненныя остовами. — Буйволовая птица и страхъ передъ отравленной стрѣлой. — Употребляемый для отравленія стрѣлъ ядъ называется *комби* и принадлежитъ одному виду Strophantus. — Ядъ *нга*. — Его дѣйствіе. — Инстинктъ у людей. — Мукуру-мадсе. — *Сану* или колючесѣмянная трава. — Ея употребленіе. — Дороги туземцевъ. — Цесарки. — Поля хлопка. — Экспедиція отзывается назадъ. — Такъ какъ португальскимъ торгомъ невольниками уничтожены всѣ рабочія силы, то намъ не предстояло никакого иного пути. — Г. Уэллеръ свидѣтель нѣкоторой части торговли. — Дружелюбіе аджава и макололо къ англичанамъ. — Мы пытаемся доставить мимо водопадовъ другую лодку. — Потеря лодки. — Раскаяніе тѣхъ, которые ее потеряли. — Водопады. — Ихъ геологическая особенность.

16-го іюня мы отправились съ одной лошаковой телѣжкой по нашей дорогѣ, лежавшей на разстояніи мили къ западу отъ рѣки, къ верхнимъ водопадамъ. Мы видѣли много жилищъ, покинутыхъ людьми, которые когда-то выходили къ намъ, и были весьма изумлены количествомъ обрабатываемой земли, хотя оно, сравнительно со всей страною было, весьма мало. Большія поля маиира продолжали еще расти, какъ этому и слѣдовало быть въ теченіе трехъ лѣтъ, изъ корней. Маиира была смѣшана съ высокими кустарниками бобовъ Конго, экземплярами клещевины и хлопкомъ. Мы подошли къ самому большому участку этого рода и нашли, что онъ по одной сторонѣ былъ длиною въ шестьсотъ тридцать шаговъ, — остальные были отъ одного до трехъ акровъ и многіе не болѣе одной трети акра. Хлопокъ, — весьма высо-

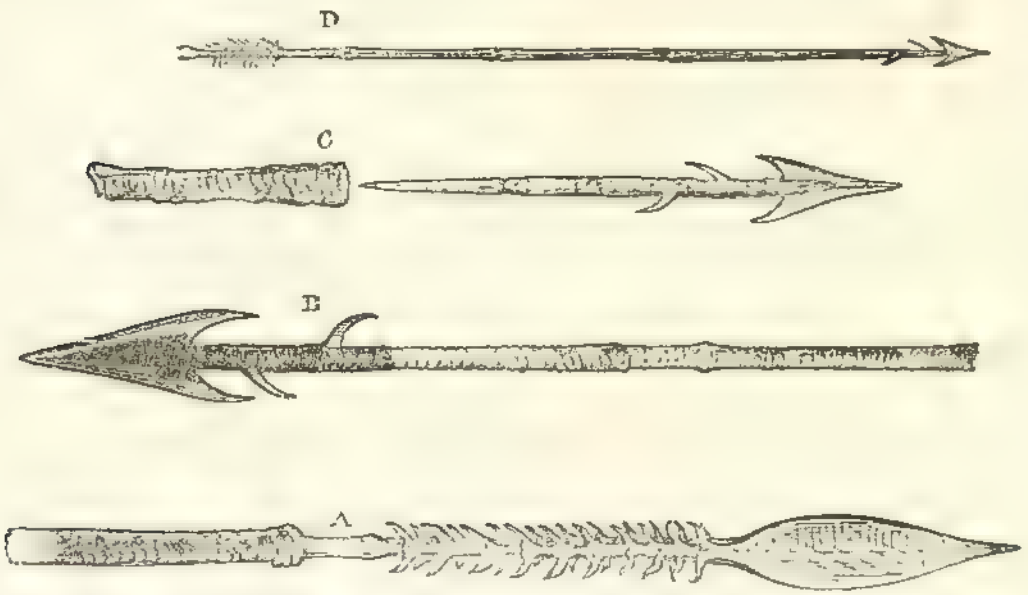
каго качества, — опадалъ теперь съ кустарниковъ и предавался гніенію: никого не было, кто бы собралъ то, что́ имѣло такое значеніе въ Ланкаширѣ. Хижины въ различныхъ селеніяхъ, которыми мы проходили, стояли совершенно цѣлы. Ступки для разбиванія зеренъ, камни для растиранія ихъ, сосуды для воды и пива, пустыя посудины для зеренъ и кухонные приборы все было не тронуто, а бо́льшая часть дверей заперта, какъ будто голодающіе владѣльцы ихъ вышли искать въ лѣсу корней или плодовъ и никогда уже не возвращались. При отпираніи многія хижины представляли отвратительное зрѣлище человѣческихъ остововъ. Иные являлись въ столь неестественныхъ положеніяхъ, что возбуждали мысль, что они испустили духъ въ обморокѣ, въ то время какъ пытались достать хоть что-нибудь для утоленія мученій голода.

До Мукуру-Мадсе мы взяли съ собой нѣсколько человѣкъ, чтобы они воспользовались перемѣной воздуха и поработали, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы доставить на судно запасъ буйволоваго мяса, такъ какъ разсчитывали, что животныя въ изобиліи водились на этой рѣкѣ Но хотя истина этого извѣстія подтвердилась на мѣстѣ, однако, буйволовъ нельзя было видѣть и на одно мгновеніе. Такъ какъ трава была выше насъ и расла довольно густо, то наше приближеніе они всегда замѣчали прежде, чѣмъ мы ихъ могли видѣть. Первый признакъ, по которому мы заключали о близости ихъ, былъ шумъ, производимый ими, когда они прыгали черезъ камни, обламывали вѣтви и сталкивались другъ съ другомъ рогами. Однажды, когда мы, съ восходомъ солнца, искали брода для повозки, мы увидѣли стадо, медленно поднимавшееся отъ воды по склону холма. Пока ходили за ружьемъ и въ насъ прокрадывалась нетерпѣливая алчность къ жирному бифштексу, взамѣнъ нашего обыкновеннаго продовольствія солеными припасами, мы подошли къ буйволамъ такъ близко, что могли слышать какъ самцы издавали свой хриплый густой ревъ, но не могли видѣть ничего, кромѣ массы находившейся передъ нами желтой травы; вдругъ про-

звучалъ громкій свистъ буйволовыхъ птицъ; стадо тотчасъ бросилось, и намъ не удалось увидѣть ни птицъ, ни буйволовъ. Страна эта вовсе не для горячихъ охотниковъ, за исключеніемъ времени, когда трава коротка. Эти животныя осторожны вслѣдствіе страха, питаемаго ими къ отравленнымъ стрѣламъ. Тѣ изъ туземцевъ, которые охотятся, глубоко проникнуты охотничьей горячностью и преслѣдуютъ дикихъ звѣрей съ какою-то совершенно необыкновенною, спокойною настойчивостью и коварствомъ. Такъ какъ стрѣла не производитъ никакого шума, то стадо преслѣдуется пока ядъ подѣйствуетъ и раненое животное упадетъ. Тогда терпѣливо выжидаютъ его смерти, — часть мяса около раны срѣзываютъ прочь, а все остальное ѣдятъ.

Отравленныя стрѣлы приготовляются изъ двухъ кусковъ. На одномъ концѣ небольшой, отъ десяти дюймовъ до фута длиною, деревянной палочки, хорошо укрѣпляется желѣзный крючекъ; другой конецъ палочки, которая вытянута въ длинное, тонкое остріе, если не далеко, то во всякомъ случаѣ достаточно входитъ въ полость трубки, составляющей стволъ стрѣлы. Дерево, находящееся непосредственно ниже желѣзнаго острія, намазывается ядомъ. Когда стрѣла попала въ животное, трубка или тотчасъ спадаетъ на землю, или весьма скоро снимается кустарниками; но желѣзный крючекъ и отравленная верхняя часть деревянной палочки остаются въ ранѣ. Будь стрѣла сдѣлана изъ одного куска, то наконечникъ часто вырывался бы съ нею, такъ какъ длинный стволъ зацѣплялся бы гдѣ-нибудь въ подлѣскѣ или обивался бы о деревья. Ядъ, который употребляется здѣсь и называется *комби*, добывается изъ одного вида Strophantus и весьма силенъ. Д-ръ Киркъ, при одномъ случайномъ опытѣ надъ самимъ собою, нашелъ, что онъ дѣйствуетъ, заставляя падать пульсъ. Когда онъ употребилъ въ дѣло свою зубочистку, лежавшую въ карманѣ, гдѣ заключалось немножко яда, онъ замѣтилъ горькій вкусъ, но приписалъ это тому обстоятельству, что иногда онъ пользовался ручкой зубочистки, когда принималъ хининъ. Хотя количество

яда было ничтожно, однако, онъ мгновенно оказалъ свое дѣйствіе, заставляя падать пульсъ, который тогда, вслѣдствіе охлажденія, былъ усиленный; на слѣдующій день докторъ совершенно оправился. Изъ единственнаго случая этого рода, безъ сомнѣнія, нельзя много заключать, но возможно, что комби окажется драгоцѣннымъ лекарствомъ, и такъ какъ профессоръ



A. Обыкновенная форма желѣзнаго острія стрѣлы аджава съ крючками.
B. Обыкновенная форма стрѣлы манганджа, отравленной на остріи, крючкахъ и шейкѣ.
C. Способъ прикрѣпленія острія стрѣлы къ стволу.
D. Цѣлая стрѣла, почти въ четыре фута длиною и оперенная.

Шэрпей произвелъ съ этимъ веществомъ рядъ опытовъ, то намъ интересно будетъ видѣть результаты. Изъ него добываютъ алкоидъ, похожій на стрихнинъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ виды дикихъ животныхъ умираютъ отъ дѣйствія отравленныхъ стрѣлъ, исключая слона и бегемота. Такъ какъ количество яда, какое можетъ ввести въ ихъ внутренность это маленькое оружіе, слишкомъ незначительно, чтобы умертвить огромное животное, то охотники прибѣгаютъ къ балкамъ въ видѣ западней.

На озерѣ Ніасса попадается другой видъ яда, о которомъ говорятъ, что онъ употребляется исключительно для умерщвленія

людей. Онъ накладывается на маленькія деревянныя острія стрѣлъ и старательно прикрывается кускомъ маисоваго листа, обвязываемаго вокругъ. Онъ производитъ онѣмѣніе языка, если проглотить хоть крошечную частичку его. Говорятъ, что бушмены сѣверной части Калагари употребляютъ для своихъ стрѣлъ внутренности одной маленькой гусеницы, которую они называютъ 'нга. Разсказываютъ, что этотъ ядъ такъ сильно дѣйствуетъ, производя бредъ, что при смерти лежащій человѣкъ въ воображеніи обращается въ состояніе младенчества и проситъ груди своей матери. Когда имъ подстрѣлены львы, они, говорятъ, умираютъ въ мукахъ. Ядовитая составная часть въ этомъ случаѣ можетъ происходить изъ того растенія, которымъ питается гусеница. Трудно понять, какимъ рядомъ опытовъ были узнаны свойства этихъ ядовъ, извѣстныхъ уже въ теченіе многихъ поколѣній. Вѣроятно, животные инстинкты, которые цивилизаціей притуплены теперь настолько, что дѣти въ Англіи безъ всякаго подозрѣнія ѣдятъ ягоды смертоносной бѣшеной ягоды (Atropa belladonna), въ прежнемъ, не цивилизованномъ состояніи были гораздо воспріимчивѣе. Въ иныхъ мѣстахъ инстинктъ все еще держится у дикихъ. Разсказываютъ, что во время знаменитаго путешествія французскаго морехода Бугенвиля одна молодая дама, одѣвшаяся въ мужскую одежду, исправляла всѣ трудныя обязанности, сопряженныя съ званіемъ обыкновеннаго матроса, и даже, въ качествѣ слуги геолога, носила черезъ холмы и долины мѣшокъ съ камнями и пробами, безъ жалобъ и не давая повода спутникамъ заподозрить ея полъ; но, когда она высадилась на берегъ между дикими одного изъ острововъ южнаго океана, они тотчасъ узнали въ ней женщину. Они начали обнаруживать свое впечатлѣніе такимъ образомъ, что она нашла себя вынужденной признаться въ своемъ полѣ и отдаться подъ покровительство коменданта, который естественно и оказалъ его. Подобнымъ образомъ прежнія поколѣнія человѣческой семьи могли имѣть въ отношеніи къ растеніямъ болѣе развитые инстинкты, чѣмъ кто-либо изъ ихъ

потомковъ, если гораздо высшее знаніе не было въ самомъ дѣлѣ, какъ мы обыкновенно предполагаемъ, дѣйствіемъ непосредственнаго откровенія свыше.

У Мукуру-Мадсе глубокое скалистое русло. Протокъ этотъ вообще глубиною около четырехъ футовъ и шириною отъ пятнадцати до двадцати ярдовъ. Прежде, чѣмъ достигнуть его, мы прошли пять или шесть протоковъ; но по ту сторону его страна на разстояніи отъ двухъ до трехъ миль отъ рѣки была сравнительно ровная. Всѣ дороги туземцевъ поросли длинною травою, и одинъ видъ ея (сану), сѣмена котораго въ четверть дюйма длиною и снабжены крѣпкими крючками, проникалъ въ каждую пору шерстяной одежды и въ высшей степени раздражалъ кожу. На жесткой, острой вершинѣ сѣмянъ идетъ рядъ крошечныхъ крючковъ, и эти крючки давали имъ опору всюду, куда они проникали: при самомъ незначительномъ прикосновеніи семена проникали въ тѣло а, маленькіе крючки препятствовали имъ выйти назадъ. Это сѣмя во многихъ мѣстахъ попадается въ такомъ большомъ количествѣ, что внутренняя сторона чулка становится хуже самой грубой волосяной рубашки. Трава эта, между тѣмъ, превосходно разсѣвается сама собою и даетъ хорошій кормъ; она бываетъ такъ высока, какъ обыкновенная мятлина въ Англіи, и могла бы съ пользою быть распространена въ какой-нибудь другой странѣ, которая не такъ богата травами.

Мы иногда замѣчали, что этимъ сѣменемъ прокалываются два и три листа вмѣстѣ и такимъ образомъ дѣлаются какъ бы крыльями для перенесенія его на почву, удобную для его произрастенія.

Мы постоянно слѣдовали дорогами туземцевъ, хотя онѣ вообще не болѣе пятнадцати дюймовъ шириною, и глубокія ямы, вырытыя съ намѣреніемъ устроить западни для маленькихъ животныхъ, на нихъ такъ часты и такъ замаскированы длинной травою, что приходится смотрѣть себѣ подъ ноги пристальнѣе, чѣмъ обыкновенно. Между тѣмъ, не

смотря на всѣ недостатки, гораздо спокойнѣе путешествовать по этимъ тропинкамъ, чѣмъ идти прямикомъ по невоздѣланной почвѣ или по нетронутому еще лѣсу. Дорога ведетъ обыкновенно къ какому-нибудь селенію, хотя иногда и оказывается просто „шальной“ тропой, которая никуда не ведетъ.

Идя на сѣверъ, мы пришли въ страну, по имени Мпемба, гдѣ владѣтелемъ признавали Чибиза; но жители не знали, что онъ былъ убитъ португальцемъ Терерою. Вокругъ хижины, въ которой мы провели ночь, было много зерноваго хлѣба. На длинностебельныхъ колосьяхъ мапира спокойно пировали большія стаи горлицъ, и мы весьма легко запасли себѣ множество прекрасныхъ жирныхъ цесарокъ, которыя теперь спокойно кормились въ покинутыхъ поляхъ. Основаніемъ всей этой равнодушной беззаботности выставлялось: „Нѣтъ ни одной женщины для молонья зеренъ: всѣ умерли.“

Полосы хлопка, повидимому, всегда прежде пользовались такимъ хорошимъ уходомъ и такъ старательно выпалывались изъ нихъ сорныя травы, что, хотя теперь никто о нихъ не заботился, однако, сорной травы было весьма мало; такимъ образомъ кустарники спасались отъ ежегодныхъ выжиганій травы. Нѣсколько баобабовъ расли въ разныхъ мѣстахъ, и немногіе жители, которыхъ мы видили, пользовались бѣлой мязгой, находившейся въ сѣменахъ, для изготовленія пріятнаго кисловатаго напитка.

Когда мы шли черезъ Маланго, около самыхъ верхнихъ водопадовъ, не видно было ни души; но когда мы отдыхали на прекрасномъ, покрытомъ деревьями островѣ, до нашихъ ушей достигали рѣзвые голоса играющихъ дѣтей,—родители бѣжали туда для спасенія отъ охотящихся за невольниками аджава, которыхъ все еще подстрекали случайными посѣщеніями португальскіе агенты изъ Тетте. Вмѣсто того, чтобы идти ниже водопадовъ, аджава теперь избѣгали насъ и близъ дерева, на которомъ повѣсили мы лодку, переѣхали на восточную сторону. Тѣ изъ манганджа, съ которыми мы могли

познакомиться, охотно шли къ намъ; но большая часть потеряла всякое довѣріе къ самимъ себѣ, другъ къ другу и ко всякому другому. Лодка была мѣсяца три назадъ сожжена, и манганджа усиленно старались увѣрить насъ, что это сдѣлали аджава; но когда мы изслѣдовали мѣсто, то увидали, что, вѣроятнѣе всего, она захвачена была огнемъ при совершавшемся въ этомъ мѣстѣ выжиганіи травы. Если бы мы предвидѣли, что такъ долго къ ней не вернемся, то прикрыли бы ее сверху землею, потому что когда произошелъ пожаръ, въ ней, вѣроятно, было много сухой листвы, и какая-нибудь искра воспламенила все. Деревья на пятьдесятъ ярдовъ кругомъ были обожжены и замерли, а гвозди, желѣзо и мѣдная обивка лодки все лежало внизу нетронутымъ. Если бы это было дѣломъ аджава, они взяли бы мѣдь и желѣзо.

Такъ какъ наши надежды стать съ помощью этой лодки независимыми отъ юга въ отношеніи жизненныхъ припасовъ были такимъ образомъ разрушены, то мы вернулись назадъ съ намѣреніемъ доставить на то же самое мѣсто другую лодку; и, чтобы найти для этого ровную мѣстность, мы мимо Маланго пошли отъ Шире къ верхней части рѣки Лезунгве. Насъ повелъ красивый, дѣятельный, понятливый парень, по имени Пекила, который замѣчательнымъ образомъ почти одинъ изо всего населенія сохранилъ хоть немножко жизненнаго огня и присутствія духа. Подавляющее вліяніе, оказываемое бичемъ невольничества на умы туземцевъ, хотя мало возбуждаетъ удивленія, но представляетъ печальное, очень печальное зрѣлище. Музыкальные инструменты, цыновки, подушки, ступки для разбиванія хлѣбныхъ зеренъ валялись безъ пользы и становились добычей бѣлыхъ муравьевъ. Лишеніемъ всѣхъ маленькихъ удобствъ пережившіе еще глубже были отброшены въ состояніе варварства.

Можетъ быть, не для путешественниковъ не важно замѣчаніе, что, когда мы ночью занимали хорошо построенную хижину, которая была долго запертою, находившійся въ ней воздухъ тотчасъ возбуждалъ въ насъ ознобъ и припадокъ ли-

хорадки; и то и другое исчезало, какъ скоро въ это мѣсто проводили свѣжій воздухъ разведеніемъ огня. Мы часто замѣчали, что если зажечь огонь раннимъ утромъ, даже въ самое жаркое время года, это освѣжаетъ весь домъ и устраняетъ всякое ощущеніе затхлости и вялости, производимой жаркимъ климатомъ.

Въ ночи на 1-е іюля 1863 г. мы проснулись отъ нѣсколькихъ ударовъ грома; луна была въ полномъ блескѣ, а не было видно ни одного облака. Всѣ туземцы замѣтили тогдашнюю ясность неба и говорили на слѣдующее утро: „Мы думали, что это Богъ (Морунго)."

Когда мы, 2-го іюля, прибыли къ судну, то нашли депешу отъ лорда Росселя, содержавшую инструкціи относительно возвращенія экспедиціи. Вокругъ стояла пустыня, произведенная охотой на невольниковъ и голодомъ. Изъ огромной долины Шире рабочія силы были изгнаны такъ же вполнѣ, какъ и съ Замбези, и это по всюду, куда только простиралось португальское коварство или власть. Постоянные набѣги Маріано распространили гибель и опустошеніе къ юго-востоку отъ насъ до горы Кларендонъ.

Пока это происходило у насъ въ тылу, теттеанскіе охотники за невольниками подстрекали аджава угнать всѣхъ манганджа съ холмовъ, лежащихъ на востокъ отъ насъ, и съ этою цѣлью шайки обращателей въ неволю все еще тянулись вверхъ по Шире къ водопадамъ. Получивъ сознаніе губернатора Тетте, что онъ, согласно совѣту своего старшаго брата въ Мозамбикѣ, намѣревался продолжать обращеніе въ неволю, мы имѣли основаніе думать, что невольничество происходило даже на глазахъ его превосходительства генералъ-губернатора, и это подтвердилось впослѣдствіи, когда на Мозамбикѣ мы узнали двухъ женщинъ, проживавшихъ въ разстояніи ста ярдовъ отъ миссіонерской станціи въ Магомеро. Онѣ были хорошо знакомы нашимъ спутникамъ и составляли часть толпы изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, доставленныхъ при посредствѣ аджава въ Мозамбикъ въ то самое

время, когда его превосходительство потѣшалъ англійскихъ офицеровъ болтовней, направленной противъ невольничества. Каждому, кто понимаетъ, какъ недостаточны свѣдѣнія, которыя имѣетъ португальскій губернаторъ отъ своихъ собственныхъ невольниковъ и черезъ сплетничающихъ торговцевъ, старающихся подслужиться, безполезно доказывать, что все это невольничье хозяйство идетъ само собою безъ ихъ соизволенія и надзора.

Если бы мало было еще доказательствъ безнадежности ввести какое бы то ни было измѣненіе въ систему, которая господствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ наши союзники, португальцы, вступили въ страну, то мы имѣли бы ихъ въ безнаказанности, съ какой морской разбойникъ Терера, убившій Чибиза, продолжалъ свои разбои. Бельціоръ, другой разбойникъ, былъ ограниченъ, но все еще продолжалъ вести войну, какъ называютъ тамъ охоту за невольниками.

Г. Орасъ Уэллеръ прожилъ около пяти мѣсяцевъ на горѣ Морамбала, въ мѣстѣ, съ котораго хорошо можно наблюдать весь ходъ торга невольниками и уводъ жителей изъ окрестъ-лежащей мѣстности. Гора эта господствуетъ надъ Шире, красивые извивы которой въ ясные дни видны на тридцать миль длины. Долго считали, что эта рѣка заперта для Маріано, который только для формы объявленъ бунтовщикомъ противъ португальскаго флага. Когда же стало невозможнымъ долѣе поддерживать обманъ, рѣка была открыта ему, и г. Уэллеръ видѣлъ, какъ въ одинъ день отправлялись изъ такъ называемаго мятежническаго лагеря въ португальскія поселенія отъ пятнадцати до двадцати челновъ различной величины, нагруженныхъ невольниками. Весь этотъ грузъ состоялъ изъ женщинъ и дѣтей. Эта торговля продолжалась безъ перерыва три мѣсяца, и, наконецъ, маска была сброшена до того, что одинъ изъ чиновниковъ пришелъ посѣтить епископа Тозера на другой сторонѣ той же горы и, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, собиралъ плату за нѣкоторую работу на челнахъ, сдѣланную для миссіонеровъ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ покупалъ невольниковъ у мятежниковъ, которыхъ онъ могъ подзывать съ берега рѣки. Когда онъ закончилъ торгъ, то, въ присутствіи г. Уэллера, побѣжалъ къ невольникамъ, чтобы осмотрѣть ихъ. Этотъ чиновникъ, сеньоръ Мескита, былъ единственный офицеръ, вынужденный жить на Конгоне. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ его жизни, онъ былъ во власти мѣстнаго губернатора; всѣ другіе таможенные офицеры отказались идти на Конгоне, поэтому бѣдный Мескита долженъ былъ жить здѣсь жалкимъ маленькимъ жалованьемъ и, можетъ быть, совершенно противъ своего желанія, доставлять невольниковъ. Его имя выставляется не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сказать что-нибудь дурное о его характерѣ. Безкорыстная дружба, оказанная имъ д-ру Меллеру и другимъ, заставляетъ насъ упоминать о немъ съ чувствомъ, чуждымъ всякой враждебности.

Другія шайки вышли на юго-востокъ отъ Сенна и захватывали невольниковъ, которые должны были поступать на суда съ Ингамбане. Пока мы были въ Шупанга, къ намъ послано было посольство, предлагавшее слоновью кость и всю незанятую зулу землю, если мы пошлемъ нѣсколько человѣкъ, чтобы прогнать изъ окрестностей сенаапскихъ охотниковъ за невольниками. Здѣсь, какъ внутри на мысѣ Доброй Надежды, тайна власти заключается въ обладаніи порохомъ; стрѣлки изъ лука не могли бы противостоять нападенію съ мушкетонами, и каждый, владѣющій доступомъ въ морскую гавань, имѣетъ возможность заниматься въ нѣкоторомъ объемѣ обращеніемъ въ неволю, потому что на восточномъ берегу нѣтъ никакого ограниченія относительно ввоза оружія и военныхъ запасовъ. *Законы* противъ этой статьи такъ же стѣснительны, какъ на мысѣ Доброй Надежды, но съ ними тоже, что съ законами объ отмѣнѣ невольничества; ихъ никто не слушаетъ, — они только для показа Европѣ и себѣ въ похвалу.

Взвѣшивая всѣ эти обстоятельства, рядомъ съ тѣмъ фактомъ, что мы во время нашего посѣщенія нашли Ровума не

столь благопріятной для судоходства, какъ ожидали, невозможно было не согласиться съ благоразумiемъ мѣры нашего отозванія; но мы глубоко пожалѣли, что когда-то повѣрили португальскому правительству относительно намѣренія улучшить положеніе африканской расы, ибо во всякомъ другомъ мѣстѣ мы, на половину уменьшивъ наши усилія и издержки, оставили бы неизгладимый знакъ улучшенія въ нѣкоторой части континента. Если разсматривать португальскихъ государственныхъ мужей сквозь призму законовъ, изданныхъ ими въ пользу подавленія невольничества и торга невольниками, и по мѣркѣ возвышеннаго характера нашихъ собственныхъ государственныхъ людей, то нельзя считать слабостью, что мы повѣрили въ искренность изъявленной лиссабонскимъ министерствомъ готовности поддержать наше предпріятіе.

Введеніемъ свободной торговли и христіанства мы надѣялись быть полезными португальцамъ столько же, какъ африканцамъ. Къ сожалѣнію, наши союзники не могутъ видѣть ни малѣйшей пользы къ какой бы то ни было мѣрѣ, которая не заключаетъ въ себѣ ихъ собственнаго возвеличенія отъ низверженія другихъ. Изъ офиціальной *) газеты лисса-

*) Португальское правительство недавно приказало одному господину, по имени Лассрда, написать въ своемъ офиціальномъ журналѣ „Diario de Lisboa“, рядъ статей для доказательства, что д-ръ Ливингстонъ сдѣлалъ большую ошибку, приписавъ Спику и Гранту открытіе того, что представляется главными источниками Нила. Прежніе португальскіе миссіонеры Іеронимо Лобо и Іоаньо досъ Сантосъ и другіе предупредили, какъ оказывается, нашихъ земляковъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ ловкій писатель, для собственнаго удовольствія, доказываетъ, что англичане почти совсѣмъ ничего не открыли въ Африкѣ. Такъ какъ внѣ Португаліи никто не нуждается въ опроверженіи этихъ пустыхъ положеній, то мы обращаемся къ болѣе важному вопросу. Думало ли португальское правительство порученіемъ сочинить эту статью признать дѣянія своихъ чиновниковъ въ Африкѣ своими? Къ этому мы не считаемъ его способнымъ; но оно приводитъ съ такой жадностью частную замѣтку достопочтеннаго Генри Роулея, которой онъ вовсе не предназначалъ для печати,

бонскаго правительства потомъ мы узнали, „что его политика была направлена къ тому, чтобы уничтожить дерзкіе виды британскаго правительства на господство въ Восточной Африкѣ.“ Мы,—бывшіе на самомъ мѣстѣ и стоявшіе за кулисами, — мы знали, что чувства частныхъ лицъ принимали главное участіе въ операціяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью

что мы должны сообщить мнѣніе нашего друга относительно главной причины несчастія, постигшаго миссію, въ которой онъ былъ членомъ. При сношеніяхъ миссіи съ экспедиціей не произошло ни разу перерыва въ дружескомъ обхожденіи и услугахъ съ той и другой стороны.

„Батъ, 22 февраля 1865 г.

„Любезный д-ръ Ливингстонъ!

„Уэллеръ писалъ мнѣ касательно письма моего, отправленнаго къ г. Гловеру, и разсказываетъ, что одна португальская газета, приводя, по ея словамъ, мѣсто изъ этого письма, въ сущности говоритъ:

„Достопочтенный Роулей признаетъ, что причиной окончательнаго паденія миссіи было нападеніе на аджава, произведенное д-ромъ Ливингстономъ.“

„Никогда я этого не говорилъ, никогда даже ничего такого не сказалъ, изъ чего бы можно было заключать это.

„Несчастіе миссіи зависѣло отъ потери запасовъ, отъ голода и, *прежде всего*, отъ злыхъ кововъ португальцевъ, возбуждавшихъ и поддерживавшихъ войны между племенами, чтобы можно было покупать плѣнныхъ въ неволю.

„Португальцы въ минуту нашей нужды были очень любезны къ намъ, снабжая насъ жизненными припасами. Лично мы, миссіонеры, обязаны имъ за это большою благодарностью; но поведеніе ихъ относительно туземцевъ несказанно дурно, и я совершенно согласенъ съ вами, если вы печатно порицали такое поведеніе.

„Я постоянно говорилъ и думалъ, что вы справедливо поступали, освобождая невольниковъ и пошли на аджава съ мыслію, что они чистая шайка обращателей въ неволю. Мое письмо къ г. Гловеру было написано не затѣмъ, чтобы порицать васъ за ваши дѣла, и не затѣмъ, чтобы сложить на васъ отвѣтственность за наши поступки, а чтобы извѣстить нашего друга на мысѣ Доброй Надежды о томъ, что вы сдѣлали бы то же, что сдѣлали мы, и что вы первый сдѣлали бы это.

„Если бы вы въ то время были того же мнѣнія о нашемъ нападеніи на аджава, какого были, когда писали къ сэру К. Ирдлею, то мое письмо никогда не было бы написано; и такъ какъ я вижу, какое злое вліяніе оно, повидимому произвело, то мнѣ весьма жаль, что оно было когда-то написано.

„Надѣюсь, то, что сказалъ, согласно съ вашими желаніями.

„Вашъ преданнѣйшій Генри Роулей.“

ввести господство мира и взаимнаго согласія у озеръ и въ центральныхъ странахъ, бывшихъ въ теченіе столѣтій позорищемъ насилія и кровопролитія. Но этой великой перемѣны не было произведено. Ограниченные хотѣли бы приписать все, что́ происходило, дерзкой назойливости англичанъ. Но мотивы, которыми руководится масса въ Англіи, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, во всякомъ случаѣ, благороднѣе, чѣмъ подозрѣваетъ міръ.

Итакъ, видя, что еще не дожили до „добраго времени, которое должно настать тамъ," и что совершенно невозможно было спуститься съ „Піонеромъ" къ морю до наступленія декабрскаго полноводья, мы распорядились приготовленіями къ свинчиванію „Леди Ніасса" и, желая воспользоваться промежуточнымъ временемъ, рѣшились вторично переправить лодку мимо водопадовъ, посѣтить восточный берегъ озера и сѣверный конецъ его, а также собрать факты, которые могли бы подтвердить полученное отъ полковника Ричби свѣдѣніе что 19,000 невольниковъ, ежегодно проходящихъ черезъ таможню въ Занзибарѣ, преимущественно выкрадываются съ озера Ніасса и изъ долины Шире.

Люди, присоединенные епископомъ Макензи къ миссіи, составляли теперь маленькую свободную общину около селенія Чибиза и питались воздѣлываніемъ почвы. Они подражали въ этомъ отношеніи тѣмъ макололо, которые завели весьма обширныя поля, и теперь въ состояніи были продавать экспедиціи хлѣбъ и овощи. Дружелюбныя чувства обоихъ этихъ племенъ къ англичанамъ были явны. Для доказательства этого можно привести примѣръ. Селеніе макололо было въ разстояніи около четверти мили отъ хижинъ миссіи, одна изъ которыхъ случайно была подожжена хозяиномъ; нѣсколько изъ лежавшихъ въ ней заряженныхъ ружей выстрѣлили, когда огонь дошелъ до пороха; какъ только макололо услыхали вечеромъ необыкновенный трескъ ружей, то схватили свое оружіе и, предполагая, что на англичанъ напалъ какой-

нибудь врагъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, бросились туда освобождать ихъ.

Не смотря на ихъ отказъ возвратиться съ лекарствами къ своему старшинѣ и на нѣсколько жалобъ, которыя поднялись противъ нихъ между черными съ мыса Доброй Надежды и которыя, послѣ длиннаго, старательнаго изслѣдованія, не могли быть доказаны, мы вспомнили объ ихъ великодушномъ поведеніи, обнаруженномъ при спасеніи нашей жизни въ рѣкѣ близъ Каривуа и, прибавивъ сюда это новое доказательство ихъ готовности жертвовать жизнію для спасенія нашихъ земляковъ, выбрали изъ нихъ пять лучшихъ гребцовъ, полагая, что для экипажа на озерѣ, а также и для всякаго затрудненія, могущаго представиться при нашей поѣздкѣ на сѣверъ, эти пять значатъ столько же, сколько пятьдесятъ изъ какого-нибудь другаго племени. Наше общество состояло изъ двадцати туземцевъ, въ числѣ коихъ было нѣсколько іоанницевъ, сочтенныхъ способными управлять шестью быками, везшими маленькую повозку, на которой лежала лодка. Двѣнадцати воловъ съ мыса Доброй Надежды съ однимъ готтентотскимъ возчикомъ и проводникомъ съ бо́льшею легкостью перевезли бы повозку черезъ страну, по которой мы должны были проходить; но, какъ скоро мы сошли съ готовой уже части дороги, наши возчики встрѣтили затрудненія, которыя представлялись въ деревьяхъ и оврагахъ, и преодолѣніе которыхъ срубкой деревъ и вытаскиваніемъ повозки посредствомъ блоковъ и рычаговъ было бы потерей времени. Мы поэтому взяли аджава и манганджа, поселившихся въ селеніи Чибиза; они помѣстили лодку къ себѣ на плечи и ловко пронесли ее въ нѣсколько дней мимо всѣхъ водопадовъ до послѣдняго; такъ какъ здѣсь они были на относительно спокойномъ мѣстѣ рѣки, то воспользовались ею и проѣхали мили съ двѣ далѣе вверхъ. Лодка была тогда совершенно въ вѣдѣніи макололо; такъ какъ они въ своей собственной странѣ привыкли къ быстринамъ, то мы не могли желать для себя

лучшаго экипажа. Рѣка здѣсь весьма узка, и даже на мѣстахъ, называемыхъ спокойными, теченіе весьма сильно и часто вынуждало вести лодку возлѣ стоящаго у береговъ камыша или на бичевѣ по берегу. Камышъ полонъ ворсильными бобами (кокорникъ, Dolichos pruriens), стручки которыхъ покрыты чѣмъ-то похожимъ на нѣжный бархатный пухъ, но въ дѣйствительности представляютъ множество тонкихъ иголъ, вонзавшихъ милліонами и производившихъ зудъ и уколы на голыхъ тѣлахъ людей, тянувшихъ бичеву, вслѣдствіе чего они корчились и вертѣлись, какъ будто ихъ стегали цѣлымъ снопомъ крапивы. На бортѣ должны быть люди, умѣющіе ловко обходиться съ веслами и шестами, — такіе и были. Но тѣмъ не менѣе они послѣ одной попытки нашли, что, вмѣсто проѣзда у скалы, около которой крутится вода, благоразумнѣе будетъ взять лодку на берегъ и пронести ее мимо послѣдняго водопада. Когда было заявлено объ этомъ, созвали носильщиковъ изъ-подъ различныхъ тѣнистыхъ деревъ, подъ которыми они искали убѣжища отъ солнца. Это было среди зимы, но днемъ солнце здѣсь постоянно жжетъ, хотя ночи и холодны. Пять мужчинъ съ Замбези, всю свою жизнь проведшіе на большихъ тяжелыхъ челнахъ, главная рекомендація которыхъ состояла въ томъ, что они при полной силѣ теченія безъ вреда могутъ столкнуться со скалы, — весьма страстно желали показать, что они гораздо лучше могутъ управиться съ нашей лодкой, чѣмъ макололо; когда мы стояли спиною къ нимъ, трое вскочили въ нее, а двое протощили ее вверхъ на небольшое разстояніе; теченіе подхватило ея носовую часть, мы услыхали крикъ ужаса, канатъ въ одно мгновеніе вырванъ изъ ихъ рукъ, и лодка очутилась днемъ кверху: въ водоворотѣ повернулась она разъ или два и помчалась, какъ стрѣла, внизъ по водопаду. Одинъ изъ людей, плывя къ берегу, спасъ ружье. Все общество кинулось, что было, силы по берегу, но мы никогда уже не видали нашей лодки.

Пятеро человѣкъ, разыгравшихъ эту катастрофу, подошли

съ полными раскаянія взглядами. Ни они, ни мы не могли произнести ни слова. Они медленно нагнулись и коснулись обѣими руками нашихъ ногъ. „Ку куата моендо," — обнять ногу, — ихъ способъ просить прощенія. Это было похоже на то, какъ случается, дѣлаютъ маленькія дѣти, когда безъ приказанія покушаются принесть чашку своему папа и, выпуская ее изъ рукъ, разражаются крикомъ отчаянія. Они были приговорены только къ тому, чтобы вернуться на судно, запастись жизненными припасами, нести на слѣдующемъ походѣ такую ношу, какъ только имъ будетъ подъ силу, и такимъ образомъ вознаградить насъ за потерю лодки.

Было чрезвычайно прискорбно потерять все имущество и лишиться средствъ выполнить задуманное дѣло на востокѣ и сѣверѣ озера, но было бы совершенно то же, что кричать о пролитомъ молокѣ, если бы мы занялись теперь чѣмъ-нибудь другимъ, а не возможно лучшимъ употребленіемъ нашихъ ногъ. Люди посланы на судно, чтобы принести жизненныхъ припасовъ, выбойки и бусъ; а пока они ходятъ, мы можемъ немного потолковать о водопадахъ, которые оказались такъ гибельны для нашего плана плыть на лодкѣ.

Они начинаются подъ 15° 20′ и оканчиваются подъ 15° 55′ южной широты; слѣдовательно, разность широтъ 35′. Рѣка течетъ въ этомъ пространствѣ почти съ сѣвера на югъ до самаго Маланго: все пространство поэтому занимаетъ менѣе 40 миль. Главныхъ водопадовъ числомъ пять, и они называются Памофунда или Памозима, Морева, Панореба или Тедзане, Пампатаманга и Папекира. Кромѣ ихъ могутъ быть упомянуты еще три или четыре мѣньшихъ, какъ напр.: Мамвира, гдѣ мы при нашей поѣздкѣ вверхъ впервые встрѣтили крутящуюся воду и услыхали тотъ шумъ потока, о которомъ, при безконечныхъ извивахъ, образуемыхъ рѣкою на 200 миль слишкомъ ниже водопадовъ, никогда и не подумали бы, что спокойная Шире можетъ произвести его. Въ то время, какъ маленькіе водопады скользятъ подъ угломъ едва

въ 20°, большіе падаютъ съ высоты 100 футовъ на 100 ярдахъ подъ угломъ почти въ 45° и одинъ подъ угломъ въ 70°. Одна часть Памозима вертикальна и во время полноводья образуетъ облако паровъ, которое на пути къ озеру Ширва мы видѣли въ разстояніи, по крайней мѣрѣ, восьми миль. Все паденіе отъ верхней до нижней Шире простирается на 1,200 футовъ. На всемъ этомъ протяженіи теченіе только на одномъ мѣстѣ умѣренное, именно выше Тедзане. Въ другихъ мѣстахъ оно повсюду черезчуръ сильно, и такъ какъ ширина здѣсь, по большей части только отъ пятидесяти до восьмидесяти ярдовъ, и вода падаетъ словно съ мельничной плотины, то вся рѣка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы тутъ тратится сила воды, достаточная для того, чтобы привести въ дѣйствіе всѣ мельницы въ Манчестерѣ. Памофунда или Памозима имѣетъ на правомъ берегу темную тѣнистую рощу. Когда мы проходили въ ея мрачной сѣни, то были приведены въ ужасъ отвратительнымъ запахомъ, напоминавшимъ препаровочный залъ; взглянувъ же вверхъ, увидѣли мертвыя тѣла въ цыновкахъ, подвѣшенныхъ къ вѣтвямъ деревъ. Это родъ погребенія, нѣсколько сходный съ тѣмъ, какой мы послѣ встрѣтили у парсовъ въ ихъ „башняхъ упокоенія“ въ Пунагѣ близъ Бомбая. Имя Памозима означаетъ „отшедшія души или боги“, — имя, приличное мѣсту, надъ которымъ, по народному повѣрью, постоянно парятъ безтѣлесныя души.

Лежащая глубже всѣхъ каменная порода — темнокрасновато-сѣрый сіэнитъ. Повидимому, онъ служилъ для поднятія почвы, потому что лежащіе на немъ слюдяные сланцы сильно повреждены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь эти сланцы выдвинуты и выдаются желваками на поверхности темныя траповыя породы, богатыя роговой обманкой. Самою верхнею породою оказывается — нѣжный песчаникъ съ болѣе бѣлымъ крѣпкимъ зерномъ, чѣмъ теттеанскій; гдѣ же онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ лежащими подъ нимъ вулканическими породами, тамъ вполнѣ метаморфиченъ. Иногда

даетъ онъ мѣсто кварцу и красноватымъ глинистымъ сланцамъ, весьма выжженнымъ солнцемъ. Таковъ обыкновенный геологическій характеръ на правомъ берегу водопадовъ. На другой сторонѣ мы шли по массамъ порфировыхъ траповъ, находящихся въ прикосновеніи съ тѣми же слюдистыми сланцами. Эти-то сланцы, вѣроятно, и доставляютъ почвѣ сильное плодородіе, замѣченное нами. Главная составная часть горъ — сіэнитъ. Въ рѣку вымывается такъ много слюды, что если внимательно глядѣть въ воду, то видно, какъ миріады кусочковъ плаваютъ и искрятся на солнцѣ, и это бываетъ даже при низкомъ стояніи воды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Походный напитокъ. — Доброе поведеніе англійскихъ матросовъ. — Островъ Мотола. — Пища туземцевъ во время голода. — Новое направленіе похода. — Риви-риви. — Страна послѣ того, какъ по ней прошелъ бичъ войны. — Мы заблудились. — Гостепріимство народа. — Цѣпь Кирка. — Долина Гоа или Гова. — Распаденіе скалъ въ жаркомъ климатѣ. — Наше общество принимается за торговцевъ невольниками. — Матунда. — Мы достигаемъ колѣна озера Ніасса. — Селеніе Катоза. — Переселенія аджава. — Сельское хозяйство туземцевъ. — Понятіе епископа Макензи о сельскомъ хозяйствѣ туземцевъ. — Хлопокъ. — Чинзамба. — Ассирійская физіономія есть настоящій негритянскій типъ. — Бабиза. — Смѣхъ туземныхъ женщинъ. — Крикъ дѣтей. — Мы идемъ на сѣверо-востокъ къ берегамъ озера Моламба. — Рыбная сѣть на Чіа. — Крючки. — Дикіе не могли бы жить, если бы не были ничему научены. — Имъ былъ нуженъ сверхъестественный учитель.

Прежде, чѣмъ наши люди вернулись съ судна въ сопровожденіи г. Рэя и провіантмейстера „Піонера," настало 15 августа. Они доставили двухъ быковъ, изъ которыхъ одинъ тотчасъ-же былъ убитъ, чтобы вдохнуть во всѣ сердца мужество, и нѣсколько бутылокъ вина, подарокъ Уэллера и Алингтона. Мы прежде никогда не брали вина съ собою, но присылка была дорога намъ, какъ выраженіе доброй души со стороны подарившихъ. Если хотятъ носить съ собою въ качествѣ напитка вино или что-нибудь спиртное, то нужно только для этого имѣть цѣлую толпу провожатыхъ. Нашей величайшей роскошью въ походѣ былъ чай или кофе. У насъ ни разу не было столько сахару, чтобы хватило на весь походъ, но кофе безъ сахару всегда хорошъ, а чай только

сносенъ въ виду того невыносимо гложущаго чувства недовольства и упадка, которое являлось, если мы начинали утромъ походъ, не напившись чего-нибудь горячаго. Питьемъ нашимъ обыкновенно была вода; и когда она холодная, ее ни съ чѣмъ нельзя сравнить въ жаркомъ климатѣ. Обыкновенно мы носили съ собой бутылку коньяку, завернутую въ наши одѣяла, но пользовались имъ только, какъ лекарствомъ; ложась въ постель, мы принимали полную ложку въ горячей водѣ для предупрежденія озноба и лихорадки. Когда дѣйствительно начиналась лихорадка, спиртный напитокъ постоянно былъ вреденъ, и, по всей вѣроятности, коньякъ просто и коньякъ съ водою были причиной достаточнаго числа смертныхъ случаевъ въ Африкѣ.

Г. Рэй сдѣлалъ отрадные успѣхи въ свинчиваніи „Леди Niacca". Ему ревностно содѣйствовали трое столь же превосходныхъ дюжихъ рабочихъ, какъ и отличныхъ мастеровыхъ; и такъ какъ они были благороднымъ образцами англійскихъ матросовъ, то мы назовемъ съ удовольствіемъ имена этихъ людей, дѣлающія честь британскому флоту,—это были: Джонъ Ридъ, Джонъ Пенелль и Ричардъ Вильсонъ. Читатель извинитъ, что мы дѣлаемъ это, но мы желаемъ здѣсь напомнить, какъ высоко мы цѣнили ихъ и съ какой благодарностью свидѣтельствуемъ объ ихъ добромъ поведеніи. Погода была превосходно прохладная, и въ полномъ довѣріи къ тѣмъ, которые оставались, мы съ спокойнымъ сердцемъ повернулись лицемъ къ сѣверу. Г. Рэй провожалъ насъ на день пути, и такъ какъ все наше общество серьезно полагало, что въ этомъ походѣ должны участвовать, по крайней мѣрѣ, два европейца, то, наконецъ, взятъ былъ съ нами провіантмейстеръ. Г. Рэй вернулся, чтобы заготовить паруса на „Леди Niacca" и вывести ее въ Океанъ въ октябрѣ, потому что она не такъ глубоко сидитъ въ водѣ, какъ „Піонеръ". Еще одно основаніе, по которому мы взяли съ собой провіантмейстера, достойно того, чтобъ о немъ упомянуть. Онъ, такъ же, какъ и одинъ господинъ, по имени

Кингъ *), который, хотя и служилъ на флотѣ только старшимъ кочегаромъ, былъ нѣкогда подающимъ надежды студентомъ Абердинскаго университета, — находились въ томъ слабомъ и вяломъ состояніи, которое часто бываетъ слѣдствіемъ пребыванія въ низменностяхъ безъ большихъ занятій или размышленій. Лучшее средство поправиться—перемѣна и дѣятельная жизнь. Двудневный походъ только до Мукуру-Мадсе придалъ Кингу такъ много жизненной силы, что онъ бодро могъ отправиться назадъ. Вниманіе къ здоровью провіантмейстера побудило насъ избрать его для этого путешествія на сѣверъ, и эта мѣра увѣнчалась столь счастливымъ успѣхомъ, что на трудномъ походѣ мы часто каялись, зачѣмъ не взяли также и Кинга. Перемѣна мѣста только на сто ярдовъ бываетъ иногда такъ благодѣтельна, что никогда не должно упускать ея изъ виду въ трудныхъ случаяхъ.

19 августа мы были вполнѣ на походѣ. Скоро достигли острова Мотола, у котораго была подвѣшена лодка. По одной изъ тропинокъ, вившихся между деревьями и кустами, шло двое мужчинъ. Шумъ водопада по другую сторону ихъ отечественнаго острова помѣшалъ имъ разслышать шорохъ нашихъ шаговъ, пока мы не подошли къ нимъ на разстояніе какого-нибудь ярда. Прыжекъ — и связки корней, бывшія у нихъ, свалились на землю: они бросились, какъ будто хотѣли прыгнуть въ рѣку; но мы остановились у связокъ и кричали, что они могутъ вернуться и взять свою пищу. Они думали, что мы аджава, но одинъ взглядъ увѣрилъ ихъ въ противномъ, и мы обрадовались, когда, сказавъ имъ, кто мы такіе, по ихъ полнымъ довѣрія взглядамъ увидѣли далеко распространившееся вліяніе англійскаго имени. Корни имѣли величину почти обыкновенной рѣпы и носили названіе малапа. Туземцы говорили, что человѣкъ, не знающій какъ слѣдуетъ

*) Какъ мы полагаемъ, брать того, который сопровождалъ Ворка и Вилиса въ знаменитую, но несчастную экспедицію по Австраліи.

ихъ варить, могъ бы даже отравиться при употребленіи ихъ въ пищу. Это очень вѣроятно; ибо ихъ нужно кипятить въ крѣпкомъ щелокѣ изъ древесной золы, сцѣдить и прокипятить въ растворѣ того же рода во второй и въ третій разъ прежде, чѣмъ ѣсть. Тамаринды теперь созрѣли въ этой странѣ, и жители собирали и удаляли ихъ излишнюю кислоту тѣмъ, что кипятили шелуху ихъ съ золой бакаутоваго дерева, имѣющей прекрасный бѣлый цвѣтъ и иногда спекающейся, какъ будто въ ней большое количество щелочи. Эту золу употребляютъ также на штукатурку. Встрѣчая такихъ людей, какъ эти бѣдные бѣглецы, мы обращали ихъ въ носильщиковъ нашего багажа и платили имъ за работу. Это, повидимому, внушало болѣе довѣрія, чѣмъ если бы мы дѣлали имъ подарки.

Нашей цѣлью было теперь идти на сѣверо-сѣверо-западъ, параллельно съ озеромъ Ніасса, но держаться въ значительномъ разстояніи отъ него на западъ и такимъ образомъ пройти мимо мазиту или зулу, чтобы, не входя съ ними въ сношенія, между тѣмъ узнать, не впадаетъ ли какая-нибудь большая рѣка въ озеро съ запада, за тѣмъ посѣтить, если время позволитъ, озеро Моэло и собрать свѣдѣнія о торговлѣ на большой невольничьей дорогѣ, которая пересѣкаетъ озеро на южномъ концѣ его, а также у Ценга и Кота-кота. Макололо охотно готовы были путешествовать быстро, потому что желали вернуться во время, чтобы вспахать свои поля прежде наступленія дождей и повидать своихъ женъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мазико уже вынужденъ былъ вернуться и унимать раздоръ, извѣстіе о которомъ доставлено было женщинами, сопровождавшими своихъ мужей почти миль съ двадцать съ обильными запасами пива и муки. Озлобленный отправился Мазико въ путь; только сожженіе домовъ преступниковъ могло удовлетворить его; но неизбѣжная судьба многоженцевъ и наша неспособность справляться съ нѣсколькими женами, а подчасъ даже и съ одной, вмѣстѣ съ прогулкой за нѣсколько сотъ миль подъ жгучимъ солнцемъ, укротили его

на столько, что онъ спустя недѣлю послѣдовалъ за нами и догналъ насъ, не употребивши въ дѣло какого-либо опаснаго оружія, кромѣ своего языка.

Идя сначала на сѣверовостокъ отъ самаго верхняго водопада, мы въ нѣкоторомъ родѣ слѣдовали по большому изгибу рѣки къ подошвѣ горы Зомба. Здѣсь мы любовались видомъ ея самой красивой, западной стороны, съ площадью на высотѣ почти 3,000 футовъ, простирающейся на югъ отъ рѣки, съ горами Чирадзуру и Мочиру, высоко уходящими въ небо. Благородный епископъ Макензи, по истинѣ заслуживавшій за свое прекрасное сердце и любвеобильную душу названія „епископа Центральной Африки," надѣялся когда-то, что свѣтъ и свобода распространятся съ этой великолѣпной возвышенности по всей внутренней странѣ. Мы все еще вѣримъ, что она можетъ стать центромъ цивилизующаго вліянія; ибо кто спустится съ этихъ прохладныхъ высотъ и войдетъ въ лодку на верхней Шире, тотъ можетъ безъ затрудненія плыть на триста миль далѣе въ сердце Африки.

Мы тянулись по мѣстности, покрытой деревьями мопане, гдѣ жестоко пережженная почва отказывается производить обычную густую жатву травъ; здѣсь мы напали на весьма многія тропинки буйволовъ, слоновъ, антилопъ и на слѣды льва. Быкъ, котораго мы пригнали сюда въ качествѣ провіанта для путешествія, былъ жестоко искусанъ цеце. Дѣйствіе укушеній, два дня спустя, совершенно ясно обозначилось, какъ обыкновенно, общей слабостью мускуловъ, опущенными ушами и болѣзненнымъ взглядомъ. Всегда возбуждало наше удивленіе, что намъ, какъ сильно ни бывали мы искусаны этими насѣкомыми, нападенія ихъ не вредили нисколько. Человѣкъ раздѣляетъ преимущество дикихъ животныхъ.

Хотя было сухое или, скорѣе, жаркое время года, однако, на нашемъ пути цвѣло много цвѣтовъ. Эвфорбіи, баобабы и каперсовыя деревья были въ полномъ цвѣту. Значительное число большихъ птицъ-носороговъ привлекало на себя наше

вниманіе, и Мазико, подошедшій къ одному дереву, чтобы вѣрнѣе прицѣлиться въ птицъ, не замѣтилъ, что всего въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ этого самаго дерева стояли въ прохладной тиши два слона, навѣвавшіе прохладу на себя своими огромными ушами. Д-ръ Ливингстонъ въ тридцати шагахъ разстоянія пустилъ пулю въ ухо одного изъ этихъ животныхъ, но оно только отошло и затрясло головой; Мазико замѣтилъ свою опасность только, когда животное стало продираться сквозь кустарникъ. Вступивъ въ рощу высокихъ деревъ, въ густой тѣни которыхъ стояли развалины большаго селенія, мы прошли мимо многихъ скелетовъ манганджа. Что еще недавно было жилищемъ людей, жившихъ въ мирѣ и довольствѣ, тѣмъ завладѣли теперь дикія животныя.

Вечеромъ 20 августа нашли мы нѣсколькихъ жителей, поддерживавшихъ свое жалкое существованіе тамариндами и мышами, и узнали отъ нихъ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды купить какихъ-нибудь жизненныхъ припасовъ прежде, чѣмъ достигнемъ маленькаго озера Памаломбе, гдѣ тогда жилъ владѣтель аджава Каинька, но что у владѣтельницы марави, Ніанго, можно найти пищу въ изобиліи. Мы повернули къ сѣверо-западу и пошли къ рѣкѣ Рибве-рибве или Риви-риви, вытекающей изъ горной цѣпи Марави и изливающейся въ Шире. Здѣсь въ рѣкѣ вовсе не было воды, она находилась подъ ея песчанымъ дномъ; но выше были по мѣстамъ пруды и промежуточныя сухія мѣста, а еще дальше на западъ рѣка становится быстро текущимъ потокомъ шириною въ сорокъ футовъ и глубиною до двухъ. Ея названіе показываетъ, что на ней есть водопады; санджика поднимается въ нее метать икру; но въ жаркое время года испареніе такъ сильно, что рѣка совершенно высыхаетъ, не достигнувъ Шире.

Здѣшняя страна раздѣлена на области; лежащая къ югу отъ Риви-риви называется Иквези, а къ сѣверу—Банда. Обѣ области простираются вдоль пограничной рѣки отъ ея истока до устья. Это интересно, такъ какъ представляетъ оцѣнку земли по ея достоинству. Во многихъ странахъ эта мысль

не пустила корней, и каждый можетъ занимать поле, гдѣ ему вздумается. Огородъ составляетъ собственность, на невоздѣланную землю не претендуетъ никто. Селенія, о значительномъ числѣ которыхъ мы прежде не имѣли ни малѣйшаго понятія, такъ какъ наша дорога вела вдоль рѣки, повидимому, постоянно располагались съ намѣреніемъ въ тѣни, — теперь они были всѣ покинуты. Кругомъ стояли высокія стеркуліи со стволами въ пятьдесятъ футовъ длины безъ вѣтвей, желтовато-желѣзнаго цвѣта, и многія изъ хижинъ были прикрыты тѣнью широко раскинувшихся дикихъ смоковницъ, подъ которыми теперь спокойно паслись слоны. Почва была усѣяна поломанными ими вѣтвями Одинъ видъ стеркуліи имѣетъ кругловатыя сѣменныя коробочки величиной въ кулакъ съ сѣменами, покрытыми мязгой канареечнаго цвѣта и дающей нѣжное масло. Для жира и масла, получаемаго также изъ сѣмянъ, берегутся и деревья моцикири.

Такъ какъ Риви-риви течетъ съ сѣверозапада, то мы шли по ея берегу, пока не достигли жителей, которые успѣшно защитили себя противъ шаекъ аджава. Посылая мужчинъ одного селенія идти впередъ до ближайшаго селенія и объявлять, кто мы такіе, мы не давали возможности напуганнымъ жителямъ принимать насъ за новую толпу аджава или за португальскихъ невольничьихъ агентовъ. Здѣсь воздѣлывали маисъ, который были готовы продавать намъ, но никакимъ краснорѣчіемъ нельзя было довести жителей до того, чтобы они дали намъ проводника къ владѣтельницѣ Ніанго. Они очевидно думали, что намъ нельзя довѣрять, хотя наши спутники, когда мы свидѣтельствовали о нашихъ наклонностяхъ, не уставали „трубить въ нашъ рогъ,“ и даже съ колѣнцами, при которыхъ и рѣчи не могло быть о скромности. Чтобы смягчить подозрительность, мы, наконецъ, должны были воздерживаться отъ упоминовенія имени этой дамы.

Утомительно было бы перечислять названія селеній, по которымъ мы прошли по дорогѣ на сѣверозападъ. Одно изъ нихъ, самое большое изъ видѣнныхъ нами въ Африкѣ, было

совершенно покинуто, съ обычнымъ печальнымъ зрѣлищемъ лежащихъ вокругъ человѣческихъ скелетовъ. Другое называлось Тетте. Мы знаемъ три мѣста этого имени; изъ чего слѣдуетъ, что это слово туземнаго происхожденія; кажется, оно означаетъ мѣсто, гдѣ вода бѣжитъ по скаламъ. Третье селеніе называется Чипанга (Большое дѣло), имя тожественное съ Шупанга португальцевъ. Это повтореніе именъ могло означать, что одинъ и тотъ же народъ когда-то принесъ съ собою эти названія съ сѣвера на югъ при своемъ походѣ, память о которомъ сохраняется въ преданіяхъ. Страна была вообще покрыта рѣдкимъ лѣсомъ умѣренной величины, и большія деревья окаймляли рѣчки. Одно изъ нихъ, смоковница съ оригинальной листвой, было поражено молніей. На линіяхъ, оставленныхъ электричествомъ, когда оно сбѣгало по стволу, выдвинулись массы новаго нароста, замѣщая поврежденное, и выступило много гумми такого рода, какого мы еще никогда не видали ни на одномъ деревѣ. Надъ селеніемъ Тетте и на западъ отъ него бичъ невольничьей войны не проходилъ; и когда мы подошли къ человѣческимъ жилищамъ, то жители привѣтствовали насъ словами, полное значеніе которыхъ мы — чья счастливая страна никогда не страдала отъ вражескаго вторженія — едва могли понять. „Мы рады, что вы несете не войну, а миръ.“

Въ это время года ночи все еще холодны, и такъ какъ у жителей не было жатвы, которая требовала бы ихъ вниманія, то они вставали не раньше, какъ по восходѣ солнца. Въ другое время они уходятъ на свои поля до разсвѣта, и первый раздающійся тогда звукъ — громкій говоръ мужчинъ и женщинъ, съ которымъ они обыкновенно выступаютъ въ темноту, чтобы звукомъ человѣческаго голоса устрашать животныхъ. Когда нѣтъ никакой работы, первымъ признакомъ наступающаго дня бываетъ громко раздающійся кашель курильщиковъ конопли.

Задержанные однажды утромъ переговорами о проводникахъ, которыми мы преимущественно пользовались для

заявленія о себѣ въ другихъ селеніяхъ, мы, вдвоемъ, ушли на нѣкоторое разстояніе впередъ, держась направленія рѣки. Такъ какъ наши люди всегда могли найти насъ по отпечаткамъ башмаковъ, то мы ушли на нѣсколько миль дальше. На этотъ разъ, однако, они потеряли нашъ слѣдъ и не пошли за нами. Тропинка была хорошо проторена слонами, гіенами, паллагами и зебрами, но человѣческая нога не ступала по ней уже много дней. Къ заходу солнца мы достигли одной покинутой деревушки, гдѣ сдѣлали себѣ спокойныя постели изъ травы. Обыкновенное средство для привлеченія вниманія заблудившихся въ такихъ обстоятельствахъ — стрѣляніе изъ мушкетоновъ. Въ этомъ случаѣ трескъ ружейнаго огня ввелъ насъ въ обманъ; ибо, заслышавъ на слѣдующее утро выстрѣлы, мы послѣ длиннаго, утомительнаго перехода пришли лишь къ нѣсколькимъ туземнымъ охотникамъ, только что застрѣлившимъ буйвола. Мы вернулись къ маленькому селенію и встрѣтили тамъ нѣсколько человѣкъ, помнившихъ, что мы пріѣзжали въ лодкѣ на озеро; они были любезны, на сколько могли. Единственная пища, бывшая въ ихъ распоряженіи, были изготовленные съ золой тамаринды и немного муки изъ кокорника. Этотъ бобъ, какъ уже упомянуто, имѣетъ бархатоподобный бурый покровъ изъ маленькихъ иголъ, которыя при прикосновеніи къ нимъ проникаютъ въ поры кожи и причиняютъ болѣзненный зудъ. Женщины во время голода собираютъ эти бобы, жгутъ надъ ними траву, чтобы уничтожить иглы, потомъ вымачиваютъ ихъ, пока они не дадутъ ростка, обмываютъ въ чистой водѣ, кипятятъ, или размельчаютъ въ муку, похожую на нашу бобовую. Это растеніе вьется по длинной травѣ и во множествѣ попадается во всѣхъ мѣстностяхъ, обильныхъ камышемъ; хотя оно составляетъ мученье для путешественниковъ, случайно прикасающихся къ его скорлупѣ, однако, во время голода оказываетъ хорошія услуги, спасая людей отъ страшной смерти. Здѣшнее его названіе — китедзи.

Такъ какъ мы въ этотъ день исходили, по крайней мѣрѣ, миль двадцать, отыскивая наше общество, то нашъ отдыхъ на цыновкѣ въ лучшей хижинѣ селенія былъ весьма сладокъ. Каждый изъ насъ съ вечера съѣлъ по голубю, а въ этотъ день послѣ полудня только по пригоршнѣ супа китедзи. Хозяйка взяла немного зеренъ, которыя берегла на сѣмена, смолола ихъ по наступленіи темноты и изготовила изъ этого супъ. Этотъ супъ и чашку дикорастущихъ овощей сладковатаго вкуса на приправу принесъ и предложилъ намъ маленькій мальчикъ, причемъ, слѣдуя обычаю, который считается вѣжливостью и строго внушается всѣмъ дѣтямъ, нѣсколько разъ живо похлопалъ въ ладоши. Обѣдъ былъ такъ скуденъ, что даже менѣе проголодавшійся изъ насъ, не спавшій въ то время, когда супъ подали, подумалъ, что все было для него, и тотчасъ занялся этимъ; между тѣмъ какъ товарищъ его несчастія, погруженный въ сонъ, видѣлъ пріятное сновидѣніе, будто былъ на какомъ-то большомъ обѣдѣ. Онъ проснулся какъ разъ во время, чтобы захватить, по крайней мѣрѣ, остатокъ мизернаго стола, и въ замѣнъ разговора выслушивалъ извиненія, которыя предлагалъ жестокосердый прожора и которыя вполнѣ понималъ его спутникъ, чувствовавшій столько же сильный аппетитъ.

На третій день отлучки, Акозанджере, старшина этого селенія, повелъ насъ къ нашему обществу, которое ушло до Иссзе, области, лежащей на западъ. Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ не потому, чтобъ оно было особенно интересно, а потому, что оно даетъ понятіе о жителяхъ. Мы почти три дня были вполнѣ разлучены съ нашими людьми, и у насъ ничего не было, на что́ бы мы могли вымѣнять жизненныхъ припасовъ. Жители были тяжко удручены войною и голодомъ, и ихъ гостепріимство, какъ ни бѣдны были они, дѣлаетъ имъ большую честь и было намъ въ высшей степени пріятно. Наши люди поставлены были въ затрудненіе и бродили вокругъ, но дѣлали все возможное, чтобы найти насъ; когда мы присоединились къ нимъ, то убили быка, и всѣ радовались въ этотъ „день бойни“, такъ какъ всѣ были

на скудномъ кормѣ. Акосанджере естественно былъ вознагражденъ къ полному его удовольствію.

26 августа мы покинули селеніе Чазунду, гдѣ общество снова соединилось, и переправились черезъ нѣсколько потоковъ прекрасной холодной воды. Теперь мы достигли значительной высоты, какъ замѣтно было по перемѣнѣ, оказавшейся въ растительности; дерево мазуко съ своими большими, жесткими листьями, никогда не встрѣчающееся на низменностяхъ, здѣсь было покрыто незрѣлыми плодами; красивые рододендроны, — деревья съ перистыми листьями (cæsalpineæ), изъ древесной коры которыхъ изготовляются ткани, — моломпи (видъ Pterocarpus), которое, будучи поранено, выпускаетъ значительное количество краснаго соку, такого вяжущаго, что онъ могъ бы замѣнять кино, и даетъ древесину столько же эластичную и легкую, какъ ясень, и идущую на весла туземцевъ. Эти деревья, постоянно покрытыя цвѣтами, по формѣ похожими на маргаритки, вмѣстѣ съ папоротниками, означаютъ высокое положеніе мѣста, и точка кипѣнія вода показала, что высота, на которой мы были, 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря.

Продолжая свой путь, мы подошли вплоть къ горной цѣпи, самая выдающаяся вершина которой называется Мван. Это большой, голый, округленный гранитный утесъ, поднимающійся надъ остальной цѣпью. Онъ и нѣсколько другихъ скалъ были свѣтлосѣраго цвѣта съ бѣлыми пятнами, какъ будто они были покрыты лишаями. Бока и вершина обыкновенно покрыты рѣдкими, довольно уродливыми деревьями. Есть еще нѣсколько другихъ выдающихся вершинъ; одна, напримѣръ, лежитъ еще далѣе къ сѣверу и называется Чиробве. У каждой есть свое имя, но мы никакъ не могли узнать, какое было названіе всей вообще цѣпи. Это обстоятельство и наше желаніе увѣковѣчить имя д-ра Кирка побудили насъ впослѣдствіи, когда мы не могли открыть никакой особой вершины, о которой прежде упоминали намъ подъ именемъ Моломо-ао-Коку или пѣтушьяго клюва, назвать всю цѣпь отъ

западной стороны водопадовъ до сѣвернаго конца озера — „цѣпью Кирка.“ Лежащая у Мваи страна, гдѣ мы ночевали, называлась Паудіо и была очевидно продолженіемъ области одной изъ нашихъ станцій на Шире, на которой мы прежде дѣлали наблюденія долготъ.

Покинувъ Паудіо, мы имѣли цѣпь Кирка какъ разъ слѣва, по крайней мѣрѣ, въ 3,000 фут. надъ нами и, вѣроятно, не менѣе какъ въ 8,000 фут. надъ моремъ. Справа у насъ далеко простиралась страна, покрытая длиннымъ зеленымъ лѣсомъ, которая постепенно поднималась къ украшенному нѣсколькими отдѣльными горами хребту, ограничивавшему долину Шире. Передъ нами на сѣверъ лежала долина, самая плодородная и красивая изъ всѣхъ гдѣ-либо видѣнныхъ нами; она оканчивалась у горъ, тянувшихся слишкомъ за тридцать миль далѣе нашего горизонта и кончавшихся мысомъ Мэклеромъ. Группы деревъ были набросаны не по правиламъ ландшафтнаго садоводства, а безпощадно вырублены такъ, какъ того требовало удобство воздѣлывателя; однако, онѣ представляли разнообразныя комбинаціи открытаго лѣса, лѣсистыхъ склоновъ, свободныхъ луговинъ и густыхъ массъ темнозеленой листвы вдоль проточныхъ водъ, — ландшафтъ столько же красивый, какъ виды по Темзѣ. Эта долина называется Гоа или Гова; идя по ней, мы нашли, какъ то, что́ кажется глазу гладкимъ и ровнымъ, значительно изборождено проточными водами, извивающимися вокругъ безчисленныхъ маленькихъ холмовъ. Всѣ маленькіе ручейки спускались съ горной цѣпи у насъ слѣва, и эта вода была усладительно прохладна.

На Гова напали аджава подъ властью Каинька, жившаго теперь на маленькомъ озерѣ Памаломбе, и толпа бабиза, — и тѣ, и другіе ревностные торговцы невольниками. Слѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что на мѣстахъ, въ которыя отважились вернуться женщины къ своимъ прежнимъ, полямъ наше появленіе было сигналомъ къ мгновенному бѣгству. Когда-то была воздѣлана большая часть страны, но-

теперь сю завладѣли буйволы и слоны. Вокругъ деревень стояли густыя изгороди изъ эвфорбій, и тѣнистыя деревья давали пріятную прохладу ровному боало, на которомъ прежде занимались дѣланіемъ корзинъ, пряденьемъ и тканьемъ, или же танцами, питьемъ и болтовней. Съ виду все прекрасно; но жителей не было замѣтно, за исключеніемъ нѣсколькихъ мужчинъ, убитыхъ горемъ. Съѣстныхъ припасовъ нельзя было купить въ подарокъ, и чужеземцамъ могли предложить только ничтожно малое количество дико-растущихъ плодовъ. Поэтому мы попытались побудить нѣсколькихъ встрѣченныхъ нами жителей селенія провести насъ къ горной цѣпи, лежащей у насъ слѣва; мы знали, что марави живутъ на западной сторонѣ этой цѣпи, однако, они настойчиво и твердо увѣряли, что на два дня пути отъ нея нѣтъ никого. Многіе утесы необыкновенно круты, и лежащія на нихъ отдѣльныя глыбы имѣютъ острые края и углы, безъ слѣдовъ порчи погодою. Мы долго считали угловатость обломковъ доказательствомъ, что континентъ принадлежитъ къ сравнительно новой формаціи, но впослѣдствіи слышали, какъ дѣйствительно совершается процессъ, вслѣдствіе котораго скалы разрываются на эти острокрайные обломки. Скалы въ теченіе дня до такой степени накаливаются палящимъ солнцемъ, что иногда пугаешься, садясь на нихъ по наступленіи сумерекъ, потому что тѣло, защищенное только тонкими панталонами, не въ состояніи выдержать слишкомъ сильнаго ихъ жара. Поставленный на нихъ термометръ поднимается на солнцѣ до 137°. Эти раскаленныя поверхности, охлаждаясь извнѣ вечернимъ воздухомъ, сжимаются снаружи сильнѣе, чѣмъ изнутри, и эта не подающаяся внутренность разрываетъ наружныя части и отбрасываетъ ихъ на футъ или на два. Кто наблюдаетъ на какомъ-нибудь скалистомъ мѣстѣ обломки, которые оторваны такимъ образомъ, тотъ найдетъ вблизи куски, вѣсомъ отъ нѣсколькихъ лотовъ до ста или двухсотъ фунтовъ, точно соотвѣтствующіе новой поверхности первоначальнаго утеса; а по вечерамъ между холмами, гдѣ звукъ сво-

бодно носится туда и сюда, можно слышать повторяющееся эхо треска, который туземцы приписываютъ злымъ духамъ, а люди просвѣщенные естественнымъ причинамъ.

Не было бы большимъ искусствомъ подняться на эти горы безъ тропинки, по которой мы шли; но мы не находили удовольствія въ потерѣ времени, которое необходимо было для неспѣшнаго восхожденія. Наши жизненные припасы почти совсѣмъ вышли, и мы поэтому спѣшили впередъ на сѣверъ въ надеждѣ найти тамъ, что намъ нужно.

Позднѣе открыли мы, что у бѣдныхъ жителей было большое основаніе не наводить неизвѣстныхъ имъ иностранцевъ на зерновые запасы, которые они, послѣ враждебнаго нападенія, нашли себя вынужденными спрятать между скалами холмовъ.

Когда мы прошли мимо вершины Чиробве, жители не хотѣли больше дать намъ проводниковъ. Они боялись своихъ враговъ, жилища которыхъ были теперь на восточной сторонѣ у насъ, а идя далѣе безъ кого-нибудь, кто бы могъ быть нашимъ вожатымъ или рекомендовалъ бы насъ жителямъ, мы поставлены были въ затрудненіе всѣми тропинками, шедшими не прямо чрезъ долину, а зигзагами вдоль и поперекъ. Онѣ были пробиты обитателями селеній, ходившими изъ расположенныхъ на склонахъ деревень къ своимъ огородамъ на лежащихъ ниже лугахъ. Къ увеличенію нашего затрудненія, рѣчки и горные ручьи вымыли русла глубиною отъ тридцати до сорока футовъ, съ отвѣсными боками, на которые можно было взлѣзать только на нѣкоторыхъ пунктахъ. Жители же, оставшіеся на склонахъ горной цѣпи, видя, какъ чужеземцы метались изъ стороны въ сторону и часто пытались переправиться на невозможныхъ мѣстахъ черезъ эти русла ручьевъ, поднимали свой громкій военный крикъ и наполняли долину возгласами. Это была война, и одна война, и мы были слишкомъ глубоко въ долинѣ, чтобы наши поднимающіеся для объясненія голоса могли быть услышаны. Къ счастью, на большомъ пространствѣ выжжена была

длинная трава. Только по мѣстамъ скрывала она ихъ отъ насъ. Мы выбрали свободное мѣсто и провели ночь, въ теченіе которой всѣ окружавшіе насъ считали насъ охотниками за невольниками; но насъ не безпокоили, хотя обычный способъ обращенія съ врагомъ въ этой части страны — ночное нападеніе.

При высокомъ положеніи долины ночи были прохладны, самая низкая температура доходила до 37°; около 9 часовъ утра и 9 часовъ вечера была она въ 58°, почти средняя температура дня; въ полдень 82°, при закатѣ солнца 70°. Нашъ походъ былъ значительно затрудненъ не вполнѣ выгорѣвшей хлѣбной и травяной соломой, навалившейся на тропинки. Читателю въ Англіи это покажется весьма незначительнымъ затрудненіемъ. Но онъ долженъ вообразить себѣ стебель травы толщиною въ свой мизинецъ, а зерновыя соломины толщиною въ обыкновенныя тросточки, которыя лежатъ въ одномъ направленіи и такъ налегаютъ одна на другую, что нужно поднимать ноги, точно идешь по весьма высокому вереску. Травяныя соломины объясняютъ причины извѣстныхъ взрывовъ, громкихъ какъ пистолетные выстрѣлы и слышимыхъ, когда по странѣ бушуетъ ежегодный пожаръ. Находящійся внутри разгоряченный воздухъ при расширеніи своемъ съ громкимъ трескомъ разрываетъ соломину и разбрасываетъ осколки по землѣ.

Здѣсь воздѣлывалось много туземныхъ хлѣбовъ, и мы видѣли въ покинутыхъ садахъ пасущихся буйволовъ и нѣсколькихъ женщинъ, убѣгавшихъ прочь гораздо быстрѣе животныхъ.

Увидѣвъ 29-го, нѣсколькихъ жителей, стоящихъ подъ деревомъ у одного селенія, мы присѣли и послали Мазего, одного изъ нашего общества, переговорить съ ними. Онъ вернулся со старшиной Матунда, принесшимъ для насъ тыквенную бутылку съ водою. Онъ сказалъ, что всѣ жители бѣжали отъ аджава, которые только что прекратили грабежъ, такъ какъ имъ дали пять человѣкъ за оскорбленіе,

изъ-за котораго они сдѣлали нападеніе. У Матунда было вдоволь хлѣба для продажи, и скоро всѣ женщины занялись молоньемъ муки. Мы обезпечили себя обильнымъ запасомъ хлѣба и четырьмя дойными козами. Козы мангандка гораздо лучшей породы, чѣмъ обыкновенныя африканскія; у нихъ короткія ноги и широкое туловище красивыхъ формъ. Такъ какъ мы обѣщали макололо отдать имъ козъ, когда намъ уже не нужно будетъ молока, для улучшенія ихъ собственной породы, которую они держатъ у себя дома, то они побуждены были этимъ сколь возможно болѣе заботиться при переходахъ и покормкахъ и о старыхъ, и молодыхъ козахъ.

Покинувши Матунда, мы пришли къ концу горной долины, и прежде чѣмъ спустились по крутому скату въ тысячу футовъ на мѣстность, которая могла быть названа колѣномъ озера, справа у насъ были смѣлыя горы мыса Мэклера съ синѣющей у ихъ подошвы водою, вдали передъ нами холмы Ценга и цѣпь Кирка, тянувшаяся еще далѣе на сѣверхъ и, повидимому, становившаяся ниже. Спустившись въ прекрасную, богатую, волнистую долину, мы переправились черезъ многіе потоки, бѣжавшіе на востокъ съ холмовъ у насъ слѣва, между тѣмъ какъ потоки, находившіеся сзади насъ на болѣе высокой мѣстности, повидимому, соединялись въ одну рѣку, по имени Лекуэ, изливавшуюся въ озеро.

Послѣ длиннаго дневнаго перехода въ долинѣ озера, гдѣ температура была значительно выше, чѣмъ въ той, которую мы только-что оставили, мы вошли въ селеніе Катоза, расположенное на берегу рѣки между колоссальными, годными для построекъ деревьями, и нашли тамъ большую толпу аджава,—ваіау, какъ они сами себя называютъ,—которые всѣ были вооружены мушкетонами. Мы сѣли среди нихъ и скоро были призваны ко двору владѣльца; намъ предложили богатый пиръ изъ суповъ, буйволоваго мяса и пива. Катоза былъ откровеннѣе всѣхъ владѣльцевъ мангандка, которыхъ

мы встрѣчали, и сдѣлалъ намъ комплиментъ, сказавъ, что „мы должно быть его базимо“ (добрые духи его предковъ), „ибо, когда онъ жилъ на Памаломбе, мы спустились къ нему сверху,— мы были люди, подобныхъ которымъ онъ еще никогда не видалъ, и которые явились, неизвѣстно ему откуда“. Онъ далъ намъ одну изъ своихъ собственныхъ большихъ и чистыхъ хижинъ для спальни; пользуемся этимъ случаемъ сказать, что впечатлѣніе излишней грязи манганджа, полученное нами въ первое наше путешествіе на холмы въ селеніяхъ Чисунсе, было ложно. Черта эта ограничивается прохладной возвышенностью. Здѣсь видны толпы мужчинъ и женщинъ, ежедневно купающихся въ рѣкѣ, протекающей возлѣ ихъ селеній, и это, какъ мы замѣтили и въ другихъ мѣстахъ, было общимъ обычаемъ, какъ у манганджа, такъ и у аджава.

Прежде, чѣмъ мы поднялись, утромъ 1 сентября, Катоза прислалъ огромную тыквенную бутылку пива, въ которой помѣщалось, по крайней мѣрѣ, три галлона, а потомъ пришелъ самъ и пожелалъ, „чтобы мы остались на день у него и съ нимъ откушали.“ Когда мы изложили ему основанія, по которымъ должны спѣшить, онъ сказалъ, что хотя живетъ на дорогѣ, по которой обыкновенно проходятъ путешественники, однако, никогда не задерживаетъ ихъ на пути, но насъ охотно удержалъ бы на день. Когда мы ему обѣщали, что погостимъ немного у него на нашемъ обратномъ пути, онъ далъ намъ около четверика рису и трехъ проводниковъ для сопровожденія насъ къ подчиненной ему владѣтельницѣ Нквинда, жившей на берегу лежащаго передъ нами озера.

Аджава болѣе Катоза знали о насъ, потому что доставляли невольниковъ въ Квилимане и Мозамбикъ. Ихъ мушкетоны были старательно вычищены и ни на минуту не выходили изъ рукъ этихъ обращателей въ неволю, хотя бы они были передъ владѣльцемъ. Мы питали естественное опасеніе, что никогда уже болѣе не увидимъ Катоза. На племя ад-

жава, повидимому, нашла охота переселяться. Сначала, говорятъ, они подняли войну между собою, чтобы найти товаръ для береговой торговли невольниками. Обыкновеннымъ способомъ втереться между манганджа былъ для нихъ торгъ невольниками на дружескій ладъ. Затѣмъ, когда они объявляли, что желаютъ жить въ качествѣ подданныхъ, ихъ охотно принимали, какъ гостей, и манганджа, большіе сельскохозяева, могли долго кормить значительныя массы этихъ посѣтителей. Когда жизненные припасы становились скудными, гости начинали воровать на поляхъ; вслѣдствіе этого происходили столкновенія, и такъ какъ у аджава было огнестрѣльное оружіе, то хозяевамъ приходилось какъ нельзя хуже, ихъ выгоняли изъ селенія въ селеніе и изъ собственной ихъ страны. Относительно торга невольниками манганджа были точно такъ же дурны, какъ и аджава, но у нихъ менѣе духа предпріимчивости, и они болѣе любятъ домашнія занятія: пряденіе, тканье, выплавку желѣза и воздѣлываніе земли, чѣмъ путешествія въ чужія страны. У аджава мало наклонности къ ремесламъ и вовсе немного любви къ земледѣлію, но они весьма ревностные торговцы и путешественники. Эта толпа, повидимому, состояла въ первыхъ т. е. дружественныхъ отношеніяхъ съ Катоза, и онъ жилъ, какъ мы послѣ нашли, среди полной опасности.

Мы направили нашъ путь на сѣверо-западъ и прошли по обширной плодородной полосѣ, воздѣланной въ обширныхъ размѣрахъ, но усѣянной многими колоссальными тернистыми акаціями, оказавшимися слишкомъ большими для маленькихъ топоровъ воздѣлывателей. Послѣ того, какъ мы разстались съ Нквинда, первымъ селеніемъ, въ которомъ мы провели ночь въ области Нгаби, было селеніе Чемби; вокругъ него былъ палисадъ. Къ западу отъ насъ азиту или мазиту, какъ говорили, только-что опустошили страну, и никто не былъ безопасенъ, за исключеніемъ оградившихся палисадомъ. На пути мы такъ часто слышали о войнѣ, бывшей впереди насъ, что мало обратили вниманія на утвержденіе

Чемби, что вся страна на сѣверозападъ была въ сбѣгахъ отъ этихъ мазиту, состоявшихъ подъ предводительствомъ владѣтеля съ страшнымъ именемъ Мовгирвгири; поэтому мы рѣшились идти къ селенію Чинзамба, лежавшему еще далѣе въ этомъ направленіи, и послушать, что̀ онъ объ этомъ скажетъ.

Пока мы шли все еще по плодороднымъ равнинамъ, мало было интереснаго для ума. Въ воздухѣ было очень душно, потому что это было „жаркое время“ года. Густой туманъ ограничивалъ нашъ горизонтъ нѣсколькими милями во всѣ стороны. Ослѣпляющій блескъ жгучаго солнца въ этомъ туманѣ на того, кто привыкъ къ нѣжнымъ туманамъ, какіе бываютъ въ другихъ мѣстахъ, производитъ впечатлѣніе, какъ будто человѣкъ охваченъ горячимъ паромъ. Поля воздѣланы въ очень большихъ размѣрахъ и естественно обратили наши мысли на сельское хозяйство африканцевъ. На одной части этой равнины у жителей были маисовыя поля, растенія на которыхъ поднимались высоко надъ нашими головами. Въ песчаной впадинѣ, по которой протекалъ никогда не высыхающій потокъ, былъ сдѣланъ рядъ ямъ въ три фута глубиною и въ четыре шириною. Засѣянный на днѣ этихъ ямъ маисъ наслаждается благодѣяніемъ влажности, которая просачивается сквозь песокъ изъ потока, и слѣдствіемъ этого была цвѣтущая жатва въ то время года, когда остальная страна была опалена и мертва. Сосчитавъ зерна въ большомъ маисовомъ колосѣ, мы нашли, что ихъ заключается въ немъ 360, а такъ какъ на одномъ стеблѣ иногда два и три колоса, то можно сказать, что маисъ родится отъ самъ-триста до самъ-четыреста.

Между тѣмъ какъ въ сухое время года люди обращаютъ въ свою пользу влажный слой въ этихъ ямахъ, зерновые хлѣба, бобы и тыквы, воздѣлываемые только въ дождливое время года, сажаются на грядахъ въ футъ вышиною, по которымъ можетъ сбѣгать излишняя влажность. Туземцы показываютъ свое искусство въ сельскомъ хозяйствѣ еще тѣмъ,

что собираютъ въ кучи всю сорную и кормовую траву, прикрываютъ ее землею и зажигаютъ. Она горитъ медленно, и вся зола, вмѣстѣ съ большею частію дыма, задерживается лежащею сверху землею. Сдѣланныя такимъ образомъ на-

Пашущія женщины.

сыпи приносятъ обильную жатву, если на нихъ сѣять. Единственное орудіе здѣшняго сельскаго хозяйства—кирка съ короткой рукояткой, и въ окрестностяхъ Тетте трудъ обрабатыванія почвы, какъ изображено на рисункѣ, выполняется исключительно невольницами. На западномъ берегу употребляется кирка съ двумя рукоятками. Здѣсь маленькія кирки видны въ рукахъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Въ другихъ странахъ Африки употребляется кирка съ рукояткой въ четыре фута длиною, но плугъ совершенно неизвѣстенъ.

Для поясненія того, въ какомъ свѣтѣ познанія туземцевъ въ сельскомъ хозяйствѣ являются прямодушному и разсудительному наблюдателю, можетъ быть упомянуто, что почтенный епископъ Макензи, лишь только увидѣлъ, какъ хорошо

воздѣланы поля манганджа на холмахъ, замѣтилъ д-ру Ливингстону, который тогда ему сопутствовалъ: „Когда я въ Англіи говорилъ о цѣли своей поѣздки въ Африку, то выставлялъ, между прочимъ, что думаю учить этихъ людей сельскому хозяйству; но теперь вижу, что они смыслятъ въ немъ больше, чѣмъ я.“ Это было, по нашему мнѣнію, честнымъ и правильнымъ свидѣтельствомъ, и мы думаемъ, что каждый безпристрастный человѣкъ, имѣющій случай составить мнѣніе объ аѣрикапцахъ, еще не испорченныхъ невольничествомъ, поставитъ ихъ на гораздо высшую ступень умственнаго развитія, индустріи и человѣчности, чѣмъ знающіе ихъ только въ унизительномъ состояніи.

Въ два дневные перехода насчитали мы двадцать четыре хлопковыхъ поля, изъ которыхъ каждое занимало, по крайней мѣрѣ, четверть акра. Всѣ они были, какъ уже замѣчено, такъ чисто выполоты, что огонь при обычныхъ выжиганіяхъ травы обходилъ хлопковые кустарники, не касаясь ихъ.

Видны были мужчины и женщины, занятые переселеніемъ зеренъ изъ селеній въ палисады; много разсыпаннаго хлѣба вдоль дороги доказывало поспѣшность, съ какою зерно уносилось въ надежныя мѣста. Иные срубали большія старыя эвфорбіи и зонтичныя деревья, окружающія селенія, чтобы видиѣе былъ приближающійся врагъ. Вскорѣ на нашемъ пути оказалось мертвое тѣло съ раною на спинѣ, за тѣмъ другое и еще одно; они лежали въ такихъ положеніяхъ, какія приняли въ борьбѣ со смертью и какія ни одинъ живописецъ не въ состояніи передать. Когда мы проходили по берегамъ Липтипе около двухъ палисадовъ Чинзамба, намъ показали, что за день тамъ были отбиты мазиту, и доказательствомъ истины этого извѣстія было печальное зрѣлище убитыхъ тѣлъ. Зулу захватили много женщинъ съ ношами зеренъ и, когда были отбиты, обрѣзали уши одному плѣнному мужчинѣ въ знакъ того, что онъ былъ у мазиту, и съ безчеловѣчнымъ юморомъ послали его къ Чинзамба сказать ему, что „онъ долженъ побольше обращать вниманія

на зерно въ палисадахъ, потому что они думаютъ черезъ мѣсяцъ или два возвратится за нимъ."

При нашемъ прибытіи люди Чинзамба барабанили изъ всѣхъ силъ, выражая радость по случаю освобожденія отъ мазиту. У манганджа барабанъ главный музыкальный инструментъ; съ помощью его они выражаютъ и радость, и горе. Они отлично бьютъ въ тактъ. Чинзамба призвалъ насъ въ весьма большую хижину и подарилъ намъ огромную сулею пива. Блескъ солнца, изъ-подъ котораго мы вышли, далъ ему возможность дипломатическимъ образомъ съ точностью разсмотрѣть насъ прежде, чѣмъ наши глаза настолько привыкли къ царствовавшей у него темнотѣ, чтобы увидѣть его. Въ его лицѣ есть что-то жидовское, или, скорѣе, у него древне-ассирійское лицо, какъ на памятникахъ, доставленныхъ г-мъ Лэйардомъ въ Британскій Музей. Такая физіономія очень обыкновенна въ этой странѣ и приводитъ къ мысли, что настоящій типъ негра не тотъ, который попадается на западномъ берегу, и по которому, большею частію, люди составляютъ свои понятія объ африканцахъ. Большинство здѣшнихъ головъ такъ же хорошо сформированы, какъ изображенныя на древнихъ ассирійскихъ и египетскихъ памятникахъ. Губы болѣе сходны съ губами европейцевъ, чѣмъ съ губами негровъ западнаго берега. Правда, ихъ можно признавать за толстыя, но не непріятно толстыя; тутъ можно замѣтить болѣе головъ, удлиненныхъ нѣсколько кзади и вверхъ, какъ у Юлія Цезаря, чѣмъ между самими европейцами. Большое кольце въ одномъ ухѣ напоминаетъ намъ египетскіе памятники, точно также какъ и нѣкоторыя прически волосъ. На ногахъ, вообще говоря, не видно высокихъ икръ, которыя считаются отличительнымъ признакомъ африканской расы; то, что́ называется у англичанъ „жаворонковой шпорой", мы встрѣчали здѣсь не чаще, чѣмъ между цивилизованными расами Европы. Въ большинствѣ случаевъ мы замѣчали особенную длину берцовой кости, но не имѣли возможности узнать, столько ли она обык-

новенна, какъ и длинныя руки, которыя когда-то доставляли такъ много выгодъ у насъ при употребленіи топора.

Въ палисадѣ Чинзамба было много абиза или бабиза, и онъ отбилъ мазиту главнымъ образомъ съ помощью ихъ мушкетоновъ. Эти бабиза большіе охотники до путешествій и торговли и, въ дѣйствительности, занимаютъ въ своей странѣ почти то же положеніе, какъ греки въ Левантѣ. Почти первыми словами, съ которыми они обращались къ намъ, были: „Я видалъ море; я былъ въ Ибо, Мозамбикѣ, Квилимане; я знаю суда, пароходы, англичанъ; я большой торговецъ.“ На этихъ свѣдѣніяхъ было основано притязаніе на фамильярность, какая вѣроятно допускается гальбкастскими торговцами на берегу. Между тѣмъ, какъ манганджа относились къ намъ съ почтительностью, какъ къ людямъ совершенно непохожимъ на всѣхъ тѣхъ, которыхъ они когда-либо видали прежде, бабиза вели себя иначе, входили въ наши хижины и садились съ выраженіемъ лица, какое бываетъ у людей, привыкшихъ къ хорошему обществу. Желая быть вѣжливыми къ пришельцамъ, мы дѣлали имъ комплименты относительно ихъ далекихъ путешествій и ихъ обширной торговли и выражали надежду, что они, при ихъ опытности и богатствѣ, будутъ вѣжливѣе обыкновеннаго къ измученнымъ, голоднымъ и жаждущимъ странникамъ; но это не оказало никакого вліянія. Мы ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ не получили отъ бабиза ни малѣйшаго подарка. Макололо обыкновенно довольно хорошо понимали вещи, говоря о навязчивыхъ посѣтителяхъ изъ этого племени: „изъ того, что они добиваются сидѣть возлѣ англичанъ, ясно выходитъ, что они еще никогда ни одного не видали,— что ихъ путешествія ложь сначала до конца, — что они никогда не могли встрѣтить настоящихъ морскихъ англичанъ, а только какую-нибудь помѣсь съ волосами, какъ эти“ (причемъ они показывали на свои собственныя головы). Безъ грубости, мы пользовались ихъ обществомъ какъ разъ настолько, на сколько желали, и нашли, что о внутреннихъ

странахъ у нихъ свѣдѣній больше, чѣмъ о морскихъ берегахъ.

Мы были весьма довольны Чинзамба и нашли, что онъ былъ совершенно противъ намѣренія поставить нашу жизнь въ опасность, когда пойдемъ еще дальше на сѣверо-западъ. Полагали, что мазиту завладѣли всѣми лежащими въ этомъ направленіи холмами, и потому мы провели 4-ое сентября у него. Эта область, называемая Мозапо, волниста съ нѣсколькими кеглеобразными холмами, но густой туманъ дозволялъ намъ видѣть впередъ только на короткое разстояніе. Трава теперь была вся желтая, и нѣсколько черныхъ пятенъ обозначали мѣста, гдѣ она была выжжена. Высокія деревья были обнажены, за исключеніемъ стоявшихъ по берегамъ Липтипе, протекающей здѣсь по глубокому скалистому руслу. Тамъ, гдѣ мы прежде переходили черезъ нее, у озера, она была спокойна и глубока, и въ струяхъ ея игралъ бегемотъ. У палисада, въ которомъ мы жили, стояла густая роща; наши люди настрѣляли въ ней много цесарокъ. Въ рѣкѣ постоянно были видны купающіяся женщины и дѣти, и мужчины приближались не прежде, какъ попросивши дозволенія подойти. Мы часто замѣчали, что женщины изъ манганджа старательно избѣгаютъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по ихъ предположеніямъ, моются мужчины, и только въ томъ случаѣ, когда онѣ въ первый разъ замѣтятъ бѣлую кожу, забываютъ иногда свои добрые нравы. Смѣхъ женщинъ чрезвычайно веселъ. Это не жеманная улыбка и не безсмысленное громкое хихиканье, а открыто раздающійся смѣхъ, звукъ котораго радовалъ наше сердце. Начинаютъ съ хâ, хéé, потомъ слѣдуетъ хоръ, въ которомъ сливаются всѣ — хâééé! и заканчиваютъ прихлопываніемъ въ ладоши, что́ на зрителя производитъ впечатлѣніе большой веселости. Когда мы въ первый разъ были представляемы какому-нибудь владѣльцу и замѣчали веселый блескъ въ глазахъ его, сопровождавшійся смѣхомъ, то постоянно считали такого человѣка за добраго товарища и никогда не ошибались.

Почти не имѣетъ особаго значенія и будетъ понято только тѣми, у кого есть дѣти, если мы упомянемъ, что крикъ ребятишекъ во время ихъ дѣтскихъ страданіяхъ по тону въ различные періоды дѣтства и здѣсь тотъ же, какъ въ цѣломъ мірѣ. Жалобные звуки, когда-то знакомые отеческому уху и сердцу, всегда напоминали намъ отечество и семью, и мы проникались благодарностью за то, что къ младенческимъ страданіямъ нашихъ дѣтей никогда еще не присоединялись раздирающія сердце скорби торга невольниками.

Слѣдуя совѣту Чинзамба — избѣгать хищническихъ мазиту, мы, 5-го сентября, отправились на сѣверо-востокъ и проходили милю за милей по туземнымъ хлѣбнымъ полямъ съ рѣдкими хлопковыми участками. Много толстой хлѣбной соломы было наломано при поспѣшности жнецевъ и, къ большому нашему неудобству, лежало поперекъ дороги. Мужчины и женщины старательно убирали остававшіеся еще колосья и поспѣшно уносили ихъ въ палисады, заваленные зернами и помѣщавшіе въ себѣ каждый по три и по четыре тысячи душъ. Иные принимали насъ за мазиту и быстро убѣгали, но тотчасъ же возвращались, когда наши проводники увѣряли ихъ, что мы англичане, ѣздившіе на парусахъ на озеро. Вдоль дороги мазиту и бѣглецы въ своей поспѣшности разсыпали столько зеренъ, что нѣкоторыя женщины собирали ихъ и высѣвали изъ песку. Три мертвыя тѣла и нѣсколько сожженныхъ селеній показывали, что мы шли какъ разъ по слѣдамъ пришельцевъ, и что система доставленія „добрыхъ господъ“ въ рукахъ зулу была довольно печальной системой. Все, что можно привести въ ея пользу, это то, что съ нею вносится гораздо меньшее расточеніе жизни, чѣмъ съ тою, системою которая за океаномъ доставляетъ „добрымъ господамъ“ гораздо менѣе переживающихъ.

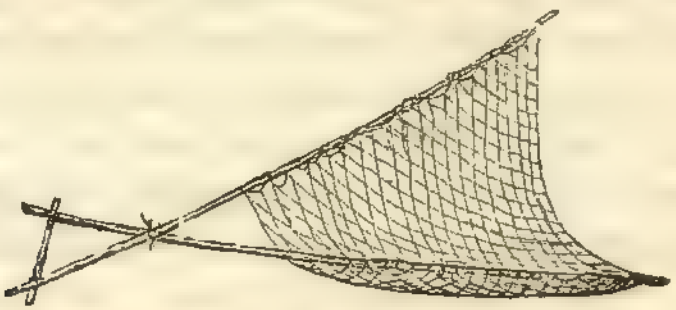
Послѣ длиннаго перехода по хлѣбнымъ полямъ, мы тянулись по безводной равнинѣ, почти на сѣверо-сѣверо-западъ отъ холмовъ Ценга къ одному селенію на озерѣ и оттуда

къ его берегамъ въ Читанда. Берега озера были теперь наполнены бѣглецами, собравшимися тамъ изъ-за слабой защиты, представляемой тростникомъ. На цѣлыя мили у самой воды тянулось одно непрерывное селеніе временныхъ хижинъ. Жители захватили съ собою мало зеренъ; они говорили: „Что́ мы станемъ ѣсть, когда все это выйдетъ? Если мы посѣемъ хлѣбъ, то придутъ дикіе звѣри (зиніама, такъ называютъ они мазиту) и возьмутъ его; посадимъ маніокъ, они сдѣлаютъ то же самое. Чѣмъ мы будемъ жить?“ Одна бѣдная старуха, думавшая, что мы мазиту, растянулась передъ нами съ распростертыми руками, высоко задравъ ноги, какъ обыкновенно дѣлаютъ тѣ, которыя потеряли зрѣніе, и прыгнула для своего спасенія въ тростникъ рѣки.

На нашемъ пути вдоль берега мы переправились черезъ нѣсколько рѣчекъ съ свѣтлой холодной водой, которыя не были замѣчены при прежнемъ изслѣдованіи на лодкѣ, потому что въ устьяхъ ихъ росъ тростникъ. Одна изъ нихъ называется Мокола, другая съ сильнымъ запахомъ сѣрнисто-водороднаго газа. 8 сентября достигли мы Моламба и нашли тамъ нашу старую знакомку Пкомо. Одна изъ выгодъ, полученныхъ нами отъ того, что мы шли по берегу озера, состояла въ томъ, что мы повсюду могли купаться въ его свѣтлой, свѣжей водѣ. Намъ, которые въ Замбези и Шире такъ часто бывали вынуждены воздерживаться отъ нашей привычки изъ опасенія крокодиловъ, это было чрезвычайно пріятно. Въ водѣ теперь была та же температура, какъ въ наше прежнее посѣщеніе, — т. е. 72° Фар. Страшная глубина озера не дозволяетъ лучамъ солнца поднимать температуру такъ высоко, какъ въ Шире и Замбези; и крокодилы, постоянно имѣющіе въ озерѣ свѣтлую воду и рыбу въ изобиліи, рѣдко нападаютъ на людей. Много этихъ пресмыкающихся было видно на скалахъ, гдѣ они грѣлись на солнцѣ.

Дневной переходъ по Моламба привелъ насъ къ маленькому озеру Чіа, лежащему параллельно съ Ніасса. Оно дли-

ною отъ трехъ до четырехъ миль, шириною до полуторы мили и соединяется съ Ніасса рукавомъ значительной глубины, но съ нѣсколькими скалами. Проходя между Ніасса и восточнымъ берегомъ этого маленькаго озера, мы не видали ни одной рѣки, которая изливалась бы въ него. Оно особенно замѣчательно богатствомъ рыбы, и мы видѣли болѣе пяти-



Ручная сѣть на Чіа.

десяти большихъ челновъ, занятыхъ рыбною ловлею, производимою ручными сѣтями съ шестами футовъ до семи длиною, замѣняющими по сторонамъ рамку. Эти сѣти почти тожественны съ употребляемыми теперь въ Нормандіи; разница заключается въ томъ, что у африканской сѣти есть палка, привязанная поперекъ рукоятныхъ концевъ боковыхъ шестовъ, чтобы удобнѣе было держать, что̀ представляетъ большое улучшеніе. Рыбы должно быть весьма много, если можно было таскать ее изъ воды въ такихъ количествахъ, какъ мы это видѣли, и со столь многихъ челновъ. Здѣсь въ полномъ разгарѣ торговля сушеною рыбою.

Окрестная страна высока, волнообразна и въ весьма обширныхъ размѣрахъ засажена маніокомъ. Употребляемая здѣсь кирка имѣетъ рукоятку въ четыре фута длины, а желѣзная часть почти такого же вида, какъ въ странѣ Бечуана. Здѣшнія корзины, которыя плетутся такъ плотно, что въ нихъ держатъ пиво, такія же самыя, какъ и употребляемыя для храненія молока за тысячу миль отсюда въ землѣ кафровъ.

Путешествіе пѣшкомъ особенно выгодно въ томъ отношеніи, что любуешься каждымъ предметомъ, могущимъ занять умъ и прервать однообразіе движенія, похожаго на движеніе мельницы. Сѣть на Чіа напомнила намъ, что мѣхи кузнеца, состоящіе здѣсь изъ мѣшка козьей кожи съ палками на открытыхъ концахъ, такіе же, какъ и употребляемые далеко на югозападѣ въ странѣ Бечуана. Эти мѣхи, вмѣстѣ съ киркой съ длинною рукоятью, могутъ указывать только на то, что толпа за толпою, тянувшіяся съ сѣвера на югъ, несли съ собою изобрѣтеніе изъ одного и того же источника. Гдѣ могъ быть этотъ источникъ, съ вѣроятностью указывается другою парою мѣховъ, видѣнною нами ниже водопадовъ Викторіи и встрѣчающихся въ центральной Индіи и между цыганами Европы.

Въ отдаленныя времена, можетъ быть, люди обладали болѣе развитыми естественными инстинктами, дававшими имъ возможность избѣгать ядовъ или пользоваться ими; но покойный архіепископъ Уэтли доказалъ, что совершенно ни въ чемъ не наставленные дикіе не могутъ никогда ничего изобрѣсти или вообще даже не могутъ и поддерживать жизнь. Сильное подтвержденіе его доказательствъ можно найти въ этой странѣ, гдѣ туземцы относительно только немного нуждаются въ одеждѣ и имѣютъ замѣчательно закаленные желудки. Хотя имъ извѣстны всѣ встрѣчающіеся въ странѣ съѣдобные корни и плоды; хотя у нихъ есть кирки, чтобы выкапывать ихъ, и копья, луки и стрѣлы, чтобы бить дичь:

Копья манганджа съ желѣзными лопатками или остріями на концахъ рукоятей и съ желѣзными кольцами, увеличивающими вѣсъ.

однако, мы видѣли, что они, не смотря на всѣ эти вспомогательныя средства и оружія, гибнутъ все-таки безусловно голодною смертью.

Встрѣчаются три породы дикорастущихъ травъ, сѣмена которыхъ можно употреблять въ пищу: одна изъ нихъ, называемая *ноанджe*, воздѣлывается; ея зерна, если ихъ вышелушить и сварить, даютъ сносное блюдо; но безъ устраненія острой шелухи, составляющей почти половину зерна, ихъ не могли бы вынести желудки и самыхъ варварскихъ дикарей. Отъ Египта до нижняго конца континента ступки и песты одинаковой формы; существованіе ихъ, повидимому, показываетъ, что со времени самыхъ давнихъ перекочевокъ африканцы чувствовали въ нихъ нужду и знали ихъ.

Мы находимъ, что народы, уже обладающіе свѣдѣніями въ искусствахъ, необходимыхъ и для самыхъ варварскихъ дикарей, стираются съ лица земли, коль скоро будутъ поставлены въ состояніе, въ которомъ зависятъ только отъ дикорастущихъ корней и плодовъ. По всей вѣроятности, если бы люди когда-нибудь были въ положеніи, которое называютъ естественнымъ состояніемъ, то, будучи значительно менѣе способными содержать себя и заботиться о себѣ, чѣмъ животныя, они не могли бы прожить столько времени, чтобы достигнуть хотя обыкновеннаго состоянія дикихъ. Они не могли бы пережить промежутка времени, достаточнаго для того, чтобы изобрѣсти что-нибудь такое, что́ *мы*, — люди вовсе не дикіе и знающіе, какъ поставить яйце,—по нашему мнѣнію, легко могли бы изобрѣсти. Существованіе многоразличныхъ инструментовъ, употребительныхъ между африканцами и другими отчасти цивилизованными народами, указываетъ поэтому на наставленіе, сообщенное въ неизвѣстное время какимъ-то существомъ, стоящимъ выше самого человѣка.

Искусство добывать огонь въ Индіи то же самое, какъ и въ Африкѣ. Плавильныя печи для добыванія желѣза и мѣди изъ руды точно также сходны. Желтый гематитъ, который ни по цвѣту, ни по вѣсу не имѣетъ даже и малѣйшаго сходства съ металломъ, около Колобенга употребляется для извлеченія изъ него желѣза. При взглядѣ на малахитъ, дорогой зеленый камень, идущій въ цивилизованныхъ странахъ на

вазы, неначученные никогда не догадались бы, что это богатая мѣдная руда, и, однако, въ сердцѣ Африки онъ въ обширныхъ размѣрахъ обрабатывается на мѣдь для колецъ и другихъ украшеній. Въ палисадѣ Чинзамба намъ предложена была на продажу четырефутовая полоса мѣди туземнаго издѣлія. Эти искусства суть памятники, свидѣтельствующіе о томъ фактѣ, что родъ человѣческій въ то или другое время получилъ, должно быть, какое-то указаніе свыше, и, какъ говоритъ архіепископъ Уэтли, „самое вѣроятнѣйшее заключеніе то, что человѣку, когда онъ былъ созданъ или весьма вскорѣ затѣмъ, самъ Творецъ вспомоществовалъ достигнуть состоянія, высшаго относительно состоянія чистыхъ дикарей.“

Доказательство въ пользу первоначальнаго откровенія человѣку, совершенно независимое отъ библейской исторіи, служитъ, однако-жъ, къ подтвержденію этой исторіи. Характеръ его таковъ же, какъ и того доказательства, что человѣкъ не могъ *произойти* самъ собою и поэтому долженъ былъ имѣть божественнаго *Создателя*. Человѣческій родъ не могъ бы съ перваго раза *цивилизоваться* самъ собою и долженъ былъ поэтому имѣть сверхестественнаго *Учителя*.

Въ связи съ этимъ предметомъ замѣчательно то, что въ теченіе слѣдовавшихъ одна за другою генерацій не было мѣста ни одному измѣненію въ формѣ человѣческихъ изобрѣтеній. Молотки, клещи, кирки, топоры, сѣкиры, рукоятки къ нимъ, иглы, луки и стрѣлы, вмѣстѣ со способомъ оперенія послѣднихъ, копья для убиванія дичи, вмѣстѣ съ остріями, имѣющими на обоихъ концахъ то, что́ называется „блюдцемъ“ и придаетъ копью, когда его бросаютъ, вращательное движеніе ружейной пули; искусство прясть и ткать, вмѣстѣ съ искусствами разбиванія и разминанія внутренней коры дерева до той степени, чтобы ее можно было обратить въ одежду; жернова для обращенія зеренъ въ муку; фабрикація того же самаго рода горшковъ или чатти, какъ въ Индіи; искусство кипятить, варить и процѣживать пиво, какъ это дѣлалось въ

древнемъ Египтѣ; рыболовныя удочки, сѣти для рыбъ и охотничьи рыболовныя корзины и верши точно такія же, какъ на возвышенности въ Шотландіи; западни для ловли животныхъ и т. д., и т. д.,—все съ такимъ постоянствомъ переходило отъ одного поколѣнія къ другому, и нѣкоторыя изъ этихъ вещей, дѣлаемыя по тожественнымъ образцамъ, распространились по земному шару такъ далеко, что нельзя не признать вѣроятнымъ, что все это, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени, вышло изъ единаго источника. Африканскія преданія, повидимому, отличающіяся тою же самою неизмѣнностью, какъ искусства, къ которымъ они относятся, возводятъ ихъ происхожденіе къ Высшему Существу, подобно преданіямъ всѣхъ другихъ націй. Гораздо разумнѣе признать намеки первой книги Моисея относительно непосредственно отъ Бога исшедшаго указанія нашимъ прародителямъ или ихъ дѣтямъ на религіозную и нравственную обязанность, а также на свѣдѣнія въ житейскихъ искусствахъ *), чѣмъ давать вѣру той теоріи, что ненаученный дикій человѣкъ жилъ въ состояніи, которое оказалось бы теперь гибельнымъ для его потомковъ, и что онъ въ такомъ безпомощномъ состояніи сдѣлалъ много открытій, которыя въ теченіе трехъ тысячелѣтій сохранялись, но никогда не улучшались его потомками.

Мы переправились въ челнахъ черезъ рукавъ озера, соединяющій Чіа съ Піасса, и провели ночь на сѣверномъ его берегу. Вся прилежащая къ озеру страна отъ этого пункта вверхъ до залива Кота-кота густо засслена толпами, бѣжавшими отъ хищническихъ набѣговъ мазиту въ надеждѣ найти защиту у живущихъ тамъ арабовъ. На трехъ проточныхъ рѣчкахъ видѣли мы пальмы *шуаре* и одну масличную,

*) Наставленіе свыше указывается въ словахъ кн. Бытія, гл. 3, ст. 21—23: „И сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ“... „и выслалъ его Господь Богъ изъ сада едемскаго воздѣлывать землю“ и пр. См. Whately: „History of Religions Worschip“. John W. Parker. West Strand. London, 1849.

впрочемъ, гораздо хуже растущей на западномъ берегу. Хотя она по виду нѣсколько похожа на ту, однако же, плодъ ея ничуть не больше орѣха, и жители не пользуются ею, такъ какъ она даетъ ничтожное количество масла.

Повидимому, мысль воспользоваться масломъ для освѣщенія никогда не приходила въ голову африканцамъ. Чтобы ночью приманить рыбъ, здѣсь употребляется въ видѣ факела на челнахъ пучекъ расколотаго и высушеннаго бамбука, перевязаннаго вьющимися растеніями, имѣющаго толщину въ туловище человѣка и длиною около двадцати футовъ. Жечь или вообще употреблять на что-нибудь иное, кромѣ намазыванія головы и тѣла, масло, добываемое изъ бобовъ клещевины и другихъ сѣмянъ, а также и изъ нѣкоторыхъ рыбъ, было бы сочтено излишней и безумной расточительностію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Заливъ Кота-кота. — Арабы, строящіе доу. — Туземцы собираются на нѣкоторомъ пунктѣ, подающемъ надежду на защиту отъ войны. — Распространяется ли магометанство въ Африкѣ? — Африканцы-язычники въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше приверженцевъ лжепророка. — Мы тянемся на западъ. — Восхожденіе на возвышенность. — Свадебное торжество у туземцевъ. — Невольничья дорога. — Вліяніе разрѣженнаго воздуха. — Африканская первобытная религія внушаетъ смиреніе. — Она не похожа на магометанство. — Жестокіе религіозные обряды ограничиваются маленькой областью Дагомей. — Колдовство или вліяніе растеній. — Идолопоклонства нѣтъ. — Сырой климатъ. — Лоангва озера и Лоангва Маравн. — Матумбока. — Подпиливаніе зубовъ и татунрованіе. — Порохъ — источникъ силы для торговли невольниками. — Способъ нападенія у охотниковъ за невольниками. — Муази въ Казунгу. — Причины наводненій. — Дожди. — Климатъ зависитъ отъ господствующихъ вѣтровъ. — Водоемы. — Географія туземцевъ. — Сравненіе Африки съ Индіей. — Ископаемыя. — Желѣзный вѣкъ. — Вдающаяся въ мелочи топографія. — Языкъ туземцевъ.

Послѣ полудня 10-го сентября 1863 г., мы пришли къ заливу Кота-кота и расположились подъ великолѣпной дикой смоковницей съ листьями въ десять дюймовъ длиною и въ пять шириною почти въ четверти мили отъ селенія Юма-бенъ-Санди и Якобе-бенъ-Араме, которыхъ при нашемъ первомъ изслѣдованіи на озерѣ мы встрѣтили на рѣкѣ Каомбе, нѣсколько къ сѣверу отъ него. Едва мы успѣли нѣсколько отдохнуть, какъ Юма, который, очевидно, здѣсь первое лице, пришелъ въ сопровожденіи человѣкъ около пяти-

десяти привѣтствовать насъ и пригласить занять квартиру въ его селеніи. Хижина, по ошибкѣ предложенная намъ, была такъ мала и грязна, что мы предпочли спать на открытомъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ нея.

Юма послѣ извинялся въ этой ошибкѣ и надѣлилъ насъ рисомъ, мукою, сахарнымъ тростникомъ и кускомъ малахита. На слѣдующій день мы отдали ему визитъ и нашли, что онъ занятъ постройкой доу или арабскаго судна для замѣны другаго, какъ онъ сказалъ, пострадавшаго отъ кораблекрушенія. Это новое судно было въ пятьдесятъ футовъ длиною, въ двѣнадцать шириною и въ пять глубиною. Толстыя доски были изъ дерева, похожаго на тикъ, которое называется здѣсь *тимбати*, а кокоры изъ плотной жилистой древесины, называемой *мсоро*. Взглядъ на это доу далъ намъ указаніе, которое, если бы мы прежде его получили, воспрепятствовало бы нашей попыткѣ провести желѣзное судно мимо водопадовъ. Деревья вокругъ селенія Катоза были *тимбати* и могли бы доставить доски длиною въ пятьдесятъ футовъ и шириною въ тридцать дюймовъ. Съ помощью нѣсколькихъ туземныхъ плотниковъ, можно было бы выстроить на озерѣ хорошее судно почти такъ же скоро, какъ провести готовое мимо водопадовъ, и съ значительно меньшими издержками! Юма сказалъ, что ни за какія деньги не разстался бы онъ съ этимъ доу. Онъ былъ ревностно занятъ переправою черезъ озеро невольниковъ, помощію двухъ лодокъ, которыя мы послѣ полудня видѣли возвращающимися изъ плаванія. Такъ какъ онъ ничего не зналъ о нашемъ намѣреніи посѣтить его, то мы были изумлены нѣсколькими толпами бодрыхъ молодыхъ невольниковъ, изъ которыхъ на каждомъ была замкнута на шеѣ общая цѣпь и которые ждали вывоза; было и еще нѣсколько въ невольничьихъ колодкахъ. Всѣ они были изъ вѣжливости удалены прежде, чѣмъ бесѣда наша пришла къ концу: Юма зналъ, что мы не находили никакого удовольствія въ этомъ зрѣлищѣ.

Когда мы встрѣтили этихъ арабовъ въ 1861 г., у нихъ

была только небольшая свита; по ихъ собственному разсказу у нихъ въ селеніи и въ окрестной странѣ было теперь 1,500 душъ. Навѣрно, десятки тысячъ устремились къ нимъ искать защиты, и вся ихъ сила и ихъ вліяніе должны быть приписаны обладанію огнестрѣльнымъ оружіемъ и порохомъ. Такое стремленіе бѣглецевъ къ какому-нибудь пункту, гдѣ можно надѣяться на безопасность жизни и собственности, весьма обыкновенно въ этой странѣ, и удостовѣреніе въ этомъ высоко подняло наши надежды на счастливый успѣхъ мирной миссіи у береговъ озера. Тѣмъ не менѣе, способъ, какимъ народъ гибнетъ при наступающемъ голодѣ или вывозится Юма и другими, обезлюдитъ, какъ мы опасаемся, эти страны, которыя мы только что описали переполненными народонаселеніемъ. Голодъ довольно скоро вынудитъ ихъ продавать другъ друга. Одинъ умный человѣкъ жаловался при насъ, что арабы, часто не соблюдая формальностей купли, уводятъ невольниковъ, которые имъ нравятся; но цѣна такъ низка, — отъ двухъ до четырехъ ярдовъ коленкору, — что это безплатное похищеніе и уводъ едва ли можно считать стоящимъ труда. Лодки были постоянно заняты, и, къ нашему удивленію, Бекъ-Хабибъ, котораго мы встрѣтили 1855 г. въ Линіанти, переправлялся черезъ озеро на пути своемъ изъ Сешеке въ Кильва наканунѣ нашего прибытія къ этому заливу; мы познакомились съ однимъ туземнымъ слугою этого араба, по имени Селеле Сайдаллахъ, который довольно хорошо могъ говорить на языкѣ макололо, потому что когда-то провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ долинѣ Бароце.

Мы съ дѣтства привыкли читать отъ времени до времени въ описаніяхъ путешествій о большихъ успѣхахъ, какія ежегодно дѣлаетъ въ Африкѣ магометанство. Ходъ распространенія этой религіи, какъ говорили намъ, такъ успѣшенъ, что мы съ теченіемъ времени, при нашихъ собственныхъ довольно далекихъ поѣздкахъ, должны бы замѣтить движеніе этой волны впередъ съ сѣвера на югъ, которое, какъ предсказывали, скоро должно было обратить весь

континентъ къ вѣрѣ въ пророка. Единственное основаніе, которое мы могли открыть для только-что приведеннаго мнѣнія и для другихъ, относящихся къ новому времени, представляетъ тотъ фактъ, что въ отдаленномъ углу сѣверо-западной Африки сдѣлали нѣкоторыя завоеванія фуллахи и мандинго и, какъ упоминаетъ д-ръ Бартъ, нѣкоторыя другія племена сѣверной Африки; но даже они такъ мало заботились о распространеніи своей вѣры, что послѣ завоеванія никакого труда не приложили къ наставленію возраставшаго поколѣнія. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ впечатлѣнію, которое вынесли мы изъ обращенія съ магометанами и христіанами. Только послѣдователи Христа ревностно стараются о распространеніи своей вѣры. Мнимый филантропъ навѣрно никогда не былъ бы вынужденъ рекомендовать найденнымъ нами послѣдователямъ ислама не давать воли своей благожелательности на томъ основаніи, что „любовь къ ближнему должна начинаться съ дома."

Хотя Селеле и его спутники были привязаны къ своимъ господамъ домашними узами, однако, единственнымъ новымъ понятіемъ, заимствованнымъ ими отъ магометанства, было то, что нехорошо ѣсть мясо животныхъ, убитыхъ другими людьми. По ихъ мнѣнію, оно „приносило несчастіе". Точно также жители Колобенга прежде, чѣмъ они были наставлены въ христіанскихъ обязанностяхъ, воздерживались отъ воздѣлыванія своихъ огородовъ по воскресеньямъ, чтобы не собрать съ нихъ жатвы, приносящей несчастіе. На сколько мы могли разузнать, никто не трудился надъ обращеніемъ туземцевъ, хотя эти два араба и съ дюжину гальбкастовъ пробыли въ странѣ много лѣтъ; если судить по нашему опыту, пріобрѣтенному въ сношеніяхъ съ дюжиною магометанъ, услугами которыхъ мы пользовались за высокую цѣну въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, африканцы оказываются тѣмъ лучшими людьми, чѣмъ тверже держатся своей естественной вѣры. Это могло бы показаться просто грубымъ сужденіемъ, исходящимъ изъ души, исполненной христіан-

скихъ предразсудковъ; но, безъ всякаго притязанія на безпристрастіе, оставляющее подъ сомнѣніемъ, въ какую сторону клонятся чувства, истина этого можетъ быть легко повѣрена тѣмъ, кто наблюдалъ магометанъ и африканцевъ съ искреннимъ доброжелательствомъ.

Наши двѣнадцать магометанъ съ острова Іоанна изъ всѣхъ членовъ нашего общества были менѣе всѣхъ открыты для дружбы. Въ общемъ поведеніи была замѣтна явная разница. Макололо и другіе туземцы, бывшіе при насъ, неизмѣнно дѣлили другъ съ другомъ варимую ими пищу, а іоанницы наслаждались своимъ обѣдомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Сначала мы приписывали это ихъ мусульманскимъ предразсудкамъ; однако же, когда другіе приготовятъ-бывало что-нибудь, они приходили, садились возлѣ и ѣли предлагаемую порцію, вовсе не думая отвѣчать на эту вѣжливость, когда приходилъ ихъ чередъ быть щедрыми. Макололо и другіе ворчали на ихъ прожорливость, но все-таки слѣдовали общему обычаю африканцевъ — дѣлиться пищей со всѣми сидящими вокругъ. Что болѣе всего было прискорбно намъ въ іоаннцахъ это — ихъ равнодушіе относительно собственнаго взаимнаго благополучія. Однажды, когда всѣ они пришли на судно, проспавши ночь на берегу, одинъ изъ нихъ сошелъ въ воду съ намѣреніемъ плыть къ лодкѣ, но едва только онъ вошелъ въ воду по колѣни, какъ былъ схваченъ страшнымъ крокодиломъ и утащенъ въ воду; бѣдный парень испустилъ крикъ и поднялъ руку, прося о помощи, но ни одинъ изъ его земляковъ не вздумалъ помочь ему, и его никогда уже не видали. Когда мы спросили его зятя, почему онъ ему не помогъ, тотъ отвѣчалъ: „Такъ ему и надо; его никто не просилъ идти въ воду. Его собственная вина, что погибъ“. Между тѣмъ макололо спасли у Сешна одну женщину, войдя въ воду и выхвативъ ее изъ пасти крокодила.

Обыкновенно не думаютъ, чтобы религія магометанъ была тутъ виновата. Многіе изъ нихъ могли бы составить пре-

красную противоположность равнодушнымъ христіанамъ; но на сколько простирается наше знакомство восточной Африкой, нравственный характеръ приверженца Магомета настроенъ ниже, чѣмъ характеръ необразованнаго африканца. Прежняя ревность къ проповѣданію корана испарилась и замѣнилась сильнѣйшимъ эгоизмомъ и грубѣйшею чувственностью. Единственныя извѣстныя усилія, сдѣланныя магометанами, именно усилія на сѣверо-западѣ и сѣверѣ континента, такъ крѣпко связаны съ пріобрѣтеніемъ власти и добычи, что не заслуживаютъ названія религіозной пропаганды, и единственная религія, пріобрѣтающая теперь прозелитовъ, это религія Іисуса Христа! Для тѣхъ, кто способенъ обозрѣть этотъ предметъ сжатымъ образомъ, нельзя привести ничего болѣе нагляднаго, какъ тотъ доказанный фактъ, что, пока магометане—фуллахи и другіе пріобрѣли нѣсколькихъ прозелитовъ въ центральной Африкѣ средствами, удовлетворявшими ихъ собственной алчности, три небольшіе отдѣла обращенныхъ въ христіанство на югѣ Африки, въ Вестъ-Индіи и на западномъ берегу Африки жертвуютъ въ настоящее время ежегодно болѣе 15,000 фунтовъ стерлинговъ на поддержаніе и распространеніе своей религіи *). Та религія, которая въ такой степени пересиливаетъ эгоистичность сердца, должна быть божественною.

Оставивъ заливъ Кота-кота, мы обратились прямо на западъ въ Лонда по большой невольничьей дорогѣ въ страну Катанга и Казембе. Юма далъ намъ въ проводники на первый день пути своего слугу Селеле. Онъ говорилъ, что торговцы изъ Кильва и Ибо переѣзжаютъ черезъ озеро или въ этомъ заливѣ, или у Ценга, или на южномъ концѣ озера, и

---

*) „Въ 1854 г. туземной церковью въ Сіерра-Леоне предпринято было уплачивать за свои элементарныя школы и этимъ доставлено англійскому миссіонерскому обществу 800 фунт. стерл. ежегоднаго сбереженія. Въ 1861 г. взносы *одного* этого отдѣла туземныхъ христіанъ превышали сумму 10,000 фунт. стерл." (Manual of Church Missionary Society's African Missions).

что всѣ они, гдѣ бы они ни переѣхали озеро, идутъ во внутреннія страны этой дорогой. Съ ними бываютъ невольники для перенесенія товаровъ; достигнувъ мѣста, въ которомъ можно купить новыхъ товаровъ, они поселяются тамъ и начинаютъ вести торговлю и въ то же время воздѣлывать хлѣба́. Такъ много земли лежитъ въ запустѣніи, что никогда никому не дѣлается препятствія захватывать на свою долю столько, сколько нужно; маніоковое поле для своихъ минутныхъ потребностей они могли бы купить за безцѣнокъ; они ведутъ свою торговлю въ странѣ два или три года и даютъ кое-что, смотря по силѣ своихъ мушкетоновъ, владѣтелю, который въ высшей степени щедръ къ нимъ.

Первый день путь велъ насъ по богатой, хорошо воздѣланной равнинѣ. За нею слѣдовала волнистая, каменистая и покрытая уродливыми деревьями возвышенность. Показалось много мѣстъ съ хорошо округленными валунами. Распаденіе скалъ, совершающееся и нынѣ, не округляетъ угловъ; отъ накаливанія и охлажденія онѣ распадаются на угловатые обломки. По этимъ высоко лежащимъ дюнамъ мы перешли рѣку Каомбе; по ту сторону ея шли мы подъ альпійской растительностью — рододендронами, протеевыми, мазуко и моломпи. У подошвы холма Казуко-зуко нашли мы рѣчку Буа, текущую на сѣверъ и соединяющуюся съ Каомбе. Чтобы найти бродъ, мы должны были съ милю отойти отъ нашей дороги. Рѣка мѣстами достаточно глубока для бегемотовъ. Различныя, прежде не упомянутыя рѣчки, черезъ которыя мы переправлялись на этомъ походѣ, независимо отъ свидѣтельства туземцевъ, привели насъ къ заключенію, что въ сѣверный конецъ озера не изливается никакой большой рѣки. Никакого такого притока и не нужно было, чтобы объяснить постоянное теченіе Шире.

Когда мы поглядѣли впередъ, намъ казалось, что мы поднимаемся по длинному склону горной цѣпи; но то, что̀ мы видѣли ближе къ намъ, состояло изъ далеко идущаго ряда красивыхъ, покрытыхъ деревьями, округленныхъ холмовъ; узкія

тропинки вели постоянно на крутыя высоты и на сходы внизъ къ быстрымъ ручьямъ, берега которыхъ были покрыты красивыми, вѣчнозелеными деревьями. Однолѣтнія деревья, терявшія свои листья, наслаждались теперь зимнимъ покоемъ, хотя были въ разстояніи всего двѣнадцати градусовъ отъ экватора. Жители селеній, въ которыя мы вступали, были обыкновенно заняты приготовленіемъ весьма красивыхъ рыболовныхъ и другихъ корзинъ изъ разщепленнаго бамбука или тканьемъ древесной коры для одежды. Кора, употребляемая для этого на сѣверѣ области, берется отъ одного вида смоковницы. Маніокъ составляетъ главный съѣстной припасъ, воздѣлываемый на высотахъ; клещевина воздѣлывается точно также въ обширныхъ размѣрахъ, и изъ сѣмени ея добывается масло для приданія гладкости тѣлу и особенно волосамъ, которые отпускаются весьма длинно. Вслѣдствіе заботливости, съ какою многіе убираютъ свои волосы въ различнаго рода прически, у нихъ менѣе волнистые локоны, чѣмъ шерсть у длинорунной овцы; повидимому, этого достигаютъ именно при помощи масла.

Въ одномъ селеніи мы нашли всѣхъ женщинъ устраивающими въ честь двухъ дѣвочекъ, отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, церемонію съ танцами и пѣніемъ, сходную съ *богуера*, съ которой у бечуана и макололо молодые люди поступаютъ на всю жизнь въ банды или полки. Когда эта церемонія дѣлается для дѣвушекъ, бечуана называютъ ее *бойале*, а здѣсь она называется *моари*, — очевидно сродныя слова. Дѣвушки съ избыткомъ были украшены бусами, а головы и лица ихъ были расписаны трубочной глиной, что придавало имъ видъ, какъ будто на нихъ были древніе шлемы съ забралами. Женщины такъ ревностно старались въ танцѣ и въ обученіи молодыхъ питомокъ правильно сыграть свою роль, что не удостоили никакимъ вниманіемъ просьбы мужчинъ идти молоть муку и одѣться въ выбойку, принесенную чужеземцами. Откуда явились эти обряды, и отъ кого вышло значительное число законовъ, признаваемыхъ на про-

тяженіи тысячи миль, — никому неизвѣстно. Они, повидимому, сдѣлали неизгладимое впечатлѣніе на умы туземцевъ и передавались у нихъ неизмѣнно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ *богуера* есть сходство съ іудейскою церемоніею посвященія, но она не религіозное, а политическое учрежденіе. Ей нельзя приписать арабскаго происхожденія, и тѣ, которые подвергались ей, говорятъ о ней осторожно и перифразами; это показываетъ, что они смотрятъ на нее весьма серьезно.

15-го сентября мы достигли вершины утеса, часто заставлявшаго насъ, вслѣдствіе своихъ безконечныхъ подъемовъ и спусковъ, пыхтѣть и кряхтѣть, какъ будто у насъ прерывалось дыханіе. Вода рѣки, черезъ которую мы шли, была великолѣпно холодная; воздухъ былъ прелестный, такъ какъ мы достигли вершины у Ндонда, гдѣ точка кипѣнія воды показывала высоту въ 3,440 футовъ надъ моремъ. Когда мы оглядывались назадъ, намъ представлялся великолѣпный видъ на озеро, но густой туманъ мѣшалъ намъ видѣть далѣе горизонта озера. Сцена была прекрасная, но великолѣпный ландшафтъ, — холмы и долины котораго такъ сурово томили наши ноги и легкія, — невозможно было отдѣлить отъ того печальнаго факта, что это была часть большой невольничьей дороги, которая теперь въ употребленіи. На этой дорогѣ многіе „десятки тысячъ“ видѣли „море,“ „море,“ но съ замираніемъ сердца; ибо въ толпахъ плѣнниковъ господствуетъ общая мысль, что ихъ ведутъ къ бѣлымъ, которые ихъ откормятъ и съѣдятъ. Они естественно не могутъ быть такими понятливыми, какими были бы мы, — ихъ чувствительность вовсе не делекатная, ихъ чувства тупѣе нашихъ; — въ самомъ дѣлѣ, „угри привыкли къ тому, что съ нихъ заживо сдираютъ кожу,“ можетъ быть, они даже находятъ въ томъ особое удовольствіе. Мы, не философы, воздаемъ хвалу Провидѣнію, которое въ древности у Ѳермопилъ повернуло назадъ потокъ восточнаго завоеванія и такъ повело ходъ событій, что свѣтъ, и свобода, и евангельская истина распространились на нашемъ отдаленномъ островѣ и,

эмансипировавъ наше племя, освободили его отъ страха снова въ измученной толпѣ невольниковъ взлѣзать на утесы и спускаться въ обрывистыя ущелья, какъ это, по нашему соображенію, дѣлывалось, когда прекрасные англійскіе юноши доставлялись въ Римъ на продажу.

Глядя на западъ мы замѣтили, какъ то, что́ снизу казалось горами, было только краемъ высокой равнины, которая, хотя и волнистая въ началѣ, скоро становится ровною и склоняется къ центру страны. На югѣ выдавалась высокая гора, называемая Чипата, а на юго-западѣ другая, по имени Нгалла, откуда вытекаетъ, какъ говорятъ, Буа. На сѣверѣ массы холмовъ мѣшали намъ видѣть далѣе восьми или десяти миль.

Воздухъ, оказывавшій на европейцевъ столь живительное вліяніе, подѣйствовалъ противоположно на пять человѣкъ, родившихся и воспитавшихся въ болотномъ климатѣ дельты Замбези. Едва они достигли края возвышенности въ Ндонда, тотчасъ же растянулись и стали жаловаться на боль во всемъ тѣлѣ. Температура была не многимъ ниже, чѣмъ на берегахъ лежащаго внизу озера, такъ какъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ 76° было средней температурой дня, 52° самой низкой и 82° самой высокой; на озерѣ почти на 10° выше. Съ симптомами, на которые жаловались люди, — съ болью повсюду,—нечего было дѣлать. И, однако же, ясно было, что они имѣютъ основаніе жаловаться на болѣзнь. Въ видѣ средства, могущаго помочь, употреблено было кровопусканіе изъ каждой части тѣла; лекарства, которыя давали имъ, на основаніи догадки, что болѣзнь ихъ есть слѣдствіе внезапнаго охлажденія, не имѣли никакого дѣйствія, и черезъ два дня одинъ изъ нихъ умеръ, насколько мы могли разсудить, вслѣдствіе перехода изъ болотной атмосферы въ болѣе чистую и разрѣженную.

Такъ какъ мы были на невольничьей дорогѣ, то нашли жителей скупѣе обыкновеннаго. Когда мы имъ это сказали, они отвѣчали: „Мы набрались ума отъ тѣхъ, которые

ходятъ покупать невольниковъ.“ Смертный случай, въ нашемъ обществѣ, повидимому, пробудилъ въ нихъ состраданіе. Они показали свое обычное мѣсто погребенія, снабдили насъ кирками и помогли вырыть могилу. Когда мы предложили имъ плату за все это, они показали, что сдѣлали эту дружественную услугу, зная вполнѣ ея цѣну; ибо поставили на счетъ пользованіе хижиной, цыновку, на которой лежалъ покойникъ, кирки, работу и лекарство, разсыпанное на могилѣ, чтобы доставить ему мирный покой.

Что лекарствамъ, которыя приготовляются изъ растеній, извѣстныхъ только посвященнымъ, приписываютъ особую силу, это—самая выдающаяся черта въ религіи африканцевъ. По ихъ вѣрѣ, есть не только специфическое средство противъ всякой болѣзни, какой подвергается тѣло, но и противъ всякаго страданія удрученной души. Добрые духи отшедшихъ, азимо или базимо, могутъ быть умилостивлены лекарствами и почтены жертвами пива и муки или чѣмъ-нибудь инымъ, что́ они любили, когда были еще живы; точно также злымъ духамъ, *мчези*, о которыхъ мы слышали только въ Тетте и потому не можемъ быть увѣрены, принадлежатъ ли они къ чистымъ вѣрованіямъ туземцевъ, можно лекарствами воспрепятствовать нападать на сады и дѣлать тамъ вредъ. Мы слышали, какъ одинъ мужчина, у котораго болѣла голова, говорилъ: „Меня мой покойный отецъ бранитъ теперь, я чувствую его силу въ моей головѣ“; потомъ мы замѣтили, что онъ удалился отъ общества, положилъ на листъ въ видѣ жертвы немного пищи и молился, смотря вверхъ на звѣзды, гдѣ, какъ онъ полагалъ, былъ духъ его отца. Въ своихъ молитвахъ туземцы не такъ, какъ магометане, — не хвастливы. О мірѣ духовъ говорятъ они съ благоговѣніемъ и для своихъ богослужебныхъ обрядовъ ищутъ тѣнистаго и тихаго мѣста. Магометанинъ правъ, выставляя себя напоказъ, какъ онъ дѣлаетъ это, передъ всѣми склоняясь къ землѣ и выполняя повторяющіеся обряды своей религіи, потому что его вѣра требуетъ большой выставки благочестія

и питаетъ въ самодовольныхъ фарисеяхъ мысль гордаго превосходства надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ; между тѣмъ какъ африканецъ скрывается отъ глазъ другихъ и этимъ въ нѣкоторомъ родѣ похожъ на христіанина, идущаго въ храмину свою и, при закрытыхъ дверяхъ, молящагося Отцу своему, видящему втайнѣ.

Африканская первобытная религія состоитъ, повидимому, въ томъ, что есть одинъ Всемогущій Творецъ неба и земли, что онъ далъ человѣку разнообразныя растенія, чтобы употреблять ихъ посредниками между человѣкомъ и міромъ духовъ, гдѣ продолжаютъ жить всѣ, когда бы то ни было родившіеся и умершіе; что грѣшно оскорблять себѣ подобнаго, между живущими или отшедшими, и что смерть часто бываетъ возмездіемъ преступленія, какъ напр. колдовства. Представленіе ихъ о нравственномъ злѣ ни въ какомъ отношеніи не различается отъ нашего, только они, какъ низшія существа, не считаютъ себя отвѣтственными передъ высшимъ. Клевета, ложь, злоба, непослушаніе родителямъ, пренебреженіе ихъ — все это, по словамъ разумнѣйшихъ, точно также какъ воровство, убійство или нарушеніе супружеской вѣрности всѣми признаваемо было за грѣхъ прежде, чѣмъ они что-нибудь узнали объ европейцахъ или ихъ ученіи. Единственный новый придатокъ къ ихъ законодательству тотъ, что не должно имѣть болѣе одной жены. Это никогда не приходило имъ на мысль даже и въ видѣ вопроса до прибытія европейцевъ.

Все, чего нельзя объяснить обыкновенными причинами,— будь это добро или зло, — все приписывается божеству. Люди нераздѣльно связаны съ душами умершихъ, и если кто-нибудь умираетъ, то вѣрятъ, что онъ ушелъ къ своимъ предкамъ. Всѣ африканцы, встрѣченные нами, столь же твердо убѣждены въ будущемъ своемъ существованіи, какъ и въ настоящей своей жизни. Также мы не нашли ни одного, въ которомъ не была бы укоренена вѣра въ Высочайшее Существо. Такъ неизмѣнно ссылаются на него, какъ

на первоначальный источникъ всѣхъ сверхъестественныхъ вещей, что если сколько-нибудь знаешь ихъ языкъ, нельзя не замѣтить этой выдающейся черты ихъ вѣры. Когда они отходятъ въ невидимый міръ, то, повидимому, не чувствуютъ страха наказаній. Выставленные на могилу сосуды всѣ разламываются, какъ бы въ обозначеніе того, что отшедшіе уже никогда не будутъ снова пользоваться ими. Тѣло кладется въ могилу въ сидячемъ положеніи, и руки сложены впереди. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть саги, которыя мы могли бы считать слабымъ мерцаніемъ вѣры въ воскресеніе; но имѣютъ ли эти былины, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію, то же значеніе для самыхъ туземцевъ, этого мы не можемъ сказать. Истинное преданіе вѣры, какъ увѣряютъ, таково: „хотя человѣкъ умираетъ, однако же, онъ опять будетъ жить“, и ложно то преданіе, „что, если онъ умираетъ, то умираетъ навсегда“.

Хотя для христіанина и не утѣшительна религія африканца, она все же кротка по своему характеру. Въ одномъ только весьма отдаленномъ и маленькомъ уголѣ страны, называемомъ Дагомеей, она выродилась въ кровожадное суевѣріе. Тамъ человѣческая кровь занимаетъ мѣсто умилостивительныхъ растеній, которыя идутъ въ жертву на девяти десятыхъ континента. Упоминаемое Спикомъ и Грэнтомъ непомѣрное пренебреженіе къ человѣческой жизни представляетъ собою вполнѣ исключительное явленіе. Мы слышали отъ туземцевъ, что одинъ изъ прежнихъ обладателей владѣнія Матіамво былъ подверженъ припадкамъ подобной кровожадности, но онъ очевидно страдалъ сумасшествіемъ, и только огромное благоговѣніе передъ королевскимъ достоинствомъ, которымъ исполнены африканцы, спасало отъ обезглавленія его и, вѣроятно, также упоминаемаго Спикомъ владѣтеля, Мтези. Еще въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ точно также приносятся въ жертву части человѣческаго тѣла, дабы они служили посредниками между людьми и міромъ духовъ; но на подобныхъ основаніяхъ, африканской религіи, взятой въ

цѣломъ, столь же мало можно приписывать свирѣпый характеръ, сколько всей африканской семьѣ можетъ быть приписанъ каннибализмъ изъ-за того, что въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ Африки ѣдятъ человѣческое мясо.

Понятіе о колдовствѣ въ сущности вытекаетъ изъ религіознаго міросозерцанія африканцевъ. Злодѣй можетъ наносить бѣды знаніемъ коры и корней растеній. Какъ средствомъ предохраненія отъ колдовскаго зелья, пользуются какимъ-нибудь рогомъ или грубымъ идоломъ и носятъ его, какъ амулетъ. Если же окажется, что они потеряли свою силу, то эти идолы, рога или какіе-нибудь иные предметы, называемые григри или жёжё, ни на минуту далѣе не считаются священными. Такимъ образомъ, чистое идолопоклонство, на которое эти предметы, повидимому, намѣкаютъ, столь же мало извѣстно между туземцами, какъ молитвы образамъ и статуямъ, которыя иногда возносятся въ церквахъ цивилизованныхъ народовъ. Григри или фетишъ бросается, какъ безполезный, коль скоро открываютъ, что священное, таинственное средство не дѣйствительно для цѣли, для которой оно пріобрѣтено. Объ этомъ предметѣ г. Вильсонъ, цитированный нами выше, сообщаетъ много разъясненій, которыя, какъ мы нашли по наблюденію, сдѣланному въ другомъ мѣстѣ, представляютъ плодъ точнаго личнаго изслѣдованія.

На пути къ западу тянулись мы сначала по слегка волнистой странѣ съ красноватою глинистою почвою, которая была весьма плодородна, какъ можно было заключить по тяжелымъ зернамъ. Мы переправлялись черезъ много рѣчекъ, изъ которыхъ иныя текли къ югу въ Буа, а другія къ сѣверу въ Лоангва, рѣку, которую мы прежде видѣли изливающеюся въ озеро. Затѣмъ воду находили преимущественно въ прудахъ и колодцахъ. Еще далѣе въ томъ же направленіи, говорятъ, многія рѣчки, изливаются въ ту же „Лоангва озера“ а другія въ Лоангва, текущую на югозападъ, у Зумбо впадающую въ Замбези и называющуюся здѣсь „Лоангва Марави“. Деревья, вообще говоря, были уродливы и точно такъ же,

какъ деревья во влажномъ прибрежномъ климатѣ, были покрыты лишаями, сходными съ красильными лишаями. Маисъ, любящій немного влажную почву, былъ разсаженъ на высокихъ грядкахъ во избѣжаніе излишней мокроты. Все указывало на весьма сырой климатъ, и жители дали намъ понять, что, такъ какъ близко дожди, то мы на обратномъ пути, вѣроятно, будемъ задержаны ибо страна затонетъ и станетъ непроходимой.

Селенія, какъ обыкновенно, окруженныя изгородями изъ эвфорбій, были многочисленны, и вокругъ нихъ воздѣлывалось много хлѣбовъ. Домашнихъ куръ видно было множество и голубей съ голубятнями, какъ въ Египтѣ. Жители называютъ себя матумбока, но единственное различіе между ними и манганджа состоитъ въ способѣ татуированія лицъ. Языкъ у нихъ тотъ же самый. Отличительный ихъ признакъ состоитъ изъ четырехъ татуированныхъ линій, которыя отъ того мѣста между бровей, гдѣ при сморщиваніи лба мускулы производятъ бороздку, идутъ въ расходящихся направленіяхъ. Другія линіи татуировки проходятъ, какъ у всѣхъ манганджа, длинными рубцами, которые, перекрещиваясь другъ съ другомъ подъ извѣстными углами, образуютъ большое число треугольныхъ промежутковъ на груди, спинѣ, рукахъ и колѣняхъ. Верхняя кожица разрѣзывается ножемъ, и края надрѣза оттягиваются въ стороны, пока не покажется настоящая кожа. Повтореніемъ этого пріема образуются линіи рѣзкихъ рубцевъ, о которыхъ думаютъ, что онѣ придаютъ красоту, нисколько не обращая вниманія на то, какъ много боли причиняетъ эта мода.

Зубы здѣсь, какъ и у бабиза, подпиливаются въ видѣ острія; нѣкоторые манганджа зазубриваютъ каждый изъ верхнихъ рѣзцевъ посредствомъ маленькаго кварцеваго камешка; зазубрины у однихъ угловаты, у другихъ круглы; послѣдній видъ зарубокъ придаетъ краямъ верхнихъ рѣзцевъ полулунную форму. Другія племена дѣлаютъ между срединными рѣзцами отверстіе трехугольной формы. Удивительно,

что подпиливаніе и скобленіе, которымъ подвергаютъ зубы, чтобы владѣтель ихъ былъ по модѣ, не производятъ зубной боли, какъ у насъ, когда случайно отломится кусочекъ зуба. Но здѣшніе зубы массивнѣе и у старыхъ людей стираются часто до десны, подобно зубамъ, какіе находятъ въ египетскихъ муміяхъ. Для обозначенія человѣка, удрученнаго лѣтами, употребительна фраза: „онъ жилъ до того, что его зубы сравнялись съ деснами“. Не смотря на то, случаи зубной боли вовсе не необыкновенны, хотя они, вѣроятно, и не такъ часты, какъ у насъ. Это злоупотребленіе красивыми зубами, данными отъ природы, обще здѣсь обоимъ поламъ. Тутъ находятъ равнымъ образомъ удовольствіе носить волосы такъ, что голова принимаетъ видъ, какъ будто бы она удлинена назадъ и вверхъ. Бабиза особенно пристрастны къ прическѣ своихъ локоновъ на манеръ драгунской каски.

Не стоило бы труда обращать минутное вниманіе на порядокъ путешествія и на мелкія трудности, окружающія каждаго, пытающагося проникнуть въ новую страну, если бы не приходилось сдѣлать этого для указанія огромнаго источника силы, которою владѣютъ здѣсь торговцы невольниками. Пока наши люди были больны, хотя они и могли продолжать походъ сами, все-же намъ нужна была подмога, чтобы нести наши вещи. Когда мы нанимали новыхъ людей и уже порѣшали на счетъ вознагражденія, намъ часто говорили, что торговцы людьми завладѣли нѣкоторыми изъ нихъ и увели съ собою. Другія вещи побуждали насъ вѣрить, что торговцы невольниками производятъ это дѣло насильственно; и нѣтъ никакого чуда въ томъ, ибо обладаніе порохомъ даетъ имъ почти неограниченную силу. Способъ, какимъ ведутъ войну или защищаются племена, вооруженныя лукомъ и стрѣлами, состоитъ въ засадѣ. Они никогда не выходятъ въ открытый бой, но караулятъ врага, спрятавшись за дерево или въ высокой травѣ, и стрѣляютъ въ него, не давши ему догадаться объ этомъ. Такимъ образомъ, если люди съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это обыкновенно бываетъ, приходятъ къ тому

времени, когда высокая трава вся выжжена, то племя, на которое они нападаютъ, бываетъ предъ ними столь же безпомощно, какъ деревянное судно, владѣющее только сигнальной пушкой, передъ окованнымъ въ желѣзо пароходомъ. Для этого рода войны всегда выбираютъ именно то время года, когда трава дѣйствительно выжжена или такъ суха, что легко загорается. Сухая трава въ Африкѣ по наружному виду болѣе похожа на спѣлую англійскую пшеницу въ позднюю осень, чѣмъ на что-нибудь другое, съ чѣмъ бы можно ее сравнить. Представимъ себѣ, что англійское селеніе стоитъ въ подобномъ полѣ, ограниченномъ только горизонтомъ, и врагъ зажигаетъ полосу травы длиною въ милю или въ двѣ, подкладывая вдоль ея горящіе пучки соломы по направленію вѣтра въ сторону осужденнаго селенія; у жителей только одинъ или два старые мушкетона, но—десять противъ одного—пороху нѣтъ: длинная линія огня, съ густыми массами чернаго дыма, подымается въ воздухъ футовъ на тридцать, и потоками падаютъ клочья обугленной травы. Не отчаялся ли бы въ мысли прорвать эту огненную стѣну и самый храбрѣйшій англійскій селянинъ, вооруженный только лукомъ и стрѣлою противъ мушкетоновъ врага? Когда мы однажды въ нѣкоторомъ разстояніи видѣли сцену, подобную этой, и обугленная трава падала вокругъ насъ буквально такъ же густо, какъ бы черныя хлопья снѣгу, для насъ не трудно было понять тайну силы торговца невольниками.

21-го сентября мы пришли въ селеніе владѣтеля Муаси, или Муази; оно окружено палисадомъ и весьма высокими деревьями эвфорбій; высота ихъ — отъ тридцати до сорока футовъ — показываетъ, что тутъ прожило, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе. Случаи болѣзни или смерти побуждаютъ старшинъ перемѣнять мѣсто ихъ селеній и сажать новыя изгороди; но хотя Муази страдалъ отъ нападеній мазиту, однако же явно былъ привязанъ къ мѣсту своего рожденія. Селеніе лежало почти въ двухъ миляхъ на югозападъ отъ высокаго холма, называемаго Казунгу, давшаго имя

области, простирающейся до Лоангва-Марави. На этой равнинѣ поднимается еще нѣсколько другихъ отдѣльныхъ гранитныхъ холмовъ, и по нимъ разсѣяны многія укрѣпленныя палисадами селенія, принадлежащія Муази.

При нашемъ прибытіи владѣтель сидѣлъ на ровномъ тѣнистомъ мѣстѣ, называемомъ боало, гдѣ отправляется каждое общественное дѣло; его окружало около двухъ сотъ мужчинъ и мальчиковъ. Мы заплатили нашимъ проводникамъ съ надлежащею публичностію. Мазико, самый рослый человѣкъ нашего общества, отмѣрилъ маховую сажень выбойки, за которую мы сговорились, и показывалъ ее какъ можно дольше, обратившись къ толпѣ народа и отрѣзывая нѣсколькими дюймами болѣе, чѣмъ могли растянуться его распростертыя руки; все это дѣлалось съ цѣлію показать, что не было никакого обмана. Это служило для ознакомленія. Людямъ весьма пріятно, если у нихъ есть рослый парень для отмѣриванія выбойки. Это имъ даже лучше нравится, чѣмъ отрѣзываніе по мѣркѣ, хотя весьма немногіе мужчины въ шесть футовъ ростомъ могутъ своими распростертыми руками вымѣрять свою собственную длину. Здѣсь, гдѣ бывали арабскіе купцы, *моконо* или мѣра, называемая локтемъ, начинаетъ замѣнять собою употребительную далѣе на югѣ маховую сажень. Мѣряется отъ сгиба локтя до конца средняго пальца.

Когда мы на слѣдующій день посѣтили Муази, то нашли что онъ на столько чистосердеченъ и честенъ, на сколько можно было только ожидать. Онъ не желалъ, чтобы мы шли на сѣверозападъ, потому что тамъ у него значительная торговля слоновьей костью. Мы желали бы сойти съ невольничьей дороги къ жителямъ, еще не посѣщеннымъ купцами; но Муази естественно боялся, что мы, придя въ страну, которая, какъ говорятъ, обильна водою и богата слонами, могли бы лишить его слоновьей кости, которую онъ теперь получаетъ по дешевой цѣнѣ и продаетъ торговцамъ невольниками, когда они проходятъ черезъ Казунгу на востокъ; наконецъ, онъ, однако, согласился и предупреждалъ насъ, что

„весьма трудно будетъ получить жизненные припасы, такъ какъ одна область лишена жителей въ невольничьей войнѣ,— и въ ней-то мы должны будемъ провести одну или двѣ ночи; впрочемъ, онъ дастъ намъ хорошихъ проводниковъ, которые пробудутъ съ нами три дня до своего возвращенія, если же мы потомъ пожелаемъ идти далѣе, то должны уже остаться безъ нихъ“. Такъ какъ нѣсколько нашихъ людей были все еще больны съ тѣхъ поръ, какъ мы поднялись на эту возвышенность, то мы пробыли у Муази два дня.

Стадо прекраснаго рогатаго скота показывало, что въ этой области не было цеце. Скотъ былъ съ индѣйскими горбами, весьма жирный и весьма ручной. Мальчики безъ страха разъѣзжали какъ на коровахъ, такъ и на волахъ, и животныя были до того жирны и лѣнивы, что взрослыя между ними дѣлали лишь слабую попытку бить ногами своихъ молодыхъ мучителей. Муази никогда не доитъ коровъ; онъ жаловался, что если бы мазиту не угнали прежде нѣсколькихъ штукъ, то у него теперь было бы весьма много скота. Скотъ свободно бродитъ по странѣ и безпрепятственно тучнѣетъ.

Хлопковыя растенія рѣдко видны вдоль невольничьей дороги, не по тому, что земля или климатъ неудобны для нихъ, ибо по дорогѣ мы видѣли нѣсколько экземпляровъ, хорошо выросшихъ и давшихъ хлопокъ превосходнаго качества, а по тому, что жители, когда проходятъ торговцы невольниками, могутъ для своей потребности пріобрѣтать иностранный коленкоръ обмѣномъ на хлѣбъ. Многіе изъ этихъ горцевъ носятъ козьи шкуры. Хотя у нихъ вдоволь съѣстныхъ припасовъ, однако, они не ревностные продавцы. Ревностными покупщиками они пріучены къ весьма высокой цѣнѣ.

Покинувши селеніе Муази, мы тянулись по плоской странѣ, покрытой разсѣянно стоящими уродливыми деревьями, но украшенной многими великолѣпными цвѣтами. Трава была коротка; она поднималась не выше колѣна и расла кустами съ промежутками обнаженной земли, между тѣмъ деревья были покрыты многими и разнообразными лишаями и указывали на

сырой климатъ. Черезъ поляны дулъ сильный и рѣзкій вѣтеръ; его пронизывающая рѣзкость происходила, впрочемъ, не отъ низкой температуры, ибо термометръ стоялъ на 80°.

Теперь начали мы замѣчать весьма странное обстоятельство. Гдѣ только устроивалось какое-нибудь селеніе манганджа, тамъ навѣрно являлось вблизи селеніе бабиза. Первые — собственники страны и земли, да и послѣдніе, повидимому, не считались пришельцами. Въ самомъ дѣлѣ, невоздѣланныя полосы такъ велики, что народу, у котораго мало или совсѣмъ нѣтъ скота или козъ, едва ли придетъ на мысль оспаривать землю, которою онъ самъ не можетъ воспользоваться. Плоскія долины, по бокамъ которыхъ расположены селенія, въ извѣстныя времена года орошаются проточными рѣками, которыя теперь представляли только ряды прудовъ съ болотистыми и поросшими ситникомъ промежутками. Въ то время, какъ между тропиками солнце на пути своемъ къ югу стоитъ въ зенитѣ надъ страною, начинаютъ падать первые дожди, и вліяніе ихъ, если они и обильны, состоитъ обыкновенно только въ томъ, что они наполняютъ болота и пруды. Когда же солнце на пути своемъ къ сѣверу опять проходитъ надъ тою же страною, наступаютъ самые большіе дожди въ году; пруды и болота, уже наполненные, переполняются и производятъ большія полноводія, которыми отличается Замбези; вѣроятно, тѣмъ же способомъ производятся разлитія Нила. Роскошная растительность, которой ежегодно дастъ мѣсто частное высыханіе многихъ изъ этихъ рѣкъ, сберегаетъ ихъ русла и берега отъ осыпанія, и отъ этого происходитъ относительная прозрачность ихъ воды при болѣе сильныхъ разливахъ. Теперь мы были на источникахъ Лоангва-Марави, которая впадаетъ въ Замбези у Зумбо, и намъ бросилось въ глаза огромное сходство, которое имѣютъ болотистые и поросшіе ситникомъ здѣшніе потоки съ источниками Либа, — притокъ Замбези, видѣнный прежде въ Лонда, — и Казаи, считаемаго многими за главный рукавъ Конго или Заире.

Первые или меньшіе дожди въ этой странѣ выпадаютъ въ ноябрѣ, когда солнце стоитъ въ зенитѣ на пути своемъ къ югу. Большіе дожди падаютъ въ январѣ и мартѣ, когда оно находятся на обратномъ пути къ экватору. Если мы примемъ, что наше наблюденіе причины наводняющихъ полноводій въ южной Африкѣ, лежащей между тропиками, можетъ быть приложено къ сѣверной полосѣ между тропиками, то слѣдовало бы ожидать, что пруды, болота и рѣки наполняются, когда солнце вступаетъ въ зенитъ на пути своемъ къ югу, и переполняются при обратномъ его шествіи. Но это должно быть разрѣшено на самомъ мѣстѣ. Мы знаемъ изъ наблюденій, произведенныхъ въ Лоандо покойнымъ Эдмундомъ Габріэлемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что это правило относительно паденія дождей, которое мы замѣтили между 12° и 20° южной широты, годится для восьмаго градуса отъ экватора.

Огромный источникъ, изъ котораго южная Африка заимствуетъ свою влажность, — безъ сомнѣнія Индійскій океанъ. Господствующіе вѣтры восточные и юговосточные. Обремененный влажностью изъ большаго водянаго резервуара, воздухъ устремляется вверхъ вдоль береговой горной цѣпи и, охлаждаясь при теченіи своемъ надъ холмами, выдѣляетъ на нихъ главную часть своихъ водяныхъ паровъ. Онъ несется потомъ къ западу уже въ видѣ сухаго потока, который бо́льшую часть года носится надъ пустыней Калагари и другими сухими равнинами въ видѣ восточныхъ и востоко-юговосточныхъ вѣтровъ. Что этотъ взглядъ правиленъ, ясно видно изъ того факта, что тамъ, гдѣ нѣтъ береговой горной цѣпи или есть только низенькая, центральная полоса менѣе лишена влажности, нежели тамъ, гдѣ, какъ это бываетъ у Драконовыхъ горъ, воздухъ долженъ подниматься вверхъ по вертикальной линіи выше мили прежде, чѣмъ ему можно будетъ достигнуть равнинъ, лежащихъ по ту сторону. Это видно также изъ того, что повсюду, гдѣ холмы во внутренней странѣ поднимаются выше, чѣмъ на берегахъ, вершины ихъ

покрыты растительностью, отличною отъ растительности лежащихъ ниже ихъ равнинъ и требующею обильнаго притока влажности. Это замѣчается даже на холмахъ у пустыни Калагари; а на другихъ горныхъ вершинахъ цвѣтутъ многіе виды папоротниковъ и нѣкоторые перцовые кустарники, не встрѣчающіеся на болѣе низкихъ высотахъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подходимъ ближе къ экватору, на нѣкоторой полосѣ континента господствуютъ югозападные вѣтры, идущіе съ Атлантическаго океана и западными возвышенностями лишенные своей влажности; они, вѣроятно, противодѣйствуютъ идущимъ съ Индійскаго океана юговосточнымъ вѣтрамъ. Производитъ ли эта встрѣча, какъ утверждали, на экваторѣ болѣе сильные дожди, чѣмъ гдѣ-нибудь, это, повидимому, требуетъ подтвержденія. Взятое теоретически, столкновеніе сухихъ вѣтровъ надъ экваторомъ имѣло бы слѣдствіемъ восходящее и переливающееся движеніе воздушныхъ теченій на сѣверъ или югъ. Но теплый, сухой сѣверный вѣтеръ въ пустынѣ Калагари представляетъ полное исключеніе и обыкновенно продолжается только три дня. Главный притокъ для южно-африканскихъ дождей идетъ отъ расположеннаго на юговостокѣ Индійскаго океана тѣмъ же путемъ, какимъ въ позднѣйшее время года югозападный вѣтеръ несетъ изъ того же великаго воднаго резервуара освѣжительные дожди на равнины Индіи.

Мы старались разузнать сколько было возможно отъ проходящихъ бабиза и арабовъ о лежащей впереди насъ странѣ, опасаясь, что съ истеченіемъ времени, находившагося въ нашемъ распоряженіи, намъ трудно будетъ побывать въ ней, и слышали многое о маленькомъ озерѣ, по имени Бемба. Направившись на западъ, мы перешли не только источники Лоангва, но и источники другой рѣки, называемой Моитава или Моитала, которая была намъ указана, какъ главный родникъ озера Бемба. Это не имѣло бы большаго значенія, если бы не присоединилось то обстоятельство, что изъ Бемба на западъ течетъ значительная рѣка Лоапула и потомъ,

говорятъ, расширяется въ другое, гораздо большее озеро, называемое Моеро или Мосло. Протекая все въ томъ же направленіи, Лоапула образуетъ озеро Моѳуэ или Моѳу; затѣмъ, говорятъ, она проходитъ къ городу Казембе, уклоняется на сѣверъ и впадаетъ въ озеро Танганіика. Куда идетъ вода по впаденіи ея въ это послѣднее озеро, объ этомъ никто не могъ сказать утвердительно. Но что означенный истокъ представляетъ дѣйствительный водоемъ этой части страны, этому мы повѣрили вслѣдствіе неизмѣннаго взгляда туземныхъ путешественниковъ. Нельзя сомнѣваться, что люди, сообщавшіе намъ эти свѣдѣнія были въ странѣ по ту сторону города Казембе, ибо они знали и описывали владѣтелей, которыхъ мы впослѣдствіи встрѣтили миляхъ въ тридцати пяти или сорока къ западу отъ этого города. Луалаба, говорятъ, изливается въ Лоапула, — и когда въ доказательство справедливости словъ бывалыхъ людей, приводилось то, что всѣ воды страны, окружающей городъ Казембе, текутъ въ Луамбадзи или Луамбези (Замбези), они замѣчали смѣясь: „Онъ говоритъ, что Лоапула течетъ въ Замбези, — слыхали ли вы когда-нибудь такую нелѣпость?“ или что-нибудь въ этомъ же родѣ. Мы видѣли себя вынужденными признать, что, согласно съ разсказами туземцевъ, наше прежнее мнѣніе, что Замбези принимаетъ воду изъ окрестностей города Казембе, было заблужденіемъ. Мы сообщаемъ теперь ихъ географическіе взгляды безъ дальнѣйшихъ объясненій, а именно: по путевому дневнику арабовъ и другихъ, на пути къ городу Казембе дважды переходятъ черезъ Лоапула; къ этому мы могли бы прибавить, что никогда не были поставляемы въ затрудненіе мнимой неспособностью негровъ объяснить, какимъ путемъ течетъ рѣка.

Точка паденія воды показала склонъ въ 170 футовъ отъ края возвышенности до нашего крайняго пункта на западѣ; но на это нужно смотрѣть только какъ на приблизительную величину, и нельзя было бы нисколько полагаться на это, если бы у насъ не было теченія рѣки для подтвержденія

такого довольно грубаго способа опредѣленія высотъ. Склонъ былъ, какъ показывалъ водоемъ, въ сторону „Лоангва-Марави“ и Монтала, или на югозападъ, западъ и сѣверозападъ. Когда мы покинули родниковыя рѣки озера Ніасса, вода стекала къ центру континента. Теченіе Казан, рѣки, видѣнной въ путешествіе Ливингстона на западный берегъ, и ея родниковыхъ рѣкъ было на сѣверовостокъ или почти въ такомъ направленіи. Текущая такимъ образомъ вода находитъ ли себѣ выходъ черезъ Конго или черезъ Нилъ, это еще не извѣстно. О нѣкоторыхъ частяхъ континента говорятъ, что онѣ похожи на опрокинутую дномъ кверху обыкновенную тарелку. Эта часть, если она имѣетъ какую-нибудь общую форму, повидимому, болѣе похожа на шляпу съ широкими полями и съ нѣсколько придавленною тульею. Высота края въ иныхъ частяхъ значительна; въ другихъ, какъ въ Тетте и у подошвы Мурчисоновскихъ водопадовъ, такъ ничтожна, что о ней можно узнать только элиминаціей ежедневныхъ измѣненій состоянія барометра, посредствомъ одновременныхъ наблюденій на берегахъ и на пунктахъ, находящихся въ двухъ или трехъ стахъ миляхъ внутри страны. Пока африканскія рѣки остаются внутри того, что мы можемъ назвать краями, онѣ не представляютъ никакихъ затрудненій; но какъ скоро онѣ выходятъ изъ выше расположенныхъ земель, ихъ полезности наносятъ ущербъ водопады. Низко лежащій поясъ весьма неправиленъ. Иногда онъ косвенно поднимается вверхъ, какъ край обращенной дномъ вверхъ обыкновенной тарелки,— между тѣмъ въ другихъ случаяхъ около моря поднимается высокій горный хребетъ, за которымъ внутри страны прежде, чѣмъ достигнешь центральной возвышенности, слѣдуетъ болѣе низменная область. Ширина низменныхъ земель доходитъ иногда до трехсотъ миль, и эта ширина пояса опредѣляетъ границы судоходства отъ моря.

Подъемъ въ страну Марави и вообще съ западнаго берега озера Ніасса, по крайней мѣрѣ, на триста миль вдаль по тому же меридіану, какъ мы послѣ нашли, представляетъ просто

то, что индійцы называютъ хоутъ, подобный находящемуся на пути изъ Бомбая въ Пунагъ. Африканскій хоутъ съ западнаго берега озера Ніасса, находящагося въ 1,300 футахъ надъ моремъ, поднимается на такую же высоту надъ нашею здѣшней точкой исхода, какъ индійскій отъ уровня моря въ Бомбаѣ. Африканскій подъемъ немного выше и смѣлѣе индійскаго въ Пунагѣ. Африканскія хижины похожи на хижины туземныхъ индійцевъ около Дапура, но гораздо лучше построены; обладаніе плугомъ ставитъ индійцевъ выше африканцевъ, хотя и тѣ и другіе воздѣлываютъ почти тѣ же самые хлѣба. Почва и общая физіономія страны—деревья, ровныя мѣста, рѣки и волнистыя равнины, замѣчательно сходны въ той и въ другой мѣстности, въ африканской и въ индійской. Но въ Африкѣ мы видимъ поля прекраснаго хлопка съ длиннымъ штапелемъ, почти сходнаго съ египетскимъ, въ замѣнъ жалкаго растенія, воздѣлываемаго въ Индіи. Какъ бы то ни было, контрастъ между обѣими странами весьма поразителенъ. Въ Индіи повсюду видны доказательства человѣческаго труда въ дорогахъ, въ мостахъ, каменныхъ стѣнахъ, развалинахъ храмовъ и дворцевъ. Въ Африкѣ цѣлая страна, относительно всего того, что́ сдѣлалъ человѣкъ, является еще такою, какою вышла изъ рукъ своего Творца. Единственныя дороги — тропинки, которыя пробиты ногами туземцевъ на нѣсколько дюймовъ въ глубину и почти въ пятнадцать и до восемнадцати дюймовъ въ ширину и вьются отъ селенія къ селенію, какъ будто онѣ сдѣланы людьми, думавшими, что изогнутая линія — линія красоты, или же людьми, уже достигшими того довольства, которымъ мы наслаждаемся, когда неторопливо шлемся по нашимъ маленькимъ извилистымъ дорожкамъ для прогулки. Строимыя здѣсь хижины не оставлаютъ развалинъ, развѣ только когда сгорятъ; тогда остается тонкій слой красной глины, которою хижины были покрыты, и на немъ замѣчаются отпечатки тростника, составлявшаго стѣны. Этотъ остатокъ имѣетъ цвѣтъ и твердость кирпича. Но и онъ скоро распадается въ прахъ. Единственные прочные памятники,

встрѣчаемые здѣсь,—мельничные камни, стертые въ срединѣ дюйма на два или и глубже, и грубые камни въ горныхъ проходахъ; объ этихъ камняхъ не помнитъ преданіе; но обращаемое къ нимъ привѣтствіе: „Благо вамъ, о владѣтель! да будетъ хорошо намъ въ странѣ, по которой мы идемъ!“ можетъ означать, что ихъ считаютъ за могилы умершихъ владѣтелей.

Весьма поразительно, что, между тѣмъ какъ во многихъ странахъ міра находили каменное, мѣдное и желѣзное оружіе жившихъ тамъ людей, въ Африкѣ, насколько мы могли прослѣдить, никогда не было открыто кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, копій, топоровъ и другихъ орудій этого рода. Д-ръ Киркъ, ботанизируя въ дельтѣ Замбези, напалъ на слой хрящеваго песку, въ которомъ соединены были ископаемыя кости почти всѣхъ тѣхъ животныхъ, которые живутъ теперь въ странѣ, какъ-то: бегемота, дикой свиньи, буйвола, антилопы, черепахи, крокодила и гіены, съ горшечными подѣлками того же характера и съ такими же рисунками, какъ и находящіяся теперь въ общемъ употребленіи у жителей. Подобные животные остатки въ 1856 г. были замѣчены въ слоѣ хрящеваго песка на Замбези, и теперь, въ 1863 г., найдены были въ пескѣ на берегахъ озера Ніасса горшечныя подѣлки съ буйволовыми и другими большими костями; но ни разу не открыли мы ни одного экземпляра оружія, которымъ могли бы быть убиты эти животныя для доставленія пищи человѣку.

При попыткѣ разобрать свидѣтельства скалъ на озерѣ Ніасса и въ другихъ странахъ южной Африки, всегда было трудной загадкой то, что совсѣмъ нельзя было или можно было опредѣлить лишь немного правильныхъ геологическихъ рядовъ, какъ они описываются въ книгахъ. Отсутствіе морскаго известняка и доказательства колебаній земли и моря, столь обыкновенныхъ въ другихъ странахъ, дѣлали тщетными наши безпомощныя изслѣдованія. Мѣлъ или кремни не попадались никогда. Ближайшее сходство съ мѣлоподобными слоями пред-

ставляли страшныя плоскія массы известковаго туфа, и онъ былъ, судя по отпечаткамъ камыша и листьевъ того же вида, какъ растущіе теперь въ окрестности, очевидно осадкомъ изъ источниковъ, которые въ прежнее время текли въ большемъ изобиліи, чѣмъ въ настоящее. Въ связи съ этими туфовыми осадками наблюдаемы были массы содержащія желѣзо, съ прокладками кремнистаго песку, которыя всѣ имѣли по виду то же самое первоначальное происхожденіе, какъ и туфъ. Каменный уголь открытъ въ песчаникѣ, а песчаникъ былъ только потревоженъ волнообразными движеніями мѣстныхъ вулканическихъ изверженій. Только когда нашъ остроумный и проницательный землякъ сэръ Родерикъ Д. Мурчисонъ собралъ въ фокусѣ своего ума всѣ лучи свѣта, падавшіе на этотъ предметъ изъ многоразличныхъ источниковъ, ясно стало то, что́ мы прежде лишь слегка предчувствовали. Тѣ огромныя подводныя колебанія и повышенія, которыя во вторичные, третичные и мнимоновѣйшіе періоды совершались въ такомъ полномъ размѣрѣ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, совсѣмъ не коснулись Африки. Въ самомъ дѣлѣ, Африка самый старый континентъ въ мірѣ. „Неоспоримо это большой типъ страны, которая, не потерпѣвши никакихъ перемѣнъ, кромѣ зависящихъ отъ атмосферныхъ и метеорныхъ вліяній, удержала въ теченіе весьма длиннаго періода времени свои старыя территоріальныя условія“ *).

Судя по настоящему состоянію нашихъ свѣдѣній, у африканцевъ никогда не было каменнаго періода. Доказательство этого чисто отрицательное, но того же самаго характера какъ и то, что пока продолжался каменный періодъ, не было въ употребленіи мѣдной посуды. Повидимому, кажется достойнымъ вниманія слѣдующее возраженіе: между тѣмъ какъ принимаютъ, что въ древнія времена въ теченіе длинныхъ пері-

*) Address to the Royal Geographical Society of London, at the anniversary meeting, 23 rd. May, 1864.

одовъ былъ въ употребленіи только камень, мы имѣемъ свидѣтельство покойнаго адмирала Фицроя (недавняя смерть котораго, — слѣдствіе непомѣрнаго усилія при веденіи его многоцѣнныхъ изысканій, — всѣхъ такъ глубоко опечалила), что въ настоящее время въ Тіерра-дель Фуэго и еще нѣкоторыхъ странахъ, жители которыхъ похожи на нашихъ отдаленныхъ предковъ, — каменный періодъ, а въ другихъ желѣзный.

Можетъ быть, это только выставка невѣжества, но мы надѣемся, что никто не увидитъ въ томъ доказательства высокомѣрія, если мы сообщимъ въ качествѣ матеріала для размышленій молодымъ умамъ нѣкоторыя изъ мыслей, сокращавшихъ наши утомительные переходы. Здѣсь въ каждомъ третьемъ или четвертомъ селеніи мы видимъ строеніе, съ виду похожее на плавильную печь, съ небольшимъ въ шесть футовъ высотою и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ діаметрѣ. Это глиняная, огнепостоянная печь для выплавки желѣза. Плавильныхъ средствъ не употребляется, что́ бы ни плавилось— желѣзный ли блескъ, желтый кровавикъ или магнитная руда,— и, однако, получается превосходный металлъ. Желѣзо туземной выдѣлки такъ хорошо, что туземцы увѣряютъ, будто англійское желѣзо сравнительно съ нимъ „мягко“, образцы же африканскихъ кирокъ въ Бирмингамѣ были найдены равными почти лучшему шведскому желѣзу. Когда мы проходили, мужчины иногда убѣгали съ полей, на которыхъ работали, и выносили на продажу новые кирки, топоры и колья собственной работы. Здѣсь навѣрно желѣзный періодъ. Мѣдь, по понятіямъ туземцевъ, выплавляющихъ ее изъ малахита, гораздо труднѣе обработывать, чѣмъ металлъ изъ желѣзняка, не требующій никакого плавильнаго средства; до сихъ поръ, насколько мы знаемъ, въ этой странѣ никогда не пользовались ни оловомъ, ни цинкомъ для составленія сплавовъ съ мѣдью; такимъ образомъ мы можемъ ожидать, что мѣдный вѣкъ придетъ въ обратномъ порядкѣ. Относительно каменнаго періода въ Африкѣ можно сомнѣваться, потому что, оставивъ въ сто-

ронѣ нѣсколько небольшихъ агатовъ, въ южной части континента, которую мы изслѣдовали, не было найдено кремней. Каменный періодъ могъ пройти и безъ кремней, такъ какъ могли воспользоваться другими камнями, но доказательство, должно быть, совершенно лежитъ подъ землею.

По ту сторону селенія Муази сдѣлали мы три длинные перехода въ сѣверозападномъ направленіи. Жители были довольно привѣтливы, но отказывались продать намъ какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ. „Вы путешествуете слишкомъ быстро,“ говорили они; въ самомъ дѣлѣ, мы ихъ захватывали врасплохъ и, прежде чѣмъ они успѣвали оправиться отъ удивленія, мы видѣли себя вынужденными отправляться. Мы догадывались, что Муази прислалъ имъ приказанія отказывать намъ въ съѣстныхъ припасахъ, чтобы такимъ образомъ не допустить насъ идти въ область, лишенную жителей. Но это, можетъ быть, было просто подозрѣніемъ, слѣдствіемъ нашихъ собственныхъ тревожныхъ чувствъ.

Одну ночь мы провели въ селеніи Мачамбве, другую въ селеніи Чимбузи. Рѣдко случалось, чтобы мы могли найти старшину тотчасъ при вступленіи въ какое-нибудь селеніе. Онъ держится въ сторонѣ, пока не выпытаетъ всего о чужеземцахъ, или находится дѣйствительно на поляхъ и осматриваетъ свои имущества. Однажды, когда старшина пришелъ съ своего осмотра съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, мы подумали, что онъ взялъ все свое оружіе ради насъ и скрывался все время въ какой-нибудь хижинѣ, коварно выжидая, пока не услышалъ, что чужеземцамъ можно довѣриться; но когда мы прислушались къ обстоятельнымъ разсказамъ этихъ людей объ осмотрѣ стоящаго въ полѣ хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ и вникли въ изумительную, до малѣйшихъ подробностей топографію разсказчика, то убѣдились, что мы въ иныхъ случаяхъ были не правы, и чувствовали себя нѣсколько сконфуженными. Каждый маленькій пригорокъ, каждый

холмъ, каждая гора и каждая вершина въ горной цѣпи носятъ свое названіе, и точно также каждый ручей, каждая долинка и каждая равнина. Въ самомъ дѣлѣ, каждая черта и каждая часть страны такъ обстоятельно различаются своимъ собственнымъ именемъ, что понадобилась бы цѣлая жизнь, чтобы разобрать значеніе такихъ именъ. Не недостатокъ, а большой избытокъ въ именахъ приводитъ путешественника въ заблужденіе, и употребляемыя выраженія такъ разнообразны что самый прилежный человѣкъ иногда пойметъ не болѣе, какъ общее содержаніе разговора. Хотя и уклоняясь нѣсколько отъ темы о внимательности, которую старшины посвящаютъ сельскому хозяйству, можно, однако же, заговоривъ здѣсь, о богатствѣ языка, упомянуть, что мы слышали словъ съ двадцать для обозначенія различныхъ родовъ походки: ходятъ наклоняясь впередъ или назадъ, качаясь изъ стороны въ сторону, лѣниво или бодро, хвастливо махая руками или только одною рукою, держа голову вверхъ или внизъ, или какъ-нибудь иначе; каждый изъ этихъ видовъ походки выражается особеннымъ глаголомъ, а для обозначенія различныхъ видовъ глупцевъ употребляется столько словъ что мы и не пытаемся ихъ перечислить.

Г. Моффатъ перевелъ всю библію на языкъ бечуана и послѣдніе сорокъ четыре года старательно изучалъ этотъ языкъ. Хотя онъ понимаетъ въ немъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ туземцевъ, воспитывавшихся на миссіонерской станціи въ Куруманѣ, онъ, однако, и до сихъ поръ еще не высказываетъ никакого притязанія на совершенное знаніе этого языка. Какъ ни богатъ, однако-жъ этотъ языкъ выраженіями, въ которыхъ мы не чувствуемъ нужды, онъ все-таки бѣденъ другими, напр. отвлеченными выраженіями, употребляемыми для описанія духовной дѣятельности.

Третій нашъ дневной переходъ законченъ послѣ полудня 27 сентября 1863 въ селеніи Чинанга на берегахъ одного притока рѣки Лоангва. Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда стоитъ на равнинѣ огромная, въ тысячу футовъ высотою, округ-

ленная гранитная масса, называемая *Ньомбе руме*. Она особенно замѣчательна тѣмъ, что на ней весьма мало растительности. Около нея стоитъ еще нѣсколько другихъ гранитныхъ холмовъ, которые, какъ бо́льшая часть высотъ этой мѣстности, украшены деревьями, а далеко на сѣверѣ видиѣется кучка синихъ горъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Поводы къ возвращенію — Депеши отъ правительства ея величества. — Воръ. — Африканскія женщины рѣдко говорятъ съ чужеземцами. — Занятія женщинъ. — Хлѣбныя мельницы. — Пивовареніе. — Попойки.

Люди не были свободны отъ вліянія рѣзкаго вѣтра на нихъ. Многіе, съ тѣхъ поръ какъ мы поднялись на возвышенность, не въ состояніи были нести ношу. Одного мы потеряли, а другой бѣдный парень былъ такъ боленъ, что сильно озабочивалъ насъ. Пока мы пережидали въ этомъ селеніи, которое было такъ старо, что было полно нечистыми насѣкомыми, всѣ стали еще больше. Наши европейскіе съѣстные припасы были совсѣмъ истреблены, а мука туземцевъ, когда она и мелко перемолота, содержитъ такъ много угловатыхъ кусочковъ, что возобновила діарею, отъ которой мы такъ сильно пострадали въ маѣ. Мы едва могли доставать пищи для людей. Старшина селенія Чинанга былъ въ набѣгѣ на какой-то далѣе къ сѣверу живущій народъ, чтобы доставить невольниковъ купцамъ, которыхъ ожидали по невольничьей дорогѣ, только-что покинутой нами, и говорили, что онъ, прогнавши жителей, жилъ въ ихъ палисадахъ и ѣлъ ихъ хлѣбъ. Побѣжденное племя такъ называемый миръ купило тѣмъ, что подарило побѣдителю трехъ женщинъ!

Такое состояніе дѣлъ внушало намъ только ничтожную надежду найти далѣе въ этомъ направленіи болѣе жизненныхъ припасовъ, чѣмъ мы могли получить здѣсь съ величайшею трудностью и за чудовищную цѣну. Но ни недостатокъ въ пищѣ, ни діарея, ни невольничья война не воспрепятствовали бы намъ проложить путь вокругъ озера въ какомъ-нибудь другомъ направленіи, если бы у насъ было время; мы получили изъ министерства иностранныхъ дѣлъ приказаніе отвести „Піонера“ на море въ наступающемъ апрѣлѣ. Жалованье всего находящагося на немъ экипажа должно было положительно „во всякомъ случаѣ прекратиться съ 31 декабря.“ Депеша изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, открыто посланная къ губернатору мыса Доброй Надежды, повидимому, тѣмъ же самымъ свободнымъ и спокойнымъ образомъ отправлена была къ мѣсту своего назначенія; ибо капелланъ новаго епископа въ Квиллимане свободно дѣлалъ передъ значительнымъ числомъ португальцевъ толкованія д-ру Кирку и Чарльзу Ливингстону на различные ея параграфы и особенно на отсутствіе всякаго замѣчанія о „Леди Піасса“. Когда его слуга поднялся вверхъ по рѣкѣ къ „Піонеру,“ онъ на грубомъ сёррэйскомъ нарѣчіи привѣтствовалъ экипажъ словами: „Я говорю, не получать вамъ, молодцамъ, жалованья послѣ декабря. Я привезъ письмо, которое такъ говоритъ.“ Хотя мы ни на одну минуту не питали мысли, чтобы этотъ въ высшей степени небрежный родъ обращенія съ депешей главнаго статсъ-секретаря ея величества по иностраннымъ дѣламъ былъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ какъ простымъ слѣдствіемъ недостатка въ знаніи свѣта со стороны тѣхъ, которые въ жизнь свою, вѣроятно, еще никогда не видывали правительственныхъ депешъ; однако же, убѣжденіе, что всему экипажу „Піонера“, если бы мы остались на рѣкѣ послѣ декабря, не предстоитъ никакого жалованья, усилило вліяніе, оказываемое на душевное состояніе въ высшей степени подавляющею духъ болѣзнью, именно діарею. Намъ сказали, что мы всего въ десяти дняхъ пути отъ озера

Бемба. Мы могли разсчитывать на послѣднее повышеніе воды въ рѣкѣ. Отъ четырехъ до шести недѣль времени обезпечили бы намъ географическій подвигъ; но дожди были близко. Разные люди обращали наше вниманіе на то, что дожди какъ разъ за спиною, и что тогда мы будемъ окружены болотами и не въ состояніи путешествовать. Приливъ воды въ рѣкѣ могъ быть преждевременнымъ или столь незначительнымъ, что для „Піонера“ предстояла бы только единственная возможность спуститься къ морю. Макололо были лишены бодрости болѣзнью и отъ недостатка пищи и потому страстно желали поспѣть къ своимъ полямъ какъ разъ во-время, чтобы можно было сѣять. Но ко всѣмъ этимъ и другимъ вещамъ прибавлялось еще чувство, что мы поступили бы съ правительствомъ не честно, если бы изъ-за какой-нибудь мелочи отважились задержать „Піонера“ еще на годъ въ рѣкѣ; поэтому мы рѣшили вернуться. Правда, впослѣдствіи мы заболѣли отъ того, что два полные мѣсяца напрасно простояли на суднѣ въ ожиданіи полноводія, которое, какъ мы надѣялись, начнется тотчасъ вслѣдъ за нашимъ прибытіемъ; однако же, досада уменьшалась сознаніемъ, что въ этомъ отношеніи мы поступили съ достоинствомъ, честно, свободно и открыто.

Въ ночь на 29 сентября къ мѣстамъ спанья нашихъ людей пришелъ воръ и укралъ заднюю ногу козы. Когда мы пожаловались заступавшему мѣсто старшины, онъ сказалъ, что воръ бѣжалъ, но что его поймаютъ. Онъ готовъ былъ заплатить штрафъ и предлагалъ курицу и яйца; но такъ какъ мы желали, чтобы штрафу подвергся одинъ только воръ, то посовѣтовали отыскать его и наложить на него штрафъ. Макололо сочли за лучшее взять курицу, считая это средствомъ, чтобы навѣрно оштрафовали. Уладивши это дѣло въ послѣдній день сентября, мы тронулись въ обратный походъ. Чтобы вернуться на судно, у насъ было именно столько же времени, сколько мы употребили, чтобы дойти до этого пункта, и когда мы проходили во второй разъ по той же

мѣстности, то было немного такого, что́ могло бы интересовать насъ.

На нашемъ пути на сѣверо-западъ мы встрѣтили бодрую старуху, которая, когда мы проходили, сильно работала на своемъ огородѣ. Когда-то она была красива, но теперь ея сѣдые волосы составляли рѣзкую противоположность съ темнымъ цвѣтомъ ея лица. Повидимому, она пользовалась бодрою и здоровою старостью. Она привѣтствовала насъ съ тѣмъ что́ въ другомъ мѣстѣ назвали бы хорошимъ приличіемъ, и очевидно съ сознаніемъ, что она заслуживаетъ эпитета „черной, но милой," отвѣчала каждому изъ насъ откровеннымъ: „Да, дитя мое". Другая, матерински смотрѣвшая женщина, и сидѣвшая у одного колодца, начала разговоръ словами: „Вы только-что были у Муази и пришли издалека, не правда ли?" Но вообще женщины никогда не говорятъ съ чужеземцами, если тѣ не обратятся къ нимъ съ вопросомъ; поэтому все, сказанное ими, возбуждаетъ вниманіе. Муази подарилъ намъ когда-то корзину зеренъ. Когда мы сдѣлали намекъ, что мыде не женщины, чтобы молоть зерна, его лукавая супруга съ плутовской веселостью вмѣшалась и сказала: „Я вамъ смелю; и оставлю вамъ Муази, чтобы сопровождать васъ и варить вамъ кушанье въ странѣ, гдѣ заходитъ солнце." Вообще говоря, женщины скромны и сдержаннаго поведенія; не будучи обременены работою, онѣ выказываютъ, однако, много прилежанія. Стоящій въ полѣ хлѣбъ требуетъ осьмимѣсячнаго ухода. Когда затѣмъ жатва собрана, бываетъ много работы, чтобы обратить ее въ питательное средство въ видѣ супа или пива. Зерна разбиваются шестифутовою дубиною, имѣющею около четырехъ дюймовъ толщины, въ большой деревянной ступѣ, похожей на древне-египетскую. Разбиваніе производится двумя или даже тремя женщинами въ одной и той же ступѣ. Каждая женщина прежде, чѣмъ сдѣлать ударъ, прискакиваетъ, чтобы придать ему силу, и съ точностью выдерживаетъ тактъ, такъ что никогда не бываетъ въ ступѣ двухъ пестовъ въ одну и ту же минуту. Мѣрное тукъ-тукъ и дѣятельно работаю-

щія женщины — вотъ явленія, неразлучныя съ каждымъ значительнымъ африканскимъ селеніемъ. При помощи небольшаго количества воды, дѣйствіемъ ударовъ жесткая наружная скорлупа или шелуха отдѣляется отъ зерна, и оно становится готовымъ для мельничнаго камня. Когда зерно не очищено отъ шелухи, мука раздражаетъ желудокъ; когда у работницъ сила незначительная, шелуха крѣпко прилипаетъ къ зерну. Соломонъ думалъ, что и большей силы, чѣмъ какая потребна для отдѣленія жесткой шелухи отъ пшеницы, недостаточно для того, чтобы отдѣлить „глупца отъ глупости его". „Если ты глупца пестомъ въ ступѣ истолчешь въ крупу, то все же глупость не отстанетъ отъ него." Радуга въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется „пестомъ Баримо" или боговъ. Мальчики и дѣвочки, вслѣдствіе постояннаго упражненія съ пестомъ, въ состояніи, при устройствѣ хижины, нѣсколько сходнымъ дѣйствіемъ такъ ловко вскакивать въ землю сваи, что никогда не дадутъ промаха по сдѣланной въ первый разъ ямѣ.

Пусть попробуетъ кто-нибудь, разъ за разомъ со всей силы втыкая сваю, сдѣлать въ землѣ глубокую яму, и онъ пойметъ, какъ трудно попадать всегда въ то же самое мѣсто.

Когда мы разъ проводили ночь не въ хижинѣ, но довольно близко, чтобы слышать, что́ въ ней происходило, трудолюбивая мать начала около двухъ часовъ утра молоть свои зерна. „Ма," спрашивала маленькая дѣвочка: „зачѣмъ ты въ темнотѣ мелешь?" Мама совѣтуетъ своей любимицѣ спать и даетъ ей матеріялъ для сладкаго сновидѣнія, говоря: „Я мелю муку, чтобы у чужеземцевъ купить одежду, въ которой ты будешь точно маленькая дама." Кто наблюдаетъ эти первобытные народы, тотъ безпрестанно попадаетъ на такія маленькія наивныя черты всегдашней человѣческой природы.

Мельница состоитъ изъ гранитнаго, сіенитнаго или слюдосланцеваго обломка, отъ пятнадцати до восемнадцати дюймовъ въ квадратѣ и отъ пяти до шести дюймовъ толщиною, и изъ куска кварца или другаго жесткаго камня, величиною въ пол-

кирпича, одна сторона котораго имѣетъ выпуклую поверхность и соотвѣтствуетъ вогнутому углубленію, находящемуся въ большомъ и неподвижномъ камнѣ. Стоящая на колѣняхъ работница захватываетъ обѣими руками верхній мельничный камень и водитъ его взадъ и впередъ въ углубленіи нижняго камня тѣмъ же самымъ способомъ, какъ пекарь мѣситъ свое тѣсто, нажимая его и откидывая отъ себя.

Мелющая женщина.

Вѣсомъ тѣла надавливаютъ на подвижной камень; между тѣмъ какъ онъ нажимается и катается взадъ и впередъ, одна рука постоянно время отъ времени подбавляетъ немного зеренъ, чтобы такимъ образомъ сначала ихъ раздавить и потомъ смолоть на нижнемъ камнѣ. Этотъ послѣдній устанавливается наклонно, такъ что мука, когда смолота, падаетъ на разостланную для этой цѣли шкуру или цыновку. Это, можетъ быть, самый первоначальный видъ мельницы; она древнѣе употребительной въ восточныхъ странахъ, гдѣ двѣ женщины мелютъ на одной мельницѣ, и, можетъ быть, такова была мельница, которой пользовалась Сара, когда угощала ангеловъ.

Другая часть женскаго труда состоитъ въ заготовленіи

пива. Собранныя зерна сушатся на солнцѣ и разбиваются въ муку, потомъ кипятятся или варятся. Празднество часто заключается тѣмъ, что всѣ, пришедшіе позабавиться, приносятъ свои кирки и разгоняютъ произведенное попойкой опьяненіе

Зерновая мельница туземцевъ.

отрезвляющимъ дневнымъ паханіемъ. Бываетъ, что какая-нибудь пара заключается въ своей хижинѣ подъ предлогомъ болѣзни и сама выпиваетъ всю варку. Обыкновенно же бываетъ такъ: созываютъ всѣхъ друзей и родныхъ женщины, пиво которой предстоитъ выпить; они забавляются разговорами и похваливаютъ пиво хозяйки, будто оно до того хорошо, что „вкусъ прямо доходитъ до затылка“, или, на особомъ жаргонѣ туземныхъ лакомокъ, объявляютъ праздникъ дотого великолѣпнымъ, что каждый шагъ, сдѣланный ими къ дому, побудитъ ихъ желудки говорить: „Тобу, тобу, тобу.“ Только жестокосердый могъ бы возставать противъ того, что́ составляетъ, хотя и скудное, наслажденіе ихъ жизни. Благослови небо ихъ сердца! Да насладятся они плодами труда своего! Мы признаемся однако, что никогда не смотрѣли на обиліе, доставляемое ихъ страною, не обращаясь въ душѣ къ улицамъ и переулкамъ нашихъ большихъ городовъ и не пожалѣвъ о томъ, что грязное и испорченное потомство бѣдности и порока не находитъ пріятностей жизни въ этомъ мірѣ, гдѣ всего много и гораздо больше чѣмъ нужно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Первобытно сдѣланныя запашки въ лѣсахъ. — Сходство охотниковъ съ древнеегипетскими фигурами. — Муази. — Затрудненіе изъ-за проводниковъ. — Бабиза предпринимаютъ проводить насъ до селенія Чинзамба. — Головы бабиза и манганджа. — Различныя характеристическія черты. — Нарѣчія различны, но сродны. — Нкома. — Буа. — Насъ принимаютъ за мазиту и сообразно съ этимъ поступаютъ съ нами. — Упрямый старшина. — Хорошо дрессированный супругъ. — Подавляющая тишина покинутой страны. — Бангве. — Мы встрѣчаемъ мазиту. — Мы съ успѣхомъ показываемъ бодливые рога. — Захарія ускоритъ свой шагъ. — Насъ считаютъ за отрядъ войска.—8 октября мы достигаемъ Моламба на озерѣ Ніасса. — Неудовлетворенный проводникъ и его поведеніе. — Многоженство. — Лоапула и Танганіика. — Доказывается знаніе бабиза о внутреннихъ странахъ. — Ложная тревога отъ мазиту. — Господствующее направленіе на востокъ. — Берегъ озера. — Бѣглецы и ихъ бѣдность. — Мазиту нападаютъ на табачныхъ торговцевъ. — Ружья противъ луковъ.—Мозано.—Селеніе Чинзамба. —Подробныя свѣдѣнія одного владѣльца. — Африканцы не такъ испорчены, какъ ихъ описываютъ. — Подарки. — Проводники. — Живой торгъ невольниками. — Печальныя мысли. — 15 октября, селеніе Катоза. — Его описаніе поведенія аджава. — Ихъ любовь къ краснымъ волосамъ. — Сахарный тростникъ, вѣроятно, туземный. — Бамбукъ. — Катоза одѣвается въ офицерское платье и эполеты. — Его настоящее селеніе и прежнее. — 20 октября мы входимъ въ селеніе Мотунда. — Скрытые запасы провизіи. — Кабамбе и Піанго.—Долина Гоа или Гова. — Лезунгве.—Дружелюбіе туземныхъ женщинъ.—31 октября мы достигаемъ Мукуру-мадсе. Громъ и дождь.—Мокрое платье и лихорадка.

Мы прошли нѣсколько запашекъ изъ которыхъ каждая занимала четверть мили или болѣе. Деревья были всѣ свалены и оставались только пни въ два или три фута вы-

шиною. Срубленное дерево было сложено въ кучи ярдовъ въ пятьдесятъ длиною и ярдовъ въ тридцать шириною; когда оно высохло, его сожгли; зола была разсыпана по вспаханнымъ мѣстамъ, и на нихъ воздѣлывался родъ проса, называемый *маере*, который туземцы ѣдятъ, повидимому, весьма охотно; однако, мука изъ него для нашихъ желудковъ была столько же непереварима, какъ и крупный песокъ. По одной сторонѣ этихъ воздѣланныхъ промежутковъ охотники ставили большія, крѣпкія сѣти, изъ коры боабоба, въ которыя загоняли дичь. Мы видѣли на этихъ возвышенностяхъ около дюжины оленей небольшой величины и нѣсколько зебръ. Мы были совершенно изумлены сходствомъ, какое представляли мужчины, когда они несли свои охотничьи сѣти, съ фигурами на древне-египетскихъ гробницахъ, но относительно населенія число этихъ охотниковъ было весьма ничтожно. Здѣшніе африканцы принадлежатъ обыкновенно къ классу земледѣльцевъ и если надѣятся въ мирѣ пожать свои хлѣба, то наслаждаются довольно покойною жизнью.

2 октября мы попросили у Муази проводниковъ, чтобы отвести насъ прямою дорогою къ селенію Чинзамба у Мозано и такимъ образомъ перерѣзать уголъ, который мы должны бы сдѣлать, подаваясь назадъ къ заливу Кота-кота. Онъ отвѣчалъ, что люди его знаютъ короткую дорогу къ селенію Чинзамба, по которой мы желаемъ идти, но никто изъ нихъ не отважится туда проводить насъ, боясь зулу или мазиту. Поэтому мы выступили въ обратный походъ по нашей старой дорогѣ и послѣ трехчасоваго марша нашли въ одномъ селеніи нѣсколькихъ бабиза, которые обѣщали проводить насъ къ Чинзамба.

Этихъ ревностныхъ торговцевъ встрѣчали мы повсюду. Ихъ легко узнать по ряду горизонтальныхъ морщинъ, изъ которыхъ каждая длиною въ полдюйма, посерединѣ лба и внизу на подбородкѣ. Волосы они часто убираютъ такъ, что собираютъ въ кучу на верхней и задней части головы, а на лбу и вискахъ совершенно сбриваютъ. Головы бабиза и

ваіау или аджава имѣютъ болѣе круглую шарообразную форму, чѣмъ головы манганджа, что́ сказывается замѣтнымъ различіемъ въ характерѣ: между тѣмъ какъ первые — большіе торговцы и путешественники, послѣдніе привязаны къ дому и земледѣлію. Манганджа обыкновенно ввѣряютъ свою слоновую кость бабиза для продажи ея на берегахъ и жалуются, что сдѣланный оборотъ никогда не подходитъ къ тѣмъ высокимъ цѣнамъ, о которыхъ они такъ много слышатъ прежде, чѣмъ пошлютъ свою кость. Въ самомъ дѣлѣ, до того времени какъ бабиза возвратятся, издержки путешествія, на которомъ они часто по мѣсяцу или по два остаются въ мѣстахъ, изобильныхъ съѣстными припасами, обыкновенно поглощаютъ весь барышъ.

У бабиза нарѣчіе различное отъ нарѣчія манганджа, но они совершенно свободно разговариваютъ между собою Когда путешествуешь среди различныхъ племенъ, необходимо хорошо понимать только одно нарѣчіе; тогда легко найти толмача. Мазико, одинъ изъ макололо, уже хорошо выучился нарѣчію манганджа и оказался хорошимъ посредникомъ при сношеніяхъ. Для нашихъ ушей языкъ мотумбока казался гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ языкъ того же самаго племени, манганджа или ваніасса, далѣе къ югу. Глаголъ, напримѣръ, является здѣсь въ страдательныхъ и прошедшихъ временахъ, между тѣмъ какъ у племенъ на Замбези, находящихся въ сношеніяхъ съ иностранцами, эти различія рѣдко замѣчаются Наши новые спутники вели торгъ табакомъ и собрали изрядное количество круглыхъ шаровъ, величиною въ девятифунтовое ядро, въ которые онъ свертывается. Однимъ изъ нихъ владѣла женщина, дитя которой въ это утро было продано за табакъ. Мать, молча плакала по цѣлымъ часамъ и слѣдовала за нимъ вдоль дороги, по которой мы шли. Повидимому, ее хорошо знали, ибо во многихъ деревняхъ женщины разспрашивали ее съ очевиднымъ участіемъ. Мы ничего не могли сдѣлать для облегченія ея горя; дитя продержатъ до прихода. какихъ-нибудь торговцевъ невольниками и затѣмъ продадутъ

за коленкоръ. Разные случаи торга невольниками, какіе мы наблюдали, упоминаются, чтобы дать ясное понятіе его частностяхъ.

Первую ночь, послѣ того какъ мы оставили невольничью дорогу, мы провели въ селеніи Икома, среди отдѣла манганджа, называемаго мачева или мачеба, область которыхъ простирается до Буа. Икома можно бы назвать кузнецомъ которой занимается земледѣліемъ, ибо у него была плавильная печь и много хлѣба и козъ; онъ выказалъ щедрость гораздо бо́льшую, чѣмъ та, какую встрѣчали мы на невольничьей дорогѣ. 5 октября пришли мы къ Буа, русло которой здѣсь совершенно такъ же скалисто, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переходили ее ниже. У насъ справа была гора Нгалла, а слѣва нѣсколько холмовъ. Эта страна вообще волниста и покрыта уродливыми деревьями, между которыми много было подрѣзанныхъ: они были срублены, чтобы сдѣлать просвѣты для охоты. Повсюду мы встрѣчали жителей на огородахъ, гдѣ прилежно приготовляли почву къ приближающимся дождямъ. Мужчины были на деревьяхъ и обивали вѣтви, чтобы предотвратить вредъ, который могла бы нанести тѣнь находящимся подъ ними хлѣбамъ, или уничтожали отпрыски, данные прежде срубленными стволами. Иногда видна была пашущая женщина одна или съ парой мальчиковъ, собиравшихъ сорную и всякую траву въ пучки, чтобы сжечь ее. Въ другой разъ дѣятельно работала вся семья, или собраны были всѣ сосѣди, чтобы работать весь день за изрядное количество пива. Наши проводники постоянно спрашивали у этихъ сборищъ „все ли пиво они выпили.“ Нѣкоторыя женщины поливали свои маисовыя и тыквенныя грядки водою проточныхъ ручьевъ изъ тыквенныхъ бутылокъ и горшковъ. Къ концу жаркаго, сухаго времени года дѣлаютъ онѣ вокругъ грядокъ ямы, засѣваютъ въ нихъ маисъ и поливаютъ его до начала дождей. Этимъ способомъ онѣ ускоряютъ жатву маиса и тыквъ. Слѣдствіемъ того, бываютъ что владѣльцы

въ шесть недѣль отъ начала обыкновенныхъ проливныхъ дождей пользуются уже свѣжимъ зеленымъ маисомъ.

Ближайшимъ селеніемъ, въ которомъ мы переночевали, было точно также селеніе манганджа-кузнеца. Это было прекрасное мѣсто, осѣненное тѣнью высокихъ деревъ эвфорбій. Жители сначала убѣжали, но скоро вернулись назадъ и приказали намъ идти въ палисадъ бабиза почти въ милѣ разстоянія. Мы предпочли остаться на ровномъ, тѣнистомъ мѣстѣ внѣ деревни, вмѣсто того, чтобы забиться въ лишенный деревъ палисадъ. Вдругъ у насъ за спинами появилось отъ двадцати до тридцати мужчинъ, всѣ сполна вооруженные луками и стрѣлами; нѣкоторые изъ нихъ были ростомъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть футовъ и четыре дюйма; однако, эти великаны не постыдились сказать: „мы думали, что вы мазиту, а такъ какъ мы испугались, то и бѣжали прочь.“ Ихъ приказаніе намъ идти дальше, было сдѣлано очевидно со страха, и должно быть въ этомъ же заключалась причина отказа старшины принять одежду или дать намъ хижину; но такъ какъ намъ никогда не представлялось случая замѣтить, какое впечатлѣніе могло бы произвести успѣшное нечаянное нападеніе, то не знали, должно ли порицать ихъ или нѣтъ. Старшина, стройный старикъ кузнецъ, съ огромнымъ, хорошо отдѣланнымъ ножемъ собственнаго издѣлія, одумался въ тишинѣ и, увидя вочію навѣсъ, который, имѣя подъ рукою много длинной травы и кустарниковъ, наши люди устроили въ полчаса, перемѣнилъ мало-по-малу свою тактику: вечеромъ онъ подарилъ намъ объемистый горшокъ супу и прекрасно сваренную курицу, извинился, что былъ такъ грубъ съ чужеземцами, и сожалѣлъ, что сдѣлалъ глупость, отказавшись отъ прекрасной одежды, которую мы ему предлагали. Естественно, ему подарено было другое платье, и мы имѣли удовольствіе разстаться на слѣдующій день добрыми друзьями.

Мы не всегда были такъ счастливы. Однажды, послѣ долгаго, утомительнаго перехода, мы искали мѣста, гдѣ бы можно

было провести ночь. Дорога шла черезъ одно селеніе, но старшина пытался затруднить намъ входъ въ него. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крики, мы шли дальше и съ намѣреніемъ уснуть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ достигли другаго конца его деревни, какъ одна вещь, сказанная имъ, побудила насъ вернуться и расположиться въ срединѣ его города на свободномъ мѣстѣ. Онъ убѣжалъ, и мы тщетно старались примирить его съ собою, хотя провели тамъ двѣ ночи. Въ первую ночь пытался онъ украсть одѣяло съ одного изъ спавшихъ и положилъ между нами рогъ, заключавшій колдовское снадобье; въ слѣдующую ночь онъ бросилъ въ насъ крупный метательный снарядъ въ видѣ большаго камня. Его сосѣди, съ которыми мы говорили о его поведеніи, повидимому, мало объ этомъ думали. „Таковъ человѣкъ, и это ничего не значитъ.“

Нашъ проводникъ, принадлежавшій къ палисаду, близъ котораго мы спали, не рѣшался отважиться на дальнѣйшій путь, когда дошелъ до родины. Пока мы поджидали, чтобы условиться съ другимъ, Мазико попробовалъ купить козу и почти покончилъ торгъ, какъ жена хотѣвшаго продать козу подошла и сказала своему супругу: „Вы поступаете, какъ будто не женатый; вы хотите продать козу, не спросившись вашей жены; какой позоръ для женщины! Что́ вы за мужъ?“ Мазико налегалъ на мужа, говоря: „Закончимъ торгъ; намъ нечего о ней печалиться;“ но тотъ, лучше настроенный, возразилъ: „Нѣтъ, я уже вооружилъ противъ себя рать,“ и отказался отъ сдѣлки. Если это было дѣйствительнымъ образчикомъ домашней жизни, то здѣшнія женщины имѣютъ то же самое вліяніе, какое имѣютъ онѣ въ Лонда, далѣе на западъ, и во многихъ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Замбези, гдѣ мы знали одну женщину, которая приказала своему супругу не продавать курицы, какъ мы замѣтили, единственно для того, чтобы показать чужеземцамъ, что она распорядительница. Мы догадались, что женщинамъ здѣсь оказывается общее уваженіе, потому что, какъ на за-

западѣ, самый обыкновеннѣйшій изъ употребительныхъ возгласовъ: „О мать моя!“ Мы часто слышали его слишкомъ за тридцать миль къ востоку отъ этой страны, когда обитатели принимали насъ за мазиту. Къ югу отъ Замбези чаще всего слышится возгласъ: „Отецъ мой!“

Мы пробирались теперь на востокъ, чтобы спуститься къ берегу озера и въ страны, знакомыя намъ. Страна была прекрасна, богата лѣсомъ и волнообразна, но селенія были всѣ покинуты, и бѣгство обитателей только-что совершилось, потому что хлѣбъ стоялъ нетронутымъ на мѣстахъ уборки. Табакъ, хотя зрѣлый, оставался несрѣзаннымъ на грядахъ, и по всей странѣ было тягостное безмолвіе: подавляющая тишина не была нарушаема ни пѣніемъ птицъ, ни звонкими возгласами женщинъ, оберегающихъ свои хлѣба.

Мы прошли прекраснымъ селеніемъ, называемымъ Бангве, окруженнымъ тѣнистыми деревьями и лежащимъ въ долинѣ между горами, и только-что подивились красотѣ положенія, какъ нѣсколько страшныхъ мазиту выбѣжали съ своими щитами изъ деревни, отъ которой мы были въ разстояніи мили. Они начали звать своихъ спутниковъ поохотиться за нами. Не ускоряя нашего шага, мы продолжали идти и скоро вошли въ лѣсъ, такъ какъ черезъ него вела тропинка, которой мы держались. Первое указаніе, по которому узнали мы о приближеніи мазиту, было сдѣлано іоанницемъ Захаріей, который постоянно отставалъ, а теперь бѣжалъ, какъ будто дѣло шло о его жизни. Связки были сложены всѣ на безопасномъ мѣстѣ, Мазико и д-ръ Ливингстонъ сдѣлали нѣсколько шаговъ навстрѣчу идущему врагу. Мазико сталъ на колѣни, страстно желая выстрѣлить, но получилъ приказаніе не дѣлать этого. Черезъ секунду или двѣ между деревьями показались темныя фигуры, и мазиту были спрошены на ихъ нарѣчіи: „чего вы хотите?“ къ чему Мазико прибавилъ еще: „что вы скажете?“ Отвѣта никакого не получено, но темныя тѣни исчезли изъ лѣса. Они очевидно приняли насъ за туземцевъ, и появленія одного бѣлаго чело-

вѣка было достаточно, чтобы обратить ихъ въ бѣгство. Если бы мы были ближе къ берегу, гдѣ жители привыкли къ торговлѣ невольниками, то это дѣло не могло бы обойтись намъ такъ легко; но жители внутреннихъ странъ имѣютъ обыкновенно болѣе мягкій характеръ, чѣмъ живущіе на границахъ цивилизаціи.

Предъидущимъ небольшимъ приключеніемъ ограничилась вся опасность, предстоявшая намъ въ этомъ путешествіи; но изъ португальскихъ селеній по Замбези было распространено извѣстіе, сходное съ различными слухами, которые уже прежде были въ обращеніи, именно, что д-ръ Ливингстонъ убитъ своими макололо, и къ величайшему несчастію, это извѣстіе достигло Англіи прежде, чѣмъ можно было его опровергнуть.

Одна выгода получена отъ приключенія съ мазиту. Захарія и другіе, которыхъ даже слишкомъ часто журили за то, что они все отставали, заняли теперь мѣста въ переднемъ отдѣлѣ, и намъ не было никакого затрудненія въ продолженіе нѣсколькихъ дней дѣлать весьма длинные переходы, потому что всѣ думали, что мазиту слѣдуютъ за нами по пятамъ и нападутъ на насъ во время сна.

Прежде, чѣмъ мы начали дѣйствительно спускаться въ долину озера, мы тянулись по весьма холмистой области, прорѣзанной многими оврагами и покрытой деревьями. Нѣсколько разъ, когда мы вступали въ глубокую долину, или влѣзали на крутой холмъ, наши уши были поражаемы крикомъ: „нкондо! нкондо!“ (война, война!) и звонкимъ плачемъ женщинъ: „о мае!“ (о мать!). Жители отвѣчали на наши разспросы о ведущихъ на высоты дорогахъ, но ни одинъ близко не подходилъ къ намъ. Дорога, по которой, мы наконецъ, спустились, была весьма хорошо выбрана; она шла вдоль горныхъ сходовъ, поднимавшихся съ различныхъ пунктовъ этой стороны большой долины, и была миль на тридцать относительно ровная. Разстояніе отъ вершины возвышенности до лежащей внизу долины составляло около пятидесяти миль; и когда мы встрѣчали жителей, шедшихъ съ

равнины собирать дикіе плоды въ лѣсахъ, то они считали за большую новость, что мы видѣли дѣйствительно мазиту. Область, въ которую мы спустились, все еще называлась Банго, и по ней протекалъ въ озеро красивый потокъ, по имени Фуриза. Здѣсь у жителей были большія поля стоящаго въ колосьяхъ маиса, который былъ воздѣланъ въ сухое время года въ ямахъ съ помощью воды, просачивавшейся сквозь песокъ изъ Фуриза.

8-го октября пришли мы въ Моламба, на берега озера и превосходно выкупались. Намъ чрезвычайно хотѣлось снова увидѣть Нкомо, старшину, потому что одинъ проводникъ, котораго онъ намъ далъ, не былъ разсчитанъ. Иногда намъ дурно служили, и случалось, что насъ покидали люди, которыхъ мы брали. Въ самомъ дѣлѣ, при жалобахъ на непріятности, встрѣчающіяся кому-нибудь въ путешествіи, случаи съ проводниками должны занимать видное мѣсто. Они не находятъ большаго удовольствія служить на пароходѣ; мы тоже не нашли бы въ этомъ удовольствія. Въ этомъ случаѣ мы, однако, были виноваты. Послѣ того, какъ человѣкъ прошелъ съ нами пятнадцать миль, онъ вдругъ остановился на походѣ и сказалъ, что хочетъ насъ оставить. Мы сказали, что онъ долженъ пройти еще съ нами до ближайшаго селенія; тамъ мы остановимся отдыхать и разсчитаемся съ нимъ. Мы его никогда уже не видали. Когда мы сказали объ этомъ Нкомо, то узнали, что, взявши именно этого проводника, мы, сами того не зная, способствовали бѣгству двухъ женъ старшины. Пока онъ шелъ съ нами, онъ телеграфировалъ сзади находившимся дамамъ и, повидимому, когда сдѣлалъ намъ предложеніе оставить насъ, получилъ сигналъ, что съ нашей дороги онъ долженъ повернуть на западъ. По многочисленнымъ примѣрамъ страданій многоженца, видѣнными нами, мы должны догадываться, что у него не можетъ быть много радостей; однако же, какъ мы думаемъ, можно сказать кое-что и за, и противъ. Вѣрно то, что многоженство причина всякаго рода непріятностей для дѣтей, которыя уча-

ствуютъ во всѣхъ вспышкахъ ревности, гнѣва и ненависти матерей.

Пока мы были въ Моламба, съ сѣверозапада пришла туда толпа табачныхъ торговцевъ, бабиза. Одинъ изъ нихъ подтвердилъ нѣсколько разъ, что Лоапула, вышедши изъ Моэло, принимаетъ Лулуа, потомъ течетъ въ озеро Мофу и оттуда въ Танганіика; изъ послѣдняго озера она изливается въ море. Таково представленіе туземцевъ о географіи внутреннихъ странъ, и, чтобы убѣдиться въ общихъ свѣдѣніяхъ нашего докладчика, мы спросили его о нашихъ знакомыхъ въ Лонда: о Моэне, Катема, Шинде или Шинте, жившихъ на югозападъ отъ упомянутыхъ рѣкъ, и нашли, что наши тамошніе друзья были совершенно извѣстны ему и нѣкоторымъ другимъ изъ этихъ путешествующихъ туземцевъ. Вечеромъ прибыли два бабиза и разсказывали, что мазиту преслѣдовали насъ до селенія, называемаго Чигарагара, у котораго мы ночевали при подошвѣ спуска. Все общество торговцевъ тотчасъ пустилось въ дорогу, хотя солнце закатилось. Мы сами подали поводъ къ происхожденію этого слуха, ибо женщины изъ Чигарагара, издали принявшія насъ за мазиту, бѣжали со всѣми своими хозяйственными запасами на головахъ и впослѣдствіи не имѣли случая замѣтить свою ошибку. Мы переночевали тамъ, гдѣ были, и, отказавшись отъ предложенія Нкомо идти на охоту за слонами, продолжали нашъ путь на югъ вдоль береговъ озера.

Мы только въ одно время года были на озерѣ. Тогда вѣтеръ дулъ сильно съ востока, и это на самомъ дѣлѣ его господствующее направленіе до самой Оранжевой рѣки. Сѣверный и южный вѣтеръ рѣдки и обыкновенно продолжаются не долѣе трехъ дней. Такъ какъ вѣтеръ теперь дулъ на насъ черезъ большую массу воды, то онъ былъ въ высшей степени непріятенъ, а когда онъ дулъ намъ навстрѣчу на возвышенности, то былъ такъ силенъ, что много затруднялъ насъ на ходу и значительно увеличивалъ трудност и путешествія. Здѣсь вѣтеръ нанесъ большія массы расте ній

(изъ семейства Vallisneriæ), изъ которыхъ туземцы выжиганіемъ добываютъ соль, и которыя, когда ихъ жуешь, тотчасъ даютъ чувствовать ее. По озеру носились облака кунго, или съѣдобныхъ мошекъ, и много ихъ отдыхало на стоящихъ по берегу кустахъ.

Тростникъ вдоль берега озера былъ все еще полонъ бѣглецами, и со времени нашего перваго посѣщенія, должно быть, была большая смертность; ибо послѣ того, какъ истребленъ былъ хлѣбъ, принесенный съ собою этими несчастными, насталъ голодъ. Теперь мы шли мимо многихъ женщинъ и дѣтей, выкапывавшихъ корни ароматической травы почти съ горошину величиной, и ихъ изможденныя фигуры показывали, что эта бѣдная, скудная пища далеко еще не могла утолить мукъ голода. Грудные младенцы радостно улыбались намъ, когда мы проходили мимо, между тѣмъ какъ матери ихъ стояли на колѣняхъ и копали корни. Бѣдныя крошки, получавшія еще питаніе изъ естественныхъ источниковъ, ничего не знали о томъ замираніи сердца, какое должны были чувствовать ихъ родители, зная, что скоро должно исчезнуть питаніе для ихъ малютокъ. Никто не хотѣлъ продать намъ ни кусочка съѣстнаго. Даже рыбаки не разставались съ данью своихъ сѣтей, развѣ въ обмѣнъ на съѣстные припасы какого-нибудь другаго рода. Множество свѣжихъ могилъ показывало, что много людей уже погибло, и многіе были такъ истощены, что походили на человѣческіе скелеты, обтянутые бурою и морщинистою кожею. Когда проходишь милю за милей, отмѣченныя этими печальными доказательствами, что „безчеловѣчіе къ людямъ повергаетъ въ трауръ безчисленныя тысячи," то испытывается одолѣвающее чувство безсилія уменьшить человѣческія страданія и несется тихая молитва къ Всемогущему, чтобы Онъ ускорилъ долженствующее наступить доброе время, „когда всѣ люди безразлично будутъ братьями." При всемъ этомъ бѣдствіи нельзя было не обратить вниманія на одно мало-утѣшительное обстоятельство: зло это было про-

изведено язычниками мазиту, я не тѣми или не ради тѣхъ, которые говорятъ Ему, Высочайшему изъ высшихъ: „Вѣруемъ, что ты прійдешь судить насъ.“

Мы переправились черезъ Моколе, отдохнули въ Читанда, затѣмъ покинули озеро и повернули на сѣверозападъ къ селенію Чинзамба. Наши спутники, такъ сильно пострадавшіе отъ разрѣженнаго воздуха возвышенности, хотя теперь были всего на 1,300 фут. надъ моремъ, все еще носили слѣды изнуренія и не прежде вошли снова въ тѣло и оживились, какъ по вступленіи нашемъ въ долину нижней Шире, высота которой такъ ничтожна, что разница не можетъ быть опредѣлена безъ одновременнаго наблюденія барометра тамъ и на морскомъ берегу.

На большой равнинѣ, на которой мы провели ночь, встрѣтили мы общество изъ восьмидесяти табачныхъ торговцевъ на пути ихъ изъ Казунгу къ селенію Чинзамба. Около того мѣста, гдѣ зулу бѣжали отъ насъ, не отвѣтивъ на наши вопросы, мазиту напали на нихъ и двухъ изъ нихъ убили. Торговцы были теперь въ такомъ страхѣ, что вмѣсто того, чтобы идти съ нами прямою дорогою, ушли ночью, чтобы добраться до береговъ озера въ Ценга и затѣмъ направиться на западъ. Уже одинъ видъ щитовъ или огнестрѣльнаго оружія внушаетъ ужасъ. Стрѣлки изъ лука чувствуютъ себя совершенно безпомощными, даже и тогда, когда врагъ приходитъ только подъ ничтожнымъ прикрытіемъ кожаныхъ щитовъ или нападаетъ въ открытомъ полѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они могутъ пустить нѣсколько стрѣлъ, но они такіе жалкіе стрѣлки, что можно держать десять противъ одного, что дадутъ промахъ. Единственное, что дѣлаетъ стрѣлу страшной, это — ядъ; ибо если вошелъ отравленный крючекъ, ничто не можетъ спасти раненаго. На нижнемъ концѣ озера Ніасса, а еще болѣе въ странѣ маравн, употребителенъ лукъ шириною отъ шести до восьми дюймовъ, которымъ пользуются разомъ и какъ щитомъ, и какъ лукомъ; но мы никогда не видали ни одного, на которомъ

были бы слѣды вражеской стрѣлы. Щитъ зулу, длиною отъ четырехъ до пяти футовъ, овальной формы и шириною около двухъ футовъ, очевидно не похожъ на эти. Ужасъ, внушаемый

Лукъ маривп.

этимъ щитомъ, такъ великъ, что мы иногда сомнѣвались, зулу ли вообще здѣшніе мазиту, и догадывались, что жители страны обращаютъ въ свою пользу этотъ страхъ и, запасшись щитами, выдаютъ себя за принадлежащихъ къ племени зулу.

11-го октября прибыли мы въ палисадъ Чинзамба въ Мозапо и имѣли основаніе быть весьма довольными его дружелюбіемъ. Парафиновая свѣча въ его глазахъ была величайшею роскошью, а умѣнье мгновенно доставать огонь при помощи спички — чудомъ, повергшимъ его въ изумленіе. Онъ собралъ всѣхъ своихъ родичей въ разныя группы, чтобы посмотрѣть заморскія чудеса — мгновенное добываніе огня и свѣчу, не оставляющую неудобствъ огня и дыма въ комнатѣ. Когда они въ темнотѣ хотятъ сыскать что-нибудь, то зажигается пучекъ сухой травы. Наши книги тоже были предметомъ удивленія. Представленіе, составленное ими о книгахъ, то, что онѣ — орудія нашей мудрости. Ихъ же орудія суть кусочки дерева, рогъ и бабки изъ костей различныхъ животныхъ, вмѣстѣ съ чешуями ящера (Manis), которыя, смотря потому, какъ упадутъ, когда ихъ бросаютъ на землю, показываютъ, какимъ образомъ вѣщунъ долженъ отвѣчать на предложенные ему вопросы. О секстантѣ и искусственномъ горизонтѣ, о тяжести ртути, которую наши люди назвали „иностранною водою“, обо всемъ этомъ допытывались съ такимъ интересомъ, съ какимъ мы въ первое время принимаемся за что-нибудь новое и странное. Во многихъ сот-

нихъ случаевъ, когда мы сидѣли съ фонаремъ и смотрѣли на звѣзды, сколько намъ извѣстно, ни одного раза не возникло подозрѣнія, что мы занимаемся колдовствомъ. Такъ какъ намъ вполнѣ была извѣстна общая вѣра въ волшебство и колдовство, то насъ очень удивляло, что никогда до нашихъ ушей не доходило заявленій о томъ, что эта „иностранная вода“, должно быть, употребляется на что-нибудь другое, а не для измѣренія разстояній и не для опредѣленія дороги по новой странѣ. Единственное основаніе, для нашей безнаказанности какое мы можемъ припомнить, это, тотъ фактъ, что мы старались давать истинное объясненіе того, что́ дѣлали. Случай съ Секваша, упомянутый въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія произошелъ, какъ мы догадываемся, отъ того, что онъ сказалъ людямъ, будто часы, изъза которыхъ онъ былъ оштрафованъ, служили ему фетишами или колдовскими средствами.

Во время нашихъ посѣщеній Чинзамба онъ нерѣдко удостоивалъ насъ своимъ сообществомъ. Какъ мы часто замѣчали въ другихъ случаяхъ, владѣтель много можетъ сдѣлать, руководя дѣлами своего народа. Его спрашиваютъ при всякихъ обстоятельствахъ, и онъ высказываетъ свой совѣтъ потокомъ словъ, выказывающихъ весьма вѣрное знакомство съ топографіей его области; онъ также знаетъ каждую воздѣланную гряду, каждую поставленную въ рѣкѣ рыболовную корзину, каждую охотничью сѣть, каждый ткацкій станокъ, каждое кушанье и каждое дитя своего племени. О каждомъ, вновь родившемся ребенкѣ, докладывается ему, и онъ посылаетъ родителямъ поздравленіе и пожеланіе счастья.

Имѣвъ случай обращаться съ различными владѣтелями мы не въ состояніи были открыть причины, по которой „сочинители сенсацій“ придаютъ смѣшную наружность африканскимъ начальникамъ. Такъ какъ старшины и народъ, всегда становятся тѣмъ хуже, чѣмъ ближе подходимъ мы къ границамъ цивилизаціи, то вѣроятно, что описываемое упомянутыми сочинителями тупое звѣрство на западномъ берегу

есть отраженіе общаго характера торговли, съ которой одной только имѣютъ дѣло многіе изъ тамошнихъ владѣтелей. Когда владѣтели освѣдомлялись у насъ о чемъ-нибудь, мы находили, что наши отвѣты были, бо́льшею частію, удовлетворительны, если мы старались вообразить самихъ себя въ положеніи спрашивавшаго, а его въ положеніи бѣднаго, необразованнаго англійскаго поселянина. Скромность, почтительность разговора и обхожденія, свойственная человѣку „мало-мальски деликатному и образованному“, почти всегда обезпечиваютъ дружбу и благосклонность африканцевъ.

Подарки, которые мы дѣлали, по обычаю страны, каждому старшинѣ въ мѣстахъ, гдѣ проводили ночь или болѣе долгое время, измѣнялись отъ четырехъ до восьми ярдовъ коленкора. Съ нами было нѣсколько манчестерскихъ одеждъ, сдѣланныхъ по образцу, накидокъ изготовляемой туземцами западнаго берега, и стоившихъ отъ пяти до шести шиллинговъ. Болѣе значительнымъ владѣльцамъ давали мы, вмѣсто коленкора, одну изъ этихъ крѣпкихъ пестрыхъ накидокъ, желѣзную ложку, ножикъ, иглы, оловянное блюдо или сковородку и находили, что эти подарки цѣнились выше, чѣмъ втрое болѣе стоющее количество выбойки. Вещь цѣною отъ восьми до десяти шиллинговъ съ избыткомъ удовлетворяла самаго корыстнаго; но подъ этимъ нужно понимать фабричную цѣну этихъ предметовъ; торговецъ оцѣнилъ бы подобную щедрость иногда отъ 30 до 50 фунтовъ стерлинговъ. Въ иныхъ случаяхъ подарки, которые мы давали, превосходили цѣнность того, чѣмъ насъ отдаривали; въ другихъ, избытокъ щедрости былъ на сторонѣ туземцевъ.

Мы никогда не просили дозволенія пройти черезъ страну, а просто говорили, куда хотимъ пройти, и просили проводника; если въ проводникахъ отказывали, или они требовали платы впередъ, то мы старались, чтобы они провели насъ началу дороги, и тогда говорили, какъ намъ жаль, что мы не могли сойтись съ проводниками; тогда обыкновенно они отправлялись вмѣстѣ съ ними. Бо́льшаго труда стоило это, когда мы

вступали въ страну мазиту, или зулу, потому что тамъ правительственная власть простирается на весьма большую область, между тѣмъ какъ у манганджа каждая маленькая область независима отъ всякой другой. Здѣшніе жители не знаютъ вынудительной системы баніан, или народа, страну котораго изслѣдовали Спикъ и Грэнтъ.

На нашемъ обратномъ пути отъ Чинзамба къ селенію Чемби, отъ его селенія къ Ивинда и оттуда къ резиденціи Катоза мы видѣли жителей работающими на своихъ огородахъ только около палисадовъ. Эти укрѣпленія были усилены вѣтвями акацій, которыя были покрыты жесткими крючковатыми шипами и всѣ переполнены людьми. Воздухъ былъ теперь чище, чѣмъ тогда, когда мы шли на сѣверъ, и мы могли видѣть холмы цѣпи Кирка, находившіеся въ пяти или шести миляхъ отъ нашей дороги. Солнце жгло весьма сильно, и люди чувствовали это больше всего своими ногами. Каждый, кто могъ добыть кусокъ козьей кожи, дѣлалъ себѣ изъ нея пару сандалій.

Въ то время, какъ мы сидѣли въ селеніи Ивинда, одинъ мужчина очевидно съ большою радостью говорилъ за плетнемъ резиденціи, что по ту сторону мѣста соединенія Шире съ озеромъ находится толпа арабовъ, обращающихъ въ неволю, охотно дающихъ за мальчика двѣ и за дѣвочку двѣ съ половиною саженн коленкору; что онъ никогда не видалъ такого быстраго торга и что совсѣмъ не было перерыва.“ Эта толпа закупала невольниковъ для торга ими по берегамъ озера. Одно изъ золъ этойторговли состоитъ въ томъ, что она выигрываетъ отъ каждаго несчастія, случающагося въ какой-нибудь мѣстности Торговецъ невольниками естественно извлекаетъ выгоду изъ каждой смуты, и если въ настоящемъ случаѣ онъ и спасетъ отъ смерти нѣсколькихъ человѣкъ, которые иначе погибли бы, то все же усиливаетъ ненависть и укореняетъ войну между племенами, потому что чѣмъ болѣе онѣ воюютъ и побѣждаютъ, тѣмъ богаче бываетъ жатва торговца. Гдѣ обращеніе въ неволю и скотоводство не извѣстны, тамъ народъ живетъ въ

мирѣ. Когда мы сидѣли, прислонясь къ изгороди, и прислушивались къ словамъ агента торговцевъ невольниками, въ душѣ нашей мелькнула мысль, что это ужасный міръ, лучшее не въ состояніи сказать худшему: „Дай мѣсто! ибо я священнѣе тебя.“ Торговецъ невольниками, исполненный, безъ сомнѣнія, нѣкоторыми нѣжными чувствами, но все же слѣдующій призванію, дѣлающему его великолѣпнымъ образцемъ человѣка-дьявола, группируется для всевидящаго ока въ одну ужасную картину съ тѣми, которые посылаютъ торговцевъ невольниками, равно и со всѣми коноводами грѣха и бѣдъ въ болѣе благополучныхъ странахъ.

15-го октября прибыли мы въ селеніе Катоза и нашли около тридцати молодыхъ мужчинъ и мальчиковъ въ невольничьихъ колодкахъ. Они были куплены другими агентами арабовъ, обращателей въ неволю, находившихся все еще на восточной сторонѣ Шире. Лишь только мы расположились въ селеніи, владѣльцы этихъ несчастныхъ вскорѣ увели ихъ. Тяжесть невольничьей колодки оказывается весьма обременительною, когда бѣдные люди пытаются заснуть въ ней. Это страшное орудіе оставляется на нихъ до тѣхъ поръ, пока толпа перейдетъ черезъ нѣсколько рѣкъ и у плѣнниковъ исчезнетъ всякая надежда на побѣгъ.

Когда мы объяснили Катоза, какую несправедливость онъ дѣлаетъ, продавая свой народъ въ рабство, онъ увѣрялъ насъ, что тѣ, которыхъ мы видѣли, принадлежали арабамъ, при чемъ прибавилъ, что у него уже слишкомъ мало народа. Онъ говорилъ намъ, что жилъ у маленькаго озера Памаломбе; но аджава, или мачинга, подъ предводительствомъ Каниька и Карамба; и толпа бабиза, подъ предводительствомъ, Маонга побудили его переправиться съ ними черезъ Шире; они довольно долго жили на его счетъ и наконецъ украли его овецъ, что побудило его бѣжать въ то мѣсто, гдѣ онъ теперь живетъ; при этомъ бѣгствѣ онъ потерялъ многихъ изъ своихъ людей. Этотъ разсказъ объ обычномъ поведеніи аджава совершенно согласуется съ тѣмъ, что говорили сами эти люди, и

даетъ весьма невысокое понятіе о ихъ нравственномъ состояніи. Они не нерѣдко нарушаютъ всѣ законы гостепріимства, мѣсяцы проживши на счетъ манганджа и внезапнымъ нападеніемъ одолѣвая и умерщвляя своихъ хозяевъ или изгоняя ихъ изъ наслѣдственныхъ владѣній. Тайна ихъ счастливаго успѣха — обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Здѣсь опять было нѣсколько аджава и при нашемъ прибытіи хотѣли удалиться, но Катоза возражалъ имъ, что имъ нечего насъ бояться. Красныя бусы сидѣли у нихъ на волосахъ такими густыми рядами, что въ небольшомъ разстояніи казалось, будто они въ красныхъ колпакахъ. Странно, красные волосы, говорятъ, вообще по вкусу здѣшнимъ и далѣе на сѣверъ живущимъ африканцамъ. На югѣ употребляютъ черную слюду, называемую *себило*, и даже сажу, чтобы сдѣлать цвѣтъ волосъ темнѣе; здѣсь же многіе вымазываютъ голову красною желѣзною охрою, другіе вплетаютъ въ волосы краснаго цвѣта кору какого-то дерева, употребляется также и красный порошекъ, называемый *мукуру*, который добывается, по однимъ, изъ земли, а, по другимъ, изъ корней какого-то дерева.

Такъ какъ есть сомнѣніе, туземенъ ли въ этой странѣ сахарный тростникъ, или нѣтъ, то мы заставили Катоза снабдить насъ обѣими воздѣлываемыми здѣсь разновидности, съ намѣреніемъ доставить ихъ на Іоанна. Одна изъ нихъ желтая, а другая похожа на видѣнную нами въ долинѣ Бароце, съ темнокрасными и желтыми, пятнами или совершенно красная. Мы видѣли „стрѣлки“, или разцвѣтъ послѣдней. Бамбукъ также даетъ сѣмена, и жители, говорятъ, пользуются ими, какъ съѣстнымъ припасомъ. У сахарнаго тростника есть туземныя названія, которыя заставили насъ предположить, что онъ и самъ туземенъ здѣсь. Онъ называется *зимби*, далѣе къ югу—*мезари*, а въ центрѣ страны — *мешіяти*. Что́ было введено въ новѣйшее время, напримѣръ маисъ, тонкій хлопокъ или маніокъ, то носитъ названія иностраннаго происхожденія.

Такъ какъ Катоза былъ весьма благосклоненъ и, повиди-

мому, довѣрялъ, потому что д-ра Ливингстона называлъ своимъ добрымъ духомъ, то ему было подарено платье морскаго офицера вмѣстѣ съ эполетами, которое офицерами ея величества судна „Лира“ (капитанъ Ольдфильдъ), послано было для владѣтеля, схватившаго и казнившаго убійцъ покойнаго д-ра Рошера. Мы брали его съ собой на Ровума съ намѣреніемъ подарить его этому владѣтелю, если бы имѣли счастіе его встрѣтить; но на мѣстѣ, съ котораго должны были вернуться, ничего не могли узнать о немъ. Д-ръ Рошеръ, ходившій съ обществомъ арабовъ, не былъ извѣстенъ жителямъ за европейца, и мы находили нѣсколько неловкимъ освѣдомляться о комъ-то, убитомъ. Тѣ, которые знали кое-что объ этомъ дѣлѣ, естественно питали подозрѣніе, что за нашими разспросами таится родство и спутникъ этого родства — мщеніе; оттого послѣ тщетныхъ розысковъ мы взяли этотъ подарокъ съ собою сюда. Такъ какъ невѣроятно было, чтобы мы скоро попали на восточную сторону озера, то мы отдали его Катоза съ обстоятельнымъ разъясненіемъ причинъ, почему носили его съ собою. Полагаемъ, что если какой-нибудь будущій путешественникъ обратится къ Катоза за помощью, онъ съ радостью будетъ содѣйствовать ему до послѣдней возможности.

Селеніе Катоза расположено между колоссальными деревьями, дающими прекрасный строительный матеріялъ. Въ окрестности растетъ нѣсколько кофейныхъ кустарниковъ съ бобами, совершенно похожими на бобы обыкновеннаго кофе, но ихъ никогда не пробовали употреблять. Есть въ этой странѣ и различныя хинныя деревья, а нѣкоторые изъ дикорастущихъ плодовъ такъ хороши, что возбуждаютъ чувство сожалѣнія, зачѣмъ не улучшаются они воздѣлываніемъ или чѣмъ инымъ, посредствомъ чего плоды въ нашихъ странахъ доведены до ихъ настоящаго совершенства. Катоза жаловался, что эта мѣстность значительно хуже его прежняго селенія на Памаломбе; тамъ у него круглый годъ былъ маисъ въ различныхъ степеняхъ развитія. Однако, намъ казалось, что если бы онъ

вырывалъ ямы и пользовался находящейся внизу влажностью, то ему вполнѣ удалось бы дать ростъ хлѣбамъ и въ самое сухое время года. Макололо сдѣлали замѣчаніе, что „здѣсь для маиса нѣтъ времени года,“ чѣмъ они хотѣли сказать, что весь годъ удобенъ для его роста и вызрѣванія. Орошеніемъ можно производить послѣдовательный рядъ хлѣбныхъ жатвъ повсюду въ южной части Африки лежащей между тропиками.

Когда мы, 20 октября, были у Мотунда, онъ свободно и откровенно сказалъ намъ, что всѣ жизненные припасы туземцевъ попрятаны въ цѣпи Кирка. Такъ какъ его селеніе было послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ можно было купить хлѣба, прежде чѣмъ мы достигнемъ судна, то мы подождали, пока онъ послалъ своими скрытыми запасами. Высоко расположенная страна по ту сторону горъ, стоявшихъ теперь справа у насъ, называется Деза, и въ ней живутъ марави, манганджа только другаго племени. Главный владѣтель называется Кабамбе и живетъ въ мирѣ и изобиліи, такъ какъ никогда не былъ потревоженъ войною. Козы и овцы тучнѣютъ тамъ, а у Ніанго, владѣтельницы, живущей далѣе къ югу, есть стада рогатаго скота. Страна, лежащая высоко, должна быть прохладна, и въ ней есть большія, обильныя кормовою травою равнины, лишенныя деревъ. Марави, говорятъ, храбры и хорошіе стрѣлки изъ лука; но по всей странѣ, которою мы проходили, ружья даютъ торгующимъ племенамъ возможность одолѣвать земледѣльческіе и ремесленные классы.

Пока мы взбирались на долину Гоа или Гова, густой туманъ разсѣялся, и всѣ горы можно были видѣть совершенно ясно. Въ рядахъ темнозеленыхъ густыхъ деревъ, вдоль рѣкъ жужжащимъ хоромъ пѣли рои кобылокъ, что́ мѣстами походило на шумъ пятидесяти находящихся на огнѣ сковородъ. Сильный проливень, выпавшій за нѣсколько времени до того, очистилъ атмосферу и вызвалъ къ жизни насѣкомыхъ.

Когда мы поднялись къ концу долины, какъ разъ противъ горы Мваи, то на мгновеніе оглянулись, чтобы запечатлѣть въ нашей памяти красоты величественной долины. Жаръ солнца

былъ теперь невыносимъ, и Мазико, полагавшій, что зной еще усилится предложилъ послать на судно и достать оттуда койку, чтобы нести въ ней того, кто не выдержитъ. Это было дѣйствительно хорошо придумано. Когда д-ръ Ливингстонъ заснулъ послѣ утомительнаго перехода, то отверстіе въ кровлѣ хижины, въ которой онъ спалъ, дало возможность солнечнымъ лучамъ упасть на его голову, онъ почувствовалъ сильную головную боль и глухоту. Лежа почти безъ памяти Ливингстонъ чувствовалъ, какъ Мазико нѣсколько разъ поднималъ его на постель, съ которой онъ скатывался, и прикрывалъ его.

24-го мы снова были въ Банда, въ селеніи Чазунду, и могли теперь ясно видѣть жаркую долину, по которой течетъ Шире, и горы Мангандка, лежащія по ту сторону ея на юговостокъ отъ насъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать дорогой, по которой шли, мы рѣшились идти на югъ вдоль Лезунгве, вытекающей изъ Зундже, одной вершины на томъ же, хребтѣ, на которомъ находится Мван и который составляетъ часть цѣпи Кирка, ограничивающей страну марави, живущихъ къ западу отъ насъ. Это почти граница округа португальскихъ торговцевъ, и только недавно они стали ходить такъ далеко, слѣдуя по нашимъ слѣдамъ. Невѣроятно, чтобы духъ предпріимчивости завелъ ихъ далѣе на сѣверъ, ибо Чазунду сообщилъ намъ, что бабиза продаютъ дешевле, чѣмъ агенты изъ Тетте. Онъ пробовалъ завести торгъ съ послѣдними, когда они пришли въ первый разъ; но они давали только десять саженъ коленкору за бивень, за который бабиза давали ему двадцать саженъ и немного пороху. Намъ постоянно приносили слоновью кость на продажу, и, на сколько мы могли заключить, ожидаемая цѣна почти равняется одному ярду коленкора за фунтъ или, можетъ быть, поболѣе, ибо тутъ нѣтъ никакой мѣры для опредѣленія цѣнности. Повидимому, принято за правило, что покупатели и продавцы долго убиваютъ время на попытку обмануть другъ друга прежде, чѣмъ сойдутся въ цѣнѣ.

Мы нашли, что Лезунгве близъ своихъ источниковъ была

стройною рѣкою, а когда она принимаетъ Лекудзи, вытекающую изъ страны марави, то становится почти въ сорокъ фут. шириною и по колѣно глубиною. Берега и сходы къ рѣкѣ сухи и тверды. Почва сильно смѣшана съ распавшимся гнейсомъ и слюдянымъ сланцемъ и не такъ плодородна, какъ обыкновенно въ этой странѣ. Гнейсу и слюдяному сланцу ихъ настоящее склоненіе было придано гранитными массами, образующими цѣпь Кирка. Надъ народомъ прошелъ бичъ торговли невольниками аджава и теттеанскихъ купцевъ. Толпа послѣднихъ, предводимая однимъ бѣлымъ португальцемъ, — вѣроятно однимъ изъ губернаторскихъ солдатъ-преступниковъ, — дѣйствительно, въ это самое время была на Лезунгве.

Цесарки въ изобиліи, но хлѣба нельзя было купить, ибо маисъ и тыквы были воздѣланы только на лежащихъ вдоль береговъ островкахъ. Со времени вторженія торговцевъ невольниками и уничтоженія запасовъ, какіе были сдѣланы, не прошло еще достаточно времени, чтобы выросла хлѣбная жатва въ прилегающихъ участкахъ. Торговаться съ ними о нѣсколькихъ головкахъ маиса было совершенно то же, что хотящему ѣсть торговаться съ голоднымъ; поэтому мы спѣшили далѣе на югъ, какъ только позволялъ намъ невыносимый зной. Идти среди дня было невозможно, — такъ невыносимъ былъ жаръ, а ночью мы не могли путешествовать, потому что, случайно встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь изъ жителей, были бы приняты за хищниковъ. Когда мы, въ сопровожденіи Мазего, дѣлали однажды обходъ, чтобы поискать буйвола или цесарокъ, мы наткнулись на нѣсколько женщинъ, работавшихъ на своихъ маисовыхъ участкахъ. Пока мы сидѣли подъ деревомъ, онѣ черпали для насъ воду и весело разговаривали съ нами. На шумъ скоро прибѣжалъ одинъ изъ ихъ супруговъ выказалъ величайшую охоту къ бою. Забавно было видѣть дѣйствіе спокойныхъ рѣчей Мазего на нашего воинственнаго посѣтителя, который, между тѣмъ какъ мы покоились въ тѣни, занялъ

весьма крѣпкую позицію на возвышеніи, отстоявшемъ отъ насъ ярдовъ на пятьдесятъ. „Женщины, говорилъ Мазего. совершенно поняли нашу вѣжливую просьбу о водѣ; они не выказали никакого страха передъ мирными людьми; мы у нихъ попросили воды, потому что у насъ нѣтъ посуды съ собою, чтобы зачерпнуть ее, а у нихъ есть; если же настаиваешь на битвѣ, то лучше сдѣлаешь, когда созовешь всѣхъ своихъ друзей и вернешься съ ними; тогда всѣ увидѣли бы, кто трусъ и кто нѣтъ.“ Сначала снята была стрѣла съ тетивы и положена вмѣстѣ съ лукомъ; затѣмъ она была спрятана въ колчанъ, и хотя туземецъ все еще ворчалъ и оправдывалъ свой шумный окликъ, однако, прислушался, посидѣлъ, послѣдовалъ за нами на нѣкоторое разстояніе и, непрошенный, оказался весьма полезнымъ проводникомъ. Впослѣдствіи онъ объяснилъ, что незадолго предъ тѣмъ накурился конопли и этимъ возбужденъ былъ къ такого рода глупому поведенію.

У насъ теперь каждые послѣполудня былъ громъ; но, между тѣмъ какъ въ разныхъ мѣстахъ время отъ времени, повидимому, выпадали проливни, насъ не застигъ ни одинъ. Воздухъ былъ великолѣпно чистъ и открывалъ весь ландшафтъ, повсюду покрытый лѣсомъ и ограниченный горами. 31-го октября достигли мы Мукуру–мадзе, сдѣлавши по прямой линіи 660 морскихъ или 760 англійскихъ миль. Это было сдѣлано въ пятьдесятъ пять дней пути, такъ что среднимъ числомъ на день приходится двѣнадцать миль. Если бы можно было вымѣрять также и многочисленные изгибы, зигзаги, спуски и подъемы дороги, то ежедневно проходимое разстояніе равнялось бы, по крайней мѣрѣ, пятнадцати милямъ. Шагомѣръ показывалъ болѣе, но, послѣ одного короткаго похода мы нашли инструментъ до того невѣрнымъ, что не стали обращаться къ нему. Весьма хорошій хронометръ употреблялся для измѣренія разности долготъ. Въ суконной коробкѣ его несъ на головѣ человѣкъ, имѣвшій вѣрную и ровную походку. Чтобы хронометръ могъ принести пользу, не должно довѣряться его показаніямъ, когда останавливаешься. Ира-

вильность его путевыхъ показаній нужно вывѣрять тѣмъ, что на ходу измѣряютъ въ различныхъ мѣстахъ рядъ солнечныхъ или звѣздныхъ высотъ, а на обратномъ пути на тѣхъ же станціяхъ дѣлаютъ новый рядъ наблюденій. Этимъ способомъ можно найти точный путевой масштабъ. Тотъ же самый пріемъ должно употреблять въ лодкѣ; ибо если не принять этой или какой-нибудь подобной мѣры предусмотрительности, то хронометръ, когда его носятъ, почти ничего не стоитъ при измѣреніи разстояній. Это будетъ яснѣе, если мы упомянемъ, что хронометръ, которымъ мы пользовались, будучи на суднѣ, имѣлъ ежедневно масштабъ -11^s, при путешествіи $+1^s$, что составило бы ежедневную ошибку въ три мили.

Ночь провели мы на Мукуру-маздо. Былъ сильный громъ; но такъ какъ это бывало каждые послѣполудня и не сопровождалось дождемъ, то мы не устроили себѣ никакой кровли; однако, въ эту ночь разразился проливной дождь. Когда сильно измучишься, то чувствуешь въ себѣ рѣшимость спать, не смотря ни на что, а звукъ капающей воды, говорятъ, весьма способствуетъ дремотѣ; но этого нельзя сказать по отношенію къ африканской непогодѣ. Если, не смотря на сильный проливень, заснуть опрокинувшись на затылокъ и потомъ безсознательно повернуться на бокъ, то падающія съ вѣтвей капли дѣлаютъ въ ухо такіе сильные удары, что у нпаго мозгъ сотрясается.

На слѣдующее утро, 11 ноября, мы отправились, какъ только занялся день. Пока мы шли на разстояніи семи миль къ судну, наши платья были совершенно высушены горячимъ солнцемъ, и обнаружилась лихорадка. Мы разсказали объ этомъ маленькомъ приключеніи, чтобы указать на то, что это почти постоянно случается, когда въ жаркомъ климатѣ промокнешь, и одежда высохнетъ на тѣлѣ. Даже если идешь утромъ по травѣ, покрытой росою, и промокнутъ только ступни ногъ, то и тогда все-таки чувствуешь себя весьма нехорошо, иногда же слѣдуетъ ознобъ съ болью въ членахъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшій походъ не вгонитъ въ потъ. Если бы епископъ Макензи взялъ въ сооб-

раженіе это обстоятельство, которое прежде, чѣмъ мы научены были опытомъ, многимъ дорого стоило, то мы не знаемъ никакого основанія, почему бы не могла быть спасена его драгоцѣнная жизнь. Различіе между случаями, когда промокнетъ насквозь платье въ Англіи и въ Африкѣ, вотъ какое: въ холодномъ климатѣ паціентъ бываетъ вынужденъ непріятнымъ чувствомъ тотчасъ же перемѣнить платье, между тѣмъ какъ въ Африкѣ дождь прохлаждаетъ, и довольно пріятно бываетъ оставить платье сохнуть на тѣлѣ. Въ этомъ отношеніи миссіонеръ, имѣющій, кромѣ другихъ способностей, атлетическое сложеніе, укрѣпленное тѣлесными упражненіями, превосходитъ тѣхъ, кто не одаренъ такими преимуществами; но главнымъ образомъ въ жаркомъ климатѣ сила зависитъ отъ бережливаго обхожденія со своими средствами. Миссіонеръ никогда не долженъ забывать, что между тропиками онъ иностранное растеніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Утѣшительное довѣріе аджава. — Ежегодный отдыхъ тропическихъ деревъ. — Прибыль въ Шире незначительна. — Преемникъ епископа Макензи. — Несбывшіяся надежды. — Чѣмъ долженъ быть миссіонеръ. — Распущеніе миссіи не было нужно. — Счастливый успѣхъ миссій на западномъ берегу. — 19-го января полноводье въ Шире. — Мы покидаемъ селеніе Чибиза. — Насъ задерживаютъ. — 2-го февраля достигаемъ Морамбала. — Испареніе воды. — Его вліяніе. — Мы беремъ на бортъ вдовъ и сиротъ. — Въ Замбези полноводье. — Острова на Замбези. — Образованіе дельты. — Смерть Маріано. — Весьма умѣренный вывозъ. — Насъ берутъ на буксиръ. Сильная буря. — Поведеніе „Дамы озера“. — Быстрота и ловкость капитана Чэпмэна съ судна ея величества „Аріэль“. — Плотная упаковка живаго корабельнаго груза можетъ быть необходима. — „Піонеръ“ беретъ съ собою освобожденныхъ вдовъ и сиротъ вмѣстѣ съ г. Уэллеромъ на мысъ Доброй Надежды. — Кабосейра. — Г. Соаресъ. — Новый губернаторъ Мозамбика. — Новый видъ педаліи. — 16-го апрѣля достигаемъ мы Занзибара. — Гостепріимство иностранцевъ и нашихъ собственныхъ земляковъ. — 30-го апрѣля на „Леди Ніасса“ мы оставляемъ Занзибаръ и отправляемся въ Бомбай. — Африканскіе матросы. — Прибытіе въ Бомбай.

Мы были рады и благодарны, найдя всѣхъ, оставленныхъ нами при суднѣ, въ добромъ здоровьѣ и узнавъ, что вслѣдствіе занятій, которыми поддерживалась ихъ дѣятельность, они менѣе страдали отъ лихорадки, чѣмъ обыкновенно въ наше отсутствіе. Провіантмейстеръ, совершенно молодцемъ разыгравши свою роль на походѣ, прибылъ къ своимъ товарищамъ болѣе сильнымъ, чѣмъ былъ когда-нибудь прежде.

Одинъ владѣтель аджава, по имени Капэни, такъ много довѣрялъ англійскому имени, что посѣтилъ судно съ своими

людьми и увѣрялъ, что ничто не доставило бы бо́льшаго удовольствія его землякамъ, какъ получить въ учители товарищей епископа Макензи. Это заявленіе, въ связи съ позднѣйшимъ поведеніемъ аджава, было весьма утѣшительно, такъ какъ оно ясно показывало, что въ ударѣ, которымъ поразилъ епископъ ихъ за обращеніе въ неволю, не было найдено ничего оскорбительнаго: ихъ совѣсть сказала имъ, что путь, которымъ шелъ онъ, былъ правый.

Когда мы возвратились, весьма поразителенъ былъ контрастъ между растительностію вокругъ селенія Муази и растительностію вокругъ судна. Мы такъ быстро спустились, что, между тѣмъ какъ на возвышенности подъ 12° южной широты молодые листья во многихъ случаяхъ изъ блѣднокрасныхъ, какими они были при первомъ своемъ появленіи, перешли въ яркую, свѣжую зелень, здѣсь, на границѣ 16° южной широты или на разстояніи отъ 150 до 180 миль, деревья все еще были голы, и сѣрый цвѣтъ коры господствовалъ преимущественно передъ всякою другою краскою. Деревья подъ тропиками имѣютъ весьма замѣтный ежегодный отдыхъ. Даже на Ровума, которая всего почти въ десяти градусахъ отъ экватора, въ сентябрѣ высо́ты, отстящія отъ рѣки слишкомъ на шестьдесятъ миль внутрь страны, имѣли яркопепельный цвѣтъ а когда мы взбирались на́ нихъ, то находили, что бо́льшая часть деревъ была безъ листьевъ; даже листья бамбука лежали на землѣ, сморщенные и растрескавшіеся. Такъ какъ солнце, даже зимою, днемъ обыкновенно сильно грѣетъ, то процесъ увяданія зависитъ, можетъ быть, отъ холодныхъ ночей. Африка сильно отличается отъ центральной Индіи тѣмъ, что какъ бы жарко ни было днемъ, въ ранніе часы утра воздухъ обыкновенно достаточно прохладенъ, чтобы сдѣлать пріятнымъ даже шерстяное одѣяло.

Первые четырнадцать дней послѣ нашего возвращенія къ судну были употреблены на отдохновеніе, всю обаятельность котораго можно оцѣнить, только сдѣлавши большой и трудный путь. Въ настоящемъ случаѣ наши мускулы одереве-

нѣли, и ни въ одной части тѣла не было и унціи жира. Теперь шли сильные проливни; но такъ какъ это были только ранніе дожди, то вліяніе ихъ на повышеніе воды ограничивалось лишь нѣсколькими дюймами. Дѣйствіе этихъ дождей на окрестный ландшафтъ было въ высшей степени живительно. Скоро исчезъ всякій слѣдъ сухаго времени года, холмы и горы отъ подошвы до вершины покрылись плащемъ живой зелени. Солнце миновало насъ на своемъ пути къ югу, не произведя полноводія; поэтому всѣ наши надежды на отъѣздъ отнесены были ко времени его возвращенія къ экватору, когда обыкновенно скопляется вода. До этого времени дожди выпадали только для орошенія земли, наполненія прудовъ и для подготовленія ихъ къ большому наводненію, котораго нужно было ждать еще шесть недѣль. Нѣтъ никакой нужды скрывать, что мы ждали съ большою тоскою; такъ какъ если бы мы не были вынуждены вернуться съ возвышенности, лежащей къ западу отъ Ніасса, то могли бы посѣтить озеро Бемба; но безполезное раскаяніе — дурное занятіе для ума, поэтому мы прогоняли его, какъ только могли.

Около средины декабря 1863 г. насъ увѣдомили, что преемникъ епископа Макензи, прожившій нѣсколько мѣсяцевъ на вершинѣ одной горы, почти такой же высокой, какъ Бенъ Невисъ въ Шотландіи, на устьѣ Шире, гдѣ было мало или совсѣмъ не было жителей, рѣшился покинуть означенную страну. Это несчастное рѣшеніе было сообщено намъ въ то же время, когда шесть воспитанныхъ епископомъ Макензи мальчиковъ возвратились къ язычеству. Мальчики были отправлены въ одно мѣсто, отстоящее миляхъ почти въ шести отъ судна, но тотчасъ нашли себѣ дорогу къ намъ и сѣтовали, что нѣтъ уже у нихъ того епископа, у котораго было сердце, и который былъ для нихъ больше отца. Мы сказали имъ, что если они желаютъ остаться въ странѣ, то лучше сдѣлали бы, если бы тотчасъ же приняли свои мѣры, такъ какъ мы должны вскорѣ уѣхать. Послѣдствія показали, что́ они выбрали.

Какъ скоро смерть епископа Макензи стала извѣстна на мысѣ Доброй Надежды, д-ръ Грей, превосходный тамошній епископъ, тотчасъ отправился въ Англію съ намѣреніемъ содѣйствовать скорѣйшему назначенію другаго главы миссіи, которая при началѣ своемъ такъ много была обязана его ревности къ распространенію евангелія между язычниками, и интересы которой постоянно были близки его сердцу. Въ половинѣ января 1862 г. мы услышали, что старанія д-ра Грея увѣнчались успѣхомъ, и что другой духовный скоро займетъ мѣсто нашего покойнаго друга. Эта пріятная новость была необыкновенно ободрительна для миссіонеровъ и также утѣшительна для членовъ экспедиціи. Въ началѣ 1863 г. къ устью рѣки прибылъ на военномъ суднѣ новый епископъ и, немного промедля, пошелъ далѣе во внутрь страны. Епископъ мыса Доброй Надежды съ значительнымъ неудобствомъ лично для себя съѣздилъ въ отечество съ единственною цѣлью споспѣшествовать миссіи къ язычникамъ; поэтому всѣ ожидали, что человѣкъ, о которомъ онъ хлопоталъ, будетъ портретомъ его самого; мы должны заявить, что, какъ бы другіе, по общеизвѣстнымъ даннымъ, ни думали о его характерѣ, — мы неизмѣнно находили въ д-рѣ Греѣ прямодушнаго, ревностнаго дѣятеля на благо собратіямъ, — человѣка, мужество и ревность котораго весьма многихъ подвигли на добрую дѣятельность.

Надѣялись, что присутствіе новаго главы миссіи вдохнетъ новую энергію и жизнь въ маленькую горстъ миссіонеровъ, ряды которыхъ порѣдѣли вслѣдствіе смертныхъ случаевъ. Эти люди, однако-жъ, хотя и были обезкураживаемы бѣдами, причиненными невольничьей войной и голодомъ, и страдали отъ подавляющаго вліянія низменной и нездоровой мѣстности въ болотной долинѣ Шире, мужественно переносили все въ ожиданіи крайне-необходимой нравственной и матеріяльной поддержки.

Эти ожиданія, — намъ жаль, что мы должны сказать это,—не оправдались. Мы выражаемъ въ этомъ случаѣ только

общее мнѣніе. Потребныя предводителю миссіи свойства не изъ разряда обыкновенныхъ. У него должно быть физическое и моральное мужество и значительная, уравновѣшиваемая терпѣливою рѣшительностью энергія, а прежде всѣхъ этихъ свойствъ ему необходимы спокойная христіанская ревность и попечительность о главномъ духовномъ результатѣ дѣла. Говоримъ еще разъ, что мы не выражаемъ этимъ взгляда на способности какой-нибудь отдѣльной личности; но мы утверждаемъ, что не всякій обладаетъ этимъ рѣдкимъ сочетаніемъ силъ, и что человѣкъ, который въ кругу обыкновенныхъ обязанностей былъ бы совершенно въ своей сферѣ, какъ пасторъ какого-нибудь городскаго или сельскаго прихода въ Англіи, можетъ очутиться далеко внѣ сферы, сдѣлавшись миссіонеромъ въ центральной Африкѣ.

Мы полагаемъ, что выражаемъ чувства многихъ благочестивыхъ членовъ различныхъ христіанскихъ обществъ, когда высказываемъ сожалѣніе объ отозваніи миссіи университетовъ. Почва въ истинномъ смыслѣ слова уже освящена жизнію тѣхъ смѣлыхъ мужей, которые сначала взялись за нее. Изъ чистой справедливости къ епископу Макензи должно сказать, что оставленіе всего того, что̀ онъ сдѣлалъ, и внезапное уничтоженіе всего того, достигнуть чего стоило такъ много жизни и денегъ, было важнымъ проступкомъ со стороны столь неопытнаго человѣка, какъ его преемникъ. Было бы весьма разумно, если бы епископъ Тозеръ прежде, чѣмъ заняться дѣлами миссіи, на самомъ дѣлѣ изслѣдовалъ возвышенность верхней Шире. Онъ сдѣлалъ бы этимъ удовольствіе товарищамъ своего предшественника, полагавшимъ, что возвышенность никогда не подвергалась безпристрастному изслѣдованію, и личнымъ наблюденіемъ пріобрѣлъ бы болѣе точныя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, чѣмъ тѣ, какія могъ получить изъ разспросовъ, дѣланныхъ имъ преимущественно на берегахъ. Мы почувствовали бы себя гораздо болѣе удовлетворенными этимъ изслѣдованіемъ, чѣмъ какимъ-нибудь

мѣсячнымъ пребываніемъ на сырой, плакучей вершинѣ туманной Морамбала.

Для тѣхъ, кто не посвящалъ особаго вниманія работамъ различныхъ христіанскихъ обществъ, можетъ быть упомянуто, что прежде, чѣмъ обнаружился успѣшный результатъ миссіонерскихъ станцій на западномъ берегу, болѣе сорока миссіонеровъ погибло отъ климата. Можно бы сказать, если угодно, что эти общества и люди были неблагоразумны, жертвуя такъ много драгоцѣнною жизнью. Для иныхъ это можетъ служить доказательствомъ глупости; для другихъ это— разительное свидѣтельство, что наша религія нисколько не потеряла своей первоначальной силы. На нашъ взглядъ здѣсь есть все, что дастъ многимъ изъ этихъ мужей полное право быть поставленными на ряду со святыми и мучениками первыхъ временъ. Бо́льшее ознакомленіе съ климатомъ значительно уменьшило съ тѣхъ поръ смертность, и въ 1861 г. на западномъ берегу было сто десять главныхъ миссіонерскихъ станцій, тринадцать тысячъ учениковъ въ школахъ и девятнадцать тысячъ братій въ церквахъ.

Епископъ Макензи въ короткое время поднялся на первую ступень, онъ пріобрѣлъ довѣріе народа. Достигнуть этой ступени часто сто́итъ нѣсколькихъ лѣтъ, и мы можемъ только сожалѣть, что миссія университетовъ, если сравнивать ее съ другими, должна явиться въ невыгодномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя миссія представляла все то, что́ есть смѣлаго, хорошаго и мужественнаго въ главныхъ центрахъ англійской учености, но когда она съ Морамбала бѣжала на какой-то островъ въ Индійскомъ океанѣ, она поступила, какъ сдѣлалъ бы св. Августинъ, если бы онъ, когда его послали обращать туземцевъ центральной Англіи въ христіанство, расположился на одномъ изъ острововъ канала. Это, какъ мы полагаемъ, первый случай, когда протестантская миссія была упразднена, не бывши изгнанною.

Въ январѣ 1864 г. туземцы всѣ заподлинно утверждали, что въ ближайшее полнолуніе въ рѣкѣ будетъ большое и

продолжительное полноводіе. Она нѣсколько разъ поднималась даже на футъ, но также внезапно спадала. Замѣчательно: ихъ наблюденіе точно согласовалось съ нашимъ относительно того, что наводняющій приливъ наступаетъ, когда солнце находится въ зенитѣ на обратномъ пути своемъ къ экватору. Мы нарочно упоминаемъ объ этомъ, потому что вслѣдствіе многолѣтнихъ наблюденій полагаемъ, что такимъ образомъ можно объяснить наводненіе Нила. 19-го Шире внезапно поднялась на нѣсколько футовъ, и мы тотчасъ тронулись. Въ селеніи Чибиза мы остановились только на короткое время, чтобы попрощаться съ аджава и макололо, которые въ послѣднее время были въ высшей степени намъ полезны, доставляя маисъ и свѣжіе съѣстные припасы, и затѣмъ поспѣшили далѣе по нашей дорогѣ къ океану. Чтобы удержать кильватеръ на „Піонерѣ“, мы должны были идти быстрѣе теченія и, обходя одну мель, потеряли руль. Остановка, необходимая для исправленія его, задержала насъ, и мы не могли достигнуть Морамбала ранѣе 2-го февраля.

Въ нѣсколькихъ миляхъ съ горы вода прилива бѣжала по болоту и была черна, какъ чернила. Когда она возвращалась къ рѣкѣ, отъ нея такъ сильно пахло сѣрнистоводороднымъ газомъ, что ни на одну минуту нельзя было забыть о вредности воздуха. Туземцы говорили, что это зловоніе не производитъ никакой болѣзни. Мы провели въ немъ одну ночь, и дурныхъ послѣдствій не было, хотя мы непремѣнно ждали лихорадки. На слѣдующее утро всѣ бѣлыя части на обоихъ судахъ были такъ густо вычернены, что ихъ нельзя было отмыть съ помощью швабръ водою и мыломъ. Вся мѣдь приняла бронзовый цвѣтъ, и даже желѣзо и снасти получили новую окраску. Это опять доказательство, что вредныя испаренія не всегда спутники болотнаго воздуха. Въ болотахъ, гдѣ растутъ деревья мангле, гдѣ такой тяжелый запахъ, что онъ пропиталъ наши рубашки и фланелевыя куртки, мы не больше страдали лихорадкой, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Мы прождали нѣсколько времени въ вытекающихъ изъ

болота гнилыхъ и чернѣющихъ потокахъ, потому что согласились взять на бортъ тридцать бѣдныхъ, осиротѣвшихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и нѣсколько безпомощныхъ вдовъ, присоединенныхъ епископомъ Макензи къ его миссіи. Всѣ тѣ, кто былъ въ состояніи содержать себя самъ, были воодушевлены къ этому миссіонерами, воздѣлывали почву и составляли теперь маленькую свободную общину. Но мальчики и дѣвочки, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, — сироты, не имѣвшіе никого, кто бы о нихъ позаботился, не могли быть покинуты безъ того, чтобъ не было запятнано англійское имя. Крикъ, поднятый въ Англіи нѣкоторыми людьми, ничего не знавшими объ обстоятельствахъ, въ которыя былъ поставленъ епископъ Макензи, и навѣрно не поскупившимися собственнымъ правомъ апеллировать къ мечу правительства, имѣлъ то вліяніе, что новый глава миссіи дошелъ до крайности въ противоположномъ направленіи: онъ не протестовалъ ни разу даже противъ чудовищнаго бѣдствія страны — торга невольниками. Самый безсердечный принципъ, исходившій когда-либо изъ устъ какого-нибудь миссіонера: „одна черная личность то же самое для меня, что и другая“, никогда не былъ высказанъ Макензи; онъ не нашелъ никакого отзыва и въ чисто-англійскихъ сердцахъ. Мы полагали, что должны оставить имя англичанъ между туземцами съ тою же самою доброю славою, съ какою нашли его. Препровождая бѣдныя существа, жившія съ Макензи, какъ дѣти съ отцемъ, въ такую страну, гдѣ воспитаніе, которое онъ началъ, могло быть докончено, мы имѣли за себя заступничество и симпатію лучшихъ между португальцами и всего туземнаго населенія. Различіе между нагрузкой невольниковъ и принятіемъ на судно этихъ свободныхъ сиротъ было поразительно для насъ. Какъ скоро дано было позволеніе войти, наши сироты и вдовы такъ бросились въ лодку, что почти потопили ее, — пришлось подавлять ихъ страстное желаніе быть поскорѣе на палубѣ „Піонера“.

Когда мы взяли на бортъ этихъ людей и послѣднихъ

университетскихъ миссіонеровъ и пошли по Замбези, епископъ Тозеръ уѣхалъ уже въ Квилимане. Въ Замбези было большое полноводіе. Мы подробно говорили объ этой рѣкѣ, какова бываетъ она, когда вода въ ней на самомъ низкомъ уровнѣ, что бы не произвести преувеличеннаго впечатлѣнія о ея годности къ судоходству. Вмѣсто глубины отъ пяти до пятнадцати футовъ, она была теперь отъ пятнадцати до тридцати фу́товъ или еще глубже. Всѣ отмели и многіе изъ острововъ были затоплены, и передъ нами катилась рѣка, которая, какъ полагалъ одинъ изъ нашихъ свѣдущихъ въ мореходствѣ друзей, была способна носить канонирскую лодку. Нѣкоторые изъ песчаныхъ острововъ ежегодно сносятся, и массы песку, уносимаго внизъ, громадны.

Еще до сегодня можно видѣть продолжающееся дѣйствіе, какимъ образовалась дельта, простирающаяся на восемьдесятъ и даже на сто миль отъ моря; болѣе крупныя частички песку располагаются въ океанѣ точно такимъ же образомъ, какъ, мы видимъ, онѣ распредѣляются въ руслахъ дождевыхъ ручьевъ по мелямъ. Болѣе мелкія частички захватываются возвращающимся приливомъ и, накопляясь отъ слѣдующихъ другъ за другомъ прилива и отлива, задерживаются корнями деревъ мангле вмѣстѣ съ гніющими растеніями. Вліяніе морскихъ приливовъ, приносящихъ назадъ болѣе тонкія частички, даетъ морю около устья Замбези чистое и песчаное дно. Это дѣйствіе продолжалось тысячелѣтія, и между тѣмъ, какъ дельта увеличивалась на востокъ, рѣка постоянно удерживала для себя каналъ. Если мы видимъ какой-нибудь островъ, состоящій совершенно изъ песку или представляющій только одинъ слой илу, то мы знаемъ, что онъ образовался въ новѣйшее время, и что онъ можетъ быть снесенъ когда-нибудь полноводьемъ; между тѣмъ тѣ острова, которые состоятъ вполнѣ изъ ила, болѣе древни и существуютъ постоянно съ того времени, какъ движенія отлива и прилива первоначально образовали ихъ въ видѣ частей дельты. Этотъ илъ удивительнымъ образомъ противостоитъ дѣйствію

рѣки. Это родъ глины, на которую снѣдающая сила воды имѣетъ мало вліянія. Если бы были сдѣланы карты, показывающія, какія мели и какіе острова подвержены исчезновенію, то можно бы довольно вѣрно опредѣлить, гдѣ будетъ ежегодная перемѣна фарватера. Если бы далѣе всякій годъ вбивать нѣсколько свай, чтобы руководить теченіемъ воды, то рѣка могла бы получить изрядное коммерческое значеніе въ рукахъ какой-нибудь энергической европейской націи. Для этой части Африки нѣтъ еще нужды думать о каналѣ или желѣзной дорогѣ. Нѣсколько улучшеній сдѣлали бы Замбези удобнымъ путемъ для всей торговли, какая только можетъ развиться въ наше время съ населеніемъ, уменьшеннымъ португальскимъ обращеніемъ въ неволю. Намъ не нужно говорить здѣсь о томъ, что туземцы тысячами устремились бы къ колоніи, какъ они сдѣлали это въ Наталѣ и на озерѣ Ніасса, гдѣ поселились арабы. Если этого не произойдетъ, то невѣроятно, чтобы въ португальскихъ рукахъ Замбези получила когда-нибудь для міра бо́льшее значеніе, чѣмъ имѣла до сихъ поръ.

Въ то время, какъ мы спускались внизъ по Шире, умеръ Маріано, вслѣдствіе распутной жизни. Его плачевная карьера представляетъ новую картину той системы, которая, все равно, будетъ ли она въ рукахъ африканцевъ или полуевропейцевъ, во всякомъ случаѣ мѣшаетъ прогресу этой страны. Мы должны сказать, что, не смотря на дурное управленіе и несправедливости, которыя ставятъ въ упрекъ французамъ и англичанамъ въ ихъ обращеніи съ дикарями, коммерческіе результаты ихъ предпріятій обыкновенно драгоцѣнны: между тѣмъ какъ весь вывозъ изъ гавани Квилимане, представляющей главный пунктъ торговли по Замбези, даетъ ежегодный доходъ, едва достигающій половины губернаторскаго жалованья!

Послѣ поспѣшнаго визита въ Сенна для объясненій съ маіоромъ Сикардомъ и сеноромъ Ферраньо о провіантѣ, который мы послѣ опустошенія Шире получали оттуда, мы пошли внизъ къ устью Замбези и были такъ счастливы, что

13-го февраля встрѣтили судно ея величества „Орестъ“. На слѣдующій день еще присоединилось „Аріэль“. „Орестъ“ взялъ на буксиръ „Піонера“ а „Аріэль“ — „Леди Ніасса“, чтобы отвести въ Мозамбикъ. 16-го февраля ураганъ испробовалъ способности „Дамы озера“ къ плаванію по морю; ибо въ этотъ день ураганъ захватилъ „Аріэля“ и погналъ его по шести узловъ почти назадъ. Буксирный канатъ обмотался вокругъ его винта и остановилъ машину. Едва онъ оправился отъ этого удара, какъ опять былъ увлеченъ въ другую сторону и переднею частью былъ нагнанъ на широкую сторону „Леди Ніасса“. Мы, бывшіе на бортѣ маленькаго судна, не видали никакой возможности спастись, въ случаѣ если бы экипажъ „Аріэля“ не позаботился о томъ, чтобы выбросить канатъ, когда большое судно найдетъ на насъ; но оно скользнуло у нашей носовой части, и мы опять свободно вздохнули. Мы теперь имѣли благопріятный случай быть свидѣтелями искусства плаванія на военномъ кораблѣ. Капитанъ Чэпмэнъ, хотя его машины были въ бездѣйствіи, не думалъ бросить насъ въ эту сильную бурю, но проносился разъ за разомъ у носа „Леди Ніасса“, пуская бочку съ веревкой, чтобы передать намъ такимъ образомъ другой буксирный канатъ. Мы никогда не могли бы поймать его, если бы одинъ крумэнъ не спрыгнулъ за бортъ и не закрѣпилъ бы другую веревку къ бочкѣ; тогда мы вытащили веревку на бортъ и были опять на буксирѣ. Во все время урагана маленькое судно держалось превосходно и ни одного раза не зачерпнуло бортомъ. Когда „Аріэль“ налегалъ на передъ, мы могли видѣть бо́льшую часть его дна, а когда уходила внизъ задняя часть, мы могли видѣть всю его палубу. Одну лодку, висѣвшую у него сзади, разбило волнами. Офицеры на бортѣ „Аріэля“ полагали, что то же случилось съ нами, а мы воображали, что они страдаютъ больше нашего. Моряки могли бы принять, что это была серьезная буря только для людей съ твердой земли; но „Орестъ“, который въ эту самую бурю былъ то въ виду, то за сорокъ миль, порвалъ восемнадцать

парусовъ, а „Піонеръ“ долженъ былъ выбросить части сахарной мельницы, которую везъ; его вахта была смыта, и въ каютѣ часто по колѣно была вода. Когда „Орестъ“ черезъ девять дней послѣ нашего прибытія вошелъ въ гавань Мозамбикъ, то, не найдя нашего судна рядомъ съ „Аріэлемъ“,— ибо мы зашли подъ сторону форта, противоположную вѣтру,— на бортѣ его предположили, что мы окончательно погибли. Капитанъ Чэпмэнъ и его офицеры объявили „Леди Ніассу“ прекраснѣйшимъ маленькимъ морскимъ ботомъ, какой они когда-нибудь видѣли. Она дѣйствительно составляла контрастъ съ „Ма-Робертомъ“ и дѣлала большую честь своимъ строителямъ Тоду и Макгрегору, въ Глазговѣ. Намъ оставалось только сожалѣть, что она не пошла въ дѣло на озерѣ, по имени котораго мы ее назвали, и для котораго она была назначена и такъ хорошо приноровлена.

То, что наиболѣе поразило насъ на пути съ Замбези въ Мозамбикъ, это достойное удивленія искусство, съ какимъ капитанъ Чэпмэнъ велъ „Аріэля“ въ бурномъ морѣ во время урагана. Замѣчательна быстрота и ловкость, съ какими, когда порвали три каната, намъ доставлялись новые при быстрыхъ маневрахъ большаго судна вокругъ маленькаго. Удивительно также искусное примѣненіе средствъ, выказанное имъ при обрубкѣ длинными, для этой цѣли сдѣланными, долотами каната, обернувшагося вокругъ винта, который находился на девять футовъ подъ водою: трудъ, исполненіе котораго могло бы потребовать трехъ дней. Капитанъ Чэпмэнъ былъ такъ любезенъ, что пригласилъ насъ на бортъ „Аріэля“, и мы воспользовались его гостепріимствомъ, когда миновала буря.

Маленькое судно съ такою силою было увлекаемо волнами и въ волны, что лопнули два каната, изъ которыхъ каждый имѣлъ одиннадцать дюймовъ въ обхватѣ. Многіе удары волнъ, заставляли сотрясаться каждую досчечку, и движеніе было такъ быстро, что мы постоянно должны были держаться, чтобы не толкаться изъ стороны въ сторону или

не выскочить въ море. Десять человѣкъ паствы покойнаго епископа, находившіеся съ нами на суднѣ, были больны и безпомощны, хотя мы и дѣлали все, что̀ могли, чтобы помочь имъ. Однако же, они сильно мѣшали рабочимъ, и намъ пришло на мысль, что тѣсное помѣщеніе, къ которому прибѣгаютъ невольничьи суда, было одною изъ необходимостей этой торговли. Если это такъ, то совершенно яснымъ становится тотъ фактъ, что даже тамъ, гдѣ торговля невольниками была законна, этотъ жестокій обычай былъ обыкновененъ, если не общеупотребителенъ. Если бы, вмѣсто десяти такихъ пассажировъ, мы везли двѣсти, и вѣтеръ между тѣмъ билъ намъ въ лице дождемъ и всплесками воды такъ же сильно, какъ это было ночью, совершенно ничего не позволяя видѣть, кромѣ появлявшагося время отъ времени гребня волны, и не давая разслышать никакого звука, кромѣ свиста бури въ снастяхъ, то для управленія судномъ и для общей безопасности безусловно необходимо было бы весь живой грузъ натискать внизъ, какія бы отъ этого послѣдствія ни были.

Послѣ того, какъ мы передали „Піонера“ флотскимъ офицерамъ, капитанъ „Храбраго“. Форсейтъ, повелъ его на буксирѣ къ мысу Доброй Надежды и по разсмотрѣніи его объявилъ, что послѣ исправленій на сумму до 300 фунтовъ стерлинговъ, онъ какъ нельзя лучше будетъ годенъ къ употребленію. Тѣ изъ паствы епископа, которые были у насъ на суднѣ, самымъ дружественнымъ образомъ были уговорены на поѣздку на мысъ Доброй Надежды. Мальчики пошли на „Орестъ“, и мы съ радостью воспользовались случаемъ выразить нашу сердечную благодарность капитанамъ Форсейту, Горжеру и Чэпмэну за то, что каждый изъ нихъ, въ различное время, помогалъ намъ въ зависѣвшихъ отъ нихъ обстоятельствахъ. Г. Уэллеръ отправился на „Піонерѣ“ и продолжалъ еще оказывать свои благородныя услуги всѣмъ находившимся въ связи съ миссіей, будь это бѣлые или черные, до тѣхъ поръ, пока они не переставали нуждаться въ нихъ; и мы должны сказать, что поведеніе его въ отношеніи къ нимъ было со-

вершенно благородно и заслуживало самой высокой похвалы.

Послѣ того, какъ мы вытащили „Леди Niacca“ въ Кабосейра на берегъ противъ дома всѣмъ англичанамъ хорошо извѣстнаго португальца, Іоаньо де Коста Соаресъ, мы вставили брайнкоки, вычистили дно и вымазали его. Соаресъ, повидимому, былъ весьма обиженъ въ одномъ изъ сочиненій, явившихся нѣсколько лѣтъ назадъ въ Англіи; при нашемъ знакомствѣ съ нимъ онъ оказался человѣкомъ чрезвычайно дружелюбнымъ и обходительнымъ. Всѣ члены экспедиціи, бывшіе въ Мозамбикѣ, единогласно хвалятъ его великодушіе; по общему свидѣтельству англійскихъ посѣтителей въ его пользу, мы очень сожалѣемъ, что его характеръ былъ искаженъ такимъ оскорбительнымъ образомъ. Чиновники въ Мозамбикѣ тоже заслуживаютъ нашей благодарности за предупредительную помощь; хотя во взглядѣ на торговлю невольниками мы совершенно расходимся съ ними, но надѣемся, что наше противодѣйствіе системѣ, въ которой они, къ сожалѣнію, участвуютъ, не будетъ принято за недостатокъ дружественнаго чувства и расположенія къ нимъ лично. Сеньоръ Канто-е-Кастро, прибывшій черезъ два дня послѣ нашего отплытія въ Мозамбикъ для принятія должности генералъ-губернатора, былъ намъ хорошо извѣстенъ въ Ангола. Когда онъ былъ комендантомъ Голунго-Альто, мы два мѣсяца прожили въ его домѣ и, зная его вдоль и поперекъ, полагаемъ, что для этой должности нельзя было избрать человѣка лучше его. Мы надѣемся, что добрые принципы, которыми онъ руководится, поставятъ его въ возможность противостоять искушеніямъ его положенія; но мы не желали бы подвергать пробѣ наши идеи въ гнѣздѣ торговли невольниками при тѣхъ ничтожныхъ крошкахъ, какія получаетъ онъ на свое содержаніе.

Когда мы были въ Мозамбикѣ, намъ показывали одинъ видъ медали, который г-нъ Соаресъ называетъ „даделейра“,

а туземцы, по сходству его съ сезамомъ, — „дикимъ сезамомъ“. Говорили, что онъ хорошо извѣстенъ туземнымъ кормилицамъ, какъ весьма нѣжное и безвкусное слабительное для дѣтей. Нѣсколько листьевъ его размѣшиваютъ восемь или девять секундъ въ чашкѣ холодной воды и этой жидкости даютъ двѣ полныя чайныя ложки на пріемъ. При болѣе долгомъ размѣшиваніи листья образуютъ въ водѣ родъ слизи, которая, говорятъ, имѣетъ, сверхъ того, мочегонныя свойства.

16-го апрѣля мы пошли на парахъ изъ Мозамбика и въ одну недѣлю достигли Занзибара, такъ какъ намъ благопріятствовали теченія. Здѣсь намъ оказано было большое гостепріимство нашими земляками и особенно д-ромъ Сьюардомъ, отправлявшимъ тогда должность консула и политическаго уполномоченнаго за полковника Плэйфэра. Одна особенность есть у всѣхъ нашихъ земляковъ, которыхъ мы встрѣчали въ чужихъ земляхъ, это — вниманіе, которое оказываютъ они къ поддержанію иностранца. Мы не можемъ пожаловаться на недостатокъ гостепріимства другихъ націй, но намъ приходилось дожидаться наступленія обычнаго времени ѣды, между тѣмъ какъ въ ожиданіи наши друзья голландской или другой какой-нибудь націи обыкновенно осыпали насъ вопросами: „Зачѣмъ вы здѣсь? Куда пробираетесь? Что у васъ впереди? Женаты ли вы? Если нѣтъ, то почему?“ и много другихъ въ подобномъ же родѣ. Первыми же вопросами англичанина, насколько показалъ намъ опытъ, были: „Завтракали вы? Что̀ вамъ покушать? Не хотите ли чего-нибудь холоднаго?“ Всѣ были дружелюбны; но такъ какъ мы сами англичане, то предпочитаемъ способъ нашихъ земляковъ выказывать гостепріимство.

Д-ръ Сьюардъ весьма сомнѣвался, можемъ ли мы достигнуть Бомбая прежде наступленія того, что̀ называется вторженіемъ монсуна. Это вторженіе обыкновенно наступаетъ между концемъ мая и 12-мъ іюня. Вѣтеръ все еще дуетъ изъ Африки въ Индію, но съ такою силою и съ такою мутною

атмосферою, что почти совсѣмъ нельзя производить наблюденій надъ мѣстонахожденіемъ. Мы, однако, очень желали во время пристроить къ мѣсту „Леди Ніасса“, и такъ какъ единственный рынокъ, на которомъ можно было достигнуть этого, былъ Бомбай, то мы и рѣшились на рискъ попасть туда до начала бурнаго періода и, взявши на бортъ четырнадцать тоннъ каменнаго угля, 30-го апрѣля ушли изъ Занзибара.

Весь нашъ экипажъ состоялъ изъ семи природныхъ замбезійцевъ, двухъ мальчиковъ и четырехъ европейцевъ, именно; кочегара, матроса, плотника, имена которыхъ уже упомянуты, и д-ра Ливингстона въ качествѣ штурмана. „Леди Ніасса“ оказалась хорошимъ морскимъ ботомъ. Туземцы выказали себя славными матросами, хотя до вступленія ихъ волонтерами ни одинъ изъ нихъ никогда не видалъ моря. Это вовсе не были отборные люди, а взяты на удачу сопровождать насъ изъ нѣсколькихъ сотенъ вызывавшихся, когда мы расплачивались съ дюжиной человѣкъ, бывшихъ у насъ пятнадцать мѣсяцевъ въ услуженіи. Плата нашихъ матросовъ доходила въ мѣсяцъ до десяти шиллинговъ удивительно было видѣть, какъ они столь ревностно старались исполнять свои обязанности, что въ продолженіе всего путешествія только одинъ изъ нихъ былъ свалепъ морскою болѣзнью. Въ короткое время они научились весьма ловко убирать паруса и очень искусно снова ставить ихъ, взлѣзали на рею, пропускали канатъ сквозь блокъ и возвращались съ нимъ въ зубахъ, хотя дѣлавшій это и опускался съ каждой петлей въ море. Матросъ и плотникъ, хотя они охотно исполняли съ своей стороны все возможное, сильно хворали и были неспособны къ дѣлу каждый по недѣлѣ.

Взяться за руль на часъ, на два или даже на вахту (4 часа) — довольно пріятно, но если это повторяется каждые четыре часа, то выходитъ чрезвычайно скучно. Мы ставили къ рулю нашихъ черныхъ людей, показывая имъ, въ

которую руку должно держать компасъ къ передней части судна, и скоро трое изъ нихъ могли весьма хорошо править и требовали только надзора. Пока мы поднимались у восточнаго берега, чтобы выиграть отъ теченія ежедневно до ста миль, мы охотно зашли бы въ рѣку Джуба, устье которой лежитъ всего въ 15′ на югъ отъ экватора, но мы слишкомъ спѣшили. Мы поднялись почти на десять градусовъ къ сѣверу отъ экватора и потомъ отошли отъ береговъ. Здѣсь карта вѣтровъ Мори показывала, что мы были далеко внѣ пояса безвѣтрія, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, мы все еще находились въ немъ; вмѣсто теченія, ведущаго на сѣверъ, у насъ было противоположное теченіе, относившее насъ каждый день на четыре мили къ югу. Мы шли на парахъ такъ далеко, какъ только смѣли, зная, что должны пользоваться машиной у береговъ Индіи.

Потерявши много дней, блуждая по спокойному морю среди безчисленныхъ дельфиновъ, летающихъ рыбъ и акулъ, мы имѣли шесть дней крѣпкій вѣтеръ. Затѣмъ безвѣтріе снова подвергло испытанію наше терпѣніе; близкое наступленіе того „вторженія монсуна“, котораго, какъ полагаютъ, не можетъ выдержать никакое судно, заставляло насъ иногда подумывать, что въ нашемъ надгробіи сказано будетъ: „Отплыли изъ Занзибара 30-го апрѣля 1864 года, и о нихъ никогда уже ничего не было слышно.“ Въ началѣ іюня хронометръ, показалъ, наконецъ, что мы находимся около индійскихъ береговъ. Черные люди повѣрили этому, ибо мы имъ сказали, что это такъ; но только тогда стали плясать отъ радости, когда увидѣли въ водѣ морскую траву и змѣй. Эти — змѣи принадлежность тѣхъ странъ и въ корабельныхъ указателяхъ упоминаются, какъ ядовитыя. Мы отважились предсказать, что на слѣдующее утро увидимъ землю, и къ полудню показался высокій берегъ, удивительно похожій на Африку передъ началомъ дождей. Тогда густой туманъ покрывалъ весь берегъ, и въ него била сильная морская волна. Видна была одна скала, и широта показывала, что это была

скала Чулэ. Сдѣлавши ее новой точкой отправленія, мы скоро нашли маячное судно и затѣмъ лѣсъ мачтъ, показавшійся сквозь туманъ въ гавани Бомбая. Мы сдѣлали на парусахъ болѣе 2,500 миль. Судно было такъ мало, что никто не замѣтилъ нашего прибытія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Заключеніе.

Сводъ результатовъ экспедиціи. — Открытіе гавани и проходъ по здоровой возвышенности. — Плодородіе почвы. — Индиго. — Хлопокъ. — Климатъ и почва какъ нельзя лучше годны для ихъ воздѣлыванія. — Большіе хлопковые кустарники внутренней страны. — Табакъ и клещевина вмѣстѣ съ сахарнымъ тростникомъ. — Кормовыя травы. — Непрерывныя жатвы. — Тучный рогатый скотъ. — Засухи. — Твердыя деревья обыкновенны. — Строевой лѣсъ рѣдокъ. — Сарсапариль. — Корень калюмба. — Волокнистыя и дающія масло деревья и растенія. — Недостатокъ мужества описывать сдѣланныя въ Африкѣ открытія. — Мрачная тѣнь отъ торга невольниками. — Различные способы отправленія этого торга. — Прямое европейское посредничество въ торговлѣ. — Наполеонъ III. — „Система вербованія“. — Торгъ невольниками есть преграда для всякаго прогресса. — Его вліяніе на страну рабовладѣльцевъ. — Причины войны въ Америкѣ. — Одинаковое вліяніе столѣтняго варварства на африканскія и другія націи. — Физически разсматриваемый африканецъ; его веселый нравъ. — Годность къ рабству нельзя приписать климату. — Патріархальная форма правленія. — Застой африканцевъ происходитъ отъ той же причины, какъ и у другихъ націй. — Человѣкъ дѣйствуетъ безсознательно. — Онъ руководится мудростью, не ему принадлежащею. — Предоставлена ли однимъ христіанамъ получаемая отъ науки величайшая сила? — Воспріимчивость африканца къ христіанству. — Дружелюбіе лучшая дорога къ сердцу. — Миссія въ Сіерра-Леоне. — Воскресенье въ Сіерра-Леоне. — Извѣстіе капитана Бёртона. — Статистика Сіерра-Леоне. — Необходимо продолжать политику лорда Пальмерстона. — Торговые отчеты. — Отчетъ полковника Орда. — Вліяніе поселеній. — Смертность на судахъ эскадры западнаго берега. — Леченіе лихорадки. — Миссіонерскія общества на западномъ берегу. — Наши американскіе собратія-миссіонеры. — Намекъ на рѣшеніе нашего вопроса о преступникахъ. — Взглядъ полковника Орда на поселенія.

Полезно будетъ еще разъ обозрѣть важнѣйшіе результаты, которые были перечислены на предъидущихъ страни-

цахъ. Въ числѣ первыхъ стоитъ открытіе гавани, которая легко можетъ сдѣлаться полезною для торговыхъ цѣлей, и точное опредѣленіе значенія Замбези, какъ пути во внутрь возвышенностей, которыя, по всей вѣроятности, войдутъ когда-нибудь въ кругъ европейскихъ предпріятій. Свойства, какія представляетъ рѣка при самомъ низкомъ уровнѣ воды, тщательно изслѣдованы и опредѣлены тѣмъ же самымъ образомъ, какъ это дѣлается обыкновенно при опредѣленіи глубины гаваней, именно при низкомъ уровнѣ воды. Насколько бы выше ни находили уровень воды въ Замбези и Шире въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ года,— ниже, чѣмъ мы его опредѣлили, онъ никогда не бываетъ.

Плодородіе почвы подробно доказано ея произведеніями. Индиго, напримѣръ, нашли мы дикорастущимъ на большихъ пространствахъ страны; онъ часто достигаетъ человѣческаго роста. Вѣроятно, онъ былъ вывезенъ изъ Индіи; впрочемъ, на озерѣ Ніасса найденъ былъ одинъ видъ такой же вышины, хотя и отличный отъ вида, растущаго на Замбези; у него, вмѣсто искривленной, прямая шелуха. Чтобы устранить всякое сомнѣніе относительно достоинства этого вида, д-ръ Киркъ извлекъ нѣсколько красильнаго вещества изъ дикорастущаго индиго: при этомъ, если на немъ сдѣлать трещину, то оно даетъ особенную мѣднаго цвѣта черту, составляющую характеристическій признакъ лучшаго товара.

Собранный изъ весьма многихъ областей страны хлопокъ найденъ былъ хлопкомъ превосходнаго качества. Огромныя пространства такъ сильно напитаны солью, что надъ цѣлой поверхностью является соляной покровъ. На этихъ пространствахъ превосходный хлопокъ растетъ при весьма маломъ уходѣ. Мы видѣли, какъ нѣсколько человѣкъ, которые должны были отправиться на челнахъ къ морскому берегу, поселились на подобной почвѣ, на берегу чистили свой хлопокъ и пряли. Когда мы вернулись черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, то откинутыя сѣмена проросли, зацвѣли и дали хлопокъ, который въ Манчестерѣ, былъ признанъ на два англійскіе

пенса за фунтъ лучше обыкновеннаго ново-орлеанскаго. Здѣшній хлопокъ не только превосходнаго качества, но даже сохраняется въ почвѣ до такой степени, какая совершенно неизвѣстна въ Америкѣ. Мы видѣли въ странѣ богатые хлопковые кусты тамъ, гдѣ имъ не только приходилось бороться за существованіе съ травой, громоздившейся надъ ихъ верхушками, но также въ теченіе, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ, должно было держаться и противъ огня, выжигавшаго ежегодно какъ ихъ, такъ и траву.

Во время путешествія д-ра Ливингстона изъ Лоанда на западномъ берегу въ Квиллимане на восточномъ, на это растеніе не было обращено особеннаго вниманія, потому что тогда вопросъ о добываніи хлопка мало принимался въ соображеніе. Изданные потомъ въ Англіи отчеты сопоставили только результаты случайныхъ наблюденій и повели къ офиціяльному запросу у португальскаго правительства; этимъ изслѣдованіемъ руководилъ д-ръ Уэльвейчъ, ботаникъ, вполнѣ способный къ тому, вслѣдствіе общихъ своихъ талантовъ и долгаго пребыванія въ Анголѣ. Мнѣнія д-ра Ливингстона, что Ангола удобна для произрастанія хлопка, были вполнѣ подтверждены отчетомъ этого почтеннаго человѣка.

Наши послѣднія изысканія показали, что прежнія извѣстія относительно удобства климата и почвы на сѣверъ отъ 15° или 16° южной широты были совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, означенная страна — превосходное поле для хлопка, такъ какъ жатвы никогда не подвержены опасности пострадать отъ мороза. Туземцы обратили большое вниманіе на воздѣлываніе хлопка и нашли, что лучшій видъ его нужно обновлять только разъ въ три года.

Во время путешествія д-ра Ливингстона поперекъ Африки, въ центрѣ страны не было замѣчено хлопковыхъ растеній, но съ тѣхъ поръ наше вниманіе было такъ тщательно направлено на этотъ предметъ, что уже ни одинъ хлопковый кустъ не избѣжалъ наблюденія. Мы нашли, что это растеніе не только хорошо извѣстно обитателямъ внут-

ренныхъ странъ, но что внутри страны воздѣлывается такая разновидность, какой мы не встрѣчали ни на одномъ изъ обоихъ береговъ. Такъ, напримѣръ, у базизулу, живущихъ близъ Кафуэ, была разновидность, которая давала хлопокъ весьма тонкаго качества съ длиннымъ штапелемъ, и которую можно было признать только за принадлежащую къ пернамбукскому виду; въ Сешеке стволъ одного деревца этого вида достигалъ въ діаметрѣ до восьми дюймовъ и былъ такъ высокъ, что д-ръ Киркъ, чтобы достать пробу, долженъ былъ карабкаться на него, какъ на яблоню.

Двѣ другія разновидности нашли мы воздѣлываемыми на огромныхъ пространствахъ страны. Туземный видъ былъ почти совершенно вытѣсненъ превосходнымъ сортомъ, который называютъ „иностраннымъ хлопкомъ“. Этотъ сортъ былъ введенъ самими туземцами, и область, входящая въ составъ долины Шире и береговъ, прилежащихъ къ озеру Ніасса, въ которой онъ встрѣчается,— длиною около 400 миль и смѣло можетъ быть названа однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ хлопковыхъ полей въ мірѣ. Уже хлопокъ, воздѣлываемый тамъ теперь, стоитъ выше обыкновенныхъ американскихъ сортовъ и почти наравнѣ съ египетскимъ. Благопріятная почва и климатъ дѣлаютъ вѣроятнымъ, что искусство въ воздѣлываніи можетъ довести эту страну до того, что она превзойдетъ многія другія.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи плодородія почвы мы нашли, что тѣ растенія, которыя требуютъ много ухода при воздѣлываніи въ другихъ странахъ, здѣсь растутъ дико такъ же хорошо, какъ хлопокъ. Табакъ, хотя нѣжное растеніе, выросталъ часто изъ выпавшихъ сѣмянъ. Ricinus communis, или клещевина, повсюду встрѣчалась въ тѣхъ же обстоятельствахъ. Индиго, вслѣдствіе его привычки произрастать повсюду, гдѣ приведетъ случай, называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „захватывателемъ покинутыхъ садовъ“. Сахарный тростникъ не встрѣчается самосѣянный, но если его воздѣлывать въ жирномъ илѣ, то онъ безъ удобренія рас-

тетъ такъ, какъ на Маврицiѣ и Бурбонѣ можно вырастить его только съ помощью гуано, и, повидимому, содержитъ много сахару, ибо на надрѣзахъ тотчасъ появляются кристаллы.

Сверхъ этихъ доказательствъ щедрости почвы, страна на низменностяхъ, какъ мы видѣли, покрыта колоссальной кормовой травой. Она поднимается вверхъ выше человѣческаго роста и дѣлаетъ охоту вполнѣ невозможною. Обитатели Натала и Капской колонiи совершенно поймутъ насъ, если мы скажемъ, что пограничный низменный поясъ у восточнаго берега, шириною отъ ста до трехъ сотъ миль, вполнѣ „zour velt“ и совершенно годенъ для скотоводства. Въ самомъ дѣлѣ, единственный недостатокъ, какой можно найти въ почвѣ, это ея чрезмѣрная плодородность. Правда, Спикъ и Грэнтъ упоминаютъ о весьма плодородномъ поясѣ около экватора, но мы все же не можемъ вѣрить, чтобы тамъ представлялось бо́льшее плодородiе, чѣмъ въ области между 10^0 и 15^0 южной широты; иначе, этотъ поясъ былъ бы совершенно непроходимъ. На находящихся въ Шире островахъ хлѣба растутъ безъ всякаго отношенiя ко временамъ года; такъ, въ теченiе четырехъ болѣе холодныхъ мѣсяцевъ при помощи орошенiя воздѣлывается пшеница. Европейцы могли бы ежегодно имѣть одну жатву европейскаго хлѣба и двѣ или три маисовыя.

На возвышенностяхъ дикорастущiя травы не такъ роскошны, но средній размѣръ жатвы такой же, какъ получаемый съ жирной луговой мѣстности въ Англiи. Эти самосѣйные корма, простирающiеся на сотни миль по обильной травою долинѣ и рѣдкому лѣсу, лучше въ Африкѣ, чѣмъ гдѣлибо. Это видно изъ того, что скотъ, остающiйся почти въ дикомъ состоянiи, такъ тученъ и лѣнивъ, что быки дозволяютъ мальчишкамъ играть съ собою и садиться имъ на спину. Мы видѣли коровъ, которыя питались только травою и были такъ тяжелы, какъ коровы на выставкѣ.

Вообще на возвышенности нѣтъ ни цеце, вредящихъ рогатому скоту, ни москитосовъ, обременительныхъ для людей.

Было бы не честно, если бы мы, излагая результаты нашихъ изслѣдованій, вздумали оставить безъ вниманія важную темную сторону, составляющую, какъ мы полагаемъ, характеристическій признакъ каждой страны въ центральной Африкѣ. Здѣсь постоянно нужно ждать періодическихъ засухъ. Если подъ экваторомъ существуетъ поясъ дождей, то это единственное извѣстное исключеніе. Засухи всегда мѣстны, но могутъ господствовать на пространствѣ отъ ста до трехъ сотъ миль. Наши изслѣдованія привели насъ къ тому мнѣнію, что засухъ можно ожидать между 10° и 15° южной широты разъ въ каждые десять или пятнадцать лѣтъ, а между 15° и 20° разъ въ каждые пять лѣтъ. Что за причина ихъ, мы не можемъ сказать, но недостатокъ въ растительности нельзя считать причиной ни для ихъ появленія вообще, ни для объясненія того, что теперь онѣ бываютъ чаще прежняго. Холмы до вершинъ покрыты деревьями и травою. Долины часто обременены чрезмѣрною растительностью, — и вдругъ, безъ всякаго предварительнаго признака, за лѣтомъ изобилія слѣдуетъ годъ, когда нѣтъ ни всходовъ, ни жатвы. На какомъ-нибудь мѣстѣ величиною въ квадратную милю выпалъ проливень: тамъ трава пошла и опять замерла. Остальная страна спалена и выжжена; трава прошлаго года, избѣгнувшая отчасти ежегодныхъ пожаровъ, обезцвѣчена и разсыпается въ рукѣ въ пыль, а листья, хотя и живыхъ еще деревъ, кажутся увядшими. Кто видѣлъ ландшафтъ во всей его свѣжести и зелени послѣ дождя, тотъ едва можетъ повѣрить, что лежащій передъ нимъ бурый и пыльный міръ былъ когда-то зеленымъ.

Хотя въ странѣ нѣтъ недостатка въ деревьяхъ, однако же, дѣйствительно большой строевой лѣсъ можно получать только въ извѣстныхъ, ограниченныхъ областяхъ. Гунда цѣнно по своей прочности; и величинѣ изъ него выдалбливаютъ челны, изъ которыхъ каждый можетъ вмѣщать отъ

двухъ до трехъ тоннъ. Мозокозо и мукунду-кунду тоже хорошій строевой лѣсъ. Бакаутовое дерево достигаетъ здѣсь болѣе значительной величины, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мы измѣряли экземпляры, имѣвшіе четыре фута въ діаметрѣ; хотя это дерево съ виду совершенно сходно съ бакаутомъ другихъ странъ, но по вязкости стоитъ ниже. Африка замѣчательна по своему богатству твердыми деревьями болѣе, чѣмъ своимъ строительнымъ матеріяломъ. Африканское эбеновое, или черное дерево, хотя въ ботаническомъ отношеніи неодинаково съ продажнымъ черным деревомъ, достигаетъ значительной величины и весьма черно. На Ровума миль на восемь отъ моря оно встрѣчается массами, и тамъ же находятся другіе цѣнныя деревья, какъ напр. желтое дерево, дающее прочную желтую краску. Моломпи распространено на большомъ пространствѣ и, повидимому, тожественно съ Pterocarpus erinaceus, производящимъ африканское кино; ибо, когда оно поранено, то источаетъ большое количество гумми, сходной съ означенною краскою. Это дерево, по своей прочности и легкости, какъ нельзя лучше годится на лопаты и весла. Сверхъ того, есть тутъ дерево мопане, или желѣзное, и мангле, весьма годныя для стропилъ.

Одинъ видъ сарсапариля, вѣроятно, Smilax Krausiana, встрѣчается во множествѣ на возвышенностяхъ; корень калюмба — на равнинахъ; буазе, съ нитью крѣпче и тоньше льняной, и волокнистая Sanseviera, или ифе, суть растенія обыкновенныя. Буазе, моцикири, бома, — одно изъ стеркуліевыхъ, а другое видъ магогани, — всѣ даютъ масло или родъ маслянистаго вещества. Масло буазе имѣетъ прекрасное свойство сохнуть.

Сверхъ этихъ дикорастущихъ продуктовъ, есть тутъ сезамъ, воздѣлываемый на большихъ пространствахъ и въ большихъ размѣрахъ. Изъ его сѣмени, составляющаго теперь предметъ вывоза, и земляныхъ орѣховъ выжимается бо́льшая часть масла, употребляемаго въ Англіи къ салату. Большой видъ огурцевъ, называемый макака, равнымъ обра-

зомъ воздѣлывается туземцами какъ въ качествѣ съѣстнаго припаса, такъ и ради его нѣжнаго масла.

Признаемся, что мы не описали произведеній страны ни съ тою полнотою, какой они заслуживаютъ, ни съ тѣми бодрыми надеждами, которыя нѣкогда чувствовали. Открытія озеръ Ширва и Ніасса, терпѣливое изслѣдованіе Замбези до пункта по ту сторону водопадовъ Викторіи и другія важныя географическія изслѣдованія не внушаютъ намъ ни малѣйшей гордости. Все это шло лишь рядомъ съ нашей цѣлью. То, что мы видѣли изъ торговли невольниками, набросило на все мрачную тѣнь. Наши замѣчанія касаются страны, совершенно отличной отъ всѣхъ прежде насъ сдѣланныхъ изображеній Африки. Правда, въ уютной комнатѣ, въ которой живемъ мы въ Ньюстедскомъ аббатствѣ, взглядъ нашъ падаетъ на мѣсто, сплошь покрытое снѣгомъ, но все же не трудная задача для насъ вспомнить о страшномъ жарѣ, стоящемъ надъ югомъ восточной Африки. Мы легко можемъ вообразить себѣ склоны, изборожденные лѣсистыми долинами, съ выдающейся здѣсь или тамъ скалою. Мы можемъ возсоздать въ воображеніи тучные, покрытые травою, обширные луга или возобновить въ памяти усѣянныя группами зелени, орошаемыя обильными ручьями и залитыя потоками солнечнаго свѣта возвышенности; но надъ всѣмъ, какъ саванъ, виситъ эта печальная торговля невольниками. Живописныя волнистыя пространства, глубокія ущелья и овраги, сходящіе съ краевъ возвышенности въ глубокія равнины, по которымъ, какъ серебряная нить, вьется Шире въ зеленыхъ лугахъ, а на заднемъ планѣ обширное озеро съ его массами горъ, — все можемъ нарисовать мы передъ собою; но естественныя красоты ихъ уже нераздѣльно связаны для насъ съ человѣческимъ страданіемъ и горемъ.

Въ текстѣ мы тщательно указали на различные способы, какими отправляется торговля невольниками, уничтожившая много нашихъ стараній улучшить положеніе туземцевъ, такъ какъ полагаемъ, что наша экспедиція была первая, ко-

торая видѣла невольничество въ его начальныхъ источникахъ и во всѣхъ его фазисахъ. Нѣкоторые, такъ какъ никто не въ состояніи былъ опровергнуть ихъ, отважились утверждать, что торговля невольниками, какъ всякая другая отрасль торговли, подчинена закону предложенія и спроса и должна быть свободной. Судя по тому, что мы видѣли, въ ней такъ много убійства, составляющаго какъ бы существенную составную ея часть, что ее на столько же можно оставить въ торговомъ каталогѣ, насколько входятъ въ него воровство-грабежъ, тугги и пиратство.

Бываютъ случаи, ближе всего подходящіе къ системѣ справедливости, это когда преступникъ продается за свое преступленіе. Затѣмъ въ дѣлахъ о волшебствѣ или и за другую вину, въ видѣ штрафа, отъ родителей бѣднаго класса берется дитя и продается путешествующимъ туземнымъ торговцамъ невольниками. Далѣе дѣтей крадетъ или какой-нибудь одинъ хищникъ, или толпа, выходящая изъ своего собственнаго города въ сосѣднія деревушки для захвата дѣтей, отлучившихся черпать воду или набрать дровъ. Мы видѣли мѣста, гдѣ каждый домъ за палисадомъ, и, однако, обитатели не безопасны. Случается еще, что месть одной деревушки противъ другой и въ бо́льшихъ размѣрахъ одного племени противъ другаго заставляетъ ихъ прибѣгать къ возмездію; часть обиженнаго племени блуждаетъ нѣкоторое время, вооружается иногда мушкетонами, орудіемъ обращенія въ неволю, нападаетъ на мирное племя и лишаетъ страну населенія, чтобы доставить подвозъ къ морю для торговли невольниками. Кромѣ того, встрѣчались намъ приходящіе съ береговъ торговцы невольниками, которые были или арабы, или гальбкасты-португальцы. Для нихъ по наиболѣе посѣщаемымъ дорогамъ собираютъ невольниковъ туземцы, имѣющіе наибольшую наклонность къ торговлѣ. Въ этомъ дѣлѣ отличаются аджава и бабиза. Унижающее вліяніе такой торговли на людей замѣтно даже и на этихъ сборищахъ. Аджава и бабиза, хотя въ умственномъ отношеніи стоятъ выше многихъ другихъ, но въ

нравственномъ такъ пали, что за бивень, который имъ понравится, какъ извѣстно, они продаютъ свою собственную дочь или новобрачную жену. Члены этихъ же самыхъ племенъ, ведущіе осѣдлую жизнь и никогда не занимающіеся обращеніемъ въ неволю, были бы оскорблены простымъ упоминаніемъ о такомъ злоупотребленіи.

Наконецъ, мы видѣли еще новый обильный источникъ для торговли невольниками на морѣ и, къ сожалѣнію, обязаны сказать, что успѣхъ этой торговли непосредственно зависитъ отъ европейцевъ. Изъ португальскихъ и арабскихъ береговыхъ городовъ высылаются толпы торговцевъ съ большими запасами мушкетоновъ, военныхъ припасовъ, выбойки и бусъ. Два послѣдніе предмета идутъ на покрытіе издержекъ ихъ пути въ первой половинѣ путешествія отъ береговъ и на покупку слоновьей кости. Судя по огромному числу случаевъ, подмѣченныхъ нами, эти толпы торговцевъ сохраняютъ купеческій характеръ бо́льшую часть своего путешествія. Они обыкновенно поселяются у какого-нибудь владѣтеля и воздѣлываютъ землю; но мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы въ извѣстное время на своемъ путешествіи они не присоединились къ какому-нибудь племени и не напали съ нимъ на другое племя, ради плѣнниковъ, которыхъ могутъ пріобрѣсти. Это случается такъ часто, что подобное поведеніе служитъ причиной ужасныхъ кровопролитій. Лукъ не можетъ держаться противъ мушкетона. Слѣдуетъ бѣгство, голодъ и смерть, и мы должны еще разъ напомнить, что, по нашему убѣжденію, смертность при этихъ невольничьихъ войнахъ въ сложности съ потерями во время путешествія къ берегамъ и при перевозкѣ въ средней палубѣ, навѣрно дѣлаетъ то, что изъ пяти человѣкъ никогда болѣе одного не достигаетъ на Кубу и въ другія мѣста, къ „добрымъ господамъ“, которые, по собственному выраженію рабовладѣльцевъ, предопредѣлены для попеченія о нихъ.

Португальцы въ Тетте употребляли послѣдній изъ этихъ пріемовъ. Расточеніе жизни, свидѣтелями котораго мы были,

превосходитъ всякое описаніе. Какъ у членовъ медицинскаго сословія, глаза у насъ дѣйствительно свыклись со многими печальными сценами; но бѣдствіе, порождаемое торговлей невольниками, совершенно превосходитъ все, что́ мы когда-нибудь видѣли. Одна часть захваченныхъ плѣнниковъ посылается вверхъ по Замбези выше Тетте въ продажу за слоновью кость, — женщина стоитъ двѣ арробы, или шестьдесятъ фунтовъ. Бо́льшая часть плѣнныхъ мужчинъ отсылается на островъ Бурбонъ. Мы были свидѣтелями обоихъ этихъ способовъ распоряжаться съ плѣнными точно такъ же, какъ и результатовъ, слѣдовавшихъ за взятіемъ ихъ въ плѣнъ. Мы еще разъ обращаемся къ этому омерзительному предмету, такъ какъ весьма важно замѣтить, что все это расточеніе жизни происходитъ подъ руководствомъ просвѣщеннаго и сильно богатѣющаго передоваго сословія. Его величество Наполеонъ III думалъ восполнить недостатокъ рабочихъ силъ на о-вѣ Бурбонѣ вербованіемъ свободныхъ переселенцевъ изъ Африки. Надъ каждымъ судномъ былъ поставленъ чиновникъ отъ правительства, и онъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы условія, заключаемыя съ туземцами, были правильны и справедливы, чтобы не было никакого переполненія, и заботиться о нужной пищѣ въ достаточномъ количествѣ. При всей предусмотрительности императора политика его произвела слѣдствія, которыхъ мы были свидѣтелями. Это была проклятія достойная торговля невольниками въ усиленномъ видѣ, опиравшаяся на могущественное и энергическое правительство. Императоръ заслуживаетъ всякаго почета за то, что освободилъ свой народъ отъ безчестія быть запятнаннымъ въ дѣлѣ обращенія въ неволю, а наше правительство за то, что оно настойчиво указывало на зло, въ которомъ онъ безсознательно былъ повиненъ, и за то еще, что съ значительными жертвами заботилось о томъ, чтобы доставка рабочихъ силъ могла производиться изъ Индіи. Чтобы устранить подозрѣніе въ ошибкѣ; чтобы никто не думалъ, что мы заблуждаемся, приписывая печальные результаты, о

которыхъ мы дали только слабое понятіе, просвѣщенной и обдуманной „французской системѣ вербованія“,— мы хотимъ напомнить одно изъ доказательствъ. Когда мы были на островѣ Іоанна, къ борту „Піонера“ приплылъ одинъ „свободный переселенецъ“, купленный въ Кильва за двадцать два доллара, съ судна, которое на мысѣ Доброй Надежды долго было извѣстно подъ именемъ „Мазурка“, но тогда принадлежало французскому хозяину и находилось подъ надзоромъ французскаго коронаго чиновника. Этотъ переселенецъ, едва забрезжило утро, ускользнулъ черезъ бортъ „Мазурки“, когда она только-что тронулась, и мы нашли, что онъ былъ манганджа и именно изъ Банда. Видѣли мы также и *окованныхъ цѣпями* „свободныхъ переселенцевъ“ изъ манганджа, спускающихся на нагруженныхъ ими челнахъ. Комендантъ Тетте замѣтилъ ухмыляясь: „Теперь, когда насъ прикрываетъ французскій флагъ, вы къ намъ вовсе не можете придраться.“ Мы думаемъ, что во Франціи дали бы ему тысячи пиковъ за его комплиментъ, сдѣланный имъ трехцвѣтному флагу.

Результатъ нашихъ наблюденій надъ вліяніемъ торговли невольниками въ ея источникѣ тотъ, что она должна представлять непреодолимую преграду для всякаго моральнаго и коммерческаго прогреса. Разные англійскіе государственные люди, трудившіеся надъ подавленіемъ этой торговли, выказали глубокомысліе и большое политическое благоразуміе. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нашихъ руководящихъ политиковъ, какъ на людей, желающихъ только расширенія границъ и власти, либералы и консерваторы своими усиліями въ этомъ же направленіи должны бы доказывать, что наши политики стараются споспѣшествовать въ самомъ обширномъ смыслѣ слова миру и благосостоянію между людьми. Истина этого положенія будетъ очевиднѣе, если мы взвѣсимъ окончательныя слѣдствія торговли невольниками. Она постоянно поддерживаетъ варварство въ той странѣ, изъ которой берутся невольники, и имѣетъ въ высшей степени вредное вліяніе на ту страну, въ которую они доставляются. Ввозъ африканскихъ рабочихъ

въ качествѣ конкурентовъ съ европейцами, дѣлаетъ трудъ между послѣдними непопулярнымъ и ставитъ обществу преграды на пути къ прогрессу; ибо ничто такъ не служитъ къ возвышенію народа, какъ то обстоятельство, что лучшіе умы заняты трудомъ и находятъ въ немъ наслажденіе, и трудъ по тому самому, что онъ предпринимается для общей пользы, въ высшей степени облагораживается.

Мы должны съ состраданіемъ говорить объ ужасной революціи, совершающейся теперь въ Америкѣ, столь гибельной для жизни и собственности; ибо мы глубоко сожалѣемъ о бѣдствіяхъ нашихъ братій, — печальныхъ послѣдствіяхъ рабства. Вся война произошла только оттого, что въ одной части этой огромной страны было невольничье населеніе, составляющее не болѣе шестой доли всего американскаго государства. Введеніе болѣе низкой расы изъ варварской страны было огромною ошибкою; унизить эту расу и отказать ей въ правахъ на человѣчность — еще бо́льшая ошибка; ибо униженіе должно было навѣрно отразиться на господахъ и ихъ дѣтяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, униженіе невольниковъ должно не только лишать нравственности господина, но оно больше всего унижаетъ его. Затѣмъ присутствіе *милліоновъ* униженной расы дѣлаетъ невозможнымъ сліяніе или дальнѣйшее развитіе націи. Положимъ, эти милліоны должны оставаться въ застоѣ; въ такомъ случаѣ если ихъ нельзя поднять, они должны быть колодкой, нравственнымъ жерновомъ на шеѣ, неизцѣлимымъ зломъ, суровымъ возмездіемъ потомкамъ тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которые начали торговать невольниками. Но мы не думаемъ, чтобы африканцы были ни къ чему неспособны умомъ и сердцемъ, и наши американскіе братья, поставившіе себѣ колоссальную задачу, заслуживаютъ самаго горячаго сочувствія съ нашей стороны. Освободить насъ и защитить отъ соединенныхъ съ торговлею невольниками бѣдствій, къ этому стремились благороднымъ образомъ наши государственные люди; никакія разумныя издержки, сохранявшія насъ отъ возможности занят-

наться, не должны считаться жертвой. Впрочемъ, если мы избѣжали пятенъ, то это случилось не потому, что мы, какъ нація, невинны.

Относительно положенія африканцевъ между націями міра мы не видали ничего, что могло бы оправдывать то мнѣніе, будто они принадлежатъ къ особой „породѣ“ или „виду“, отличнымъ отъ цивилизованныхъ. Африканецъ — человѣкъ со всѣми атрибутами человѣческаго рода. Цѣлыя столѣтія варварство оказывало на африканцевъ тѣ же самыя ухудшающія вліянія, какія, по описанію Причарда, испытывали ирландцы, загнанные нѣсколько поколѣній тому назадъ на холмы Ульстера и Коннаугта. Эти подавляющія вліянія оказали на нѣкоторыя племена такое моральное и физическое дѣйствіе, что, вѣроятно, потребны будутъ столѣтія, чтобы опять передѣлать къ лучшему то, что сдѣлано столѣтіями. Все-таки, это униженіе нельзя было бы считать основаніемъ для того, чтобы держать какую-нибудь расу въ рабствѣ, если бы защитникъ подобнаго образа дѣйствія не упалъ столь же низко въ нравственномъ отношеніи. Не говоря о страшномъ расточеніи жизни, неразлучномъ съ системою, имѣющею въ виду, какъ говорятъ, улучшить положеніе негровъ, сравнительно съ состояніемъ свободы въ ихъ собственной странѣ, — эта система, если не обусловливаетъ, то поддерживаетъ несчастное положеніе, именно тѣмъ, что противопоставляетъ ему относительное удобство въ неволѣ.

Этнологи нисколько не считаютъ африканца за самаго меньшаго въ человѣческой семьѣ. Въ физическомъ отношеніи по силамъ онъ почти равенъ европейцу и, какъ типъ, удивительно проченъ. Ни болѣзни, ни водка, оказавшіяся столь гибельными для сѣверо-американскихъ индійцевъ, островитянъ Южнаго океана и австралійцевъ, повидимому, не въ состояніи уничтожить негра. Даже при томъ гибельномъ для человѣческой жизни обстоятельствѣ, когда человѣкъ лишается отечественной почвы, негры множились, не смотря ни на какой гнетъ и наполовину окрасили новый свѣтъ своимъ

цвѣтомъ. Отъ природы они одарены физическою силою, способною противостоять самымъ тяжкимъ лишеніямъ, и веселостью, которая какъ бы въ облеченіе страданій даетъ имъ возможность изъ самыхъ худшихъ положеній дѣлать лучшія. Эта веселость подобна той силѣ, присущей человѣческому тѣлу, которая даетъ ему возможность противостоять жару, даже въ такой степени, какой мы никогда не знали бы, если бы одинъ чудакъ-хирургъ не попалъ въ печь и не пережегъ бы себѣ пальцевъ своими карманными часами. Африканцы удивительно выдерживаютъ неестественныя отношенія, которыя довели бы до погибели бо́льшую часть расъ.

Замѣчательно, что сила противостоять нуждѣ, или, какъ сказалъ бы иной, годность къ рабской жизни свойственна только нѣкоторымъ племенамъ на африканскомъ континентѣ. Климатомъ нельзя объяснить того фатка, что въ состояніи рабства многіе умираютъ съ тоски или прибѣгаютъ къ самоубійству. Крумэна нельзя обратить въ невольника, а онъ, однако, житель низменныхъ, нездоровыхъ западныхъ береговъ. Изъ племени зулу или каффровъ ни одинъ не дозволитъ увести себя въ неволю, хотя всѣ они живутъ въ сравнительно высокихъ мѣстностяхъ. Мы слышали, какъ люди, пользовавшіеся довѣріемъ многихъ каффровъ, утверждали, что они всегда возвращаютъ ударъ, данный даже только въ шутку какимъ-нибудь европейцемъ. Во всѣхъ, въ комъ есть кровь зулу, какъ-то: въ макололо, ватута и, вѣроятно, въ мазан, замѣтна любовь къ свободѣ. Но кровь не объясняетъ факта. Красивая женщина бароце въ Наліеле за отказъ выйти замужъ за человѣка, къ которому она не имѣла склонности, была старшиною отдана въ рабство нѣсколькимъ мамбарійскимъ торговцамъ невольниками изъ Бенгуэла. Когда она увидѣла предстоявшую ей участь, то схватила копье, пронзила имъ себя и упала мертвою.

Форма правленія въ Африкѣ патріархальная и, смотря по темпераменту владѣтеля, или отличается деспотизмомъ, или ведется по совѣту старѣйшихъ изъ племени. Благоговѣніе

передъ королевскимъ достоинствомъ побуждаетъ иногда массу народа переносить страшныя жестокости и даже убійства со стороны деспота или безумца. Вообще же правленіе въ Африкѣ кроткое. То же самое въ нѣкоторой степени должно сказать и о религіи африканцевъ. Расы этого континента, повидимому, развились лишь до извѣстнаго пункта и не идутъ далѣе. Въ искусствѣ обработывать желѣзо и мѣдь, въ горшечномъ дѣлѣ, плетеньѣ корзинъ, пряденіи, тканьѣ, изготовленіи сѣтей, рыбныхъ удочекъ, копій, топоровъ, ножей, иголокъ и другихъ вещей, изобрѣтено ли все это первоначально самими африканцами или же сообщено имъ посторонними учителемъ, во всякомъ случаѣ во всемъ этомъ они, повидимому, долгій рядъ столѣтій оставались на одномъ и томъ же уровнѣ. Этотъ очевидный умственный застой мы не можемъ понять у нѣкоторыхъ народовъ; но такъ какъ въ позднѣйшіе періоды существованія міра, по нашему мнѣнію, мы сдѣлали огромные успѣхи въ искусствахъ, то мы безсознательно стали выражаться о нѣкоторыхъ другихъ націяхъ совершенно въ томъ же тонѣ, въ какомъ говорятъ жители небесной имперіи о ихъ „цвѣтущей странѣ“. Эти самые китайцы въ иныхъ весьма значительныхъ открытіяхъ опередили насъ настолько же вѣковъ, насколько мы опередили другихъ. Въ свѣдѣніяхъ о свойствахъ магнита, составѣ пороха, въ изобрѣтеніи книгопечанія, фарфоровой и шелковой фабрикаціи и въ прогрессѣ литературы они трудились прежде насъ. Но затѣмъ сила дѣлать дальнѣйшія открытія была скована, и умственный застой препятствовалъ ей шествовать далѣе по пути совершенствованія или открытій.

Азіятцамъ мы обязаны хлопкомъ, сахаромъ, водяными и солнечными часами. Съ востока получили мы алгебру, шахматную игру, кофе, чай, спиртъ и сталь. Рабское подражаніе, занявшее мѣсто духовной дѣятельности и открытій, повидимому, въ равной степени охватываетъ китайцевъ, японцевъ, азіятцевъ, арабовъ и африканцевъ. Показываетъ ли эта недостаточность изобрѣтательной способности, что каждой расѣ предопредѣлено

играть свою особую роль въ огромномъ планѣ Творческаго Провидѣнія, въ которомъ нашъ ограниченный умъ можетъ уловить только столь ничтожно малую часть, что мы никогда до скончанія міра не поймемъ его въ цѣломъ? Въ нашей маленькой сферѣ мы видимъ много примѣровъ безсознательнаго содѣйствія одного человѣка или племени другому. Архіепископъ Уэтли указываетъ на городъ Лондонъ, „покрытую домами провинцію," который снабжается пищею съ точностью, полнотою и правильностью, до какихъ, вѣроятно, не могла бы достигнуть и самая прилежная дѣятельность подъ руководствомъ величайшей человѣческой мудрости. Въ этомъ дѣлѣ участвуютъ люди, изъ которыхъ каждый не думаетъ ни о чемъ, что выходитъ за предѣлы его личнаго, непосредственнаго интереса, и, однако же, всѣ они вмѣстѣ дѣйствуютъ къ выполненію системы, которою не могла бы руководить такъ хорошо человѣческая мудрость. Если полная сообразность средствъ съ цѣлями показываетъ мудрость и планъ, то здѣсь и то, и другое въ полномъ развитіи; ибо каждый человѣкъ, дѣйствующій по побужденіямъ, направленнымъ его собственной свободной волей, стремится столько же правильно и пассивно къ цѣли, которой содѣйствующіе въ ихъ цѣлости никогда не имѣютъ въ виду, какъ будто каждый изъ нихъ одно изъ колесъ въ какой-то машинѣ. Доказательства, что живущій въ обществѣ человѣкъ руководится мудростью, которая не ему принадлежитъ, и стремится къ полезнымъ результатамъ, о которыхъ онъ никогда не думалъ, эти доказательства разсѣяны повсюду, гдѣ родъ человѣческій ушелъ настолько, что живетъ подъ какой-нибудь, хотя и грубой еще формой правленія; они обнаруживаютъ какой-то планъ Провидѣнія, который напослѣдокъ каждымъ будетъ признанъ за безконечно мудрый.

Умственный застой у нѣкоторыхъ націй, опередившихъ насъ на пути открытій, можетъ быть и предопредѣленъ въ тѣхъ видахъ, чтобы огромная сила, идущая отъ науки и искусства, могла быть въ связи съ религіей, проповѣдующей

людямъ миръ и благоволеніе. Если бы сила, сообщенная новѣйшими изобрѣтеніями христіанскимъ націямъ, по естественному ходу вещей, выпала на долю народамъ, которые были первыми на поприщѣ науки и искусствъ, то мы не видимъ никакихъ земныхъ причинъ, почему бы надъ нами, бѣдными островитянами, не господствовали теперь буддисты и магометане съ парами и со всѣми улучшеніями въ артиллеріи, и почему бы не вывозились теперь въ гаремы востока ланкаширскія очаровательницы и эдинбургскія „прелестныя дѣвочки“ *).

Насъ такъ часто спрашивали: способны ли африканцы принять христіанскую религію? что мы рѣшаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія, хотя, можетъ быть, это и покажется излишнимъ съ нашей стороны для всѣхъ тѣхъ, кто былъ свидѣтелями вліяній, вызванныхъ уже въ западной и южной Африкѣ ученіемъ, введеннымъ путемъ частной дѣятельности, или кто слѣдилъ за миссіонерскими движеніями различныхъ христіанскихъ церквей въ теченіе послѣдней четверти

---

*) Особая форма головы и огромная величина ушей, характеризующія африканскаго слона на одномъ находящемся въ британскомъ музеѣ египетскомъ саркофагѣ изъ 26 династіи, почти за 500 лѣтъ до нашей эры, изображены весьма отчетливо. Судя по нимъ нужно заключить, что рѣзчикъ, по всей вѣроятно, видѣлъ животное, что это, еще вѣроятнѣе, ручной слонъ, и что ни рѣзчикъ не былъ путешественникомъ, ни дикій слонъ не былъ пригнанъ въ Египетъ. Слоны, которыхъ употребляли римляне и карѳагеняне, навѣрно были африканскіе. Въ одномъ приводимомъ г. Р. С. Пуломъ договорѣ римляне обязываютъ карѳагенянъ *не приручать болѣе слоновъ*. „Perfugas, fugitivosque, et captivos omnes redderent romanis, et naves rostratas, præter decem triremes traderent: elephantesque, quos haberent domitos, neque domarent alios“. — Livius XXX, 37. Это указываетъ на конецъ одной отрасли африканской индустріи. Египетскіе памятники доказываютъ, что приручали и другихъ дикихъ животныхъ; но умственный застой, общій египтянамъ и другимъ племенамъ на африканскомъ и индійскомъ континентахъ, повидимому, насталъ въ весьма отдаленныя времена. Когда мы говоримъ объ африканской расѣ, читатель замѣтитъ, что мы не принимаемъ, какъ дѣлаютъ мало знающіе о большихъ внутреннихъ странахъ, за типъ всей семьи негра, занимающаго ничтожную полосу по низменнымъ западнымъ берегамъ.

столѣтія. Со стороны тѣхъ, которые задаютъ этотъ вопросъ, онъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ вѣру въ то, что принятіе евангелія предполагаетъ высокое развитіе и упражненіе мыслителей силы. Иные люди, въ самомъ дѣлѣ, отъ природы склонны изслѣдовать каждый предметъ настолько, насколько хватитъ ихъ силы разумѣнія; но тѣ, которые руководятся въ жизни чистымъ размышленіемъ, въ каждой расѣ составляютъ весьма малое меньшинство. Сэръ Джемсъ Стефенъ сказалъ въ одной изъ своихъ превосходныхъ историческихъ статей: „Апостолы полагаютъ, что во всѣхъ людяхъ есть духовная способность различенія, которая даетъ ихъ разуму, если онъ не затемненъ похотью или страстью, возможность узнавать божественный голосъ, сказывается ли онъ внутри—голосомъ совѣсти, или говоритъ извнѣ—языкомъ вдохновеннаго пророка; они предполагаютъ, что сила разума можетъ существовать со слабостью разсудка, и способность различать между религіозной истиной и заблужденіемъ не зависитъ преимущественно отъ образованія и упражненія чисто доказательной способности. Евангеліе, наслѣдіе преимущественно бѣднаго и необразованнаго, было опорою для милліоновъ людей, никогда не дѣлавшихъ силлогизмовъ. Между огромными массами, жившими до и со времени рожденія Гроціуса въ лонѣ нашей вѣры и умершими въ утѣшеніяхъ ея, какъ относительно мало число тѣхъ, убѣжденія которыхъ проистекли изъ доказательныхъ сочиненій!“

Мы лучше предпочли воспользоваться словами этого здравомыслящаго писателя, чѣмъ говорить отъ себя, чтобы выразить убѣжденіе, что наша божественная религія столь же по плечу и меньшимъ изъ нашего рода, какъ высшимъ. Впрочемъ, когда дѣло идетъ о различныхъ классахъ человѣческой семьи, то ученіе должно быть приноровляемо къ различнымъ индивидуальнымъ обстоятельствамъ. Величественный церемоніялъ, церковные обряды, успокоивающая проповѣдь и строгій взглядъ тѣхъ, которые считаютъ себя въ правѣ питать нѣкоторую духовную гордость, годятся, по-

жалуй, для иныхъ умовъ. Но съ униженными нашего рода въ этой странѣ должно обращаться почти такъ же, какъ поступаютъ въ сношеніяхъ съ павшими въ Лондонѣ. Приближаемся ли мы къ попраннымъ жертвамъ торговли невольниками въ знойной Африкѣ, или къ нашимъ братьямъ на улицахъ, не имѣющимъ ни крова, ни отечества, мы должны, чтобы заслужить довѣріе, употребить то же средство, магическую силу дружелюбія, — волшебное средство, которое можно считать однимъ изъ открытій новаго времени. Это средство не можетъ подѣйствовать тотчасъ, и первое чувство несчастнаго, какого бы цвѣта онъ ни былъ, это чувство недовѣрія; онъ будетъ видѣть въ дружелюбіи доказательство слабости: но чувства, подавленныя суровостью его жребія, пробьются со временемъ, какъ трава послѣ дождя. Такъ, епископъ Макензи въ настоящемъ миссіонерскомъ духѣ боролся съ колоссальнымъ бѣдствіемъ страны, доставлялъ убѣжище и покровительство угнетаемымъ и этимъ скоро пріобрѣлъ довѣріе народа. Въ каждомъ случаѣ средства улучшенія должны быть сообразны съ особыми обстоятельствами народа. Христіанская любовь не должна щадить никакихъ средствъ, какія только она можетъ придумать, чтобы пробудить лѣнивыхъ, цивилизовать дикарей, наставить несвѣдущихъ и проповѣдать всѣмъ евангеліе любви и милосердія.

Относительно результатовъ, уже добытыхъ трудами миссіонеровъ, мы наведены были на открытіе нѣкоторыхъ весьма неожиданныхъ фактовъ. Посѣтивъ Сіерра-Леоне и нѣкоторыя другія страны западнаго берега, точно такъ же, какъ бо́льшую часть южной Африки, мы были весьма обрадованы доказательствами успѣховъ, которые были лично нами замѣчены. Толпы хорошо одѣтыхъ, прилично и умно смотрящихъ христіанъ составляли удивительный контрастъ съ тѣмъ же самымъ народомъ, находившимся еще въ язычествѣ. Въ Сіерра-Леоне, Курумани и другихъ мѣстахъ воскресенье, напримѣръ, праздновалось точно такъ же, какъ гдѣ-нибудь въ Шоттландіи. Взглядъ на это производилъ то неизгладимое впечатлѣніе на

душу, что Англія много сдѣлала добра своей любовью къ человѣчеству, которая будетъ признана и оцѣнена по достоинству потомствомъ. Если бы мы не были вполнѣ знакомы прежде, вслѣдствіе долгихъ личныхъ сношеній, съ людьми въ Курманѣ, которые почти полстолѣтія наслаждались миссіонерскими трудами Моффата, и не знали бы умственнаго состоянія племени, къ которому принадлежали всѣ его обращенные, то мы были бы введены въ заблужденіе и могли бы придать явленіямъ болѣе низкое значеніе, чѣмъ они заслуживаютъ. Но у насъ было множество случаевъ опредѣлить, какъ много между обращенными дѣйствительнаго христіанства. Къ нашему удовольствію, послѣ тщательнаго наблюденія и изслѣдованія увидѣли, что несправедливо утверждаетъ капитанъ Бёртонъ, будто только магометанство пріобрѣтаетъ прозелитовъ въ Африкѣ; мы полагаемъ, что онъ, выражаясь такимъ образомъ, только намѣревался нанести ударъ предразсудкамъ тѣхъ, кого считалъ за легковѣрныхъ. Приведеніе этого свидѣтельства въ одной изъ англійскихъ газетъ побудило насъ сдѣлать нѣсколько изслѣдованій, результаты которыхъ мы предлагаемъ съ удовольствіемъ, потому что повсюду, гдѣ распространяется христіанство, оно дѣлаетъ людей лучше.

При сдѣланномъ правительствомъ перечисленіи народа въ 1861 г., народонаселеніе Сіерра-Леоне достигало до 41,000 душъ. Изъ всего населенія христіанъ было 27,000, магометанъ числилось 1,734 души, что́ вовсе не даетъ особенно большой пропорціи по отношенію къ населенію для секты, которая „одна только пріобрѣтаетъ прозелитовъ“. Въ 1854 г. 12,000 христіанъ въ колоніи, принадлежащей къ англиканской церкви, взяли на себя всѣ издержки по содержанію школъ, ежегодно 800 фунтовъ стерлинговъ. Мы не знаемъ, на какой степени возрастанія обнаружилось въ туземной церкви на западномъ берегу желаніе поддерживать и распространять религію, которая была принята тамъ; только въ 1861 г. взносы

въ англійское миссіонерское общество достигли въ средѣ этихъ африканскихъ христіанъ до 10,000 фунтовъ стерлинговъ. Эти факты доказываютъ съ достаточною очевидностью, что туземцы питаютъ серьезное желаніе сообщить благодать, полученную ими, своимъ дѣтямъ и другимъ.

Не было сдѣлано никакой попытки собрать свѣдѣнія о всѣхъ африканскихъ миссіяхъ, но изъ отвѣтовъ достовѣрныхъ свидѣтелей слѣдуетъ, что доходы, собираемые для поддержанія и распространенія христіанской вѣры съ негровъ въ Вестъ-Индіи и въ западной и южной Африкѣ, доходятъ ежегодно до суммы свыше 15,000 фунтовъ стерлинговъ. Поэтому мы повторяемъ, что тогда какъ магометане въ исключительныхъ случаяхъ распространяли свою религію и въ то же время удовлетворяли своей жадности къ добычѣ или своему эгоизму, между туземными христіанами вошло въ обычай жертвовать своею собственностью для распространенія христіанства, хотя имъ постоянно внушаютъ, что этимъ они ничуть не покупаютъ себѣ спасенія.

Такъ какъ мы не могли найти основаній, по которымъ распространеніе магометанства выдается за фактъ, то довольствуемся только присоединеніемъ этого свидѣтельства къ другимъ, которыя были выставляемы противъ англійской политики, направленной противъ торговли невольниками, и которыя при изслѣдованіи на самомъ мѣстѣ мы нашли лишенными основанія. Эти свѣдѣнія, повидимому, вышли отъ торговцевъ на берегахъ, которые среди своихъ попытокъ были бы ничуть не прочь увидѣть снова оживившею торговлю невольниками. Со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ нашимъ землякамъ, находящимся заграницей, и не смотря на убѣжденіе, что они больше имѣютъ чувства справедливости, чѣмъ члены нѣкоторыхъ другихъ націй, мы, однако же, должны признаться, что низшій англійскій торговецъ такой злой забіяка, что нуждается въ надзорѣ. Поставляя внѣ вопроса національную обязанность сильнаго защищать слабаго, мы

полагаемъ, что денежный оборотъ торговли *), уже развившейся на западномъ берегу вслѣдствіе полиціи лорда Пальмерстона, требуетъ продолженія этой полиціи въ духѣ той же строгости.

Отчетъ полковника Орда, — коммиссара, посланнаго для изслѣдованія состоянія англійскихъ поселеній на западномъ берегу Африки, — который былъ напечатанъ по распоряженію Палаты Общинъ 29-го марта 1865 г., говоритъ: „Что касается торговли невольниками, то несомнѣнный фактъ, что

---

*) Представляемые парламенту ежегодные отчеты по торговлѣ показываютъ, что объявленная цѣнность британскихъ и ирландскихъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій, отправляемыхъ на западный берегъ Африки, распредѣленная на пятилѣтніе періоды, была слѣдующая:

Вывозъ изъ Великобританіи:

	фунт. стерл.		фунт. стерл.
1846 — 50 . . .	2,773,408	или ежегодно среднимъ числомъ	554,681
1851 — 55 . . .	4,314,752	„ „ „ „	862,950
1856 — 60 . . .	5,582,941	„ „ „ „	1,116,588
1861 — 63 . . .	4,216,045	„ „ „ „	1,405,348

Тѣ же самые отчеты по торговлѣ показываютъ, что цѣнность ввоза африканскихъ продуктовъ съ западнаго берега въ Великобританію была слѣдующая До 1856 г. выставлена „официальная цѣнность“, послѣ этого времени „дѣйствительная цѣнность по разсчету“:

Ввозъ.

		фунт. стерл.	фунт стерл.
Официальная цѣнность	1851—55..	4,151,725; сред. ч.	830,945
Дѣйствительная цѣнность по разсчету.	1856—60 ..	9,376,251; „	1,875,250
	1861—63 ..	5,284,611; „	1,761,537

Цѣнность африканскихъ продуктовъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ упала вслѣдствіе открытія въ Америкѣ петролена или каменнаго масла. Въ 1864 г. въ Англію изъ Африки было отправлено отъ 4,000 до 5,000 тюковъ хлопка.

Нужно помнить, что при существовавшей системѣ, когда Сіерра Леоне, поселенія на Гамбіи и на Зологомъ берегу были прямо содержимы для споспѣшествованія торговлѣ неграми, законная торговля ежегодно доходила только до 20,000 ф. ст., и что теперь плата за грузъ законнаго товара больше, чѣмъ плата, которая когда-нибудь назначалась за невольничій транспортъ.

она уничтожена въ сосѣдствѣ каждаго мѣста на западномъ берегу, занятаго англійскимъ населеніемъ; разстояніе, на которое она удалена, зависитъ, по бо́льшей части, отъ пространства, на которое начальства колоній въ состояніи дать почувствовать свое вліяніе. Этого нѣтъ нужды ограничивать областью англійскихъ поселеній, такъ какъ голландскія и датскія владѣнія на Золотомъ берегу и республика Либеріа равнымъ образомъ содѣйствовали изгнанію торговли невольниками изъ ихъ сосѣдства."

Хотя это и внѣ цѣли, къ которой направлены наши замѣчанія; хотя мы далеки отъ желанія подать поводъ счесть себя равнодушными къ потерѣ и одной человѣческой жизни, при всемъ томъ желательно видѣть болѣе распространеннымъ свѣдѣніе о томъ, что служба на нашей эскадрѣ не сопровождается теперь такой смертностью, какъ прежде. Экипажъ уже не настолько занятъ въ рѣкахъ, какъ прежде; конденсированная вода вошла во всеобщее употребленіе, и леченіе лихорадки понимаютъ лучше. По нашему собственному опыту, мы нашли леченіе, въ замѣнъ обычнаго кровопусканія, посредствомъ соединеннаго съ хининомъ слабительнаго столь дѣйствительнымъ, что лихорадочный припадокъ казался не особенно хуже обыкновеннаго озноба, и паціентъ не терялъ силы. Нѣсколько сходное съ этимъ леченіе на судахъ ея величества у береговъ Африки сдѣлало смертность гораздо меньше, чѣмъ на вестъ-индскихъ и сѣверо-американскихъ станціяхъ *).

Мы положительно никогда не встрѣчали такого человѣка, который всю свою любовь къ ближнимъ расточалъ бы за границею и отказался бы простереть руку милосердія и помощи дѣтямъ грѣха и горя въ отечествѣ. Мы считаемъ въ самомъ дѣлѣ существованіе такихъ людей чистой выдумкой недовольныхъ, собственная добродѣтель которыхъ не сіяетъ

---

*) Слѣдующая таблица показываетъ отношеніе ежедневно заболѣвающихъ всякаго рода болѣзнями и поврежденіями, выбывающихъ изъ строя и умирающихъ на 1,000 человѣкъ войскъ на различныхъ станціяхъ:

нигдѣ. Поэтому, мы предполагаемъ, что намъ не будетъ сдѣлано никакого возраженія со стороны тѣхъ, которые въ высшей степени воспріимчивы къ настоятельнымъ потребностямъ отечественнаго населенія, если мы съ гордостью упомянемъ миссіонерскія общества, трудившіяся на западномъ берегу Африки. Шесть изъ нихъ британскихъ, семь американскихъ, два нѣмецкихъ и одно вестъ-индское. Въ этихъ обществахъ 104 европейскихъ или американскихъ миссіонера; у нихъ 110 станцій, 13,000 учениковъ въ 236 школахъ и 19,000 вписанныхъ общниковъ, число, которое, вѣроятно, соотвѣтствуетъ 60,000 христіанскаго населенія.

Особенно пріятно видѣть ревность нашихъ американскихъ братій; они показываютъ на себѣ естественныя вліянія и дѣйствія нашей святой религіи. Тѣ, у кого чистое и вѣрное сердце, спрашиваютъ не о разстояніи, а только о нуждѣ. Американцы— главные миссіонеры, и это будетъ только дѣломъ справедливости, если мы скажемъ, что ихъ труды и успѣхи на западномъ берегу превосходятъ всякую похвалу. Впрочемъ, не

Станціи.	Отношеніе ежедневно заболѣвающихъ на 1,000.	Отношеніе выбывающихъ изъ строя на 1,000.	Отношеніе умирающихъ на 1,000.
На родинѣ	48,1	31,2	9,6
Въ Средиземномъ морѣ.	61,8	45,4	10,4
Въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи.	60,4	36,2	42,1
Въ Бразиліи.	43,4	27,7	16,1
Въ Тихомъ океанѣ	58,9	36,2	7,9
У западнаго берега Африки	62,0	38,0	34,1
На мысѣ Доброй Надежды	76,7	31,3	18,1
Въ Остъ-Индіи и Китаѣ	86,7	61,6	26,1
Въ Австраліи	40,0	28,4	13,7
Въ иррегулярныхъ войскахъ	77,4	26,5	10,4

„Относительно смертности между живущими на западномъ берегу гражданскими чиновниками правительствомъ не было получено точныхъ свѣдѣній; но можно полагать, что смертность вслѣдствіе климата въ этомъ классѣ вовсе не велика. Легкость, съ какою чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ, заболѣвающимъ какой-нибудь опасною болѣзнью, дозволяется вернуться въ отечество въ отпускъ для излеченія, должна послужить къ значительному уменьшенію смертности.“ Отчетъ полк. Орда, стр. 30.

на одномъ только этомъ берегу свѣтитъ ихъ добродѣтель. Въ Индіи, Китаѣ, Южномъ океанѣ, Сиріи, южной Африкѣ и на ихъ собственномъ отдаленномъ западѣ они показали себя достойными дѣтьми старой родины, — убѣжища для угнетенныхъ всѣхъ націй, источника свѣта для всѣхъ странъ.

Теперь, давъ только слабый очеркъ того, что́ сдѣлано было на западномъ берегу, мы спрашиваемъ: какъ могутъ быть португальцы такъ дерзки, чтобы на 900 миль закрыть восточный берегъ отъ этихъ цивилизующихъ и гуманизирующихъ вліяній? Имѣя передъ глазами законную торговлю, развившуюся въ одной части Африки, можетъ ли остальной міръ потерпѣть, чтобы бо́льшая часть столь богатаго и плодороднаго континента была осуждена болѣе чѣмъ на неплодородіе, пока испанцы и португальцы не вздумаютъ прекратить свою убійственную торговлю людьми? Когда эти обезсиленныя націи говорятъ о своихъ славныхъ предкахъ, то они проходятъ молчаніемъ, что они сами подпали духовному застою того же рода, какъ африканцы и другіе. Соединенные Штаты оказали бы благодѣяніе Испаніи и сорвали бы огромную часть покрывала, дѣлающаго ее слѣпою, если бы присоединили къ себѣ Кубу; и Англія оказала бы Португаліи огромную услугу, если бы пренебрегла ея притязаніями на господство на восточномъ берегу Африки, гдѣ она остается, ради простаго хвастовства въ Европѣ, и гдѣ дѣйствія ея заслуживаютъ ей самое худшее имя въ христіанствѣ. Какъ уже упомянуто, просвѣщенные лиссабонскіе государственные люди охотно сдѣлали бы, посредствомъ англійскаго торговаго общества, то, что́ въ другихъ мѣстахъ достигнуто было англійскою любовью къ людямъ, подкрѣпляемою англійскими крейсерами. Здѣсь, на восточномъ берегу, ни одинъ туземецъ не обученъ чтенію, не развита ни одна отрасль торговли. Всюду, куда только проникала португальская власть или, скорѣе, интрига, мы видѣли въ полной силѣ торговлю, о которой можно сказать, что она ниспровергаетъ законъ Іисуса Христа и вызываетъ мщеніе неба.

Всѣ старанія Англіи къ полному подавленію торговли людьми обращаются въ ничто нѣсколькими преступниками и небогатыми португальскими губернаторами, власть которыхъ ни въ какомъ случаѣ не простирается даже на мѣста, видимыя невооруженному глазу изъ ихъ фортовъ. Если восточная Африка все еще должна служить на пользу однихъ преступниковъ, почему же не посылать туда своихъ и англичанамъ? Она столь же мало принадлежитъ португальцамъ, какъ и Китай, хотя они владѣютъ Макао. Какъ бы ни были дурны наши преступники, они были бы лучше уже насланныхъ туда. Ни офицеры, ни команды не занимались бы торговлею невольниками. Климатъ умѣряетъ и укрощаетъ страсти. Это мы замѣтили въ Лоанда, гдѣ всякую ночь все городское оружіе находится въ рукахъ людей, бывшихъ когда-то преступниками. При настоящей трудности размѣщать нашихъ преступниковъ, это стоитъ принять въ соображеніе.

Въ дѣльномъ отчетѣ полковника Орда показано, что, хотя присутствіе эскадры нѣсколько содѣйствовало подавленію торговли невольниками, тѣмъ не менѣе этимъ результатомъ обязаны главнымъ образомъ мы существованію поселеній. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что даже въ наименѣе посѣщаемыхъ военными судами мѣстахъ эта торговля была столько же дѣятельно подавляема, какъ въ тѣхъ, которыя были мѣстами ихъ постояннаго объѣзда. Мы въ душѣ всегда питали убѣжденіе, что экспедиція или поселеніе внутрь страны дадутъ бо́льшіе результаты, чѣмъ военныя суда въ океанѣ, и сверхъ того будутъ стоить вдвое дешевле, чѣмъ содержаніе одного крейсера ея величества.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

стр

Предисловіе I

Приписка къ предисловію IV

ГЛАВА ШЕСТНАЦАТАЯ.

Синамане. — Плаваніе въ челнахъ. — Моэмба. — Палисады для черпающихъ воду. — Великодушіе батока. — Мы покупаемъ одинъ челнъ. — Муравьиные львы. — Стадо бегемотовъ. — Водопадный докторъ Кариба. — Альбиносы между людьми и бегемотами. — Мы встрѣчаемъ секваша, который не совсѣмъ такъ черенъ, какъ его рисуютъ. — Туземный способъ привѣтствовать. — Каривуа. — Смѣлый поступокъ макололо. — Завтракъ прерывается Мамбо Казаи. — Обѣдъ исчезаетъ вслѣдствіе коварной помощи. — Баніаи. — Быстрины Кебрабаза. — Д-ръ Киркъ въ опасности. Прискорбная потеря рукописей и пр. — Смерть одного изъ нашихъ ословъ. — Обѣдъ à la Панзо. — Мы достигаемъ Тетте 23 ноября. — Люди на всѣ руки. — Обманъ, которому поддался король Португаліи 1

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мы спускаемся къ Конгоне. — Послѣднее извѣстіе о „страждущемъ одышкою“. — Кончина старика. — Мы достигаемъ Сенна на челнахъ. — Невыгодная торговля посредствомъ невольниковъ. — Кусака укушенъ, или замученный секваша. — Каменный уголь дорожаетъ при невольничьемъ трудѣ. — Яхта его превосходительства. — Конгоне. — Англійскія газеты. — Мясо, птицы, рыбы и гармоническіе раки въ болотахъ деревъ мангле. — Бузунгу. — Пила-рыба . . . 24

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

стр.

Прибытіе „Піонера“. — Миссіонерство доставляется въ Іоганна. — Епископъ Макензи присоединяется къ экспедиціи на Ровума. — Вода спадаетъ. — Возвращеніе на Каморскіе острова. — Іоганна. — Мы поднимаемся по Шире. — „Піонеръ“ слишкомъ глубоко сидитъ въ водѣ. — Чарльзъ Ливингстонъ старается ускорить воздѣлываніе хлопка. — Недостатокъ агентовъ на восточномъ берегу сравнительно съ западнымъ берегомъ. — Тамошнія стремленія Англіи — Ихъ цѣль. — Экспедиція необыкновенно успѣшна. — Поворотъ счастья. — Освобождаются невольники. — Епископъ принимаетъ приглашеніе владѣльца въ Магомеро. — Визитъ къ аджава, хорошо задуманный, но плохо принятый. — Вынужденная схватка. — Возвращеніе отъ аджава. — Миссія епископа Макензи въ Магомеро. — Мѣра отвѣтственности д-ра Ливингстона. — Возвращеніе къ судну 35

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Новая поѣздка на озеро Ніасса. — Транспортъ лодки мимо водопадовъ. — Горбатый ораторъ. — Маленькое озеро Памаломбе. — Признаки болотнаго воздуха (malaria). — Озеро Ніасса. — Глубина. — Величина. — Фигура. — Заливы. — Горы и бури. — Толпы народа. — Печенье изъ комаровъ. — Рыба, санджика и т. д. — Кажущаяся лѣность народа. — Нечувствительность кожи. — Сѣти изъ буазе. — Ткань изъ коры деревъ. — Красота à la „пелеле“. — Великодушіе Маренга. — Ужасы внутренняго торга невольниками. — Воры; первая покража, которой мы подверглись въ Африкѣ. — Могилы туземцевъ. — Мазиту, или зулу. — Четырехдневное раздѣленіе. — Бугристыя дороги. — Человѣкъ — врагъ человѣка. — Нашъ гадатель на зерни исчезаетъ, но появляется снова. — Слоны. — Арабы изъ Катанга. — Арабская географія Танганіика и Ніасса. — Торгъ невольниками. — Хижины изъ камыша въ папирусѣ. — Молодыхъ женщинъ уводятъ на продажу. — Смѣтливая старуха. — Въ селеніи Микена мы встрѣчаемъ хищническихъ аджава — Атлетическія забавы слона 54

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ободряющія надежды. — Епископъ Макензи. — Наша поѣздка внизъ по рѣкѣ задержана. — Прибыль воды въ рѣкѣ въ январѣ 1862 г. — Маріано снова выступаетъ на поприще охоты за невольниками. — Губернаторъ играетъ съ нимъ въ прятки. — Капитанъ Альвезъ. — Мы достигаемъ Замбези. — Понятія одного рабовладѣльца о его невольникахъ. — Мудрость и человѣколюбіе Наполеона III. — На Луабо. — Приходитъ судно ея величества „Горгонъ“. — „Піонеръ“ обветшалъ. — Капитанъ Вильсонъ идетъ вверхъ по Шире. — Продолженіе

стр.

исторіи миссіи епископа. — Онъ спускается въ маленькомъ челнѣ по Шире. — Потерянная одежда, лекарство и т. д. — Лихорадка. — Смерть и преданіе землѣ. — Его характеръ. — Дружелюбіе макололо. — Смерть господина Бурруна. — Капитанъ Вильсонъ возвращается въ Шупанга. — Достопочтенный Джемсъ Стьюартъ сначала изслѣдуетъ страну, прежде чѣмъ предпринять миссію свободной шотландской церкви. — Португальская политика и торговля невольниками — главныя затрудненія для всякой миссіи. — Личная отвѣтственность налагается заднимъ числомъ, и вина сваливается на другихъ. — Болѣзнь жены Ливингстона и смерть ея, 27 апрѣля 1862 г. 93

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Д-ръ Киркъ и Чарльзъ Ливингстонъ плывутъ въ Тетте. — Война Бельчіора. — Достойное уваженія запрещеніе губернатора Альмейда. — Генералъ-губернаторъ терпитъ торговлю невольниками. — Господа и рабы. — Любовь потеряна. — „Леди Ніасса“ спускается на воду. — Разсужденія туземцевъ о пловучести желѣза. — Свобода слова о нѣкоторыхъ предметахъ. — Играющія птицы. — Нашъ новый боцманъ. — Отъѣздъ „Леди Ніасса“ отложенъ. — Португальское „запретительное“ дозволеніе на торговлю. — Мы въ лодкахъ поднимаемся по Ровума. — Обитатели. — Цыновки. — Зигзаками идущій фарватеръ. — Удивительная рыба. — Гонка челновъ. — Англичане въ Африкѣ. — Старая дама открываетъ рынокъ. — Мужчины съ пелеле. — Мабига. — Макоа. — Невольничья дорога въ Кильва. — Жизнь на песчаной мели. — Враждебность безъ вызова. — Пчелиные ульи и медъ. — Мы находимъ каменный уголь. — Бойкая молодая перевощица. — Наше слѣдованіе затруднено скалистымъ ущельемъ. — Источники Ровума. — Крокодилы. — Ихъ яйца. — Охота на сензе. — Опять къ „Піонеру“ 113

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Квиллимане. — Полковникъ Пуньезъ. — Губернаторство препятствуетъ сельскому хозяйству. — Паспортная система. — Квиллиманскіе лѣнтяи. — Возвращеніе на Замбези. — Шупанга, 19 декабря 1862 г. — Наши мазаровскіе люди и ихъ родичи. — Голодъ въ Тетте. — Раздѣленіе невольниковъ. — „Португальцы не занимаются ни земледѣліемъ, ни охотой“. — 10 января „Леди Ніасса“ находится на буксирѣ. — Ужасные подвиги Маріано. — Могила епископа. — Обоняніе и слухъ животныхъ. — Мы удимъ крокодиловъ. — Ужасное зрѣлище. — Крокодилъ противъ макололо. — Воздухъ проникаетъ всѣ части тѣла птицы. — Возвращеніе мистера Горитона. — Килиманджаро. — Великодушное дружелюбіе мистера Горитона къ миссіи. — Поѣздка въ Тетте была слишкомъ не подъ силу ему. — Его смерть и могила. — Далеко простирающееся опустошеніе. — Торгъ невольниками и го-

стр.

лодъ.— Земледѣліе въ болотахъ.—Спячка оставшагося населенія.— Остовы.—Уничтоженіе торга невольниками—неизбѣжное условіе. — Вліяніе англійскаго парохода на озерѣ Ніасса. — Построеніе дорогъ. — Свѣжая зелень холмовъ. — Нельзя купить жизненныхъ припасовъ. — Нѣтъ рабочихъ. — Скудная пища и упадокъ духа — предшественники болѣзни. — Д-ръ Киркъ и Ч. Ливингстонъ откомандировываются домой. — Д-ръ Ливингстонъ боленъ. — Д-ръ Киркъ остается ходить за нимъ. — 19 мая д-ръ Киркъ и Ч. Ливингстонъ уѣзжаютъ. — Представленіе лиссабонскому правительству. — Пустые результаты. — Поведеніе португальскихъ сановниковъ въ отношеніи къ Африкѣ. — Ливингстонъ и г. Рэй отправляются для осмотра нашей старой лодки. — Занятія оставленныхъ. — Женщина, пораненная стрѣлою. — Живучесть. — Д-ръ Меллеръ 142

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

16 іюня 1863 г. отъѣздъ къ верхнимъ водопадамъ. — Воздѣлываніе хлѣбовъ. — Хлопокъ. — Хижины, пустыя или наполненныя остовами. — Буйволовая птица и страхъ передъ отравленной стрѣлой. — Употребляемый для отравленія стрѣлъ ядъ называется *комби* и принадлежитъ одному виду Strophantus. — Ядъ *нга*. — Его дѣйствіе. — Инстинктъ у людей. — Мукуру-мадзе. — *Сану* или колючесѣмянная трава. — Ея употребленіе. — Дороги туземцевъ. — Цесарки. — Поля хлопка. — Экспедиція отзывается назадъ. — Такъ какъ португальскимъ торгомъ невольниками уничтожены всѣ рабочія силы, то намъ не предстояло никакого иного пути. — Г. Уэллеръ, свидѣтель нѣкоторой части торговли. — Дружелюбіе аджава и макололо къ англичанамъ. — Мы пытаемся доставить мимо водопадовъ другую лодку. — Потеря лодки. — Раскаяніе тѣхъ, которые ее потеряли. — Водопады. — Ихъ геологическая особенность 161

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Походный напитокъ. — Доброе поведеніе англійскихъ матросовъ. — Островъ Мотола. — Пища туземцевъ во время голода. — Новое направленіе похода. — Риви-риви. — Страна послѣ того, какъ по ней прошелъ бичъ войны. — Мы заблудились. — Гостепріимство народа. — Цѣпь Кирка. — Долина Гоа или Гова. — Распаденіе скалъ въ жаркомъ климатѣ.—Наше общество принимается за торговцевъ невольниками. — Матунда. — Мы достигаемъ колѣна озера Ніасса. — Селеніе Катоза. — Переселенія аджава.—Сельское хозяйство туземцевъ.— Понятіе епископа Макензи о сельскомъ хозяйствѣ туземцевъ. — Хлопокъ. — Чинзамба. — Ассирійская физіономія есть настоящій негритянскій типъ. — Бабиза. — Смѣхъ туземныхъ женщинъ. — Крикъ дѣтей. — Мы идемъ на сѣверовостокъ къ берегамъ озера Моламба. —

стр.

Рыбная сѣть на Чіа. — Крючки. — Дикіе не могли бы жить, если бы не были ничему научены. — Имъ былъ нуженъ сверхъестественный учитель 181

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Заливъ Кота-кота. — Арабы, строящіе доу. — Туземцы собираются на нѣкоторомъ пунктѣ, подающемъ надежду на защиту отъ войны. — Распространяется ли магометанство въ Африкѣ? — Африканцы-язычники, въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше приверженцевъ лже-пророка. — Мы тянемся на западъ. — Восхожденіе на возвышенность. — Свадебное торжество у туземцевъ. — Невольничья дорога. — Вліяніе разрѣженнаго воздуха. — Африканская первобытная религія внушаетъ смиреніе. — Она не похожа на магометанство. — Жестокіе религіозные обряды ограничиваются маленькой областью Дагомей. — Колдовство или вліяніе растеній. — Идолопоклонства нѣтъ. — Сырой климатъ. — Лоангва озера и Лоангва Марави. — Матумбока. — Подпиливаніе зубовъ и татуированіе. — Порохъ — источникъ силы для торговли невольниками. — Способъ нападенія охотниковъ за невольниками. — Муази въ Казунгу. — Причины наводненій. — Дожди. — Климатъ зависитъ отъ господствующихъ вѣтровъ. — Водоемы. — Географія туземцевъ. — Сравненіе Африки съ Индіей. — Ископаемыя. — Желѣзный вѣкъ. — Вдающаяся въ мелочи топографія. — Языкъ туземцевъ 213

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Поводы къ возвращенію. — Депеши отъ правительства ея величества. — Воръ. — Африканскія женщины рѣдко говорятъ съ чужеземцами. — Занятія женщинъ — Хлѣбныя мельницы. — Пивовареніе. — Попойки. 244

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Первобытно сдѣланныя запашки въ лѣсахъ. — Сходство охотниковъ съ древне-египетскими фигурами. — Муази. — Затрудненіе изъ-за проводниковъ. — Бабиза предпринимаютъ проводить насъ до селенія Чинзамба. — Головы бабиза и манганджа. — Различныя характеристическія черты. — Нарѣчія различны, но сродны. — Нкома. — Буа. — Насъ принимаютъ за мазиту и сообразно съ этимъ поступаютъ съ нами. — Упрямый старшина. — Хорошо дрессированный супругъ. — Подавляющая тишина покинутой страны. — Бангве. — Мы встрѣчаемъ мазиту. — Мы съ успѣхомъ показываемъ бодливые рога. — Захарія ускоряетъ свой шагъ. — Насъ считаютъ за отрядъ войска. — 8 октября мы достигаемъ Моламба на озерѣ Ніасса. — Неудовлетворенный проводникъ и его поведеніе. — Многоженство. — Лоапула и Танганіика. — Доказывается знаніе бабиза о внутреннихъ странахъ. — Ложная тревога отъ мазиту. — Господствующее направленіе

стр.

на востокъ. — Берегъ озера. — Бѣглецы и ихъ бѣдность. — Мазиту нападаютъ на табачныхъ торговцевъ. — Ружья противъ луковъ. — Мозано. — Селеніе Чинзамба. — Подробныя свѣдѣнія одного владѣльца. — Африканцы не такъ испорчены, какъ ихъ описываютъ. — Подарки. — Проводники. — Живой торгъ невольниками. — Печальныя мысли. — 15 октября, селеніе Катоза. — Его описаніе поведенія аджава. — Ихъ любовь къ краснымъ волосамъ. — Сахарный тростникъ, вѣроятно, туземный. — Бамбукъ. — Катоза одѣвается въ офицерское платье и эполеты. — Его настоящее селеніе и прежнее. — 20 октября мы входимъ въ селеніе Мотунда. — Скрытые запасы провизіи. — Кабамбе и Ніанго. — Долина Гоа или Гова. — Лезунгве. — Дружелюбіе туземныхъ женщинъ. — 31 октября мы достигаемъ Мукурумадзе. — Громъ и дождь. — Мокрое платье и лихорадка 251

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Утѣшительное довѣріе аджава. — Ежегодный отдыхъ тропическихъ деревъ. — Прибыль въ Шире незначительна. — Преемникъ епископа Макензи. — Несбывшіяся надежды. — Чѣмъ долженъ быть миссіонеръ. — Распущеніе миссіи не было нужно. — Счастливый успѣхъ миссій на западномъ берегу. — 19-го января, полноводье въ Шире. — Мы покидаемъ селеніе Чибиза. — Насъ задерживаютъ. — 2-го февраля достигаемъ Морамбала. — Испареніе воды. — Его вліяніе. — Мы беремъ на бортъ вдовъ и сиротъ. — Въ Замбези полноводье. — Острова на Замбези. — Образованіе дельты. — Смерть Маріано. — Весьма умѣренный вывозъ. — Насъ берутъ на буксиръ. — Сильная буря. — Поведеніе „Дамы озера“. — Быстрота и ловкость капитана Чэпмэна съ судна ея величества „Аріэль“. — Плотная упаковка живаго корабельнаго груза можетъ быть необходима. — „Піонеръ“ беретъ съ собою освобожденныхъ вдовъ и сиротъ вмѣстѣ съ г. Уэллеромъ на мысъ Доброй Надежды. — Кабосейра. — Г. Соаресъ. — Новый губернаторъ Мозамбика. — Новый видъ педали. — 16-го апрѣля достигаемъ мы Занзибара. — Гостепріимство иностранцевъ и нашихъ собственныхъ земляковъ. — 30-го апрѣля на „Леди Ніасса“ мы оставляемъ Занзибаръ и отправляемся въ Бомбай. — Африканскіе матросы. — Прибытіе въ Бомбай 276

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Сводъ результатовъ экспедиціи. — Открытіе гавани и проходъ по здоровой возвышенности. — Плодородіе почвы. — Индиго. — Хлопокъ. — Климатъ и почва какъ нельзя лучше годны для ихъ воздѣлыванія. — Большіе хлопковые кустарники внутренней страны. — Табакъ и клещевина вмѣстѣ съ сахарнымъ тростникомъ. — Кормовыя травы. — Непрерывныя жатвы. — Тучный рогатый скотъ. — Засухи. — Твердыя деревья обыкновенны. — Строевой лѣсъ рѣдокъ. — Сарсапариль. —

стр.

Корень калюмба. — Волокнистыя и дающія масло деревья и растенія.— Недостатокъ мужества описывать сдѣланныя въ Африкѣ открытія. — Мрачная тѣнь отъ торга невольниками. — Различные способы отправленія этого торга. — Прямое европейское посредничество въ торговлѣ. — Наполеонъ III. — „Система вербованія“. — Торгъ невольниками есть преграда для всякаго прогреса. — Его вліяніе на страну рабовладѣльцевъ. — Причины войны въ Америкѣ. —Одинаковое вліяніе столѣтняго варварства на африканскія и другія націи. — Физически разсматриваемый африканецъ; его веселый нравъ. — Годность къ рабству нельзя приписать климату.—Патріархальная форма правленія. — Застой африканцевъ происходитъ отъ той же причины, какъ и у другихъ націй. — Человѣкъ дѣйствуетъ безсознательно. — Онъ руководится мудростью, не ему принадлежащею. — Предоставлена ли однимъ христіанамъ получаемая отъ науки величайшая сила? — Воспріимчивость африканца къ христіанству. — Дружелюбіе— лучшая дорога къ сердцу. — Миссія въ Сіерра-Леоне. — Воскресенье въ Сіерра-Леоне.—Извѣстіе капитана Бёртона.— Статистика Сіерра-Леоне. — Необходимо продолжать политику лорда Пальмерстона. — Торговые отчеты. — Отчетъ полковника Орда. — Вліяніе поселеній. — Смертность на судахъ эскадры западнаго берега. — Леченіе лихорадки. — Миссіонерскія общества на западномъ берегу. — Наши американскіе собратія-миссіонеры. — Намекъ на рѣшеніе нашего вопроса о преступникахъ. — Взглядъ полковника Орда на поселенія . 294

2007098253